

9(c52)

и 920

А. И. ИШАНОВ

**Бухарская
Народная
Советская
Республика**

З43221

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»

ТАШКЕНТ — 1969

9(C52)
1197

Ответственный редактор
на общественных началах
академик АН УзССР
И. К. ДОДОНОВ

Ишанов А. И.

Бухарская народная Советская республика.
392 стр. Тираж 5000.
Библиогр. стр. 387—392.

Т., «Узбекистан», 1969.

9(C52)

1-6-4
1969

Введение

Бухарская Народная Советская Республика зародилась благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции, «открывшей эпоху всеобщего обновления мира — эпоху перехода от капитализма к социализму»¹.

Создание Бухарской Народной Советской Республики явилось торжеством ленинских идей о возможности установления Советской системы организации власти не только в передовых развитых промышленных странах, но и в отсталых, слаборазвитых, бывших национальных окраинах царской России, где основную массу населения составляли крестьяне, там, где предстояло прежде всего решить задачу не уничтожения капитализма, а ликвидации феодально-деспотического строя.

Бухарская Народная Советская Республика — первое в мировой истории народно-демократическое государство, превратившееся в социалистическую республику рабочих и крестьян, благодаря претворению в жизнь ленинской теории о возможности перехода к социализму отсталых стран, с помощью победившего пролетариата РСФСР, под руководством Коммунистической партии.

Обобщение опыта революционного перехода Бухары от феодализма к социализму, минуя капитализм, начало которого было положено установлением Народной

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС, Политиздат, М., 1967, стр. 3.

Советской Республики, имеет не только историко-познавательное, но и сугубо практическое, международное значение. Опыт Бухары показывает преимущества некапиталистического пути развития для отсталых восточных стран. За короткий промежуток времени, опираясь на повседневную помощь победившего пролетариата России, трудящиеся Бухары смогли покончить с отсталостью и нищетой, социальным и национальным гнетом, создать у себя национальную государственность, развить экономику и культуру.

Исторический опыт революционной Бухары, как первого в мире государства народной демократии, несомненно, вызывает интерес у наших зарубежных друзей, освободившихся от колониального ига и избравших для себя некапиталистический путь развития, по которому прошли народы Средней Азии, достигнув теперь вершин современного прогресса.

Опыт революционного преобразования социально-экономических и политических основ феодальной Бухары на основе установления и развития народной Советской власти является весьма поучительным для стран Востока, борющихся за свою национальную и государственную независимость, против империализма, наглядным примером ликвидации вековой отсталости и приобщения к мировому прогрессу.

Изучению перехода Бухарской Народной Советской Республики от демократического к социалистическому этапу развития, выявлению общих закономерностей и местных особенностей революционного преобразования социально-экономической и политической структуры общества посвящается предлагаемая вниманию читателей монография.

Методологической основой исследования послужили труды В. И. Ленина и резолюции съездов Коммунистической партии по национальному вопросу.

В трудах В. И. Ленина разработаны теоретические основы создания советской системы организации в отсталых странах, где господствовали докапиталистические отношения, подвергнуты анализу своеобразие условий, а также методы практического осуществления основных начал коммунистической теории и тактики, в тех странах, где основу населения составляют не рабочие, прошедшие школу промышленного капитализма, а

крестьянские массы, страдающие от феодально-крепостнических форм эксплуатации. По отношению к этим массам Коммунистическая партия осуществила мудрую ленинскую политику особых уступок, осторожности и более медленного перехода к социализму с тем, чтобы завоевать средние слои населения на сторону Советской власти.

В решениях X и XII съездов РКП (б), а также IV совещания ответственных работников национальных республик и областей, созданного Центральным Комитетом партии в июне 1923 г., с исчерпывающей полнотой характеризуется политика Советской власти по отношению к ранее угнетенным нациям и рекомендованы пути и методы ликвидации экономической и культурной отсталости поработанных царизмом бывших колониальных и зависимых народов.

Основным источником по изучению истории Бухарской революции являются документальные материалы, хранящиеся в партийных и советских архивах Ташкента и Москвы.

Проблема Бухарской революции по своему значению находилась в центре внимания Коммунистической партии, Советского правительства и лично В. И. Ленина — великого друга угнетенных народов Востока. Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина неоднократно обсуждало вопрос об оказании братской помощи трудовому народу Бухары в его борьбе с вековым гнетом деспотического строя эмирата. Так, например, в директивах Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1920 г. «По Бухарскому вопросу» особо подчеркивалась необходимость развития самой широкой и энергичной агитации среди местного населения, разъяснения подрывной деятельности эмира, английских агентов и русских белогвардейцев, направленной против Советской власти в России и Туркестане, с целью организации вооруженного нападения на Ташкент и Самарканд.

Политбюро ЦК РКП(б) рекомендовало бухарским коммунистам создать сильные революционные центры в Старой Бухаре, Кермине, Шахрисабзе и пограничных районах — в Кагане, Чарджоу, Самарканде и других с тем, чтобы нанести сокрушительный удар эмирату, опираясь на вооруженное восстание народных масс.

После победы революции вооруженная защита государственной независимости БНСР от посягательств империалистических государств и внутренней контрреволюции, а также организация широкой экономической и финансовой помощи в восстановлении и развитии народного хозяйства молодой республики, составляли постоянную заботу Коммунистической партии и Советского правительства.

1 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло известное постановление «О вхождении Бухарской Коммунистической партии в состав РКП», 18 мая 1922 г. — «По Туркестанско-Бухарским делам» и 3 июня 1923 г. — «По Бухарскому вопросу», сыгравшие исключительно важную роль в укреплении экономического и политического положения БНСР, а также дружеских отношений и братского сотрудничества между социалистической Россией и крестьянской Советской Республикой в Бухаре.

По решению Политбюро ЦК РКП(б) для оказания практической помощи бухарским коммунистам в укреплении народной Советской власти, в разное время в Бухару прибывали и плодотворно работали такие выдающиеся государственные деятели, как В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, А. А. Иоффе, А. Гусев, Я. Х. Петерс, Я. Э. Рудзутак, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Каменев, М. И. Калинин и другие. Материалы, характеризующие разностороннюю деятельность посланцев В. И. Ленина в Бухаре, обнаруженные в архиве Политбюро ЦК РКП(б), широко привлекаются в настоящем труде.

Ценным источником по изучению истории Бухарской революции послужили также документальные материалы архива внешней политики СССР, в частности фонды Наркоминдела РСФСР (затем СССР), наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина и полпредов РСФСР при правительстве БНСР, известных дипломатов К. К. Юреньева, И. С. Кожевникова, Д. А. Гопнера и других, в которых содержатся весьма ценные данные о социальном, политическом и экономическом положении БНСР за время с 1920 по 1924 гг. Эти материалы вводятся в научный оборот впервые.

Использованы также материалы архива Коминтерна, в частности, Совета интернациональной пропаганды на Востоке (преобразованного в октябре 1920 г. в Туркбюро Коминтерна), осуществлявшего руководство деятель-

ностью как коммунистических, так и революционно-демократических организаций, действовавших на территории Средней Азии. В фондах архива Коминтерна обнаружены подлинные материалы IV съезда БКП (август 1920 г.), а также протокольная запись о приеме БКП в состав Коминтерна в качестве сочувствующей организации. Среди документов архива Коминтерна имеются записки, составленные руководящими деятелями Совета интернациональной пропаганды на Востоке А. Машицким, Н. Тюракуловым в первые дни после свержения эмирской власти. Ценность названных записок в том, что в них делается попытка воссоздать историю создания Бухарской Коммунистической партии и партии «младобухарцев-революционеров» и объективно анализируется их деятельность в подготовке и проведении народной революции 1920 г. в Бухаре.

Долголетняя работа автора над изучением истории Бухарской Народной Советской Республики дала возможность собрать и проанализировать ценнейшие данные из Центрального партархива ИМЛ при ЦК КПСС, в особенности из фондов Турккомиссии ЦК РКП (б), ВЦИК СНК РСФСР (ф. 122), Туркбюро (ф. 61) и Средазбюро ЦК РКП(б) (ф. 62), дающих возможность изучить наиболее сложные проблемы истории Бухарской революции, а также определить значение государственной (военно-политической и финансово-экономической) помощи БНСР со стороны РСФСР в защите национальной независимости и государственного суверенитета.

Богатыми по своему содержанию являются также материалы партархива Института истории Компартии при ЦК КП Узбекистана, характеризующие деятельность Центрального Комитета Бухарской Коммунистической партии в период подготовки и проведения народной революции (ф. 275). На основе анализа данных этого фонда представляется возможным воссоздать картину возникновения Бухарской Коммунистической партии в 1918 г. и обрисовать ее деятельность по руководству народным движением в 1920 году.

Материалы фонда № 14 партархива Института истории Компартии при ЦК КП Узбекистана дают возможность проанализировать многогранную деятельность Бухарской Коммунистической партии со времени победы Народной Революции 1920 г. до проведения национально-

государственного размежевания Средней Азии и образования Узбекской ССР (1924 г), раскрыть организующую роль партии по укреплению Советов и других общественных организаций трудящихся (профсоюзы, Союз дехкан, кооперация и пр.), развитию экономики и культуры, а также ликвидации басмаческой националистической контрреволюции в Бухаре.

Наряду с материалами партийных архивов в монографии привлечены интересные данные из архивов Ревкома (ф. 46), Центрального Исполнительного Комитета (ф. 47), Совета Народных Назиров (ф. 48), Госплана (ф. 49), Экономического Совета (ф. 50), Назирата Юстиции (ф. 64) и других государственных органов Бухарской Народной Советской Республики, хранящихся в Центральном Государственном архиве (ЦГА) УзССР.

Материалы советских архивов послужили основой при написании разделов монографии, посвященных организации и деятельности органов государственной власти и управления БНСР, а также при освещении проблем хозяйственного и культурного строительства в республике.

Наряду с архивными материалами монография базируется также на весьма ценных данных, извлеченных из периодической печати, в частности из газет «Бухоро Ахбори», «Известия БухЦИКа», «Озод Бухоро», «Известия ТуркЦИКа» и других. В периодической печати широко освещались материалы съездов БКП и пленумов ЦК БКП, съездов Советов и сессий ЦИКа БНСР, постановления и распоряжения революционного народного правительства и другие официальные данные, имеющие важное значение в освещении важнейших проблем истории Бухарской революции, организации Бухарской Коммунистической партии и ее роли в свержении эмирата, создании и укреплении первой в мировой истории «Крестьянско-Советской республики»¹, которая благодаря могучей поддержке РСФСР и СССР за четыре года смогла пройти революционно-демократический этап развития и в 1924 г. вступить на путь социализма.

Из краткого перечня использованных архивных материалов явствует, что монография базируется на широкой документальной основе. Наряду с первоисточниками критическому анализу подвергнуты также и существую-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 137.

щая литература по истории Бухарской революции и БНСР.

Бухарская Народная революция 1920 г., первая революция на Востоке после Великого Октября — одна из ярчайших страниц в истории Советской Средней Азии. Именно этим и следует объяснить тот значительный интерес к ней со стороны советских ученых.

Естественно, что с самого начала изучения данной проблемы исследователей привлекли такие кардинальные вопросы, как предпосылки, характер и движущие силы революции, классовая природа государства, возникшего в Бухаре после свержения эмирской власти. Здесь следует в первую очередь отметить статьи политика агитационного поезда «Красный Восток» В. Юдовского «Бухарская революция и ее задачи»¹ и секретаря постоянного представительства РСФСР при правительстве БНСР Л. С. Соловейчика «Революционная Бухара»², написанные очевидцами и активными участниками Бухарской революции. Названные статьи не только содержат ценный фактический материал, в них делается первая попытка дать анализ классовой сущности и задач революции 1920 г., как революции, преследовавшей цель осуществления аграрной и налоговой реформ, и крестьянской по своему содержанию.

В изучении истории Бухарской революции особое место занимают труды С. Айни, и до сих пор не потерявшие ценность по богатству фактического материала. Среди литературного наследия основоположника таджикской советской литературы, выдающегося ученого-историка Средней Азии Садриддина Айни, особое значение приобретают выпущенные Издательством народов Востока в 1926 г. воспоминания автора о Бухарской революции,³ написанные в декабре 1920 г.

«Материалы по истории Бухарской революции» тогда же были переведены на русский язык А. Самойловичем. Краткое содержание «Материалов» переводчик

¹ В. Юдовский, Бухарская революция и ее задачи, см. Три года Советской власти (Сборник к 3-й годовщине Октябрьской революции в Туркестане), Ташкент, походная типография Путурка, 1920.

² Новый Восток, кн. II, М., 1922.

³ С. Айни, Материалы по истории Бухарской революции, М., 1926 (на узбекском языке).

опубликовал в журнале «Восток», в статье под названием «Первое тайное общество младобухарцев»¹. Статья А. Самойловича, так же как и работа С. Айни, характерна тем, что в ней правдиво описывается история возникновения демократического движения в Бухарском эмирате в начале XX в., преследовавшего первоначально культурно-просветительные цели.

Перу С. Айни принадлежит также ряд работ по истории дореволюционной Бухары и им же созданы классические произведения на исторические темы, такие как роман «Дохунда»², посвященный Бухарской революции. В главах этого замечательного произведения — «Хуррият» (Свобода), «Последние дни», «Революция и свобода», С. Айни высказывает свое отношение к джадидизму вообще, к младобухарскому движению в частности, а также к партии бухарских коммунистов.

Следует заметить, что в 1920 г., когда С. Айни написал свою первую работу на историческую тему, повествующую о развитии демократического движения в Бухаре, он стоял на позиции защиты бухарского джадидизма. Джадидизм трактовался С. Айни как революционное движение³. Автор не замечал ограниченности джадидов, выдвигавших лишь реформаторские требования и оторванности джадидов от народа. Буржуазно-националистический характер джадидизма, опиравшийся на идеологию панисламизма и пантюркизма, не критиковался С. Айни.

В 30-х годах произошло коренное изменение во взглядах С. Айни на джадидизм. В романе «Дохунда», опубликованном в 1930 г., С. Айни по-иному оценивает социальное содержание джадидизма. Свое отношение к джадидизму он передает устами организатора подпольной коммунистической ячейки в Бухаре, пламенного революционера-коммуниста Абдуллы Ходжа Тураева, казненного эмирскими палачами за день перед бегством эмира Алим-хана, 1 сентября 1920 г.

Характеризуя классовую природу джадидизма, как движение национальной буржуазии, направленное лишь

¹ «Восток», кн. I, Петербург, 1922.

² С. Айни, Асарлар (Собрание сочинений), т. II, Гослитиздат УзССР, Ташкент, 1964.

³ С. Айни, Материалы по истории Бухарской революции, М., 1926, стр. 253 — 256.

на «усовершенствование» (реформ) эмирского строя, настоящими революционерами, борющимися против эмирской власти, С. Айни называет Бухарскую Коммунистическую партию, возникшую в Ташкенте в 1918 г. и работавшую под руководством РКП(б).

Романы С. Айни «Дохунда», «Рабы» и другие, «Воспоминания» (Еддоштохо), в четырех частях, изданные Таджикским Государственным издательством в 1955 г. (переведены на русский язык в 1960 г.)¹, являются незаменимым материалом для изучения социально-экономической структуры и политической истории бухарского ханства в начале XX в. В названных произведениях С. Айни, как очевидец, рассказывает о борьбе трудящихся масс узбеков, таджиков, туркмен и других народов за власть Советов в Бухаре против сил феодально-клерикальной реакции, об усилении этой борьбы под влиянием освободительных идей Великого Октября.

Большой интерес представляют также труды Файзуллы Ходжаева, изданные в 1926 г. на узбекском и русском языках².

Автор сделал попытку научно осветить предпосылку Бухарской революции 1920 г. Ф. Ходжаев оценивал младобухарское движение как «левое» течение в джадидизме, окончательно вставшее на путь насильственного низвержения эмирского строя, собирающее вокруг себя прогрессивных представителей национальной буржуазии и демократической интеллигенции. Как признал сам автор³, в названной работе он допустил ряд существенных ошибок, своевременно подвергнутых критике в партийной печати. Особого внимания заслуживает резолюция IX съезда Компартии Узбекистана, справедливо указавшая, что «джадида» по своей классовой сущности, по своей природе, будучи партией национальной буржуазии «никак не могли быть предшественниками Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана»⁴.

¹ С. Айни, Воспоминания. Перевод с таджикского Анны Розенфельд, Издательство АН СССР, М. Л., 1960.

² Файзулла Ходжаев, Бухоро инкилобининг тарихига материаллар (К истории революции в Бухаре), Узгиз, Самарканд-Ташкент, 1926.

³ «Правда Востока», 25 ноября 1927 г. и 29 января 1932 г.

⁴ IX съезд Компартии Узбекистана, Ташкент, 1940, стр. 76.

Во втором издании своей работы¹ Ф. Ходжаев исправил ранее допущенные ошибки в оценке роли джадидизма в Бухарской революции, обогатил книгу новым разделом, посвященным истории установления и упрочения Народной Советской власти в Бухаре в 1920—1924 гг.

В связи с десятилетием Бухарской революции Узбекское Государственное издательство выпустило воспоминания участников Бухарской и Хорезмской революций. В сборник воспоминаний вошла статья А. Акчурина² «Воспоминания о двадцатом годе в Хиве и Бухаре»³.

Данные, приведенные автором относительно IV съезда БКП, вполне достоверны, а приложенный к статье дневник (с 23 августа по 3 сентября 1920 г.) является весьма ценным материалом к истории Бухарской революции. Однако, статья содержит ряд существенных недостатков. Так, например, организацию БКП А. Акчурин относит к апрелю 1918 г., а созыв I съезда — к июню 1918 г. На самом деле БКП, как об этом свидетельству-

¹ Файзулла Ходжаев, К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии, УзГИЗ, Ташкент, 1933 (на русском и узбекском языках).

² Алимджан Акчурин принимал активное участие в революционных событиях в Бухаре, начиная с августа 1920 г. На IV съезде Бухарской Коммунистической партии он от имени ЦК БКП выступил с докладом «Об отношениях БКП к другим революционным партиям» и был избран членом ЦК БКП. На I (V) съезде Бухарской Коммунистической партии А. Акчурин вместе с бывшим председателем ЦК БКП Наджибом Хусайновым возглавлял группу «левых» коммунистов и после их поражения на съезде, организовал отдельно от ЦК БКП нелегальный комитет и ревкомы в Кагане, Чарджоу, Термезе и Керках с целью захвата власти, опираясь на войсковые части, расположенные в пограничных русских городах. «Левые» коммунисты настаивали на осуществлении «Бухарского Октября». Экономические, политические условия Бухары, как страны отсталой, феодальной, почти с полным отсутствием промышленного пролетариата требовали от Коммунистической партии более медленного, более осторожного, более систематического перехода к социализму и проявления большей мягкости, осторожности и уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции, особенно крестьянству. Исходя из этого и в соответствии с историческим решением ЦК РКП(б) от 18 мая 1922 г. «О туркестанско-бухарских делах», партия «левых» коммунистов в Бухаре была распущена. Алимджан Акчурин своевременно осознал допущенную им ошибку и был оставлен в рядах БКП, занимал различные должности в Бухарской Народной Советской республике.

³ Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революций. Узбекское государственное издательство, Ташкент, 1930.

ют архивные материалы, организована 25 сентября 1918 г., а I съезд БКП был созван в мае-июне 1919 г.

Такого же рода неточности допущены и в отношении II и III съездов БКП¹. В статье несколько преувеличивается роль автора в революционном движении в Бухаре, на что в свое время обратил внимание Н. Хусаинов в своих воспоминаниях, посвященных истории Бухарской Коммунистической партии².

Несмотря на отмеченные недостатки статья А. Акчурина, как первая попытка научно осветить историю Бухарской Коммунистической партии заслуживает в целом положительной оценки.

Институтом истории Компартии при ЦК КПУз был подготовлен к изданию русский текст воспоминаний бывшего председателя ЦК БКП Наджиба Хусаинова — «Компартия Бухары на пути к победе Народной революции». «Воспоминания» Н. Хусаинова, написанные в 30-х годах одним из активных участников Бухарской революции, содержат весьма ценные материалы, характеризующие сложную обстановку, в которой зародилась и развернула свою деятельность Бухарская Коммунистическая партия, ведя ожесточенную борьбу со всеми ее идейными противниками. На основе изучения рукописного текста воспоминаний Н. Хусаинова и других опубликованных материалов, в частности названной статьи А. Акчурина, написан ряд работ, в которых делается попытка марксистского освещения истории возникновения Бухарской Коммунистической партии³.

Как справедливо отмечается в литературе, для большинства работ, опубликованных в 20—30 годы, характерны известная ограниченность фактической базы, слабый теоретический анализ, вследствие чего джаиды нередко показывались как единственная политическая сила, борющаяся против деспотизма, и это обстоятельство,

¹ Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революций. Узбекское государственное издательство, Ташкент, 1930.

² *Наджиб Хусаинов* «Воспоминания о деятельности бухарских коммунистов (большевиков) в период подпольной работы». См. рукописный фонд Института истории Компартии при ЦК КП Уз, инв. № 868, стр. 19.

³ См. А. К. Афанасьев, К вопросу об образовании Бухарской Коммунистической партии. См. Труды Ташкентского института ирригации и механизации сельского хозяйства, вып. XXI, Ташкент, 1962.

естественно, приводило к умалению организующей и направляющей роли Бухарской Коммунистической партии в осуществлении народной революции 1920 г. Отмеченные недостатки были в значительной степени устранены в исследованиях, опубликованных в 50-х годах¹, которые однако не были свободны от присущих для того периода недостатков. В них не получили глубокого анализа характер и движущие силы революции и сущность государственной власти, установленной в Бухаре после свержения эмирата.

В своих исследованиях, посвященных истории Бухарской революции, Я. Шарапов², так же как и автор данных строк, ограничился определением содержания революции как народной, советской, не раскрыв демократического характера революции на первом этапе ее развития (1920—1923 гг.) и мирного перерастания ее в социалистическую, благодаря огромной военно-политической и хозяйственно-финансовой помощи, оказанной РСФСР и СССР и ускорившей процессы внутреннего социально-экономического развития, способствующего установлению диктатуры пролетариата, на основе провозглашения Бухары социалистической республикой рабочих и крестьян (сентябрь 1924 г.).

В новых исследованиях советских авторов³ Бухарская революция характеризуется как общенациональная, народно-демократическая по своему социальному содержанию. Ее особенность состояла в том, что она на первом этапе развития привела к установлению не буржуазной республики обычного типа, а республики Советов, в стране отсталой, крестьянской, какой была дореволюцион-

¹ А. И. Ишанов, Создание Бухарской Народной Советской Республики, изд. АН УзССР, Ташкент, 1955; Я. Шарапов. К истории развития Бухарской Народной Советской республики, см. Материалы к истории таджикского народа в советский период (Сборник статей), Таджикгосиздат, 1954.

² Я. Шарапов, Революция 1920 г. в Бухаре и ее характер. Ученые записки Таджикского госуниверситета, т. XIII, серия гуманитарных наук, 1956.

³ А. Ишанов, Победа Народной Советской революции в Бухаре, изд. АН УзССР, Ташкент, 1957; он же, Народная Советская Республика — переходная форма к социалистической государственности. Общественные науки в Узбекистане, № 2, 1965; А. А. Гордиенко, Создание Народного Советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре, изд. САГУ, Ташкент, 1959 и др.

ная Бухара. Социальное содержание Народной Советской Республики определялось тем, что с победой революции в Бухаре крестьянство стало господствующим классом, и осуществляло свою власть посредством «Народных Советов», составляющих государственную форму революционно-демократической диктатуры народа. От демократической диктатуры революционного народа Бухара совершила переход к диктатуре пролетариата, тем доказав практически возможность перехода отсталых стран к социализму, минуя капитализм, используя Советы как орудие для революционного преобразования общества.

Наряду с изучением истории Бухарской революции внимание исследователей было обращено на освещение героической борьбы Красной Армии, защитницы национальной независимости и государственного суверенитета БНСР. Среди многочисленных работ по истории гражданской войны в Средней Азии нам представляется целесообразным остановиться на трех работах, специально посвященных разгрому контрреволюционного басмачества в Восточной Бухаре: первая принадлежит перу активного участника гражданской войны в Средней Азии, члена Реввоенсовета Туркфронта Н. Березина¹, а вторая — плод кропотливого научного исследования таджикского историка М. Иркаева². К первой группе работ относятся также военные мемуары героя гражданской войны в Средней Азии, комбрига Я. А. Мелькумова³, активного участника боевых операций по разгрому банды Энвер-паши.

В названных работах основное внимание уделяется раскрытию реакционной сущности басмаческой националистической контрреволюции в Бухаре, во главе которой стояли наемные империализма — Энвер-паша, Салим-паша, Ибрагим-бек. В них на ярких примерах показывается освободительная миссия Красной Армии, бескорыстная помощь правительства РСФСР и СССР, стойко отстаивавших перед лицом мирового империализма независимое существование БНСР, как суверенного государства.

¹ Н. Березин, Басмачество в Бухаре, Военный работник Туркестана. № 7, 1922.

² М. Иркаев, История гражданской войны в Таджикистане, Душанбе, 1963.

³ Я. А. Мелькумов, Туркестанцы, Воениздат, М., 1960.

Проблема национально-государственного размежевания республик Средней Азии в литературе разработана сравнительно широко¹, и в этой работе нет необходимости специально останавливаться на ней, тем более, что история Бухарской Народной Советской Республики завершается в 1924 г. добровольным вхождением народов, населявших ее, в состав вновь образованных Советских социалистических республик: Узбекской и Туркменской.

* * *

В предлагаемой вниманию читателей книге делается попытка по-новому осветить ряд кардинальных проблем истории революции и народной власти в Бухаре. Она состоит из пяти глав, посвященных анализу социально-политической структуры дореволюционной Бухары (глава I), победе Народной революции и созданию Бухарской Народной Советской Республики (глава II), осуществлению революционно-демократических преобразований на первом этапе развития революции (глава III), а также показу роли Коммунистической партии в борьбе за упрочение Народной Советской власти в годы гражданской войны (глава IV) и социалистических преобразований в БНСР, приведших к установлению диктатуры пролетариата в Бухаре в сентябре 1924 г. (глава V).

Было бы, по меньшей мере, нескромностью с нашей стороны, считать уже полностью или почти полностью исследованной историю Бухарской революции. Тема, избранная нами, безусловно интересная и, вместе с тем, весьма сложная. Она приобретает особую актуальность в наши дни, в связи с развитием национально-освободительного движения на Востоке. При богатстве фактического материала, отдельные аспекты многогранной проблемы, связанные с историей Бухарской революции, созданием и упрочением Народной Советской Республики, несомненно, получают дальнейшее углубленное освещение. Автор хотел бы надеяться, что и в данном виде предлагаемый труд будет небесполезным для широкого круга читателей.

¹ См. История Советского государства и права Узбекистана, ч. I, изд. АН УзССР, Ташкент, 1960.

243221

Бухара

Дореволюционная

БУХАРСКОЕ ХАНСТВО — ВАССАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВО НА ФЕОДАЛЬНОЙ ОС-
НОВЕ

●
АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ
ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕ-
СКИХ ОТНОШЕНИЙ В БУХАРСКОЕ
ХАНСТВО В НАЧАЛЕ XX в.

●
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКО-
ГО ДВИЖЕНИЯ

●
ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРА-
ТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОС-
СИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В
БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

БУХАРСКОЕ ХАНСТВО — ВАССАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НА ФЕОДАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Протекторат царской России над Бухарским ханством был установлен во второй половине XIX в. В результате присоединения Средней Азии Бухарское ханство (как и Хивинское), хотя продолжало существовать как вассальное государство, фактически мало чем отличалось от Туркестана — царской колонии «чистейшего типа»¹.

Полувековое господство царизма в Бухарском ханстве имеет свою историю и делится на два периода. Первый период охватывает вторую половину XIX в. и характеризуется быстрым развитием фабрично-заводской промышленности, усилением захватнической политики царизма и российской буржуазии, стремившихся расширить свои владения за счет соседних, экономически слабых восточных государств, могущих служить источником сырья и рынком сбыта для промышленности России. Эти свои стремления царизм и русская буржуазия осуществляли путем установления протектората, а на самом деле создания зависимых вассальных государств, подобно Бухарскому ханству.

Во второй период своего развития Россия вступила на путь монополистического капитализма, который характеризовался усилением национально-колониального гнета, когда царизм побил «... всемирный рекорд угнетения наций на основе империализма, гораздо более грубого,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 274.

средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического»¹.

Для выяснения сущности национально-колониальной политики царизма в Бухаре, остановимся на взаимоотношениях России с эмиратом во второй половине XIX и начале XX вв.

Колониальную политику царизма в Средней Азии осуществляло Туркестанское генерал-губернаторство, образованное в 1867 г. с центром в Ташкенте. Начальник края — генерал-губернатор был наделен чрезвычайными полномочиями. Ему было предоставлено право объявления войны и заключения мира с Кокандским и Хивинским ханами и Бухарским эмиром.

Осуществляя захватнические цели царизма, русские войска вторглись в пределы Бухарского ханства и 2 мая 1868 г. заняли Самарканд, а через два месяца, 2 июля 1868 г., на Зерабулакских высотах разгромили бухарскую армию, принудив эмира Музафара к капитуляции. 11 июля 1868 г. в Самарканде был заключен мир между царской Россией и Бухарским ханством. Эмир согласился уплатить контрибуцию в сумме 500 тысяч рублей (125 тысяч тиллей) и уступить России города Джизак, Самарканд, Каттакурган до Зерабулака, то есть плодородную долину Зарафшана.

Юридическим актом, устанавливающим власть русского царизма над Бухарским ханством явился так называемый договор «О дружбе», заключенный между эмиром и генерал-губернатором 28 сентября 1873 г. в Шааре. Статья 5 договора гласила: «Все города и селения Бухарского ханства открыты для русской торговли, русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность русских караванов внутри бухарских владений отвечает бухарское правительство».

Российским промышленникам разрешалось свободно заниматься в бухарских городах и селах разными промыслами, открывать заводы и фабрики; им предоставлялось право приобретать недвижимое имущество, обрабатывать земли, уплачивая херадж в размере $\frac{1}{10}$ доли урожая, наравне с мусульманами².

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 58.

² См. С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, СПб, 1915, Приложение № 3.

Установление царской власти над Бухарским ханством хотя и не ликвидировало эмират и его государственную систему, но внесло существенные изменения во внутреннюю жизнь страны и власть эмира. Бухарское ханство фактически прекратило свое независимое существование,—оно превратилось в вассальное от царской России государство, сохранив по-прежнему феодальную основу. Эмир лишился прежней самостоятельности не только во внешних сношениях, но и во внутреннем управлении. Он был во всех отношениях зависим от представителя императорской власти в Средней Азии — Туркестанского генерал-губернатора¹.

«Записка о политическом и экономическом положении Бухарского ханства», составленная Российским политическим агентом в Бухаре П. М. Лессаром в 1890 г., помогает нам раскрыть характер национально-колониальной политики царизма в Бухаре. «Система, принятая нами в по отношению к ханству,— писал он,— заключается в полном невмешательстве в его внутренние дела. Мы заботимся исключительно об обеспечении за собою бухарского рынка и политических и стратегических задач на случай осложнения в Средней Азии; эмир же и его сановники делают с народом, что им угодно. Таким образом, не затрачивая никаких средств или трудов, мы получаем от Бухары все, что нам нужно. Конечно, если бы такая система была возможной продолжительное время в целом или хотя частями, то держаться ею было бы весьма выгодно»².

Российское императорское политическое агентство было учреждено в Бухаре в 1886 г. Оно осуществляло непосредственный контроль над деятельностью эмира и его правительства. В обязанность агентства входили также организация управления русскими поселениями в пределах ханства, забота об охране метропольных прав русской торгово-промышленной буржуазии в Бухаре.

Русские поселения возникли после установления протектората России над Бухарским ханством, в 80-х годах прошлого столетия. Проведение Закаспийской железной дороги по территории эмирата, размещение русских гарнизонов, пограничных войск, возрастание экономического

¹ Туркестанский сборник, т. 494, стр. 84.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 20, л. 149.

могущества царской России, усиленное развитие русско-бухарской торговли способствовали увеличению числа населения в русских поселениях. Накануне Октябрьской революции в них проживало 60 тысяч жителей¹.

Наиболее крупными поселениями городского типа были: Новая Бухара (12 тыс. жителей), Чарджуй (14 тыс.), Керки (8 тыс.), Термез и Сарай (по 6 тыс.). Русские поселения Керки, Термез и Сарай имели значение стратегических пунктов, и там были расположены пограничные войска.

Русское население проживало также вблизи железнодорожных станций — в Фарабе, Кзыл-Тепе, Зиатдине, Зерабулаке и других. В Старой Бухаре было 6 тысяч русских, в Кермине — 1500, в Карши — 800 человек. Русские жили и в поселениях, отведенных концессионным обществам — «Айвадж» и «Ширабад».

Российский политический агент пользовался административной властью по отношению к русским подданным, проживавшим в Бухарском ханстве, и управлял городом Новая Бухара, населенным русскими.

Первостепенное значение в деятельности политического агентства занимали сношения с правительством эмира по вопросам урегулирования развивающейся экономической связи России с Бухарой. Учитывая перегруженность политического агента делами дипломатического характера, его административные функции были переданы в Керках коменданту, в Ново-Чарджуе — воинскому начальнику города. В Новой Бухаре была учреждена должность начальника города, которому вменялось в обязанность также управление русскими подданными, проживавшими в Старой Бухаре, и по линии железной дороги, между станциями Фараб и Катта-Курган.

Комендант Керки, воинский начальник Чарджуя и начальник Новой Бухары были уравнены в правах с уездным предводителем Туркестанского края. Российский политический агент в Бухаре — в правах с военными губернаторами в отношении русских административных учреждений и подданных, проживавшим в Бухарском ханстве. Вот почему Совещание по бухарскому вопросу, проведенное в Ташкенте в 1909 г., приняло решение:

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 625, л. 4.

«Бухара, отказавшаяся от внешней политики, не представляет теперь никакого поприща для чисто посольской деятельности и наш политический агент должен быть одновременно и русским резидентом, контролирующим деятельность бухарского правительства и управляющим русскими селениями, как это предполагалось при учреждении политического агентства»¹.

Согласно закону от 9 мая 1889 г. была введена русская юрисдикция в пределах Бухарского ханства. Русские подданные, независимо от религии и народности, по всем уголовным и гражданским делам, а также и бухарские подданные, являющиеся ответчиками или обвиняемыми, в отношении разбора судебных дел, возникающих между ними и русскими подданными, были изъяты из ведения казийских судов и российского политического агента и подчинены мировому судье города Новой Бухары и Самаркандского окружного суда по принадлежности².

Несмотря на колониальный характер протектората царской России над Бухарским ханством, включение Средней Азии в состав цивилизованного государства³, как справедливо заметил в свое время Ахмад Дониш, явилось историческим прогрессом, оно стимулировало проникновение в Бухару, в страну крайне отсталую, с средневековым укладом жизни, более передовой культуры и формы экономических отношений. Благодаря присоединению Средней Азии к России, народные массы избавились от ужасов и мук, приносимых междоусобными войнами, веками разоряющими страну, отчего население «не знало покоя, они видели лишь горе и несчастья»⁴.

В результате присоединения Средней Азии к России народы, населявшие ее земли, были избавлены не только от вторжений со стороны соседних государств — Ирана, Афганистана, Турции, но и от угрозы порабощения английским империализмом — заклятым врагом народов Востока.

Установление протектората царской России над Бухарским ханством, однако, не привело, как этого ожидал

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 251, л. 65—74.

² Там же. д. 75, л. 23—24.

³ Ахмад Дониш, Путешествие из Бухары в Петербург, Таджик-госиздат, 1960, стр. 77.

⁴ Там же.

Ахмад Дониш — «к избавлению от правителей, подобных животному, которые величали себя эмирами и визирами, могли своевольно вытворять с населением, что хотят»¹. Произволу и насилию эмира и его беков не был положен конец. Это и понятно. Царизм по своей природе был государством деспотическим, основанным на безжалостной эксплуатации трудящихся масс, несправии и угнетении всех национальностей, населяющих Россию.

Объективными последствиями протектората царской России над Бухарским ханством явилось то обстоятельство, что народы, его населяющие, как и все народы Средней Азии, благодаря присоединению края, были не только вовлечены в общее русло капиталистического развития, но и приобщены к общедемократическому, социалистическому движению русского пролетариата. Из России проник в Среднюю Азию марксизм-ленинизм — самая передовая революционная теория в мире. С присоединением к России народы Средней Азии связали свою судьбу с самой демократической, самой революционной нацией в мире — с великим русским народом, с его пролетариатом, который возглавил борьбу народов России за их социальное и национальное освобождение, представляя собой «передовой отряд революционного движения в Европе»².

Присоединение Средней Азии к России, стоявшей на более высокой ступени общественного развития и означало приобщение Средней Азии к мировому экономическому развитию.

Развитие капитализма в Бухарском ханстве происходило медленнее, чем в Туркестане, чему во многом способствовало сохранение феодально-деспотического строя эмирата.

Бухарское ханство охватило обширную территорию и включало часть земель современных республик Средней Азии: Узбекской ССР (Бухарская, Кашкадарьинская и Сурхандарьинская области), Таджикской ССР (Восточно-Бухарская область) и Туркменской ССР (Чарджоуская область).

¹ Ахмад Дониш, Путешествие из Бухары в Петербург, Таджикгосиздат, 1960, стр. 75.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 305.

Точных данных о количестве населения Бухарского ханства не сохранилось и оно определяется по-разному, колеблясь от 2,5¹ до трех миллионов человек².

В трудах А. А. Семенова — крупного знатока истории народов Средней Азии в дореволюционную эпоху, содержатся весьма ценные наблюдения о социально-экономической структуре Бухарского ханства конца XIX — начала XX вв. Заслуживает быть особо отмеченной последняя работа автора, опубликованная в «Воспоминаниях» С. Айни, в качестве приложения. А. А. Семенов, на основании имеющихся в его распоряжении материалов, население эмирата определял в 2,5 миллиона человек, состоящих из крестьян (дехкан), кочевников-скотоводов (сахронишин, чарводор), горожан (шахарнишин, хисори), которые в свою очередь подразделялись на ремесленников (косиб), купцов (таджор) и служилых людей (сипои). Особое место в социальной структуре эмирата занимало мусульманское духовенство (улемо, муллы, ишаны и пр.), объединенные в крепко сплоченное и привилегированное сословие феодального общества³.

Весьма интересные данные о национальном и классовом составе, административном устройстве и аппарате управления, формах земельной собственности и патриархально-феодальных отношениях в Бухарском ханстве позднейшего времени содержатся также в трудах Н. А. Кислякова, который определяет количество населения эмирата в два миллиона человек, состоящих из оседлых (65%), полукочевых (15%) и кочевых (20%) жителей. Из этого количества 300 тысяч жили в Зарафшанской, 500 тысяч в Кашкадарьинской, 200 тысяч в Сурхандарьинской, 500 тысяч в Приамударьинской долинах и более 500 тысяч в Восточной Бухаре⁴. Нам представляется, что количество населения Бухарского ханства, приведенное в работах Н. А. Кислякова, является преуменьшенным. Более достоверными следует признать данные, приведенные А. А. Семеновым.

¹ Н. Ханыхов, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 77.

² А. Галкин, Краткий очерк Бухарского ханства, Военный сборник, 1890, № 11, стр. 191.

³ А. А. Семенов, К прошлому Бухары, См. «Воспоминания» С. Айни, изд. АН СССР, М.-Л., 1960, стр. 982.

⁴ Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX вв. Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 20.

На территории эмирата проживали: узбеки (50,7%), таджики (31,8%), туркмены (10%), каракалпаки, казахи, арабы, иранцы и другие (7,5%).

Основную массу населения ханства составляли земледельцы (дехкане), скотоводы (чарводоры) и городские ремесленники (косибы); они подвергались безжалостной эксплуатации со стороны феодальных деспотов — эмиров и беков, поместного дворянства — сипаев, торгово-ростовщических элементов города и деревни — баев и реакционного мусульманского духовенства — мулл.

Бухара была страной, которая веками упорно сохраняла нерушимость феодального строя общества, в то время, когда все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность, создали крупные промышленные города, развивали науку и технику, демократизировали свой общественный и государственный строй. Царизм намеренно культивировал господство феодально-патриархальных отношений в Бухарском ханстве, которое подобно другим колониям и полуколониям царизма, представляло собою богатейшее разнообразие отсталых в культурном отношении народов, не вышедших еще из средневековья, являясь по-прежнему аграрной страной с господством докапиталистических форм хозяйства.

В Бухарском ханстве, как и во всех феодальных государствах, земельная собственность служила основой экономического и политического господства крупных землевладельцев и источником эксплуатации крестьянского населения.

Право земельной собственности в Бухарском ханстве было определено шариатом, который формально отрицая, фактически допускал пользование и владение землей на правах частной собственности. По шариату земля считалась собственностью бога, а право распоряжаться ею принадлежало наместнику его на земле халифу-государю. «Государство здесь,— писал Маркс,— верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение землей»¹.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 267.

Со времени арабского завоевания и введения в действие законов шариата, земледельческое и кочевое население Средней Азии, покоренное арабами силою оружия, утратило прежнее право собственности, и их земля, бывшая до того частновладельческой (мульк), была провозглашена принадлежностью бога и его наместника — государя. Вследствие этого, за местными жителями было сохранено лишь только право пользования недвижимостью с обязательством уплаты в пользу государства налога — ренты, в виде ежегодной поземельной подати (хераджа).

К. Маркс, говоря о специфических формах земельной ренты на Востоке, писал: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (крестьянским массам — А. И.), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»¹.

Глава государства — эмир, будучи верховным распорядителем всего богатства страны, мог продавать земли подданным своим на правах собственности. В таких случаях земля государственная (амлак) превращалась в частновладельческую (мульк). А если лицо, купившее землю, уступало $\frac{2}{3}$ части последней в пользу государства, то остальная $\frac{1}{3}$ часть, приобретенная им путем покупки, освобождалась от всех видов податей и повинностей и превращалась в «обеленную» (мульки-хур-холис).

Право собственности на землю возникало также путем освоения так называемых пустопорожных и никому не принадлежавших земель с разрешения главы государства с обязательной уплатой в пользу казны поземельного налога — хераджа. Вследствие этого «мертвая земля» (мават), по возделывании ее переходила в частное пользование, превращаясь в хераджную. В такой же мере глава государства — эмир мог свободно распоряжаться амлаковой землей и отдавать ее в виде поместья (танхо) служилым людям (сипаям) за службу и под условием службы с обязательством выставять во время походов

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 236.

одного всадника с каждого танапа (танап — $\frac{1}{6}$ десятины) орошаемой земли¹.

На основе всех этих законов шариата возникло несколько видов земельной собственности, указывающих на различное право их владельцев. Учитывая сложность земельных отношений и запутанность права землевладельцев, Российское политическое агентство официально запросило бухарское правительство: «Какой традиционный порядок установлен на основании шариата относительно купли и продажи земель, находящихся на территории, подведомственной правительству благородной Бухары. Продажа земель производится или общиной или может продавать только единоличный человек?»².

Ответ от бухарского правительства на запрос политического агентства поступил незамедлительно. Ввиду крайней важности, приведем текст этого документа полностью: «По шариату и установившемуся порядку, — сообщил Куш-беги в ответном письме от 6 октября 1912 г., — каждый участок землевладелец, имеющийся налицо, продает ее. Порядок этой продажи таков: владелец ее, явившись к казию, в присутствии его учиняет признание (изъявляет согласие), или продает ее доверенное лицо, при наличии доверенности. При этом совершается «васика» (купчая), казий же закрепляет ее приложением печати. Амины (волостные правители) и аксакалы (сельские старосты), присутствовавшие на этом заседании, заносятся в эту «васику», как присутствовавшие. Хотя бы амины и аксакалы не оказались в присутствии, все же казий, при наличии признания (согласия) владельца, совершает «васику». На территории благородной Бухары земли делятся на четыре разряда: мульки-хур-хосил (чистая свободная собственность), мульки-херадж (податное владение), амлак (государственная земля) и вакуфное (пожертвованное) имение. Мульки-хур-хосил представляет собою такой участок земли, который богатые люди в прежние времена приобретали путем покупки из государственных земель и, возвращая государству две трети из этой земли, оставляли себе одну треть; вот этот же участок является собственностью, свободный от каких бы то

¹ Свод постановления мусульманского права (шариата) о водопользовании и землепользовании. «Вестник ирригации», № 9, 1924, стр. 61.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. I, д. 441, л. 6.

ни было распоряжений другого человека, так что никто, кроме покупателя, никакого касательства к этой земле иметь не может. При продаже ее объявляется, что она свободная.

Что касается хераджной земли, то она в основном является собственностью (мульк), но после завоевания войсками ислама она облагается податью, взимаемой с каждого танапа размером одной тенги (15 коп.) деньгами и 1,5 чарек или 7,5 фунта зерном, что вносится государству ежегодно при условии, если она может быть орошаемой.

Вакуфное имение является божьей долей, не может быть допускаемо к продаже. Однако распределитель такой земли может продавать движимое имущество и земельный инвентарь.

Что касается государственной земли (амлак), не имеющей владельца и лежащей без обработки, то она принадлежит казне. Распорядителем этой земли является царь. Последний имеет право дарить кому хочет или продавать, но деньги поступают в казну. Та же земля, лежащая без обработки, после благоустройства подлежит взиманию хераджа. Если кто обрабатывает государственную землю, не имеющую владельца, и благоустроит ее, подать за нее вносится государству. Частное лицо может продать только насаждения, а не самую землю»¹.

Из приведенного документа видно, что в начале XX в. в Бухарском ханстве существовало четыре вида земельной собственности: амлак, мульки-хур-холис, вакуф и мульки-херадж².

Эти виды земельной собственности дают нам возможность обрисовать классовую структуру Бухарского ханства.

Крупные землевладельцы — беки (сохиби-сарватан), если позволено сравнить их с боярами средневековой

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. I, д. 441, л. 4.

² По вопросу о формах землевладения в Бухаре К. М. Мирзаев придерживается особого взгляда. По его утверждению в Бухаре в начале XX в. существовали следующие виды землевладения: вотчинное (мульк), государственное (амлак), церковное (вакуф) и поместное (танхо). При таком толковании мелкая крестьянская земельная усадьба (мульки-херадж) не различалась от вотчинного землевладения, тогда как танхо — разновидность амлаковой земли выделяется в отдельную категорию земель (см. Труды Института экономики АН УзССР, вып. III, Т., 1952, стр. 5).

России, являлись собственниками земель, освобожденных от всяких видов податей и повинности — мульки-хур-холис. Служилые люди — сипаи, сходные во многом с русским служилым дворянством, владели в основном государственными землями — замини-амлак, обрабатываемыми крестьянами арендаторами; духовенство распоряжалось вакуфными землями, закрепленными за религиозными организациями и культурно-просветительными учреждениями, такими как медресе, мактаб, мечеть, ханака и другими. Наконец, непосредственные производители — дехкане (крестьяне) обрабатывали хераджную землю и они же своим трудом возделывали как амлаковую, так и вакуфную землю, неся на своих плечах всю тяжесть налогового и иного бремени, что характерно для феодально-крепостнической эпохи.

По данным архивных источников в Бухарском ханстве накануне революции 1920 г. общая площадь обрабатываемых земель составляла 2 250 000 десятин, из которых мульки-хур-холис — 10,2%, мульки-херадж — 15,2%, вакуфы — 24,6% и амлак — 50%¹. Таким образом, непосредственные производители феодальной Бухары — крестьяне, составлявшие 90% населения, владели только 15,2% земель ханства, тогда как в руках незначительной кучки эксплуататоров — беков, духовенства (улема и мулл) и служилых людей (сипаев) находились огромные земельные богатства страны (около 85%), они также обрабатывались трудом безземельных и малоземельных крестьян на арендных или иных началах.

Если учесть, что Бухарское ханство и в начале XX в. представляло собой землевладельческо-крестьянскую страну, то картина общественных отношений станет совершенно ясной: крестьяне, в основной своей массе лишенные орудий и средств производства и единственного источника жизни для той эпохи — земли, находились на положении феодально зависимых и эксплуатировались непосредственно феодалами и государством на феодальной основе.

В. И. Ленин, характеризуя общественно-политический строй колониальных и зависимых окраин бывшей Российской империи — Туркестана, Бухары и Хивы, писал: «...важнейшей характерной чертой этих стран является

¹ ЦГА УзССР, ф. 50, оп. I, д. 7, л. 48 — 53.

то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения...»¹, и крестьяне, составляющие громадное большинство населения этих стран, эксплуатируются «...не только купеческим капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе...»².

Самым крупным землевладельцем в дореволюционной Бухаре был сам эмир, который не как верховный собственник — сюзерен, а как феодальный владетель имел в своем распоряжении огромные земельные пространства и громадные по своим размерам фруктовые и виноградные сады, называемые — олихазратга махсус, махсус мульки-холис.

Последние эмиры бухарские владели 1700 десятинами, лично им принадлежавших земель³, доходы от которых поступали не в общегосударственную казну, а в неприкосновенный фонд эмира.

Мульки-хур-холис представлял собою вотчинное землевладение. Его собственники как феодальные владетели пользовались с давних времен иммунитетом и имели на своих руках жалованную грамоту эмира, в которой определялись права и привилегии феодалов. В документах, выдаваемых эмиром наиболее влиятельным и знатным из них, обычно писалось: «Да будут они тарханами, я освободил их от налогов, навсегда установленных и временных, а также от повинностей амалет⁴, кунарга⁵ и кара кунак⁶... Да будет у него поныне освобождение от налогов; ни в коем случае да не будут по отношению к ним учиняемы обиды и притеснения; ежегодные (налоговые) свидетельства с них не требовать; да пусть не нарушатся их права. О таком (нашем) требовании будьте осведомлены»⁷.

По утверждению военного инженера И. Т. Пославского, который столкнулся с бухарскими порядками при отчуждении земельных участков на строительство Закас-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 245.

² Там же.

³ Записки Института Востоковедения АН СССР, 1937, т. VI, стр. 29.

⁴ Амалет — отработанная рента.

⁵ Кунарга — повинность по содержанию проезжих эмирских чиновников.

⁶ Кара кунак — повинность по содержанию войск на время их остановки в провинциях эмирата.

⁷ Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент, 1906, стр. 46.

пийской железной дороги, явно бросалось в глаза, что мульковая земля отличалась от амлак тем, что она представляла собою «вид самого полного права собственности, освобожденного даже от всяких налогов»¹. Мультковые земли большей частью были расположены на территории бухарского вилаята и прилегающих к нему туменах, относящихся к плодородной Зарафшанской долине, где эмир раздавал государственную землю (амлак) «своим приближенным и заслужившим»² на правах мультки-хур-холис, освобождая их от всех видов податей и повинностей, тогда как в отдаленной от центра Восточной Бухаре широкое распространение получила передача амлаковых земель сипаям на правах условного держания (танхо), с правом взыскания хераджа с крестьян, населяющих эти земли.

В плодородной Зарафшанской долине накануне революции — 3700 десятин орошаемой земли (около 30% всего земельного фонда долины) принадлежали крупным землевладельцам, пользующимся иммунитетом и составляли их мультки-хур-холис³. О размерах земельных участков отдельных привилегированных феодалов — мультдаров можно судить по тому, что они от своего хозяйства получали до 3400 пудов хлеба ежегодно. Размер земельных участков мультдаров доходил до 400 танапов⁴. В Бухаре при крайней малочисленности орошаемых земель «человек, обладающий 400 танапами, что составляет наших 150 десятин, считался весьма богатым земледельцем»⁵, — писал Н. Ханыков.

У мультдаров трудились прикрепленные к земле чайрикеры, ремесленники, которых эксплуатировали самым беззастенчивым образом. Мультдары жили отдельно от крестьян в особых дворцах, имели дружины (нукеров), для охраны личности и имущества владельцев мультки-хур-холис⁶.

¹ И. Т. Пославский, Город Бухара. Описание его и исследование вопроса о занятии его русскими. Ташкент, 1891, стр. 108.

² Там же.

³ Ю. Пославский, К аграрному вопросу в Зеравшанской области. Журнал «Народное хозяйство Средней Азии», 1926, № 11 — 12, стр. 2.

⁴ Танап в Бухаре равнялся 600 кв. саженям или 2730 кв. м.

⁵ Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб. 1843, стр. 76.

⁶ Записки русского географического общества, СПб, 1861, кн. 1, стр. 97.

Об амлаковых землях существовали различные мнения ученых: Н. Ханыков отождествлял их с мульковыми землями, на которые в государственной казне утрачены соответствующие записи¹. Л. Н. Соболев амлаковые земли признавал однозначными с хераджными². По утверждению А. А. Семенова, амлаковые земли находились в непосредственном владении эмира и носили название замини подишохи (замини-султони). Образовывались они из конфискованных у разных лиц, уличенных в преступлениях против государя, выморочных имений, из пустолежащих неорошаемых земель (мават), с земель, орошаемых средствами, выделенными из казны, а также земель заболоченных, илистых или покрытых зарослями камыша и других³.

Наиболее правильным, на наш взгляд, является точка зрения А. А. Семенова, которая совпадает с приведенным выше архивным документом.

Амлак был государственной землей и составлял основную форму феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве⁴. Амлаковые земли, будучи собственностью государства, фактически находились в наследственном владении и пользовании непосредственных производителей — крестьян, которые обрабатывали их собственным инвентарем, уплачивая государству налог (ренту) «амлакона», более обременительную по сравнению с рентой, взимаемой с земель «мульки-херадж»⁵.

Сбором «амлакона» ведал амлакдар, который и считался эмирским наместником на подведомственной ему территории, а население обязано было подчиняться «приказам и запретам его, как своего правителя». Амлакдары, собирая подати с населения, имели право расходовать определенную часть «амлакона» на свои нужды,

¹ Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 118—119.

² Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, «Записки русского географического общества по отд. статистики», т. IV, СПб, 1847, стр. 315.

³ А. А. Семенов, К прошлому Бухары, стр. 998.

⁴ К. М. Мирзаев, Амлаковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, 1954, стр. 11.

⁵ А. А. Хамраев, К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в. Труды САГУ, Новая серия, выпуск IX, Т., 1948, стр. 12.

доставляя оставшуюся часть собранного налога государственной казне¹.

С 1856 г. в эмирате был установлен порядок, согласно которому рядовым воинам — сарбазам и топчи (артиллеристам), общим числом до 1000 человек, выдавалось ежемесячное жалование по одной танге (4 руб.), а унтер-офицерам — по полторы танги (6 руб.). За офицерами были закреплены определенные земельные участки в двух туменах Бухарского вилаята.

По шариату владельцы амлаковых земель не пользовались правом собственности на нее, а следовательно, не могли ею распоряжаться. Амлаковыми землями могло распоряжаться только государство. Если амлаковая земля продавалась государством частным лицам, то она переставала быть таковой, а становилась муьком.

На самом же деле, земли, пожалованные за службу сипаям (в ханстве их насчитывалось до 36 тыс. человек²), превращались в потомственные владения и передавались по праву наследования от отцов к сыновьям, которые также обязаны были нести службу.

Служилые сословия в Бухарском ханстве разделялись на военные (сипаи) и гражданские (амалдары), которым присваивались определенные звания, согласно бухарскому табелю о рангах, исходя из занимаемой должности и с учетом происхождения. У эмира были также и слуги (махрам), выполнявшие различные обязанности по обслуживанию самого эмира и дворца.

В Бухарском эмирате в начале XX в. существовала постоянная армия сарбазов, количество которой в мирное время определялось в 10 тысяч человек и целый штат командного состава, который не получал определенного жалования от казны, а жил за счет земель, выделенных эмиром в виде временного пожалования — «танхо», напоминающего поместные землевладения русского феодального общества.

А. А. Семенов признает, что чиновники высшего разряда, наряду с землей (танхо), получали определенное содержание из государственной казны³. Однако матери-

¹ О. Д. Чехович, Размер хераджа в Бухаре в XIX в., *Общественные науки в Узбекистане*, Т., 1961, № 3, стр. 41.

² Новейшие описания Великой Бухары, журнал «Азиатский Восток», 1825, май.

³ А. А. Семенов, К прошлому Бухары, стр. 1001.

альную основу службы составляли земельные владения на правах «танхо». «Если в танхо поступали земли с живущими на них крестьянами,— писал А. А. Семенов,— то в этом случае правительство временно отказывалось от взимания с населения податей и налогов, предоставляя последние в пользу жалуемого этой землей лица (так называемого танходара). Но так как танходар обычно стремился извлечь как можно больше выгод из пожалования, то он не довольствовался только взиманием законных податей, а обирал население часто до последней нитки, распоряжаясь к тому же зависимыми от него людьми, как крепостными»¹.

На огромные размеры земельных наделов, находящихся у сипаев, указывает то обстоятельство, что в первые годы после революции в Бухаре было конфисковано 7000 танапов земель, принадлежащих эмирским чиновникам разных категорий².

Мусульманское духовенство явилось непосредственным владельцем вакуфных земель, принадлежащих религиозным общинам и организациям.

В Бухаре различалось четыре вида вакуфов³: 1) ва-

¹ А. А. Семенов, К прошлому Бухары, стр. 1001.

² ЦГА УзССР, ф. 47, оп. I, д. 372, л. 1—6.

³ Относительно вакуфа К. Шаниязов придерживается особого мнения, указывая на наличие в Бухарском ханстве в конце XIX и начале XX вв. лишь только двух видов вакуфов, а именно: вакуф «омма» и вакуф «мутлок». По мнению автора земли частновладельческие (мульк-хур-холис) с передачей в полную собственность религиозных учреждений назывались «вакуф-мутлок» (безусловный). Земли мульки-хераджи или амлак, с которых в пользу мечетей, медресе, хонака и др. жертвовалась определенная часть дохода с нее $\frac{1}{10}$ и $\frac{2}{10}$ доли урожая), то таковая земля, оставаясь мульком прежнего его владельца, которому принадлежало право распоряжения, превращалась в «вакуфи-омма» (публичный, находящийся в пользовании населения). Поэтому при продаже таковых земель в купчей крепости «вакуфи-омма» оговаривалось, что определенная часть дохода поступает в пользу религиозных учреждений (см. «Общественные науки в Узбекистане», № 3, 1962, стр. 54); О. Д. Чехович считает, что не все вакуфы были свободны от поземельного налога. Наличие земель под названием «вакуф херадж» дает основание утверждать, что вакуфы становились обремененными, в случае, если владельцы земель предпринимали меры к освобождению от налогов до передачи их в распоряжение медресе, мечетей, мактабов и др. (см. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 3, стр. 43).

куф чистый, 2) вакуфы, вносящие часть доходов в казну, 3) вакуф-дах-як, и 4) вакуф-авляд.

От первого вида вакуфов доходы шли на содержание той религиозной общины, в пользу которой была пожертвована земля. Предметом такого рода вакуфов были, в основном, недвижимое имущество: дома, сады, сараи, лавки, базарные места, мосты, мельницы, земли. Крестьяне, жившие на вакуфных землях, платили все установленные подати своему новому хозяину — религиозной общине. Право сбора податей с крестьян принадлежало мутавалли — управляющему вакуфным имением, который в большинстве случаев предоставлял это право арендаторам. Таким образом, крестьяне вакуфных земель подвергались жесточайшей эксплуатации не только со стороны религиозной общины и ее представителя — мутавалли, но и со стороны арендаторов, а также и субарендаторов. Сдача в аренду вакуфных земель было обычным явлением. Мутавалли арендную плату получал наличными. Откупщики же распоряжались крестьянами по своему усмотрению. Они заставляли их обрабатывать землю и платили им подати в 2—3 раза больше, чем следовало бы платить мутавалли.

Примером этому может служить вакуф мазара Богоутдин, расположенного недалеко от Бухары, где был погребен в XIV в. основатель ордена Накшибанди. Жители села считали себя потомками Богоутдина (Ходжа) и на этом основании сдавали мазар своего пира (наставника) в аренду шейху-мутавалли на сумму 110 тысяч танга или 2200 рублей¹.

От второго вида вакуфа часть доходов поступала в казну. На территории ханства было много смешанных вакуфов, львиная доля доходов с них шла в пользу эмира.

С вакуфов третьего вида доходы шли на содержание мулла-бачей, проходивших курс «богословской науки» и сдающих экзамены по отдельным предметам. Так, например, вакуф медресе Кокольдаш ежегодно приносил доход в сумме 150 тысяч танга, из них 74 тысячи танга распределялось между 148 кельями (худжра) медресе, где жили

¹ В. В. Крестовский, В гостях у эмира Бухарского, Собр. соч., т. III, СПб, 1905, стр. 144.

мулла-бачи (ученики), 28 тысяч танга получал мударис, 10 тысяч танга — имам и т. п.¹

От четвертого вида вакуфов часть дохода шла на содержание вакуфодателя, а после его смерти этой частью пользовались его потомки (авлад). Некоторые из владельцев мульковых земель строили мечети на своей земле и объявляли их вакуфными, не желая раздробления земли между наследниками после своей смерти. Наследники в таких случаях могли быть управляющими вакуфного имения.

Бывали случаи, когда землевладельцы, не пользовавшиеся привилегиями (тарханом), во избежание многочисленных налогов и повинностей, превращали свой мульк в вакуф, отдавая часть дохода — $\frac{1}{10}$ долю урожая в пользу мечетей и медресе².

А. Н. Соболев в статье «Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа»³ приводит данные, характеризующие положение вакуфного землевладения в 70-х годах XIX в. По его исчислениям в Самаркандском отделе находилось 142 вакуфных земельных участка, общей площадью в 51 991 танап, 7 мельниц, 4 толкучих рынка, 7 караван-сараев, 210 лавок.

Общее количество земель, находящихся тогда в распоряжении духовенства Бухары в виде вакуфов,истики определяют в 24,6% всего земельного богатства страны, что составляло более полумиллиона десятин орошаемых земель.

В первые годы революции в Бухаре в распоряжении вакуфного управления находилось: 278 500 танапов земли, около 1500 лавок и сараев, 200 домов, базаров, бань, мельниц⁴. Эти данные в достаточной степени характеризуют положение вакуфодержателей — духовенства в Бухарском эмирате. Его представители — ишаны и муллы, пользуясь забитостью и фанатичностью населения

¹ К. Мирзаев, Вакуфное землевладение в Бухарском ханстве. Труды Ташкентского сельскохозяйственного института, вып. 14, кафедры общественных наук, Т., 1961, стр. 113.

² См. Записки императорского русского географического общества (по отд. статистики), т. IV, СПб, 1874, приложение № 14.

³ Там же, стр. 339—340.

⁴ ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 372, л. 6.

Бухары, имели огромное влияние на темные народные массы ханства. Многие были всецело преданы духовникам и считались их мюридами (последователями).

Мюрид обязан был доставлять своему ишану «не только каждую десятую мерку хлеба, каждый десятый кусок вытканного сукна, каждого десятого ягненка или теленка, но и каждое десятое дитя. «Посвященный (ишану) ребенок (назр), впрочем воспитывавшийся в доме родителей, по достижению совершеннолетия (был) обязан исполнять только назначенную ишаном работу или дать ему (в виде выкупа за себя) корову, лошадь и т. п.»¹, — читаем в записке «О Бухарском ханстве», составленной секретарем Российского политического агентства бароном Черкасским, относящейся к 1904 г.

В назр ишану отдавались также девушки, на которых он мог жениться или выдать замуж за другого, получив за нее калым — выкуп.

За ишанами и муллами были закреплены определенные территории с населением, по отношению к которым они считались духовной главой общины.

В отчете барона Черкасского «О поездках в Приамударьинские бекства Бухарского ханства в 1904 г.» приводятся данные об ишанах-феодалах Восточной Бухары, в частности, в Вахане, Рушане и Шугнане. По данным отчета в названных бекствах было 7 крупных ишанов, имевших большое влияние на население и сумевших окружить себя мюридами (от 200 до 600 домов) из местного дехканского населения. Мюриды доставляли ишанам все необходимое для жизни, обрабатывали их земли (хашар), доставляли им дрова, приводили в порядок здания, чинили мосты и т. д. Таким образом, ишан выступает перед населением не только как пир (наставник), духовный «отец», глава крестьянской общины, но и как обыкновенный феодал-кровопиец.

Класс крестьян (дехкан) Бухарского ханства составлял громадную массу эксплуатируемого народа. Дехкане образовали тогда группу низов и, так же городские низы, назывались «фукаро» (чернь). Дехкане несли всю тяжесть эксплуатации феодального общества Бухары. Эмир, светские и духовные феодалы, паразиты-чиновники центральной и местной администрации, жили за счет

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. I, д. 97, л. 44 — 77.

крестьян; к ним также «пристраивались» и буржуазные элементы города и деревни — ростовщики и купцы.

Пользуясь слабым экономическим состоянием дехканских хозяйств, они (землевладельцы, ростовщики, купцы) старались закабалить дехкан дачей в долг (карз). Давали дехканам займы деньги, весной — семена, с тем, чтобы осенью получить от них долг по крайней мере вдвойне. Кроме того, ростовщики давали крестьянам задаток (бунак) для того, чтобы производимая продукция — хлопок и зерно доставлялась бы ростовщикам¹.

Взявший «бунак» оставался в постоянной кабале у ростовщика, а если крестьянин умирал, то потомство его не освобождалось от кабальной зависимости. Первоначальный «бунак» оставался у дехкана и он не мог освободиться от долгов, неизменно увеличивавшихся от процентов из года в год.

Имущие классы ставили дехкан в такое положение, что они (дехкане) не в состоянии были освободиться от кабальных долговых обязательств и должны были продавать ростовщикам свою продукцию за бесценок. Ростовщики же и купцы экспортировали хлопок и шерсть за границу и продавали там по высокой цене.

Начиная со второй половины XIX в., бухарские дехкане стали подвергаться двойной эксплуатации: с одной стороны, туземных феодалов и ростовщиков, а с другой русских капиталистов — скупщиков сырья.

Крестьяне в Бухаре владели хераджными землями на правах вечной аренды, передавая ее по праву наследования от отца к сыну. В своем распоряжении дехкане имели клочок земли в размере от 1 до 4 десятин. 76,1% крестьянства всего Зарафшана владели землей в указанном выше размере².

25% сельского населения Бухарского ханства составляли безземельные и малоземельные крестьяне (беватан). Беватаны не владели жизненным источником того времени — землей. Поэтому положение их было чрезвычайно тяжелым, часть вынуждена была наниматься в батраки к богатым землевладельцам, получая за свой труд от 10

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. I, д. 75, л. 45.

² Журнал «Народное хозяйство Средней Азии», 1926, № 11—12, стр. 25, таблица 2.

до 20 рублей в год (при своей одежде), а часть становилась «чайрикерами» (издольщиками). Чайрикеры, в отличие от дехкан, находились в формальной, а также фактической зависимости от хозяев арендуемых ими участков. Они пользовались только определенной долей снятого ими урожая, который едва прокармливал семью чайрикера. Это были «преимущественно полуфеодалы, или что тоже в экономическом отношении, полурабские издольщики»¹.

Орошение в условиях Бухары имело первостепенное значение, от воды зависела урожайность засеянных культур, в особенности хлопка. Крестьяне всеми силами старались держать каналы и арыки, по которым протекала вода Зарафшана в полной исправности, что и осуществлялось путем «хашара».

От Зарафшана брали свое начало Куна-Руд, Янги-Руд и другие каналы, каждый из которых разветвлялся на несколько арыков, орошающих посевные площади закрепленных за ними кишлаков. Канал Куна-Руд обслуживал 32 шафрианских селения, получавших воду по строгому расписанию. Так, например, арыком Боги-Хайдар, расположенным по нижнему течению канала Руда, можно было пользоваться в течение 48 часов, через каждые 18 дней.

Каждое село, в зависимости от количества затрачиваемой для орошения полей воды, выделяло работников для очистки каналов, по установленной «таомил» (обычаем) норме: одного «мардикера» (работника) на каждые 16 танапов земли. Между тем, преимущественное право на водопользование имели крупные землевладельцы, поля которых орошались водой, протекающей из данного арыка в полной норме (як-об), тогда как на посевы крестьян отпускалась $\frac{1}{4}$ доля этой нормы². Уместно здесь привести народную поговорку, имевшую тогда широкое распространение в Бухаре: «Сув чиқорган хори-зор, куза³ синдирган азиз», что в переводе означает: «Кто провел канал для орошения полей, живет в нищете и унижении,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 142.

² А. А. Хамраев, К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в. Труды САГУ, Новая серия, вып. IX, Ташкент, 1948, стр. 28.

³ Куза — кувшин, родниковая вода измерялась «куза», в который вмещалось 12 литров.

а тот, кто разбил кувшин (для измерения воды), находится в почете».

Водами р. Зарафшана орошались земли Зияутдинского, Хатырчинского, Нуратинского, Кермининского и Каракульского бекств и столицы ханства — Бухары (канал Шах-Руд). В конце XIX в. водой Зарафшана орошалось в Бухарском ханстве около 1,5 миллиона, а в Самаркандской области свыше одного миллиона танапов земли¹ которые, по свидетельству очевидца, были заняты под рисом, то есть постоянно находились под водой в продолжение всего летнего сезона, тогда как «вся культурная земля Каракульского бекства изнывала, вместе с населением, под тем же палящим зноем от полного отсутствия воды в продолжение нескольких месяцев»².

С расширением площади культурных земель в российских, а также бухарских владениях, в связи с проведением Закаспийской железной дороги, вызвавшей усиленный обмен продуктами земледелия, в особенности хлопком, вопрос о распределении вод р. Зарафшана между подданными Российской империи и Бухарского ханства приобрел острый характер. Была создана специальная смешанная комиссия из представителей Туркестанского генерал-губернаторства и бухарского эмира по вопросу об урегулировании деления воды р. Зарафшана между русскими и бухарскими подданными. В 1902 г. было достигнуто соглашение: установить пропуск воды из Зарафшана в бухарские владения в размере $\frac{1}{3}$ всего ее количества и $\frac{2}{3}$ зарафшанских вод оставлять для орошения полей Самаркандской области.

Несмотря на учреждение в Бухаре специальной должности инженера по ирригации, распределение вод Зарафшана оставалось самым жизненным вопросом для подданных Бухарского ханства, проживавших в долине реки. Полагавшаяся бухарцам норма воды отпускалась крайне неисправно, особенно с 10 июня по 10 июля (гарм-об), когда в Бухару пропускалось менее половины установленной нормы воды, которая не превышала 15—17% всего водного запаса Зарафшана.

По свидетельству Л. Костенко, бухарский крестьянин отлично обрабатывал свой клочок земли. «Порядок, в

¹ Туркестанские ведомости, 1893, № 97.

² И. Т. Пославский, Город Бухара, Ташкент, 1891, стр. 111.

котором содержались пашни и сады, поистине заслуживает удивления: нет ни одной пяди земли бесплодной — все сплошь засеяно, отлично размежевано и образцово снабжено арыками. Но, увы! Именно арыки и были пусты, почему цветущая долина была похожа на красавицу, в жилах которой иссякла кровь и она еле-еле поддерживает свое существование»¹.

Вот почему Российский политический агент в Бухаре Игнатьев писал туркестанскому генерал-губернатору 24 мая 1899 г.: «В течение почти 2-х месяцев в долине Зарафшана в бухарских владениях нет воды. Жителям не хватает воды даже для питья. Растительность сохнет. посевы гибнут. Если безводие продолжится — весь хлопок погибнет, что составит бедствие для страны и нанесет ущерб нашим собственным интересам»².

Особенно тяжким для крестьян Шахрисабзского, Каршинского и Нуратинского бекств явилось частое посещение этих земель эмиром со своими сарбазами, называемое кора-кунак.

«Посещение его высокостепенства какого-либо бекства обходится и беку и обывателям, в особенности, далеко недешево, — пишет Н. А. Маев («Материалы для статистики Туркестанского края», вып. V, стр. 94). Сумма, расходуемая беком на прием хазрата, достигает 100 000 танга, что равняется 20 000 серебряных рублей. В день приезда эмира в город бек подносит ему подарок, состоящий из одной кровной лошади в драгоценном уборе и одного тюка (десятки) халатов; при объезде — 14 лошадей, 14 тюков (по 9 штук в каждом) халатов и кожаный кошель (тартук) с тангами от 40 до 50 тысяч, то есть от 8 до 10 тысяч серебряных рублей. Кроме того, пока эмир гостит в бекстве, ему ежедневно подается дастархан (угощение) из 150 блюд и лакомств, который он раздает своим приближенным, состоящим тоже на кормах у бека, а те ежедневно перепродают все эти подачки местным торговцам, обязанным волей-неволей покупать их у дворцовой челяди по базарным справочным ценам. Да надо заметить, что кроме придворного штата эмира, всегда сопровождает в его путешествиях и разъез-

¹ Л. Костенко, Город Бухара, Военный сборник, 1870, № 12, стр. 18.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 162, л. 24.

дах по краю еще почетный конвой, состоящий из сотни «кулбачей» и нескольких батальонов сарбазов, которые точно также кормятся за счет бека... Подсчитать все эти расходы, в общем итоге наберит весьма и весьма почетная сумма, за которую, конечно, приходится расплачиваться не столько беку..., сколько торговому и земледельческому классу местного населения»¹.

Кроме кара-кунака крестьяне несли многочисленные повинности, как-то: 1) джул (военный налог); 2) карачарек (поставка войск — наукария); 3) улак (предоставление подвод); 4) кунак (ночевка) и другие.

Туго приходилось крестьянам Бухары: они обязаны были платить разнообразные подати в пользу государства, основными из которых были: 1) херадж, 2) закят и 3) аминана.

По официальным данным эмир ежегодно собирал с населения в виде налога 7 500 000 рублей, из коих около 5 миллионов рублей составляла поземельная подать — херадж, а остальная часть — закят и аминана. Собственно херадж считался основным видом подати с крестьян, лежавшей на их плечах.

В письме бухарского куш-беги от 14 октября 1912 г. на имя Российского политического агента, имеются указания на размеры хераджа, взыскиваемого в пользу государства. В этом документе говорится: «По установившейся с давних пор традиции, херадж в пределах священной Бухары собирается не в одинаковом размере: в одних вилаетах (округах) с населения взыскивается от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$, а в других — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ урожая, имеются местности, в которых с орошаемых земель берется хераджи-муаззаф по одной танга (15 копеек) деньгою и по три чарека (15 фунтов) натурой с каждого танапа ($\frac{1}{6}$ десятины) земли ежегодно 2 раза: весной и осенью, а есть также земли, с владельцев которых взыскивается половина указанного хераджа (замини ним хераджи)»².

Но официальные данные не всегда соответствовали действительности. Как докладывал 7 декабря 1909 г. туркестанскому генерал-губернатору капитан генерального штаба Джиджихия, «По уверению Российского

¹ В. В. Крестовский. В гостях у эмира бухарского, собр. соч., т. VII, СПб., 1905, стр. 60.

² ЦГА УЗССР, ф. 3, оп. 1, д. 441, л. 2.

политического агента, Бухара живет и управляется строго по шариату и подать взимается в размере $1/10$ сбора. С этим согласиться невозможно. Бухара давно, оказывается, перестала жить по шариату. Шариат там во многих случаях забыт и люди, вернее чиновники, стали жить и управлять по установившемуся обычаю, очень невыгодному для большинства населения. Подать в Восточной Бухаре определяется официально от $1/3$ до $1/7$ сбора, в действительности нередко у хозяина отбирают $1/2$ сбора.

В Западной Бухаре, например, в окрестностях города Бухары, с 10 батманов 4 батмана отбирается в пользу эмира, это не подлежит сомнению, так как у меня имеются в руках письменные заявления всех амлакдаров о том»¹.

Ближе к истине приведенные данные капитана Джиджихия, которые подтверждаются также С. Айни, считавшего, что с обрабатываемых трудом крестьян амлаковых земель налог-рента взималась в размере 40% урожая².

Положение крестьян характеризует также соглашение, заключенное 4 июля 1900 г. между туркестанским генерал-губернатором и бухарским эмиром о порядке взимания податей с населения Припамирских бекств Шугнана, Вахана и Рушана. В отличие от крестьян западных областей Бухары крестьяне названных бекств, наряду с хераджем и закетом платили так называемый молеат (натуральный налог) с домашнего имущества и дойной коровы.

Херадж был определен в размере $1/10$ доли урожая и взимался с зерновых культур (пшеницы, ячменя, гороха, проса), хлопка, а также сена, урюка, орехов, курта (творога) и других видов продукции сельского хозяйства. В пользу лиц, занятых сбором хераджа, крестьяне обязаны были платить особый налог (кефсен): амлакдару — с каждого пуда полфунта, дарге — четверть фунта.

Закет взимался со скота: овец, коз, рогатого скота и верблюдов в количестве одной головы скота на сорок голов.

Кроме закета с крестьян брали так называемый молеат — налог с домашнего имущества и дойной коровы.

¹ ЦГА УзССР, ф. 2, оп. I, д. 251, л. 100.

² С. Айни, Материалы по истории Бухарской революции, М., 1926, стр. 73.

В целях дифференциации размеров молеата крестьяне были разделены на четыре категории: хозяйства богатых крестьян, засевающих свыше 50 пудов зерна, с которых взимали натуральный налог на общую сумму 10 рублей; хозяйств середняков, засевающих 25—30 пудов зерна — 5 рублей, бедняки, платившие 3 рубля 33 копейки и безземельные, не имеющие посева — платили по 1 рублю 20 копеек на каждое хозяйство.

Кроме того, крестьяне обязаны были доставлять представителям местной администрации топливо, осветительные материалы, по 5 фунтов мыла ежемесячно и нести бесплатную работу на их полях сроком не менее трех дней ежегодно. В их обязанности также входило обеспечение лошадьми (улав) и питанием приезжих чиновников на время их пребывания в пределах данной деревни (кунак).

Бек взимал так называемый «никох пули» — плату за разрешение вступить в брак в размере 2 рубля, за разбор жалобы жителей — судебную пошлину в размере 10% от суммы иска и т. д.¹

Все это наглядно показывает господство докапиталистических форм хозяйства и феодальной эксплуатации крестьянского населения в Восточной Бухаре. Порядки эти ничем не отличались от крепостнических порядков в средневековой России.

В Шугнани, Рушани и Вахани, по данным русской пограничной стражи за 1902 г. было 97 деревень, в которых имелось 1427 хозяйств с общим количеством населения 14 218 человек. Богатых хозяйств было 37, середняцких — 282, бедняцких — 1068, безземельных — 40 хозяйств. Таким образом, свыше 70% всего населения были малоземельными и безземельными крестьянами.

Херадж населения означенных районов определялся в 10 500 рублей, закят — 1850 рублей, а молеат исчислялся в 5560 рублей. Таким образом, за год только из Припамирских районов поступало в казну эмира платежей на сумму 17 910 рублей².

Система сбора поземельных податей в Бухарском ханстве отличалась большой сложностью. Согласно эмирскому ярлыку по каждому амлакарству назначались

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 77, л. 157 — 161.

² Там же, л. 204—215.

серкеры (ответственные лица за сбор поземельных податей). При них находились дарги, мирзы и джигиты (телохранители). Мирзы-секретари составляли списки крестьян. Сбор податей по каждому участку (даха) производили дарги¹.

Представители местной финансовой администрации определенного жалованья из казны не получали. Они жили за счет народа. Для своих нужд они собирали дополнительный налог-кефсен. В сборах податей принимали участие амины и аксакалы (местная сельская администрация), а также представители бека и духовенства. Очень много лиц участвовало во взимании хераджа. Только в одном Зарафшане этим кормились более тысячи человек. Они получали «подарки» от богатых и старались взимать как можно больше податей с бедных хлебопашцев, освобождая часть зажиточных вовсе от всяких сборов.

Каждый год, в начале марта серкер совместно с секретарем и землемером выезжали на поля для измерения земельных участков крестьян и сбора денежной ренты «кош пули» и «тана бане».

При созревании хлеба и других сельскохозяйственных культур, на крестьянские земли приезжали дарги, которые производили предварительный подсчет (истифо) урожая и записывали в отдельную книгу. Когда крестьяне складывали снятый урожай в снопы, то опять приезжали дарги и давали соответствующие приказания приступить к обмолоту, строго предупреждая, чтобы крестьяне ничего не увозили с хирмана (тока). Тяжкое наказание грозило тому, кто допускал малейшее отступление от требований дарги. Конфискация зерна являлась обыкновенной мерой наказания в этих случаях.

После того, как зерно было обмолочено, дарги ставили особые знаки на вершину и на все четыре стороны тока. Когда во всех крестьянских хозяйствах такого рода работа заканчивалась, то приступали к определению размера хераджа. Иной раз это делалось без весов, просто на глаз. Следующий с крестьян херадж записывали в особую книгу, называемую «пайшир».

¹ Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, с приложением списков населенных мест округа (Записки императорского русского географического общества по отделению статистики, т. IV, СПб, 1874).

Крестьяне кроме этого платили «кефсен», «муштак», «таваджи» и другие налоги в пользу местных правителей и сборщиков податей. Кефсен взимался в пользу серкера, муштак — амина и аксакала и т. п. Крестьянину, в поте лица обрабатывавшему землю, оставалась очень небольшая доля его урожая. Все это часто вызывало волнения дехкан. В Бухарском ханстве временами они принимали форму восстаний.

Наиболее типичным в этом отношении явилось восстание крестьян в селе Хайдарабад Денауского вилаета в 80-х годах прошлого столетия. Дехкане поднялись против произвола амлакдаров, собиравших налоги с трудового населения в невероятно завышенных размерах. Чиновник, прибывший из Бухары на место происшествия для расследования причин восстания, в донесении эмиру вынужден был признать: «В каждой из названных местностей собралось около тысячи человек арбобов, аксакалов и прочих крестьян. Они плакали, жаловались на притеснение насильников-амлакдаров и, помолившись на его величество высокого повелителя моего, рассказали: «упомянутые амлакдары берут с наших хирманов налоги разных видов, вопреки старинному обычаю (тамомили кадим) и причиняют нам страдания и бедствия. Мы, несчастные, кроме его величества не имели никого, до кого дошли наши крики о помощи»¹.

Во всех селениях Денауского вилаета были раскрыты злоупотребления амлакдаров, которые, по словам эмирского чиновника, безгранично грабили и очень «сильно притесняли бедных жителей, причиняя им всякие бедствия»². Невыносимы оказались насилия, причиняемые как сельскому, так и городскому населению Сахиб-беком, в руках которого находился сбор аминана с базаров. «Его насилия под разными предлогами, — доносил эмирский чиновник, — больше других и он постоянно пребывает на пути разорения несчастных крестьян»³. Из этого документа выясняется, что по «старинному обычаю» (тамомили

¹ К. З. Мухсинова, К истории выступлений бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в. Проблемы востоковедения, № 1, 1959, стр. 98.

² Там же.

³ Там же.

кадим) с каждого коша (земли, обрабатываемой парой волов) взимался налог «кош-пули» в размере 22 танга в пользу государства и по одному ману (5 пудов) зерна «мирабона» в пользу надзирателя за водной системой, по одному ману зерна «даругоги» — в пользу чиновника по сбору налогов и с семи манов зерна 1 ман и дуним-сера (2,5 сера) хераджа. В нарушение установленных традицией размера налогов, амлакдары Хайдарабата брали с населения вдвое и втрое больше. Таким образом, херадж и дополнительные налоги в пользу местной администрации с одного коша земли составляли 97 ман при сборе урожая в 240 ман, то есть 41,5% от всего урожая¹.

Тяжелое положение крестьян Бухарского ханства не отрицали даже верные защитники эмира, представители русской колониальной администрации. «Вся политика бухарского правительства сводится, главным образом, к извлечению из населения возможно больших доходов: приезд каждого бухарского чиновника является для них тяжелым бременем. Население каждый такой приезд сравнивает с нашествием саранчи, поедавшей все его сбережения...»².

Бухарский крестьянин, не будучи в состоянии прокормить себя от земли и платить с нее подати и повинности в пользу государства, а также светских и духовных феодалов, вынужден был отдавать все последнее, разоряя свое хозяйство, попадая в нищету и терпя голод и грабежи сборщиков податей.

Сбор податей, как писал один из очевидцев, был в действительности «не соби́рание подати, а в полном смысле обворовывание населения, обворовывание открытое, среди белого дня»³.

При сборе податей бухарские чиновники не останавливались ни перед какими мерами. «Если у земледельца нет денег, чтобы уплатить налог, то забирается его имущество или его дочь отдается насильно замуж и полученный калым поступает за налоги, если и этого мало, то в погашение налога сын земледельца отдается на много лет в кабалу — к какому-нибудь богатому сарту, а по-

¹ Проблемы востоковедения, № 1, 1959, стр. 99.

² «Туркестанский сборник», т. 494, стр. 83—84 (Страна бесправия (Бухара), «Биржевые ведомости», 1908.

³ Туркестанский сборник, т. 541, стр. 120.

лученные деньги идут в казну эмира, да на прокормление чиновников»¹.

Д. И. Логофет называл бухарских крестьян бесправными и доведенными до полного обнищания и постепенного вымирания².

Изнемогая под гнетом налогового бремени, крестьяне поднимали восстания, ярким примером которых было восстание горных племен локайцев в июле 1888 г. Оно было вызвано произволом сборщика закета. Восстание под предводительством Восе началось в селе Шуроб-доре и распространилось среди кулябских и бальджуанских локайцев вплоть до Гиссара. Оно поддерживалось как узбеками, так и таджиками Гиссарской долины. Восстание продолжалось до конца июля. В ходе восстания имели место две вооруженные схватки повстанцев: в начале с войсками бальджуанского бека, а затем с объединенными силами кулябского, бальджуанского и гиссарского беков, которыми руководил Астанакул Куш-беги, прибывший с 1000 эмирскими сарбазами для подавления восстания. 28 июля восстание было подавлено. 130 участников этого антифеодального движения были схвачены Астанакулом и подвергнуты различным наказаниям³.

После подавления восстания в Бальджуане 40 его участников были казнены по приговору эмира, находившегося в то время в Китабе. Предводитель восстания Восе был схвачен и предан публичной казни 27 августа 1888 г.⁴

Восстание бальджуанских и кулябских крестьян в 1888 г. носило резко выраженный антифеодальный характер и вошло в историю народов Средней Азии как одна из ярких страниц вооруженной борьбы угнетенных классов против кровавой тирании эмира, произвола и гнета его чиновников.

Восстание крестьян Вахана в ночь на 1 июля 1903 г. явилось взрывом народного негодования против непосильного налогового бремени и насилий, чинимых бухарскими властями. Для населения Шугнана, Рошана и Вахана 1903 г. был самым тяжелым: зима особенно была

¹ Туркестанский сборник, т. 541, стр. 121.

² Д. И. Логофет, Страна бесправия, СПб, 1909, стр. 150.

³ К. З. Мухсинова, Новое о восстании Восе, Общественные науки в Узбекистане, № 10, 1963, стр. 53.

⁴ Там же.

суровой и затяжной, лишь в середине апреля в наиболее низких и укрытых местах можно было приступить к пахоте. Земледельческие работы начались на полтора месяца позже обычного срока. Из-за продолжительности зимы запасы кормов иссякли, начался повсеместный падеж скота. В Горане пало 40%, в Вахане — 50% животных. На истощенных волах крестьяне не могли провести распашку с обычной тщательностью. В результате урожай зерна в 1903 г. был невысоким.

«Вот в такой год, когда народное хозяйство потрясено и без того требует особой заботливости и снисхождения властей, начинается бухарское грабительство»¹, — писал начальник памирского отряда капитан Снасарев в рапорте на имя военного губернатора Ферганской области 16 июля 1903 г.

25 августа 1903 г. в Хорог к начальнику памирского отряда явились 200 крестьян Шугнана, Рошана и Вахана с письменным прошением об избавлении их от насилий и притеснений эмира и его беков путем присоединения названных земель к России². Однако их просьба осталась неудовлетворенной.

АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ

Правящая аристократия — крупные землевладельцы из родовой знати (беки), служилое сословие (саркерда и амалдорон), высшие духовные сановники (улемы и мударисы) и торгово-ростовщический элемент города и деревни (баи) жили за счет трудового крестьянства и для удержания своего господства и сохранения власти над эксплуатируемыми народными массами сплотились вокруг феодально-деспотического государства, каковым было Бухарское ханство. Во главе его стоял ненавистный народу эмир, власть которого держалась, как это было и во всех эксплуататорских обществах «вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоном экономической и всякой другой культуры»³.

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 77, л. 169 — 170.

² ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 169, л. 1 — 5.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 180 — 181.

Власть эмира, как справедливо отмечал И. И. Крыльцов, была феодально-вотчинного типа с восточно-деспотическим оттенком¹.

Представители дореволюционного востоковедения определяли существо власти эмира как неограниченного повелителя, правящего страной единолично, без участия и влияния высших слоев феодальной аристократии и всесильного мусульманского духовенства².

Эту же мысль, по существу, проводил крупный представитель советского востоковедения А. А. Семенов; характеризуя власть эмира, он писал: «Эмиру принадлежала вся полнота неограниченной власти в ханстве, он был последней и окончательной инстанцией, к которой апеллировали пострадавшие от несправедливости администрации и судей, он был источником тех благ и милостей, которые ожидали и надеялись получить в жизни честолюбцы и обиженные судьбой люди, он же являлся и тем страшным началом, гнев которого губил множество людей и разрушал до основания их благосостояние»³.

По словам Ахмада Дониша, «... если кому-нибудь бедному человеку надо подать прошение, то он должен отправиться за город и ждать в холод и зной от трех до пятнадцати дней (выезда эмира на загородную поездку). Да к тому же, неизвестно, будет ли исполнена его просьба. Во-первых, слуги эмира будут опасаться показать его (то есть прошение) эмиру из страха, как бы он не расстроился. Но если они даже покажут, то от эмира не будет вразумительного ответа, а слуги вынуждены будут расспрашивать приближенных. А если будет вынесено какое-нибудь решение, опять же мунши (старший секретарь) и мушриф (секретари) получают разные указания.

Одним словом, если прошение было относительно воды, то решение по этому вопросу будет отправлено из

¹ И. И. Крыльцов, Государственное управление и суд в Среднеазиатских ханствах накануне завоевания Туркестана царской Россией. Ученые записки Свердловского юридического института, том II, ОГИЗ, Свердловск, 1947, стр. 245.

² Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 179.

³ А. А. Семенов. Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XXV, издательство АН Тадж. ССР, 1954, стр. 21.

канцелярии эмира тогда, когда в реке не останется воды, а земля потрескается от засухи»¹. Так «заботился» эмир о нуждах своих подданных. Для подтверждения этого положения сошлемся на некоторые факты. В донесении Российского политического агента в Бухаре от 10 апреля 1891 г. на имя Туркестанского генерал-губернатора, есть такое сообщение: «Народ в угнетенном состоянии. Ишан-и-кози-калон и ишан-и-раис очень много берут взятку с народа, вследствие чего жалобы и просьбы увеличились».

Миршаб (начальник полиции) в свою очередь задерживает людей, обвиняя их в том, что они проводят время по ночам с бачами (мальчиками), арестуют, а затем берут с них выкуп и освобождают.

Эмир о народе не заботится. Ночь и день занят базмами (увеселениями) с мальчиками, женщинами и девицами.

Мирабы (начальник водной администрации) и амлакдары всецело занялись наживой с народа. Несколько лиц принесли жалобу на амлакдаров, но эмир, не выслушав и не разобрав их жалобы, приказал их наказывать палками»².

Такого же мнения об эмире был и Ахмад Дониш, он писал: «Когда эмир находится в столице, то все ночи напролет проводит в кутежах и в разврате»³.

Законы шариата считались божественными и неприкосновенными, однако, эмиры бухарские понуждали улемов давать фетву (заключение) на любые незаконные действия правителя. Еще при эмире Насрулле (1828—1860 гг.), как сообщает Ахмад Дониш, «... продажные улемы во имя мирских выгод дали фетву, которая гласила: «Все имущество подданных принадлежит падишаху, у народа нет права собственности ни на что. Если падишах отбирает у своего подданного что-либо, то он только распоряжается своей собственностью, в этом нет никакого насилия»⁴. Все эти обстоятельства и явля-

³ Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург, Таджикгосиздат, Душанбе, 1960, стр. 95.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 19, л. 231.

¹ Ахмад Дониш, Путешествие из Бухары в Петербург, Таджикгосиздат, Душанбе, 1960, стр. 71.

⁴ Там же, стр. 43.

лись юридическим оправданием произвола, насилия и грабежа, творимых эмиром «священной» Бухары, под прикрытием законов шарията.

Наиболее распространенным в бухарской административной практике явилось взяточничество.

Взятки брали все без исключения должностные лица, начиная с самого эмира под видом «пашкаши» (подарки). Без взяток не обходилось также и получение воды для орошения полей, той воды, которая согласно шарияту считалась «оби-худой» (божьем даром).

Ахмад Дониш, с гневом и возмущением описывая деяния последних бухарских эмиров из династии мангытов, справедливо отмечал: «А в общем, в исламской общине был такой застой, подобного которому никто и никогда не видел и даже не читал в исторических книгах. Эмир и визир, улемы и военачальники были похожи друг на друга... Все поглощены лишь тем, чтобы быть знакомым с эмиром, сидеть рядом с казием, стать собутыльником раиса и соседом начальника стражи.

Если же присмотреться к ним хорошо, то эмир никто иной, как развратник и кровожадный тиран, казий — заядлый взяточник и вымогатель, раис — продажный сводник и безбожник, а начальник стражи — пьяница и игрок, атаман разбойников и главный вор»¹.

Так характеризовал Ахмад Дониш эмирский строй, четко определив его грабительскую антинародную сущность.

Эмир вовсе не думал об оказании «милости» трудовым массам, так же как не помышлял о наказании своих чиновников — беков и амлакдаров, казиев и раисов, причинявших много бед и страданий народным массам. Эмир безжалостно относился к тем своим подданным, которые обращались к нему с жалобой на действия его сторонников. По приказанию эмира их пытали, избивали кнутом, бросали в подземную тюрьму (зиндон) и конфисковывали их имущество.

Л. Костенко, посетивший Бухару в 1870 г., вынужден был признать крайнюю обременительность налогового гнета в эмирате: «Народ, как бы он не вышколен путем продолжительного деспотизма и гнета, начал роптать.

¹ Ахмад Дониш, Путешествие из Бухары в Петербург. Таджик-госиздат, Душанбе, 1960, стр. 83.

Для удержания черни в повиновении, эмир и его правительство нашли нужным прибегать к частым казням»¹.

Лиц, оказавших неповиновение существующему строю, бросали в об-хона (несколько сырых и страшно холодных комнат в арке), в кана-хона (ужасная темница, где было бесчисленное количество клещей, разведенных в ней искусственно), в зиндони-боло (верхнее отделение тюрьмы с несколькими комнатами для заточенных), с глубокой отвесной ямой внутри (зиндони-поин). Преступников бросали также с высокой башни минорати-калон, их подвергали утонченным пыткам и т. д.

Вот как описывал весь этот ужас средневекового мракобесия путешественник Н. Стремоухов: «Клоповая яма находится во дворце, в городе Бухаре, имеет вид бутылки, книзу широкая, кверху уже, так что приговоренного спускают туда на веревках. Выкарабкаться из нее нет никакой возможности. Населена эта яма легионами клопов, которые нарочно откармливаются мясом, чтобы сделать их свирепее... Колодец имеет глубину 38 футов, дно его усеяно острыми камнями и копьями. Круглая башня, вышиною 60 аршин, с вершины ее бросают на каменную мостовую приговоренных, от которых остается только какая-то масса»².

Обыкновенной формой наказания преступников в то время являлось пожизненное заключение в подземную тюрьму — зиндон, переполненную грязью. Практиковалось также присуждение к самой простой форме смертной казни — перерезанию горла или отсечению головы.

Приведем один характерный пример: в марте 1888 г. был убит диван-беги Мухамед Шариф. Убийца был приговорен к смертной казни. У него «рвали ноздри, выкололи глаза и ремни из кожи вырезывали, и подпаливали, и всю «подноготную» проходили, и долго это продолжалось, наконец, привязали его за ногу к хвосту ишака и выволокли на улицу города за ворота, где бросили вместе с падалью на съедение бродячим собакам»³.

¹ Л. Костенко, Город Бухара в 1870 г. Военный сборник, 1870, № 12, стр. 418.

² Н. Стремоухов, Поездка в Бухару, «Русский вестник» за 1875 г. № 6, стр. 680—681; см. также И. Т. Пославский, Город Бухара, Т., 1891, стр. 86, Б. В. Крестовский, В гостях у эмира Бухарского, собр. соч., т. VII, СПб., 1905, стр. 109—110.

³ И. Т. Пославский, Город Бухара, Ташкент, 1891, стр. 87.

Такой жестокостью эмир поддерживал порядок и осуществлял господство правящих классов над эксплуатируемыми массами ханства. Поэтому и ожидать от эмира милостей или справедливого решения было абсурдом и население Бухары понимало это все более отчетливо и, не случайно, что именно в этот период — период феодальной деспотии и кулачного права, родилась народная поговорка, олицетворяющая в себе истину тогдашней эпохи: «Справедливости и правды на этом свете нет, она улетела в воздух» — («адолат осмонда»). Народ не верил ни ханам, ни эмирам; он видел в их лице злейших своих врагов, попирающих его права и свободу. А когда он, не имея нигде защиты от ужасающего гнета местной администрации, обращался к эмиру и отыскивал у него «правду», то он еще раз убеждался в справедливости народной поговорки — «адолат осмонда», с гневом и ненавистью и со всей решительностью готовился к борьбе за свержение эмирского деспотизма.

Опорой эмира и правящей аристократии была его армия сарбазов. Регулярная армия в Бухаре была организована при эмире Насрулле в 40-х гг. прошлого столетия и состояла из 1000 сарбазов, при 11 пушках и двух мортирах¹.

В 90-х гг. прошлого столетия в бухарской армии насчитывалось 13 тысяч пехоты и 500 конницы. Она была расквартирована в следующем порядке: в Бухаре — 8000, в Ширбудуне (загородный дворец эмира в 5 км от Бухары) — 2000, в Шахрисабзе — 1000, в Кулябе — 1000 и в Бальджуане — 1000 солдат. 500 всадников и 620 артиллеристов при 150 орудиях находились в бухарской крепости под начальством топчи-бошилашкар. Кроме постоянной армии эмир имел в своем распоряжении более 2000 миршабов (полицейских) для обеспечения «спокойствия» и общественного «порядка» в городах ханства.

В начале XX в. армия бухарского эмира сократилась до 10 тысяч человек и к 1908 г. она состояла из 12 батальонов пехоты (8200 сарбазов, 52 офицера и 12 батальонных командиров), 2 эскадронов кавалерии (600 солдат, 5 офицеров и 2 командира эскадрона) и 300 артиллеристов².

¹ Н. Ханьков, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 235.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 251, л. 59—62.

Во главе бухарской армии стоял топчи-боши-лашкар, который непосредственно командовал воинскими частями, расположенными в Бухаре, и крепостной артиллерией. Ему были подчинены командиры отдельных частей, батальонов и эскадронов, которые носили звание датхо (генерал-майор) и токсабо (полковник). За ним шли офицеры строевой службы — мирахур (подполковник), караул-беги (капитан) и джевачи (лейтенант). Непосредственное обучение и командование сарбазами, подразделенными на даста (рота), ним-даста (полурота), расад (взвод) и бара (полувзвод) было поручено низшим чинам юзбаши (поручик), чехраогаси (фельдфебель) и дах боши (ефрейтор).

Лица командного состава бухарской армии, наряду с земельными наделами (танхо), получали жалованье от эмира: топчи-боши 15 000, батальонные командиры в звании датхо или токсабо — по 6000, ротные командиры — 270, фельдфебели по 140 и ефрейторы по 90 рублей в год.

Служба в бухарской армии была исключительно тяжелой. Солдаты (сарбазы) жили в казармах (сарбазхона), получая 4 рубля в месяц, должны были за эти деньги кормиться и одеваться. Поэтому они вынуждены были заниматься земледелием и мелкой торговлей. При постоянных передвижениях эмира и, тем более, при стоянках в отдаленных частях ханства, солдаты, оторванные от своих домов, получали походное содержание — 7 рублей в месяц, недостаточное для содержания себя и семьи; хозяйство было почти всегда расстроено, жили они впроголодь. Набор производился добровольной вербовкой, но раз поступивший в солдаты должен был служить в армии эмира до глубокой старости. В строю были не только мальчики — 10—11 лет, но и 70-летние старики.

Бухарская армия в основном состояла «из лиц, не имеющих определенных занятий, безграмотных бобылей, беглецов, отпущенных рабов и вообще отбросов населения»¹. Поэтому, естественно, что бухарская армия была мало боеспособной и выполняла только роль полиции внутри государства для поддержания господства светских и ду-

¹ И. Т. Пославский, Город Бухара, Ташкент, 1891, стр. 90.

ховных феодалов и городского купечества над громадным большинством трудящихся масс ханства.

Широко распространенной в исторической литературе трактовкой о неограниченности власти эмира, как нам думается, затуманивается роль и значение бухарской землевладельческой аристократии и высшего мусульманского духовенства, участие их в управлении государством.

Эмир был действительно неограниченным повелителем, ему принадлежала высшая власть в государстве, но он не мог бы управлять ханством, если бы не опирался на правящую землевладельческую знать и крепко сплоченное всемогущее в условиях «священной» Бухары мусульманское духовенство и не согласовывал бы свои действия с их волей и требованиями.

Эмир, как глава государства, представлял и защищал интересы светских и духовных феодалов, а также городского купечества и в то же время в трудных условиях осуществления классового господства и защиты существующего строя от внутренних и внешних врагов, он прибегал к содействию представителей правящих классов ханства. Во время войны с царской Россией эмир Музаффар не раз прибегал к совету знатных лиц, высших сановников духовенства (улемов), представителей феодальной знати (амарон-и-сахиби эл-ва-улус) и служилого сословия (саркарда). Вопрос о заключении мира с Россией трижды ставился на обсуждение правящей аристократии¹. Это подтверждается также очевидцем этих событий Ахмадом Донишем. По его словам, эмир Музаффар неоднократно созывал совет визиров, военачальников и улемов для обсуждения вопроса о войне с Россией².

После присоединения Средней Азии к России роль духовенства в Туркестане значительно ослабла. Что же касается бухарского эмирата, роль и значение мусульманского духовенства, в силу особого положения Бухары как религиозного центра всей Средней Азии, не были поколеблены. Подтверждением этого служит приводимый

¹ С. Айни, История бухарских эмиров из династии Мангытов (на таджик. языке), Т., 1923, стр. 43; см. материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, 1873, статья Богданова «Материалы для описания бухарской экспедиции, 1898».

² Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург, Душанбе, 1960, стр. 47.

В. В. Крестовским факт. В январе 1883 г. русское посольство вело переговоры с эмиром о проведении через территорию эмирата телеграфной линии. Эмир, как рассказывает Крестовский, в беседе с посольством заявил, что «ему крайне грустно отвечать на предложение генерал-губернатора безусловным отказом, понимая пользу и выгоду этого дела и искренне желая им воспользоваться, он думал и само собою советовался со своими приближенными на счет того, каким образом ввести у себя телеграф, не ошеломляя этим нововведением умы народа и порешил, что по возвращении (из Шахрисабза в Бухару — А. И.) склонить мнение сеидов, ходжей и улемов в пользу телеграфа, а затем, если не с их помощью, то по крайней мере, без их сопротивления постараться подготовить к этому уже и умы народа»¹.

В этом характерном примере вырисовывается соотношение политических сил в эмирате, роль и значение духовенства, которое ограничивало власть эмира, выступало против всех его действий, если они не согласовывались, по мнению реакционных мулл, с основами шариата.

Мы склонны полагать, что при эмире существовал совет для решения наиболее важных государственных дел. Правда, Совет не был юридически оформлен, он не имел утвержденного списочного состава, тем более определенной законоположениями компетенции, устанавливающей права и обязанности совета. Однако ясно и то, что эмир не обходился и не мог обходиться без такого постоянно действующего совещательного органа.

Н. Ханыков указывал на существование совета при эмире, в котором принимали участие представители землевладельческой аристократии и служилого сословия (сипаи), а также мусульманского духовенства (улема). Первую группу возглавлял ходжа-калон, а вторую — шейх-уль-ислам. Соблюдая правила местничества, ходжа-калон садился справа от эмира, а шейх-уль-ислам занимал место слева от повелителя. Совет имел значение совещательного органа, в котором эмир обсуждал с видными представителями названных сословий вопросы, определяющие внутреннюю и внешнюю политику эмирата².

¹ В. В. Крестовский. В гостях у эмира Бухарского, собр. соч., т. VII, СПб, 1905, стр. 69.

² Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 190.

Бухарский посол Ходжа Мухаммед, прибывший в Ташкент 15 октября 1872 г. с дипломатическими поручениями от эмира Музаффера, на приеме у генерал-губернатора Кауфмана заявил: «Одно из означенных лиц, давших мне поручение, Абдукадыр Мирахур находится в числе немногих лиц, составляющих при эмире бухарском джамоа (совет). Члены джамоа почти безотлучно находятся при эмире, с этими лицами он часто беседует и советуется о делах внутренних и внешних»¹.

Это же подтверждается запиской поручика Стрицанова от 9 сентября 1870 г. «О влиятельных лицах Бухары». Он сообщает, что «некоторые родовитые люди ханства постоянно находятся при эмире и своими советами влияют на решение дел. Таковыми являются: 1) Шукур-бии-инак. Эмир постоянно, во всех важных случаях приглашал его к себе и в разговоре с ним, получая всегда разумные и полезные ответы, почти всегда слушается его. 2) Якуб-бек-инак. Он был правителем Гиссараи и пользовался неограниченной властью. Эмир Музаффар дал ему право присуждения к смертной казни жителей этой области, считая его наместником большого и важного вилаета (округа). 3) Ахмад-бий-парваначи, хотя он определенной должности не занимал, но имел большое влияние на эмира по своему общественному положению — как наиболее именитый житель Бухары. 4) Абдул-Карим-парваначи, который воспитывал эмира в детстве, пользовался расположением его как регент-аталык.

Все эти четыре лица составляют как бы верховный совет эмира в делах государственной важности и во время совещания спорят с эмиром»².

Кроме того, сильное влияние на эмира имели куш-беги Кул-Мухамед-шах, пользовавшийся большим доверием у Музаффера, и верховный судья Кози-калон Садритдин ишан, являющийся главою сословия духовенства.

В период правления эмира Абдуллы Ахада (1895—1910 гг.) большое влияние на решение важных государственных дел оказывали Верховный судья Бадритдин, представлявший улемов и сендов в ханстве, премьер-министр Астанакул-диван-беги — защитник интересов землевладельческой аристократии (амал-дорон) и правитель

¹ ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 262, л. 3.

² Там же.

Шахрисабза Мирза Насрулла ураганчи — выходец из служилого сословия (саркарда)¹.

Управление ханством фактически находилось в руках выдвигаемых землевладельческой аристократией, служилым сословием и мусульманским духовенством знатных лиц, занимавших ответственные должности в правительстве эмира, как-то: куш-беги, кази-калон, диван-беги, раис-ишан, миршаб и др.

О существовании совета при эмире указывается также в письме Российского политического агента в Бухаре от 2 мая 1892 г., адресованном в министерство иностранных дел.

Ввиду предстоящего отъезда эмира Абуллы Ахада в Петербург, Политическое агентство запросило главного закетчи ханства Астанакула-парваначи, который одновременно исполнял обязанности визира по иностранным делам, о том, на кого эмир возлагает управление страной во время своего отсутствия.

«В ответ на это Астанакул-парваначи сообщил мне, — писал политический агент Лессар, — что во время походов Музаффар эд-дина все дела в Бухаре решались по согласованию куш-беги и кази-калона. Но Сеид-Абдул-Ахад при своих отлучках из столицы возлагал дела, требующие решения по шариату на кази-калона, а административные — на куш-беги и других сановников (каждому по своей части). Теперь же, ввиду первого случая оставления им своих владений, эмир счел полезным вернуться к прежнему порядку и назначил для управления ханством совет из трех лиц, которые ежедневно соберутся в крепости и решат все дела, как касающиеся ханства, так и споров между бухарскими подданными и русскими.

Старшим в этом совете будет кази-калон, как высший по должности и как садр, вторым Турсун-ходжа садр и третьим — ныне исполняющий должность бухарского куш-беги Джан мирза-парваначи»².

Приведенные данные с полной очевидностью подтверждают существование совета при эмире, состоящего из влиятельных представителей землевладельческой аристократии и мусульманского духовенства, решавшего дела государственной важности, делая, однако, все это в

¹ С. Айни, Материалы по истории бухарской революции..., стр. 42.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 20, л. 186.

присутствии эмира и от его имени. Однако этот совет законодательно не был оформлен, не носил характера постоянно действующего государственного учреждения, с определенным местом пребывания, составом и функциями, как это имело место в России. Поэтому не случайно, что Ахмад Дониш в трактате «Редкостные события», признал крайне необходимым учреждение в ханстве государственного совета европейского типа, напоминающего, скорее всего, государственную думу Российской империи¹.

Важное место в системе политической организации Бухарского ханства (как и во всяком другом государстве), занимали органы управления, посредством которых осуществлялось господство светских и духовных феодалов над громадным большинством населения. Это были «винтики» и «рычаги» государственного механизма, служившие орудием подавления сопротивления классовых противников господствовавшей землевладельческой аристократии. Вся деятельность эмирата была связана с бесперебойной работой государственного механизма — аппарата управления.

Механизм государственного управления Бухарского ханства не будучи сложным по своей структуре, представлял собою аппарат грабителей и угнетателей трудового народа.

В. И. Ленин дал яркую характеристику правителей-паразитов, защищающих интересы эксплуататорского меньшинства: «кучка осужденных всеми, опозоренных и публично оплеванных казнокрадов, палачей и погромщиков снова издевается во всю над народом, снова громит, грабит, избивает, затыкает рот и отравляет воздух нестерпимым крепостническим зловонием»².

Эти слова В. И. Ленина полностью относятся к бухарской действительности и раскрывают содержание деятельности органов государственного управления ханства, основанных на произволе и самовластии чиновников и унижении народных масс.

Аппарат государственного управления Бухарского ханства состоял из административно-финансового,

¹ Ахмад Дониш, Путешествие из Бухары в Петербург, Таджикгосиздат, 1960, стр. 20.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 383—384.

судебно-полицейского и военного ведомств, во главе которых стоял первый помощник эмира, называемый визиром или куш-беги (куш-беги-боло, куш-беги-калон, кулли-куш-беги).

Куш-беги безотлучно находился в Бухаре. Его канцелярия размещалась в эмирском дворце — арке. Куш-беги непосредственно управлял столицей и ключи от всех 11 городских ворот Бухары с наступлением темноты сдавались ему и они «лежали у него всю ночь под подушкой»¹.

Куш-беги, поддерживая повседневные связи с Российским политическим агентством в Бухаре, в официальных документах стал именоваться «куш-беги по внешним делам».

Обязанности куш-беги были самыми разнообразными². Ему принадлежала высшая административно-распределительная власть в ханстве³. Русские дипломатические представительства и административные должностные лица, а также путешественники, посетившие Бухару в конце XIX в., величали куш-беги как высокого придворного чина, первым лицом в эмирате. Они отождествляли его с «великим визиром» Турции, и «государственным канцлером» в европейских странах⁴.

А. А. Семенов, характеризуя многогранную деятельность куш-беги, писал: «Как своего рода премьер-министр, куш-беги с его канцелярией был тем правительственным фокусом, где сходились все поступающие к эмиру сведения, донесения и жалобы, а отсюда исходили все распоряжения и указания центральной власти; куш-беги же принадлежал высший надзор за государственными доходами и расходами, он же отвечал за спокойствие в столи-

¹ И. Т. Пославский, Город Бухара, Ташкент, 1891, стр. 51.

² Куш-беги — ранее заведовал охотой эмира за соколами. Возвышение его было связано с переходом ханской власти к династии мангытов и падением значения должности «аталыка», совмещавшего в себе обязанности: визира, главнокомандующего и межордома. В 1756 г. Рахимхан, сын Хаким-аталыка, выходец из родовой мангытской знати, убил последнего представителя династии аштарханидов Абдул-Файзи-хана и занял ханский престол; с переходом ханской власти к династии мангытов должность «аталыка» утратила свое бывшее значение и ему было поручено руководство и надзор за распределением вод реки Зарафшана (см. «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 144).

³ Н. Ханьков, Указ. соч., стр. 187.

⁴ В. В. Крестовский, Указ. соч., стр. 107.

це. Титул куш-беги «вазорат-панох», то есть убежище министерской власти, им как бы определялось все существо его власти»¹.

Куш-беги, как первый министр, стоял во главе административного управления ханства и осуществлял руководство и надзор за деятельностью наместников в двадцати семи бекствах и девяти амлакдарствах.

В основу административного деления Бухарского ханства были положены количество орошаемой земли, материальная и военная возможность данной территории, ибо с каждых 50 тысяч танапов земли на службу призывалось 1000 воинов, содержание которых возлагалось на население². И не случайно, что основной обязанностью правителей областей и городов являлось содержание в боевой готовности определенного количества ополченцев (наукар), которые по первому зову эмира должны были являться в указанное место на лошадях, с полным вооружением и боеприпасами³.

В административно-территориальном отношении Бухарское ханство делилось на вилайеты (бекства), соответствующие дореволюционному русскому областному делению и тумены (амлакдарства) — напоминающие во многом уездную единицу.

В начале XX в. Бухарское ханство было разделено на следующие вилайеты: Чарджоуский, Кермининский, Зияутдинский, Нуратинский, Хатырчинский, Китабский, Шахрисабзский, Чиракчинский, Яккабагский, Гузарский, Байсунский, Каратегинский, Денауский, Гиссарский, Дарвазинский, Бальджуанский, Шугнано-Рушанский, Кулябский, Курган-Тюбинский, Кабадианский, Ширабадский, Келефский, Керкинский, Бурдалыкский, Кабаклынский, Каршинский и Норазымский⁴.

Исключительное положение занимала столица ханства Бухара, которая была особой административной

¹ А. А. Семенов, Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Труды Института истории и археологии АН Тадж. ССР, т. XXV, изд. АН Тадж. ССР, 1954, стр. 54 — 55.

² А. А. Семенов, К вопросу о значении некоторых терминов, употреблявшихся в административно-территориальном делении Мавераннахра, «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 151 — 152.

³ Н. Ханыков, Указ. соч., стр. 180.

⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, д. 75, л. 48—50.

единицей, управляемой первым министром ханства — куш-беги и в состав которой входило еще девять туменов, непосредственно подчиненных Бухаре — Каракульский, Зинданский, Пирмастский, Гиждуванский, Ваганзинский, Вабкентский, Шафриканский и Яртепинский.

Во главе вилаетов (областей) стояли правители (хакимы), которые назывались беками. Беки назначались и сменялись непосредственно эмиром по представлению куш-беги.

Беки и амлакдары выполняли функции административные (управления бекством или амлакдарством), финансовые (руководили сбором податей), судебные (разбирали уголовные дела) и полицейские (розыск бежавших преступников).

И. Л. Яворский, посетивший Бухару в 1879 г., уподобляя беков удельным русским князьям, особо подчеркивал, что они управляют подвластной им территорией «...почти независимо от эмира, их воля в своем округе — закон. Каждый из них имеет свой двор, хотя довольно в микроскопическом размере, но с такой же градацией чинов и должностей, как и при «высоком дворе эмира»¹.

Такими независимыми правителями были беки Шахрисабзский (до 1870 г.), Гиссарский (до 1875 г.), Каратегинский и Кулябский (до 1877 г.); как феодальные владыки они «вели войны со своими соседями, заключали мир, чеканили свою монету и только тем и выражали свое подданство Бухаре, что от времени до времени посылали эмиру незначительные подарки»².

При помощи русских войск эмиру удалось покончить с независимостью Восточной Бухары и положить конец междоусобным войнам, разорывшим страну.

Власть бека и амлакдара ничем не была определена, тем более ограничена, они фактически распоряжались жизнью своих подданных, как эмир в центре государства³. Вот один характерный пример: в 1904 г. барон Черкасский произвел обследование условий жизни населения в Припамирских бекствах, в том числе в Шугнан-

¹ И. Л. Яворский, Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878 — 1879 гг., т. 1, СПб, 1882, стр. 36.

² Там же, стр. 37.

³ Н. Ханьков, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 179.

ском вилаете. По приезде Черкасского к нему явилась депутация от местного населения с жалобой на жестокость и алчность шугнанского бека Мирза-Юлдаша-бия-датхо и невыносимый произвол, чинимый им.

В условиях тогдашнего политического строя, когда эмир и его беки поддерживались царским самодержавием и его представителями — Туркестанским генерал-губернатором и Российским политическим агентом, шугнанский бек решил отомстить тем, кто унизил его престиж перед представителем царской власти. Озлобленный бек принялся за расправу: «... по его приказанию четверо из пяти захваченных таджиков были жестоко избиты нагайками, а затем повешены на деревьях, со связанными на спине руками и висели они все время, пока бек обедал в тени тех же деревьев»¹.

В Бухарском ханстве во всех отраслях управления, за исключением сарбазов, насчитывалось до 50 тысяч служащих. Они не получали никакого содержания от правительства, жили за счет трудового населения той местности, во главе которой они были поставлены, взыскивая с последних специальный налог в свою пользу. Вся система местного управления была основана на принципах средневекового «кормления». Целые области всецело отдавались в управление отдельным лицам земледельческой аристократии, подотчетной лишь только перед главой государства — эмиром, от которого они откупили эту населенную территорию.

Куш-беги осуществлял руководство и надзор за деятельностью финансовых органов; наблюдал за поступлениями хераджа, закета, аминана и других податей. Ему подчинялись диван-беги², ведавшие сбором поземельных податей (херадж) и закетчи-калон (он же назывался куш-беги поян, или нижний куш-беги), собиравший налоги со скота и торговые пошлины с иностранных купцов³.

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 97, стр. 49.

² «Вторая должность (после куш-беги — А. И.), великий диван-беги (диван-беги-калон), который ведал хераджем страны, определяемым термином муаззаф и является ответственным лицом за данные дафтарных записей», (А. А. Семенов, Указ. соч., стр. 147).

³ В. В. Крестовский, посетивший в 1883 г. Магомета-Шарифа. Инака отмечает, что он «занимает видный пост главного закетчи и казначеи самого эмира, то есть, в его руках сосредоточивается глав-

Материальной основой содержания аппарата государственного управления были не только налоги, собираемые органами финансового ведомства, но также открытый грабеж трудящихся со стороны местных правителей и сборщиков податей.

С. Айни пишет: «В прошлом источники дохода бухарских эмиров состояли из хераджа и ушра, взимаемых с обрабатываемых земель; закета — со скота, продаваемых вещей и товаров, а также с выморочного имущества (т. е. имущества без хозяев и без наследников). К концу царствования эмира Музаффера были введены новые налоги: побазарный сбор — аминана, конфискация (в пользу государства) вакуфных земель и «приношения» казиев и райсов»¹.

Огромные доходы, которые получали эмир и другие представители высшей чиновной знати, от так называемых «пешкаши» (подарки), не учитывались, они не поступали в общую государственную казну.

Эмир и куш-беги не довольствовались только получением «подарков» от зависимых и подвластных им лиц; они практиковали открытую продажу государственных должностей. Дипломатический чиновник Туркестанского генерал-губернаторства писал 5 февраля 1890 г. политическому агенту: «Эмир бухарский отдал приказание Астанакул-беку-парваначи, чтобы амлакдары (чиновники), назначенные при жизни покойного куш-беги и все амалдоры, служащие в закетном управлении, удовлетворили его высокостепенство. Теперь Астанакул-парваначи к приезду его высокостепенства собирает со всех амлакдаров от 30 до 40 тысяч танга с каждого»².

Эти данные подтверждаются Российским политическим агентством в Бухаре: «Астанакул, действительно имеет приказание собрать с амлакдаров покойного Мулла-Михман куш-беги и со всех амлакдаров, служащих в закетном управлении, для удовлетворения эмира сумму приблизительно 200 000 танга (около 40 тысяч рублей)

ное управление по государственному сбору торговых и караванных пошлин, и числится он помощником куш-беги по финансовой части по административному управлению городом» (см. В. В. Крестовский собр. соч., т. VII, СПб, 1905, стр. 116—167).

¹ С. Айни, История бухарских эмиров из династии мангытов (на таджикском языке), Ташкент, 1923, стр. 80.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 20, л. 3.

вследствие чего по приказанию Астанакула закятчи продают дома и сады, полученные деньги представляют Астанакулу, который в свою очередь должен эти деньги передать эмиру, в Бухару.

После такого рода удовлетворения, служащие остаются на занимаемых должностях, а не внесшие (требуемую сумму) отстраняются от должностей, даже арестовываются, затем, года через два или три, снова принимаются на службу.

При этом считаю необходимым пояснить, что такого рода поборы считаются в Бухаре обычным явлением, в основе которого лежит предположение, что чиновники, которые обыкновенно не подвергаются строгому контролю, обращают часть казенных сборов в свою пользу¹.

По официальным данным бухарского правительства, как об этом сказано выше, доходы эмира состояли из хераджа, закята и аминана. В официальном письме бухарского куш-беги от 14 октября 1912 г. сообщалось: в течение года поступило в приход казны эмира 3345 тысяч рублей². На самом деле, доходы бухарского эмира от многочисленных податей были значительно больше.

Д. И. Логофет, на основании имеющихся у него данных, определял всю сумму доходов эмира в 18 млн. рублей в год³. С. Айни полагал их до 30 млн. рублей⁴.

Данные Д. И. Логофета о доходах Бухарского ханства в книге «Страна бесправия» не подтверждаются источниками. Материалы «Совещания по бухарским делам» от 2—3 февраля 1909 г., происходившего под председательством Туркестанского генерал-губернатора с участием Политического агентства в Бухаре, дают нам иные сведения. В докладе «О состоянии бухарского народа», политический агент в Бухаре Я. Я. Лютш указал: «Цифра доходов эмира держится в тайне и официальных данных нет, но по сведениям, добытым частным путем и заслуживающим доверия, податей разного рода со всего ханства поступало 7 349 000 рублей, а не 18 миллионов,

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 20, л. 3 и 7.

² Там же, д. 441, л. 2.

³ Д. И. Логофет, Страна бесправия (Бухарское ханство и его современное состояние), СПб, 1909, стр. 52—54.

⁴ С. Айни, Материалы... указ. соч., стр. 23.

как полагает Логофет, в том числе поземельных податей 4 909 500 рублей, а не 9 миллионов»¹.

Если считать общий годовой доход эмира в 7 500 000 рублей, то из них на долю поземельной подати приходилось 5 млн. рублей, херадж составлял 70% всего дохода, лежавшего тяжелым бременем на крестьянском населении эмирата.

По свидетельству Ахмада Дониша, в конце XIX и в начале XX вв. налоговое бремя увеличилось: тумени, выплачивавшие раньше 10 тысяч танга, стали платить в казну более 100 тысяч. Базар по продаже шелковых коконов, отдаваемый на откуп за 6 тысяч танга, платил при эмире Абдулахадe 100 тысяч, хотя по меткому выражению Ахмада Дониша — «На шелковом базаре не сеяли танга»², их извлекали из бедных крестьян в виде сбора аминана, когда они приезжали в город продавать свою продукцию. Ахмад Дониш, описывая весь ужас сбора, передал это устами одного дехканина: «Я привез из Гиждувана 2,5 сера шелковых коконов и заранее распределил выручку на покупку нужных вещей. Когда пошел на базар, мой товар взвесили на нескольких весах, взяли аминанский сбор и уплату за место, определили полвеса и полцены так что я получил всего 10 танга. Я покинул поскорей базар, опасаясь, как бы самому не исчезнуть в весах этих мошенников»³.

Ахмад Дониш с возмущением писал: «... если вдова принесла на базар моток пряжи и продала его за 3 гроша, то два забирал амин — сборщик податей, точно так же поступали и с бедняком, продавшим хорвар-дрова за три гроша, отбирая и у этого несчастного два гроша»⁴.

Аминана взимался главным образом с хлопка, каракуля, шерсти и зерна. С каждого пуда хлопка взималось 15 копеек, с шерсти (с каждых 150 рублей ее стоимости) — два рубля. Так как эти товары в основном приобретали русские купцы, царское правительство было заинтересовано в отмене аминана. Российский политический агент, по поручению министра иностранных дел, вел переговоры с бухарским эмиром по этому поводу и

¹ ЦГА УзССР, ф. 2, д. 251, л. 29.

² Ахмад Дониш, указ. соч., стр. 101.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 180.

добился отмены не аминаны, а закета с покупаемых и продаваемых русскими купцами товаров. После отмены закета на русские товары аминану стали взимать в размере 1,5% стоимости товара¹.

Следует также указать на существование особого вида подати джузия, взимавшейся с евреев. В конце XIX в. в Бухаре проживало 5 тысяч евреев, занимающихся сильным производством и продажей шелка. Однако они были бесправным и угнетенным народом, им не разрешалось приобретать земельную собственность².

В знак унижения, евреи при появлении в общественных местах обязаны были носить темное и не новое платье с желтой заплатой, подпоясанной грубой веревкой. Они не могли ездить верхом на лошадях, а только на ослах, на собрании не имели права занимать почетное место, не смели приветствовать мусульман, но обязаны были почтительно уступать им дорогу. Им не разрешалось также возводить дома выше, чем у мусульман, они обязаны были жить в отведенных для них кварталах³, составляя особую общину⁴. У дверей каждого еврейского дома висел кусок гнилой материи, чтобы отличить дом еврея от владения мусульман⁵.

В Бухаре, кроме евреев, жили индусы. Они занимались главным образом ростовщицеством, оптовой закупкой шелка, хлопка, риса, пшеницы и других хлебных продуктов в целях наживы; оттого в просторечии индусы получили прозвание «сут-хур», или «кон-хур» (кровопиец).

Особое место в системе государственных органов занимал суд, возглавляемый обычно представителями духовенства. Так же, как и в аппарате административно-распорядительной власти, в судебных органах верховодили представители земледельческой аристократии.

Отмеченное выше «разделение властей», существовавшее в Бухаре, никоим образом не может затушевать классовую природу эмирата. Наоборот, оно указывает на то, что мусульманское духовенство, подобно

¹ ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 2.

² А. А. Семенов, К прошлому Бухары, стр. 982.

³ Средняя Азия, кн. II, Ташкент, 1910, стр. 101—102.

⁴ «Туркестанский сборник», т. 541, стр. 99.

⁵ И. Т. Пославский, Город Бухара, Ташкент, 1891, стр. 70—71.

духовенству в других странах, будучи наиболее организованным сословием феодального общества, защищало кровные интересы правящих классов и ему было вверено осуществление самой важной — карательной функции государства.

Известно, что духовенство в Бухаре составляло многочисленное, крепко сплоченное сословие, имеющее огромное влияние на эмира и его правительство. По некоторым данным только в Бухаре, столице эмирата, насчитывалось 360 мечетей, 140 медресе и школ с 20-тысячной армией мулла-бачей (учащихся), 360 мактабов при мечетях, обслуживаемых муллами и другие религиозные заведения (ханака, кироат-хана и др.), находившихся всецело в распоряжении ишанов, шейхов и других представителей духовного сословия.

Сеиды и улемы, муллы и ишаны составляли крепко сплоченное сословие верхов мусульманского духовенства и пользовались исключительными правами. Им принадлежала власть судебная (куззат) и надзирательская (ихтисаб), составление юридических заключений — фетва, выполнение функций муфтия (юрисконсульта), преподавание в медресе в должности мудариса (профессора)¹.

Судебная власть в Бухарском ханстве была феодально-сословная. Во главе суда стоял сам эмир, который осуществлял беспощадную расправу с лицами, покушавшимися на основу феодально-деспотического строя. Тот, кто осмеливался поднять голову против произвола эмира и его беков, выступал в защиту обездоленных и бесправных людей, того ожидала смертная казнь.

Эмир самолично судил прелюбодеев, крупных воров, главарей разбойничьих шаек и других, которых также ожидала смертная казнь.

Эмиру были подсудны также высокие должностные лица (куш-беги, диван-беги, закетчи-калон и беки) и начальствующий состав регулярной армии по преступлениям по должности или вызвавших гнев эмира². Такие

¹ Н. Ханыков, указ. соч., стр. 190 — 191; Бухарский трактат о чинах и званиях и носителях их (перевод А. А. Семенова, указ. соч., стр. 139 — 140; А. А. Семенов, К прошлому Бухары, стр. 987.

² Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 230.

случаи в Бухаре бывали частыми. Казнь обычно сопровождалась конфискацией всего имущества осужденного в пользу эмирской казны.

Из всех узбекских племен, мангыты, из среды которых произошла царствующая династия, считались родовитыми (уругдор) и пользовались особыми привилегиями. Высшие чины как воинские, так и гражданские не несли наказания за совершенные ими преступления против личных и имущественных прав подданных до девяти раз, будучи подсудными лишь только перед эмиром за свои деяния против порядка управления.

Остальные подданные эмирата делились на три сословия: сипаи (дворянство), уламои (духовенство), таджори (купечество), что касается эксплуатируемых народных масс, которые несли на себе всю тяжесть крепостнического гнета, то они были бесправными и назывались фукорои (чернь).

Суд в Бухарском ханстве, как и во всех феодальных классово-эксплуататорских государствах, защищал интересы эксплуататоров. Будучи сословным, он подразделялся на суд: казиев, во главе с кази-калоном, разбиравшим в основном гражданские дела подданных (фукорои), не превышающих 500 тилла и кози-аскера, которому были подсудны военнослужащие (сипаи). Однако войсковой судья «в делах уголовных, равно как и в тяжёбных, в коих интерес иска превышал 500 тилла»¹, докладывал эмиру, который и принимал окончательное решение.

Уголовные дела по преступлениям, совершенным военнослужащими в военное время или при нахождении войск в походах, а также населением «занятых или оккупированных войсками областей», разбирались накибом. Должность накиба была весьма важная и он стоял выше войскового судьи, на решение и приговоры которого (т. е. кази-аскера), можно было принести жалобу накибу².

Что касается лиц духовного сословия, таких как сеиды, ходжи, улемы, ишаны и др., то высшую судебную власть над ними осуществлял глава мусульманского духовенства в Бухаре шейх-уль-ислам, «которому

¹ Н. Ханьков, указ. соч., стр. 190.

² Там же.

апеллирует верховный судья (кази-уль-куззат), будучи связан с его решениями, поэтому по своей должности (шейх-уль-ислам) стоит выше, чем верховный судья»¹.

Шейх-уль-ислам в последние годы существования бухарского эмирата не имел решающего значения в делах государства и, заведая делами сеидов и ходжиев, он решал споры о происхождении их от пророка и его сподвижников. Но зато особое положение в государстве занимал кази-калон.

Кази-калон (кази-уль-куззат), как глава духовного сословия и юрисдикции и в официальных документах именовался «шариат-панох» (столпом правосудия). Он разбирал уголовные и гражданские дела, превышающие компетенцию участковых казиев, а также ведал спорами о разделе наследования и удовлетворения исков между подданными Бухарского ханства и местными жителями Туркестанского края. Ему же были подсудны все гражданские и уголовные дела по преступлениям, совершаемым в пределах города Бухары; он был участковым казием по отношению к жителям столицы ханства.

При кази-калоне состоял диван муфтиев (юрисконсультов), куда входили аглам (старший муфтий) и 12 муфтиев, обязанности которых заключались в составлении юридических заключений (риваят). «Они за деньги составляли какой угодно риваят для поддержания какого угодно иска», — читаем в «запуске о политическом и экономическом состоянии Бухарского ханства»², составленной политическим агентом в Бухаре 27 марта 1895 г.

Разбирательство как уголовных, так и гражданских дел в судах отличалось простотой форм, устным и гласным способом рассмотрения дел и отсутствием коллегальности и кассационных инстанций. Уголовные дела, связанные с кражей, грабежом, убийством и т. д., разбирались представителями административной власти — беками, куш-беги или самим эмиром. Гражданские дела решались судьями на основе письменного заявления потерпевшего или истца, на котором имелось заключение (ривоят) муфтия, основанное на законах шариата (ко-

¹ Бухарский трактат, указ. изд., стр. 139.

² Архив внешней политики России, ф. Среднеазиатский стол, д. 298, л. д. 6.

ран, сунна, иджма и др.) с приложением печати. В случае отсутствия доказательств и свидетельских показаний двух «благонадежных» лиц, в роли которых могли выступать лица, аккуратно посещающие мечеть, точно и своевременно исполняющие все обязанности мусульман, воздерживающие себя от дурных поступков, таких как пьянство, курение анаши, употребление опиума и других, иск решался при помощи «божьего суда», приношением присяги (касам) одной из сторон.

Судьи не получали содержания от казны и жили за счет денежных сборов, взыскиваемых при совершении юридических актов: заключении браков, мировых сделок, разбора исковых заявлений, раздела имущества и т. д. Размер сбора, считавшийся добровольным приношением, определялся обычно материальными средствами сторон.

При последнем бухарском эмире Алим-хане был установлен порядок созыва в Бухаре совещания участковых судей для решения наиболее сложных уголовных и гражданских дел, которые поступали кази-калону в порядке кассации. Ежегодно в начале месяца (ой-боши) навруз казии съезжались в Бухару на трехдневное совещание — «семинар», проходившее с участием кази-калона, аглама и всех 12 муфтий под председательством самого эмира. После обмена мнениями по существу дела, в котором принимали участие кази-калон, муфтии, эмир принимал решение, которое имело силу закона и служило руководством для всех судей в разборе подобных категорий дел¹.

За этими юридическими формальностями скрывались нетерпимые положения «правосудия» в Бухарском ханстве.

Когда судьи съезжались в Бухару, то они обязаны были, в знак преданности эмиру и удовлетворенности своим положением («шукрона»), преподнести «подарок» эмиру, а также его придворным слугам.

В труде «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени» А. А. Семенов, на основе собственных наблюдений с 1897 по 1917 год, подверг всестороннему анализу структуру и деятельность органов власти эмирской

¹ С. Айни, Материалы..., стр. 79.

Бухары — «чор хокимият», состоявшего из куш-беги, кази-калона, раис-ишана¹ и миршаба. Отдавая должное А. А. Семенову за глубокое знание бухарской жизни, мы не можем согласиться с его оценкой классовой природы аппарата управления, в частности, судебно-полицейского органа Бухарского ханства.

«Раис г. Бухары, — пишет А. А. Семенов, — выбирался по преимуществу из сеидов или потомков пророка, с репутацией нравственного и порядочного человека во всех отношениях. Его титул был риосатпанох — «убежище начальствования». Он назначался и сменялся эмиром. По существу ишан-раис, как и мухтасиб, являлся лицом, карающим за преступления, совершаемые в области злостного нарушения мер веса и длины, несоблюдения тех или иных обрядов религий, незнания молитв обывателями и т. д.»²

Отсутствие классового подхода обнаруживается при описании публичного наказания плетью купцов, уличенных ишан-раисом в обмеривании и обвешивании. А. А. Семенов утверждает, что «ни возраст, ни положение торгующего в таких случаях не принималось во внимание: все были равны и каждый получал то, чего заслужил по мнению раиса»³.

Отдельные случаи, которые приходилось наблюдать А. А. Семенову в Бухаре, он возводит в общий принцип, выискивая в деятельности раиса начало справедливости.

Совершенно противоположную оценку деятельности раиса дает Ахмад Дониш. Он был свидетелем вопиющего

¹ В. В. Крестовский в путевых заметках «В гостях у эмира бухарского», изданных в 1887 г., указывает на существование должности раиса-ишана, в обязанность которого входил ежедневный обход улиц в сопровождении он-боши (десятников), вооруженных четырехсторонними плетками с целью подвергать встреченных людей испытанию в знании основ религии, предавая публичному наказанию тех из них, которые оказались уличенными в неисполнении обязанностей мусульман (фарз) по шариату. «За неисправное посещение мечети или упущение обязательных часов молитвы, виновный на первый раз подвергался телесному наказанию, а второй — смертной казни. Подобным образом поступали и с пьющими вино и курящими табак или опиум, прелюбодей прямо передавался палачу и лишь одно бачабазство не влекло за собой никакого наказания» (В. В. Крестовский собр. соч., т. VII, СПб, 1905, стр. 97).

² См. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II изд. АН Тадж. ССР, 1954, стр. 45.

³ Там же, стр. 46.

беззакония и произвола, чинимого представителями власти имущих—чинами эмирской администрации, в том числе и раис-ишаном.

Подлинное лицо «столпов правосудия» (адолат панох) и «законности» (шариат панох) эмирской Бухары вскрыл Ахмад Дониш в своем труде «Редкостные события», утверждая, что «... кази и раис постоянно творят насилия и обижают людей, лицимерят и благоволят к богачам..., конфискуют имущество бедных в эмирскую казну и выносят фетвы, угодные прихоти правителя; они выносят незаконные приговоры об имуществе, принадлежащем сиротам, присваивают имущество, оставшееся без наследников. Можно утверждать, что кази и раис не выносят ни одного законного решения, что все решения их полностью незаконны и сомнительны»¹.

Полицейская власть в Бухарском эмирате была сосредоточена в руках миршаб (начальника ночной стражи), в ведении которого находились тюрьма (зиндан) и городская стража². Столица ханства делилась на две части (сахм), каждая из которых состояла из 6 участков (жариб). Во главе сахм, состоявшего из двух районов, известных в Бухаре под названием хоузи-диван беги и боло хоуз, стояли бобо (старейшины). Полицейскими участками (джариб) ведали дах-боши со своими управлениями пой-и-туг («находящийся у подножия бунчука»), в подчинении которых находилось около 100 полицейских (шабгардам)³. Полицейские власти вступали в свои права ночью, и при обходе города они забирали в «миршаб-хона» всех, кто попадался, «невзирая на положение и звание задержанного»,— писал А. А. Семенов⁴.

Как справедливо отмечал С. Айни,—полицейские, не получая определенного содержания из государственной

¹ Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург, Таджикгосиздат, Душанбе, 1960, стр. 227.

² Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 191.

³ И. И. Крыльцов. Государственное управление и суд в Среднеазиатских ханствах накануне завоевания Туркестана царской Россией (Ученые записки Свердловского юридического института, том II, Свердловгиз, 1947, стр. 47).

⁴ А. А. Семенов, Очерки устройства..., стр. 48, см. также «К прошлому Бухары», стр. 1008—1009.

казны, а, напротив, вынужденные преподносить различные «подарки» эмиру, содержались за счет определенной доли (улуш) доходов, получаемых от публичных домов и воровских компаний¹, преступная деятельность которых не только не каралась представителями властей эмира, но покровительствовалась всеми полицейскими чинами, начиная от главного миршаба города Бухары до простого полицейского патруля.

Не было секретом, что судебно-полицейские должности продавались за деньги и отдавались на откуп отдельным лицам. При последнем бухарском эмире Алимхане это приняло открытый характер. Эмир, при посредничестве знатного и влиятельного придворного лица Имам-Кули-бека выдавал ярлыки на должности кази и раиса за плату. Характерно, что весной 1913 г. кази-калон Бухары устроил пышный пир (той) в честь эмира Сеида Алим-хана, стоивший ему 570 тысяч рублей, включая сюда 200 тысяч рублей «пешкаши» (подарки), сделанные кази-калоном своему повелителю — эмиру². При таком падении нравов нетрудно представить положение правосудия в Бухарском ханстве: подкупность кази, чрезмерное процветание взяточничества и бесправие народных масс.

Кази в своих решениях и приговорах руководствовались законами шариата, которые были основаны на привилегии имущих классов над неимущими, сильных над слабыми, мужчин над женщинами. В Бухарском ханстве честь и достоинство трудового человека постоянно оскорблялись и унижались, права трудящихся попирались представителями власти, защищающими интересы богачей. И все это делалось от имени «священных» законов шариата, который явился орудием классового господства эксплуататоров над трудовым народом, в интересах охраны личности и имущества феодалов, как светских, так и духовенства, купцов, ростовщиков, русских капиталистов и скупщиков сырья, и защиты строя феодальной деспотии.

¹ С. Айни, Материалы по истории бухарской революции, М., 1926, стр. 19.

² А. А. Семенов, указ. соч., стр. 31.

**ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В БУХАРСКОЕ ХАНСТВО
В НАЧАЛЕ XX В.**

После присоединения Средней Азии к России Бухара, как и Туркестан, хотя и в меньшей мере, но все же была вовлечена в водоворот мирового капитализма. Благоприятное влияние экономики России сказалось в том, что оно привело к усиленному росту в Бухарском ханстве производства сельскохозяйственной продукции прежде всего хлопка-сырца, открыло широкий простор для успешного развития торговли между обеими странами. Этому способствовали проведение железной дороги (доведенной в 1888 г. до Самарканда) и начало регулярного движения по Оренбургской и Ташкентской железным дорогам в 1906 г., соединивших метрополию с городами ханства, благодаря завершению строительства Бухарской железной дороги (Каган-Карши-Термез; Каган-Карши-Шахрисабз-Китаб).

Закаспийская железная дорога, наряду с ее военно-стратегическим значением, открыла для русского капитала среднеазиатский рынок. Запрещение в 1882 г. ввоза в Среднюю Азию иностранных товаров, включение Бухарского ханства в 1885 г. в русскую таможенную черту, способствовали усиленному развитию торговли между Россией и эмиратом.

Из Бухары в Россию вывозили главным образом хлопок-сырец. В 1860 г. из Бухары в Россию было вывезено 60 тысяч пудов хлопка, а в начале XX в. — 1200 тысяч пудов. Перед первой мировой войной Бухара вывозила в Россию уже 2624 тысячи пудов сырца, что составляло более 13% всего среднеазиатского хлопка, отправляемого в Россию¹. Бухарскому ханству принадлежало второе место, после Ферганской области, по производству хлопка-сырца. Вывоз хлопка составлял 40% всего экспорта из Бухары в Россию. О темпах развития хлопководства в Бухарском ханстве можно судить по следующим данным: в 1913 г. под хлопчатником было занято 66 000 десятин, а в 1916 г. — 111 408 десятин².

¹ И. А. Ремез, Внешняя торговля Бухары до мировой войны, Ташкент, 1922, стр. 68.

² В. Юферов, Справочная книга по хлопководству в СССР, М., 1925, стр. 127.

Кроме хлопка, из эмирата вывозились в Россию: каракуль, шерсть, ковры, шелк-сырец и т. д. Вывоз каракулевых шкурок в первые годы протектората определялся в 30—40 тысяч штук, а к 1914 г. он вырос до 1800 тысяч штук и составлял 42% всего экспорта Бухарского ханства в Россию.

Вывоз шерсти увеличился со 150 тысяч пудов в 1860 г. до 280 тысяч пудов в 1914 г. Экспорт ковров в предвоенные годы достиг 50 тысяч штук в год, а шелка-сырца и коконов — 25 тысяч пудов; вывоз сухофруктов и кишмиша — 250 тысяч пудов и т. д.¹ Таким образом, вывоз продукции сельского хозяйства из Бухары в Россию составлял 83% всего экспорта ханства.

Соответственно с этим возрос также импорт промышленных товаров, ввозимых из России в Бухару: к 1913 г. ежегодно ввозилось разной мануфактуры на 15 974 тысячи рублей (44% всего ввоза); хлеба и сахара — на 9140 тысяч рублей (26%); посуды разной — на 1039 тысяч рублей и т. д. Ввоз промышленных товаров из России в Бухару составлял 96,5% всего импорта товаров, ввозимых в ханство².

Бухара в экономическом отношении всецело зависела от промышленной России, которая снабжала ее всем необходимым. Л. Костенко, посетивший Бухару в 1870 г., писал: «отправившись по базарам, на каждом шагу увидишь русские товары, зайдешь в чайхану, опять заметишь русские самовары, чайники, подносы, чашки и др.; завернешь в дом к праведному, и там найдешь множество необходимых предметов, вывозимых из России, как-то: посуду, сундуки, кумганы, замки, дверные петли и пр. Мало-мальски достаточный мусульманин одет в халат из русского ситца и обут в сапоги из русской юфты. Земледелец пашет землю русским железом, а воин вооружен тульским кремневым ружьем»³.

Торговля между Россией и Бухарой развивалась с каждым годом, оборот ее достиг к 1914 г. 75 миллионов рублей⁴. Экономическое сотрудничество между двумя

¹ И. А. Ремез, Внешняя торговля Бухары до мировой войны, Ташкент, 1922, стр. 68.

² Там же, стр. 58.

³ Военный сборник, 1870, № 12, стр. 419.

⁴ Бухара, Сборник статей и воспоминаний, М., Красная Пресня 1924, стр. 9.

народами способствовало постепенному их взаимопониманию. Трудовой народ Бухары: узбеки, таджики, персиане, туркмены и другие, «несмотря на все различия в вере, смотрели на русских, как на своих друзей»¹.

Обширная торговля России с Бухарским ханством накануне первой мировой войны была сосредоточена в руках 10 посреднических контор и 50 коммерческих предприятий.

В Бухарском ханстве функционировали четыре транспортных общества («Восточное общество», «Акционерное общество», «Общество Гергард и Гей», «Общество Кавказ и Меркурий») и три страховые конторы («Второе российское страховое общество», «Российское транспортное и страховое общество», «Северное страховое общество»), которые обслуживали торгово-промышленную буржуазию России и местных бухарских купцов. Командные высоты торгово-ростовщической деятельности в Бухаре находились в руках русских купцов и скупщиков сырья. Что же касается местной буржуазии, то она выполняла роль посредника в реализации товаров путем мелкой розничной торговли, а также таразидора (комиссионера) при покупке хлопка, шерсти, каракуля у непосредственных производителей.

В начале XX в. из среды бухарской буржуазии вышли такие крупные капиталисты, как Ходжаевы, ежегодные операции которых достигали одного миллиона рублей; братья Водьяевы, владевшие 11 собственными и 20 арендованными заводами по переработке сырья; торговцы каракулем Арабовы; сам эмир бухарский Мир-Алим, распоряжавшийся 27 миллионами рублей золотом в Государственном банке и 7 миллионами рублей в частных банках, занимая третье место на мировом рынке по торговле каракулем, и, наконец, крупные сарафы (банкиры) Мирсалиховы и Мансуровы, занимавшиеся раздачей бунака (задатка) хлопкоробам за высокие проценты².

Вследствие отсутствия технических специалистов и низкого уровня ремесленного производства до конца

¹ Л. Костенко, Бухара в 1870 г., Военный сборник, 1870, № 12, стр. 418.

² А. А. Семенов, Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Труды Института истории и археологии АН Тадж. ССР, т. XXV, 1954, стр. 9.

XIX в. в Бухаре отсутствовала фабрично-заводская промышленность. Но в 1905 г. в эмирате уже работало 9 хлопкоочистительных заводов, перерабатывающих за сезон около 2500 тысяч пудов хлопка¹.

Накануне первой мировой войны в Бухарском ханстве имелось свыше 50 предприятий, в том числе 26 хлопкоочистительных заводов. Большинство промышленных заведений было сосредоточено в русских поселениях: в Кагане — 15 предприятий, в том числе хлопкоочистительные и маслобойные заводы, железнодорожная мастерская и т. д., в Чарджоу — 10 заводов и мастерские Амударьинской речной флотилии и т. д.

Пролетариат в Бухаре был крайне малочисленным, насчитывавшим едва 3,5 тысячи человек, что составляло 0,2% к общему числу населения страны. Рабочие жили и трудились в крайне тяжелых условиях. Зарплата была очень низкая, а рабочий день длился 12—14 часов в сутки.

В период строительства Бухарской железной дороги в 1914 г. на земляные работы было привлечено 1800 чернорабочих из восточных областей эмирата, а к 1916 г. общее количество сезонных рабочих достигло 7 тысяч человек².

Богатства недр на территории Восточной Бухары были довольно велики. Запасы золота имелись в Дарвазском бекстве, а также по течению Панджа, Яхсу и Вахша. В Дарвазском и Гиссарском бекствах были обнаружены медь и железо; в Келифе и Ширабаде — сера; в Дербенте и Гиссаре — мрамор; в Байсунском, Гиссарском и Кургантюбинском бекствах — залежи каменного угля и запасы нефти.

Все эти природные богатства оставались неиспользованными. Только инженер Журавко-Покорский получил у эмира разрешение на разработку золотых приисков по р. Сафид-Дарья, с условием передачи эмиру всей добычи золота.

Русская и местная национальная буржуазия считала невыгодным вложение капитала в разработку горноруд-

¹ А. Губаревич-Родобильский, Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб, 1905, стр. 73—74.

² З. К. Ахмеджанова, К истории строительства железных дорог в Средней Азии. Издательство «Наука», УзССР, Ташкент, 1956, стр. 82 — 87.

ных богатств страны. Ее привлекала больше всего торгово-ростовщическая деятельность; с промышленностью же она имела дело лишь постольку, поскольку была связана с очисткой хлопка и удовлетворением потребностей текстильных фабрик Центральной России.

В 1912 г. инженер Ковалевский получил согласие эмира на строительство железнодорожной линии от ст. Каган на Карши, Керки, Келиф, Термез с веткой от Карши на Гузар — Китаб, общей протяженностью около 585 верст. Строительство и ввод в эксплуатацию Бухарской железной дороги в 1916 г. имело огромное значение для проникновения капиталистических отношений в деревню путем постепенного разрушения феодально-патриархального уклада, уничтожения замкнутости и разобщенности страны и слияния местных рынков отдельных областей ханства в единый бухарский рынок.

Проникновение капитализма в экономическую жизнь эмирата привело к открытию в 1894 г. в Кагане отделения Государственного банка, а к 1915 г. еще семи отделений частных банков с агентствами в Керки и Чарджоу. Основной капитал банков к 1915 г. определялся в 20,3 миллиона рублей. Наиболее крупными среди отделений частных банков были — Русский для внешней торговли, с капиталом около 6 миллионов рублей и Учетный — с капиталом свыше 4 миллионов рублей¹. Русско-Азиатский банк через своего представителя инженера Ковалевского в 1912 г. заключил договор с эмиром на строительство Бухарской железной дороги. В 1913 г. агент Русско-Азиатского банка Стомба получил разрешение эмира на получение в концессию 10 тысяч десятин земли, а в 1915 г. инженеру Ковалевскому было передано в концессию 34 тысячи десятин.

Азиатско-Донской банк, отделение которого было открыто в Бухаре в 1911 г., являлся посредником текстильной промышленности России в Бухарском ханстве.

Русский для внешней торговли банк ведал операциями по кредитованию торговли каракулем. Сибирский торговый банк, отделение которого в Бухаре открылось в 1912 г., широко развил операции по кредитованию

¹ А. М. Рябинский, Царская Россия и Бухара в эпоху империализма, «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 5.

хлопка и торговых фирм, связанных с продажей мануфактуры в ханстве.

Столица эмирата — Бухара считалась наиболее крупным торговым центром страны. Ее население состояло по преимуществу из купцов и ремесленников¹; за короткий период времени число жителей в городе увеличилось с 70 тысяч в 1870 г. до 100 тысяч к концу XIX в.² Накануне революции в столице проживало 150 тысяч жителей³. Торговая жизнь в городе достигла высокого развития. По свидетельству А. А. Семенова, бухарские базары поражали своей грандиозностью и четким распределением торговых рядов (раста). «Разнообразие и обилие товаров,— пишет А. А. Семенов,— поражало приезжих. Здесь можно было купить почти все, что производили Восток и Запад: от настоящего швейцарского сгущенного молока и концентрата бульона Либиха, до сухого имбирного варенья из Шанхая и душистых свечей из Рангуна, от эффектных мальтийских шалей с серебряным блеском до чудесной индийской кисеи, тканной золотом. В ряду менял (раста-и-сарофон) вы могли разменять свои деньги на любые: индийские рупии, мексиканские серебряные доллары, золотые турецкие лиры, английские фунты стерлингов и т. п.»⁴.

Внутренняя торговля в Бухаре была сосредоточена в так называемых караван-сараях — двухэтажных зданиях восточного типа, первый этаж которого служил складом для товаров и местом для оптовой торговли, а второй этаж выполнял функции гостиницы для приезжих купцов.

Специально предназначенных для обслуживания торговли караван-сараяв в Бухаре было 38, десять из них принадлежали эмиру и сдавались в аренду от 100 до 300 тилла (то есть от 420 до 1260 рублей) в год. Остальные караван-сарай принадлежали частным лицам и составляли вакуфную собственность медресе. Общее количество караван-сараяв, служащих в качестве заезжих

¹ Л. Костенко, Город Бухара в 1870 г. Военный сборник, 1870 г., № 12, стр. 413.

² И. Т. Пославский, Город Бухара, Ташкент, 1891, стр. 69; А. А. Семенов, К прошлому Бухары, стр. 1009; В. В. Крестовский, собр. соч., т. VII, СПб, 1905, стр. 120.

³ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 519, л. 2

⁴ А. А. Семенов, К прошлому Бухары, стр. 1010.

постоялых дворов и гостиниц, вместе с торговыми доходило до 150¹.

Оборот внешней торговли Бухары в конце XIX в. достиг до 40 миллионов, а перед первой мировой войной — до 75 миллионов рублей, падающих в основном на долю русско-бухарской торговли хлопком, шерстью, шелком, каракулем, мануфактурой, сахаром, чаем, фарфором, фаянсом, металлическими изделиями, железом, стеклом и другими товарами как сельскохозяйственного, так и фабрично-заводского производства.

Из восточных государств в Бухару привозили главным образом кок (зеленый) чай (на 7 миллионов рублей), взамен чего индийские, афганские и персидские купцы скупали на бухарском рынке шелк-сырец и каракуль, а из привозных товаров — фарфор русского производства².

В Бухаре была широко развита и розничная торговля как на базарных площадях, так и в так называемых «таки» или «тимы» — закрытого типа торговых сооружениях. В самом городе насчитывалось до 50 базаров, в которых велась торговля хлебными злаками (пшеница, ячмень, джугара, мука и др.), мясом, кунжутным маслом, яйцами, дровами, древесным углем, свечами, сухими и свежими фруктами, овощами, ковровыми изделиями и др. Особенно славился в Бухаре скотный рынок, находившийся на окраине города к северу от Самаркандских ворот; здесь происходила оживленная торговля баранами, лошадьми, коровами, ишаками и другими животными. Промышленные товары и изделия кустарного происхождения продавались в закрытых помещениях куполообразного типа («таки» или «тимы»), строго распределенных на специализированные торговые ряды — «раста». Их в Бухаре насчитывалось девять.

Во всех среднеазиатских городах существовали торговые центры, известные под названием «чорсу», их в Бухаре имелось четыре. Наиболее известным считался Чорсу-заргарон, расположенный в самом центре города. Здесь торговали тюбетейками и меховыми шапками

¹ В. В. Крестовский, указ. соч., стр. 111—112.

² Л. Костенко. Город Бухара в 1870 г. Военный сборник, 1870, № 12, стр. 413; И. Т. Пославский, Город Бухара, 1891, Ташкент, стр. 77.

(телпак). Наиболее многочисленными были также и «таки» мискарон (жестянщиков), шохи-пурушон (торговля шелком), мата-пурушон (торговля тканью), чопон-пурушон (торговля халатами), кандолат-пурушон (торговля сладостями) и др.

В описании города Бухары, составленном военным инженером И. Т. Пославским в 1890 г., базарным рядом (раста, таки) отводилось особое место. По его словам: «шелковые ряды отличались единственным, в своем роде, разнообразием и качеством изделий. В медных рядах можно было найти много оригинальных и красивых вещей для европейцев, а оглушающий стук и звон от работы, производимой тут же на рынке, вполне соответствовал громкой славе мастеров. Халатным рядам, напротив, свойственна всегдашняя тишина, спокойствие и торжественность... Ряды сладостей и лакомств местного производства удивляют своим величием и количеством... А в оружейных и ножевых рядах большое разнообразие старых и новых изделий, между которыми много нашел бы интересного для себя археолог и коллекционер. А менялы-сарафы с целыми горками мелкого серебра, сидящие с поджатыми ногами на кошмах под сводами чорсу на распутьи среди базара, они составляли особый институт, вполне организованный, нечто вроде европейских бирж, устанавливали ежедневный курс и пр. А чайные ряды у лоби-хауза, мануфактурные и пр. — всего не перечесть»¹.

Развитие хлопководства привело к специализации сельскохозяйственных районов. Зарафшанская долина составляла основной хлопкосеющий район Бухарского ханства, где посевы хлопчатника в 1909 г. занимали $\frac{1}{4}$ часть всей орошаемой земли. За годы протектората посевные площади хлопчатника в Бухаре возросли в 5 раз, составив 115 тысяч десятин. Этому способствовала экономическая выгода, получаемая от хлопка, по сравнению с другими культурами. Каждая десятина, засеянная хлопком, давала крестьянину 80 рублей дохода, тогда как от зерновых злаков он мог получать от 7 до 10 рублей².

¹ И. Т. Пославский, Город Бухара, Ташкент, 1891, стр. 72 — 73.

² Труды Узбекского государственного университета, новая серия, № 83, Самарканд, 1958, стр. 199.

Наряду с хлопководством широкое развитие получило и овцеводство, главным образом, разведение каракульских овец, приносящих колоссальные прибыли. За годы протектората количество каракульских овец в ханстве увеличилось в 6 раз. Развитие хлопководства и каракулеводства увеличило товарность продукции сельского хозяйства, ставя его в непосредственную связь с рынком, с торгово-ростовщическим капиталом.

Скупка хлопка, шерсти, каракуля и других видов сырья, необходимых для снабжения промышленности Центральной России, была сосредоточена в руках крупных заготовительных фирм, которые финансировались отделениями Государственного банка и частных банков. Банки ежегодно выдавали этим фирмам до 40 миллионов рублей.

Торговые дома и заготовительные фирмы выдавали ссуды из расчета 12% в год местным комиссионерам (таразидорам), а последние раздавали аванс (бунак) дехканам под урожай хлопка будущего года из расчета 15 рублей с процентами в 1 рубль за каждый месяц, извлекая таким образом колоссальные прибыли.

Крестьяне, взявшие аванс, выдавали расписку (кази-хати) под залог земли и имущества, обязуясь доставлять свой хлопок тому скупщику (таразидору), от которого брали задаток, из расчета от 85 до 100 танга за батман (7 пудов 32 фунта) гузы, тогда как его действительная цена на базаре была 145 танга. Аванс выдавался товарами (мануфактурой, чаем, мылом, керосином и др.). И на этом деле выигрывали комиссионеры. Они продавали свой товар дехканам по цене, превышающей иногда на 25% базарную цену. Так таразидоры скупали $\frac{3}{4}$ всего хлопка Бухарского ханства.

Таким образом, крестьяне в хлопкосеющих районах Западной Бухары всецело находились в зависимости от торгово-ростовщического капитала. Не имея возможности освободиться от долга, дехкане лишались земли и нередко попадали в зиндан. В предреволюционные годы четверть всего сельского населения ханства были безземельные дехкане. Ежегодно около 20 тысяч человек уходило в поисках работы в города Туркестанского края, где они нанимались на заводы, на железную дорогу и к частным лицам, увеличивая общее число местного пролетариата.

Отдаленность от центра и отсутствие удобных дорог тормозило вовлечение Восточной Бухары в русло капиталистического развития. Там по-прежнему господствовали феодально-патриархальные отношения, не получили развития такие отрасли сельского хозяйства, как хлопководство и каракулеводство. Крестьяне сеяли, главным образом, пшеницу, ячмень, горох, просо и другие зерновые культуры, в результате чего товарность продукции сельского хозяйства была очень низкой. Доходность крестьянских хозяйств в Восточной Бухаре была невысокой по сравнению с доходами дехкан-хлопкоробов Западной Бухары.

Товары, попадавшие в Восточную Бухару, по своим ценам были недоступны массовому потребителю. Так, например, ситец, продававшийся в Бухаре по 11 копеек за аршин, в Каратегине или Дарвазе стоил 22 копейки. Крестьянин продавал пуд пшеницы в Бухаре за 50—70 копеек и на вырученные деньги мог купить там 5—6 аршин ситца; а дехканин в Восточной Бухаре, продав у себя пуд пшеницы, мог купить только один аршин ситца. На этом наживались торговцы, которые продавали в Восточной Бухаре промышленные товары по высокой цене, покупая в большом количестве пшеницу, ячмень и другие сельскохозяйственные продукты по очень низким ценам¹.

Наплыв товаров из России привел к резкому падению ремесленного производства, связанного с выработкой предметов широкого потребления. Московские ситцы в Бухаре с успехом конкурировали с бухарскими хлопчатобумажными тканями; дешевые резиновые галоши затрудняли сбыт кустарных кожаных галош (кавш), стоивших вдвое дороже. Многие ремесленники разорялись, увеличивалось количество сельскохозяйственных рабочих. Однако отдельные отрасли кустарного производства не только сохранились, но получили дальнейшее развитие после присоединения Средней Азии к России. К таким отраслям относились выделка ковров, каракулевых шкурок и т. д., которые шли в большом количестве на экспорт. Кроме того, кустарное производство не утратило своего значения в отдаленных и горных районах ханства, вследствие чего в экономике страны некоторые ви-

¹ А. А. Семенов, Очерк устройства центрального административного управления..., стр. 11.

ды кустарного производства занимали значительное место.

А. А. Семенов особо отмечает тесную связь земледелия с городской жизнью в Бухаре, в особенности в прилегающих к столице районах (Гиждуван, Вабкент и др.); здесь каждый ремесленник имел свои посеы, сады и огороды за чертой города. А многие крестьяне, помимо земледелия, занимались различными кустарными промыслами: выделкой хлопчатобумажных и шелковых тканей, вытачиванием деревянных изделий (колеса, шпульки, челноки), изготовлением глиняной посуды и другим, благодаря чему «Бухарская часть долины Зеравшана иногда приравнивалась к типу ремесленно-торговых слобод с подсобным значением земледелия»¹.

В 1914 г. в Бухаре было выработано 100 тысяч пудов шелковых тканей на сумму 1,5 миллиона рублей, что равнялось половине шелкоткацкого производства кустарной промышленности всей Средней Азии; в Россию было вывезено ковровых изделий на сумму 100 тысяч рублей. По подсчетам экономистов, число лиц, занятых в кустарном производстве Средней Азии накануне Октябрьской революции достигло почти 60 тысяч человек, из них 42% приходилось на долю Бухары².

Ремесленники были объединены большей частью в «семейные кооперации», состоящие из мастера (главы семьи) и учеников (шогирд) сыновей и родственников мастера.

«Семейная кооперация», — как утверждает О. А. Сухарева, — была построена на тяжелой эксплуатации используемых в производстве младших членов семьи или родственников»³.

Ремесленное производство в Бухаре как «архаическая форма промышленности» со времени присоединения Средней Азии к России начало вступать на путь капиталистического развития с применением наемной рабочей силы, в роли которой выступали халфа (подмастерье) и ученики, работавшие за ничтожную оплату, едва прокармливающую его и семью, в условиях сохранения крепостнических порядков в ремесленном производстве.

¹ А. А. Семенов, К прошлому Бухары..., стр. 1002.

² Ю. Пославский, Н. Черданцев, Среднеазиатский экономический район, Ташкент, 1922, стр. 59.

³ О. А. Сухарева, Поздне-феодалный город Бухара, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1962, стр. 159.

Первая русская революция 1905—1907 гг. оказала сильное влияние на развитие демократического движения в странах Востока. Она разбудила сотни миллионов забитого, одичавшего в условиях средневекового застоя населения Азии, которое подняло знамя борьбы за азбучные права человека, за демократию. Демократическое движение охватило всю Азию¹.

Под непосредственным воздействием первой русской революции произошли революции в Иране (1905—1911 гг.), в Турции (1908 г.), в Китае (1911—1913 гг.) против феодально-крепостнического режима и колониального гнета империалистических государств.

В этих странах векового застоя революция привела к активизации политической жизни, подъему общественного движения за демократию, носителями которого явились народные массы, по преимуществу городская и сельская буржуазия, «среди которых пробудилось националистическое движение под знаменем ислама»².

Движением руководили прогрессивные представители национальной интеллигенции, находившиеся под сильным влиянием передовой, для того времени, западной культуры и особенно революционно настроенных европейцев, проживавших в этих странах.

Возникновению демократического движения в Бухарском ханстве во многом способствовало русское население, проживавшее в Кагане, Чарджоу, Термезе, Керки и в самой Старой Бухаре, в особенности рабочие хлопкоочистительных, маслособойных, кирпичных заводов, железнодорожных мастерских и Амударьинской флотилии, а также солдаты, несшие гарнизонную и пограничную службу.

Под руководством Чарджоуской социал-демократической организации 22 февраля 1905 г. была организована двухнедельная забастовка рабочих депо. 17 октября 1905 г. в Чарджоу началась вторая забастовка деповских рабочих. К ним присоединились рабочие железнодорож-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23. стр. 145.

² Там же.

ных мастерских, Амударьинской флотилии, матросы, железнодорожные служащие, рабочие типографии и другие. В забастовке участвовало около 1000 человек. Начальник Чарджоуского гарнизона, полковник Третесский делал безуспешные попытки прекратить забастовочное движение. «Говоря с народом,— доносил он начальнику штаба ТуркВО,— я убедился, что требования их дойдут до требований Парижской Коммуны»¹. Забастовка рабочих в Чарджоу продолжалась 10 дней и была подавлена царскими войсками.

17 ноября 1905 г. вспыхнула забастовка на девяти хлопкоочистительных заводах в Новой Бухаре. Был создан стачечный комитет. В феврале 1906 г. рабочие хлопкоочистительных заводов Новой Бухары вновь прекратили работу.

Под непосредственным влиянием революционного движения рабочих, солдат и матросов усилилось народное движение и среди трудового дехканства Бухарского ханства. В Денау, Карши, Шахрисабзе и в других бекствах дехкане отказывались от уплаты налогов, выполнения трудовой повинности, от уплаты долгов, совершали нападения на дома представителей местной администрации.

Народы Востока, веками угнетаемые колониальными державами и местными феодалами, в начале XX в. перестали играть пассивную роль. Наступила эпоха их участия в демократическом и революционном движении народов Европы за решение судеб всего человечества. Этому во многом способствовала также и первая мировая война, втянувшая народы колоний и полуколоний в свою орбиту.

В период всеобщего подъема и пробуждения Востока не могли оказаться в стороне от исторического прогресса и народы Бухарского ханства. Демократическое движение в эмирате приняло форму борьбы за распространение знания и культуры среди темного, фанатического населения. Оно началось с создания новометодных школ (мактаби джадидий) европейского образца с введением преподавания, наряду с основами религии, математики, географии, естествознания и других полезных наук, в противовес существовавшим в Бухаре старометодным

¹ Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. Сборник документов, кн. 2, Ашхабад, 1946, стр. 114.

школам (мактаби кадимий), представлявших собою олицетворение азиатской отсталости, косности и замкнутости.

Представители национальной интеллигенции, возглавившие движение за новометодную школу, именуемые «джадидами», начали объединять вокруг школы «всех лиц, кто критически относится к существующему строю и формам управления в Бухаре»¹, одновременно ведя борьбу против невежества среди населения и религиозного фанатизма, рассадниками которых явились представители реакционного духовенства — кадими.

Вопрос о социальной сущности и характере идеологии джадидизма является сложным и наиболее запутанным в исторической литературе.

М. Г. Вахабов оценивает джадидизм как националистическую идеологию зарождавшейся местной буржуазии, носящую антинародный, реакционный характер². Такого же взгляда на джадидизм придерживается и И. С. Брагинский³. И. М. Муминов определяет джадидизм как шаг назад по сравнению с тем, что требовали демократические мыслители-просветители конца XIX в. во главе с Ахмадом Донишем, открыто призывавшим народ к неповиновению и низвержению деспотов — эмиров и ханов. Вместе с тем, И. М. Муминов, при определении социальной сущности джадидизма, в особенности бухарского, признает его буржуазно-либеральный характер, который при всей его половинчатости, отличался от крепостнической реакции, носителями которой явились феодалы и духовенство⁴.

¹ И. И. Умняков, К истории ново-методных школ в Бухаре, Бюллетень Среднеазиатского государственного университета, 1927, № 6, стр. 87.

² М. Г. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Узгиз, Ташкент, 1961, стр. 204, 207 и др.; он же, О социальной природе среднеазиатского джадидизма и его эволюция в период Великой Октябрьской социалистической революции, История СССР, № 2, 1963, стр. 35; он же, О реакционной природе и антинародной роли джадидизма, см. Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской революции (Материалы к сессии научного Совета, вып. 1, М. 1964, стр. 50).

³ И. С. Брагинский, О природе среднеазиатского джадидизма, в свете литературной деятельности джадидов, История СССР, № 6, 1965, стр. 29.

⁴ И. М. Муминов. Из истории общественно-философской мысли в Узбекистане в конце XIX в.— начале XX в, Ташкент, 1957, стр. 71.

В «Очерках истории Коммунистической партии Туркестана» (социал-демократические организации Туркестана в дооктябрьский период, 1903—март 1917 гг.)¹ делается попытка рассмотреть исторические корни, зарождение и развитие джадидизма, а также определить его политическую физиономию, не в состоянии покоя, как это делают многие исследователи, а в динамике, прослеживая его эволюцию.

По утверждению авторов «Очерков» джадидизм в Туркестане, зародившись как политическое течение прогрессистов-культурников, в своем первоначальном этапе до революции 1905—1907 гг. сыграл известную роль в жизни народов Средней Азии. Джадидизм, по их утверждению, на первом этапе своего развития вел борьбу за реформы в области культуры и выступал против мракобесия и религиозного фанатизма, что имело объективно прогрессивное значение для своего времени.

«Джадиды,— пишут авторы «Очерков»,— явились в громадном своем большинстве представителями эксплуататорского класса национальной буржуазии и, естественно, были далеки от народа, от революционных идей, но их борьба против старометодной мусульманской школы носила объективно-прогрессивный характер»².

Второй этап в развитии джадидизма, по мнению авторов «Очерков», наступает в период первой буржуазно-демократической революции в России, приведшей к оживлению их политической деятельности, когда в конце 1905 г. в Ташкенте вышли первые в Туркестане джадидские газеты «Тараккы», «Хуршид» и другие. На страницах названных газет джадиды — как идеологи национальной буржуазии Туркестана (главным образом узбекской), оживленно обсуждали злободневные вопросы для определения своего отношения к царскому самодержавию, либеральной буржуазии — кадетам и октябристам, а также революционному пролетариату России и его партии — РСДРП.

На наш взгляд, авторы «Очерков», правильно характеризуя прогрессивную роль, которую сыграл

¹ Изд. узбекского и туркменского филиалов Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ташкент, 1958.

² Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, УзГИЗ, Ташкент, 1958, стр. 21.

джадидизм на первом этапе своего развития, несколько преувеличивают роль джадидов в политической жизни края в начале XX в., выдавая их за борцов против царского самодержавия, за революционных интеллигентных деятелей, через которых большевики вовлекли трудящиеся массы в борьбу против как местных, так и русских капиталистов и помещиков, баев, манапов, мулл и т. д. Известно, что джаиды сыграли реакционную роль в Октябрьской революции и гражданской войне в Средней Азии.

Третий период в развитии джадидизма, по мнению авторов «Очерков», наступает после революции 1905—1907 гг. Джадидизм, как явно контрреволюционное, реакционное течение, обнаруживает свою физиономию, по мнению авторов «Очерков», только в годы реакции, когда он связывается с идеями панисламизма и пантюркизма.

В подтверждение в «Очерках» приводится статья Бехбуди, опубликованная в газете «Хуршид» 11 октября 1906 г., в которой он писал, что «идеи социал-демократической партии являются иллюзиями и примыкать к этой партии для наших мусульман весьма вредно. Раздел социал-демократической программы по финансовым, семейным и другим вопросам, совершенно неприемлем как с точки зрения шариата, так и в других отношениях»¹. Обливая грязью программу РСДРП, лидер туркестанских джадидов Бехбуди призывал: «в политическом отношении примыкать к кадетам».

По мнению А. В. Пяковского, джадидизм представлял собой националистическое движение, захватившее преимущественно буржуазные слои местного коренного населения и часть национальной интеллигенции². А. В. Пяковский проводит грань между туркестанскими и бухарскими джадидами, рассматривая последних как стремление национальной буржуазии «европеизировать» бухарский азиатский деспотизм³.

¹ Очерки истории Компартии Туркестана, Узгиз, Ташкент, 1958, стр. 114.

² А. В. Пяковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане (см. сб. Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России), Госполитиздат, М., 1949, стр. 607.

³ Там же.

Не затрагивая джадидизм в целом, его возникновение и развитие в Туркестане, нам хотелось бы рассмотреть особенности этого движения в условиях феодальной Бухары. Возникновение джадидизма в Бухаре, так же как и в Туркестане, было связано с появлением новометодных школ и преследовало культурно-просветительные цели. В 1900 г. мулла Джурабай из Бухарского тумана Пирмаст, открыл в селении «Пустун-Дузон» частную школу, заявляя, что в течение 4—5 месяцев сделает любого человека грамотным. Однако старания Джурабая не увенчались успехом. Под воздействием татарских учителей, в октябре 1908 г. в Бухаре, в доме Мирза Абдул-вахиды была открыта первая новометодная школа¹. Вскоре она была закрыта бухарскими властями под натиском разнузданной клеветы, которую начало против новометодной школы и джадидов реакционное духовенство².

Открытие новометодных школ, кажущееся на первый взгляд обычным явлением, для той эпохи имело огромное культурное значение, являясь ударом по феодально-клерикальному духовенству и всему средневековому мракобесию. Джадидизм в Бухаре по своей классовой природе мало чем отличался от туркестанского, с той лишь разницей, что борьба за утверждение «новометодных школ» в Бухаре происходила в условиях феодально-деспотического строя эмирата, где реакционное мусульманское духовенство подвергало гонению и преследованию малейшее проявление светской культуры.

Некоторый прогресс, наметившийся благодаря благотворному воздействию русской культуры, связанный с открытием почты и телеграфа, железнодорожного сообщения по всей территории эмирата, функционированием ветеринарно-фельдшерских пунктов в Карши, Гузаре и Чарджоу, больницы и амбулаторий в Старой Бухаре, встретил самое решительное противодействие со стороны духовенства, заклятого врага всякого человеческого прогресса.

Бухара считалась не только торговым, но и религиозным центром всей Средней Азии, где на 364 узких улицах и переулках было 360 мечетей, 138 мактабов и медресе, однако в стране не было ни одной типографии,

¹ С. Айни, Материалы..., стр. 34.

² Там же, стр. 48—51.

население почти поголовно не умело ни читать, ни писать, не издавалось ни одной газеты, не было клубов и театров, но зато было множество «святых», «чудотворцев», «знахарей», среди которых шейхам мазара Бахавутдин принадлежало самое почетное место. В этих условиях открытие новометодных школ имело определенное прогрессивное значение в общественной жизни Бухары, считавшейся цитаделью мусульманской религии.

После закрытия новометодных школ джадиды в 1910 г. основали тайное общество «Воспитание детей» (Тарбия-и-Эфтал). Общество, насчитывающее 30 членов, состояло из «прогрессивных элементов крупного и среднего купечества, учительства, духовенства и зажиточных ремесленников. Однако остальная масса народа (крестьяне и городская беднота) невежественная и фанатичная, относилась к джадидам с недоверием»¹.

Тайное общество имело свою программу, в которой из-за осторожности основная цель определялась как культурно-просветительная работа среди масс, хотя члены общества призывали народ к осуществлению реформ всего административного здания, разоблачая подлости и мерзости эмирского строя².

В 1912 г. джадидам удалось организовать издание двух газет: «Бухорой-шариф» на таджикском и «Турон» на узбекском языках³, а для издания учебных пособий в 1914 г. они открыли кооператив — «Товарищество священной Бухары» с книжным магазином «Баракат», — служивший не только местом сбыта литературы, но и выполнявший функцию своеобразного общественного клуба⁴. Членами общества была создана также общественная библиотека «Марифат» (знания), сыгравшая определенную положительную роль в распространении просвещения среди городской буржуазии.

Тайное общество джадидов просуществовало в течение семи лет (1910—1917 гг), до победы Февральской буржуазно-демократической революции в России оно оставалось руководящим центром джадидизма⁵.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 122, л. 3.

² С. Айни, Материалы..., стр. 84.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 122, л. 3.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ А. Самойлович, Первое тайное общество младобухарцев, Журнал «Восток», кн. 1, 1922.

О джадидизме, как движении национальной буржуазии, по преимуществу торговой, и прогрессивной демократической интеллигенции, направленном на реформирование деспотического феодально-средневекового государственного строя на европейский лад, введение европейской системы образования и элементарных демократических институтов в общественную жизнь страны, писал тогдашний лидер бухарских джадидов Файзулла Ходжаев, одновременно признавая, что широкие слои населения в этом движении никакого участия не принимали¹.

Оценивая джадидизм в дооктябрьский период его развития, следует признать реформаторский характер этого движения. «Буржуазия,— писал В. И. Ленин,— стремится совершить преобразование государства по буржуазному, реформаторски, а не революционно, сохраняя по возможности и монархию и помещичьи землевладения и т. д.»². Таковыми были и бухарские джадиды — идеологи национальной буржуазии в Бухарском ханстве в начале XX в.

Джадидизм с начала своего зарождения был связан с идеологией пантюркизма. В архивных документах имеется указание на существование в Старой Бухаре постоянного комитета джадидов, который «подчинялся исключительно влиянию Турции»³. Джадиды направляли в Константинополь учеников, которые обучались главным образом в военных школах. В 1910 г. в Константинополе находилось 50 представителей бухарской молодежи, которые кроме прохождения курса военной дисциплины изучали «...все ходячие идеи панисламизма и турецкого шовинизма»⁴.

Турецкий панисламистский комитет «Единение и прогресс» направлял в Бухару своих эмиссаров, целью которых являлось распространение идей панисламизма и

¹ Файзулла Ходжаев. Джадиды. Очерки истории революционного движения в Средней Азии, М., 1926, стр. 8.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 306.

³ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 155, л. 19.

⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 155, л. 4—8; см. также С. Айни, Материалы..., стр. 88; автор указывает, что в 1912 г. в Стамбуле обучалось 30 человек бухарской молодежи и среди них были будущие деятели младобухарцев Усман Ходжа и Ата Ходжа Пулатходжаевы, Абдуль-Рауф Фитрат и другие.

пантюркизма в Бухарском ханстве. В июле 1910 г. из Константинополя был направлен в Бухару Салих Эфенди «... со специальной миссией поднять среди русских мусульман-татар и бухарцев панисламистское движение»¹.

Кроме эмиссаров, турецкие националисты использовали периодическую печать для пропаганды идей панисламизма и пантюркизма в Бухарском ханстве. Джадиды были распространителями турецких националистических журналов, в которых пропагандировалась реакционная идея «объединения» мусульман под главенством османской Турции для борьбы с Россией.

Турецкий комитет «Единение и прогресс» имел в Бухаре своих постоянных агентов из числа джадидов. Они были связаны с турецкими эмиссарами, приехавшими в Бухару в 1912 г., снабжали их необходимыми агентурными данными и различными справками, выписывали из Турции панисламистские газеты и журналы и усердно распространяли идеи пантюркизма, главным образом, среди бухарского купечества.

Деятельность бухарских джадидов не ограничивалась только пропагандой идей панисламизма и пантюркизма, они были инициаторами различных денежных сборов для поддержания турецкого флота, армии, строительства военных железных дорог и т. д. В этом отношении они выполняли ту же роль, какую играли представители духовенства в Бухаре.

Как и местная национальная буржуазия, духовенство было опорой пантюркистской пропаганды в ханстве. По его инициативе в Бухаре был проведен сбор пожертвований для поддержки ислама и халифата. Еще в конце 90-х годов было собрано 4 миллиона танга (680 тыс. руб. золотом) и отправлено через паломников в Турцию для передачи султану. В 1901 г. при деятельном участии высшего духовенства был организован сбор в пользу Турции на строительство железной дороги в Мекку. 117 137 рублей золотом были переведены через отделение Государственного банка в министерство иностранных дел для передачи турецкому послу в Петербург².

Реакционно-панисламистской политике духовенства следовали и эмир, и куш-беги, и другие высшие сановники. По свидетельству А. А. Семенова, — «без излишней огласки эмир Абдул-Ахад в начале девяностых годов пожертвовал несколько сот тысяч рублей золотом на постройку Геджазской железной дороги. Стремясь подражать своему повелителю, бухарский куш-бег пожертвовал на то же «святое» дело 150 тысяч рублей, столько же дал верховный судья Бухары, жертвовали и прочие сановники в меньших размерах»¹. Духовенство вело усиленную пропаганду за изгнание русских из пределов Бухары с помощью Турции и Афганистана.

В 1910 г. один из влиятельных представителей духовенства — ишан Шаяхси, который имел в ханстве около ста тысяч мюридов, обратился с письмом, подписанным 56 духовными лицами Бухары, к правителям Афганистана и Турции об оказании помощи бухарцам в освобождении от власти русского царя². К этому времени относится возникновение национально-религиозной вражды между узбеками и иранцами, проживавшими в Бухаре, превратившейся в кровавую резню³.

Известная в истории суннитско-шиитская резня 1910 г. была спровоцирована мусульманским духовенством во главе с раисом г. Бухары Бадретдиновым и его близкими: агламом Абдурраззаком, муллой Аскаром, ишаном Шаяхси и другими влиятельными лицами⁴.

Бадретдинов, «пользуясь своим влиянием и покровительством эмира, своим предумышленным нежеланием прекратить беспорядки, способствовал массовому избиению шиитов»⁵. Разжиганием национально-религиозной вражды мусульманское духовенство старалось отвлечь народные массы от классовой борьбы, затуманивая классовое самосознание трудящихся. Главный инициатор суннитско-шиитской резни — Бадретдинов и его сообщники хотели отстранить перса Астанакула куш-беги и его родственников от управления и занять их места. После вмешательства русских войск, прекративших

¹ А. А. Семенов, Очерки устройства..., стр. 9.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 66, л. 77—80.

³ Военный сборник, 1910, № 5, стр. 213—214.

⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 264, л. 7—9.

⁵ Там же, д. 269, л. 7—9.

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 155, стр. 4—8.

² Там же, д. 66, л. 77—80.

кровавые столкновения по требованию Российского политического агента, зачинщик национально-религиозного столкновения в Бухаре Бадретдинов был отстранен от должности раиса и выслан за пределы столицы. Это вызвало сильное недовольство мусульманского духовенства, видевшего в Бадритдинове «ревностного мусульманина и сторонника объединения мусульманского мира под эгидой Турции»¹. По требованию духовенства, Бадретдинов был возвращен, и в 1913 г. назначен кази-калоном Бухарского ханства. Пользуясь высоким положением, он собрал в Бухаре 300 тысяч рублей для военных нужд Турции и снабжал турецких шпионов открытыми листами, денежными субсидиями и подарками.

В этом же 1913 г. по инициативе джадидов в Бухаре было собрано и отправлено в Константинополь 500 тысяч рублей в распоряжение «Общества национальной помощи оттоманскому флоту», созданному при турецком комитете «Единение и прогресс»².

В феврале 1915 г. ишан Шаяхси, в связи с объявлением Турцией войны против России, выступил с воззванием ко всем мусульманам Бухары и Туркестана об оказании помощи единоверным туркам, призывая мусульманские народы к восстанию против господства России. Это нашло сочувствие и поддержку со стороны джадидов³.

Во время известного национально-освободительного восстания в 1916 г. в Туркестане бухарское духовенство усердно пропагандировало реакционную идею «газавата». 17 июля 1916 г. небезызвестный ишан Шаяхси обратился с письмом к жителям Шахрисабза, Катта-Кургана, Самарканда и Зияутдина с призывом присоединиться к восставшему против русского владычества населению Джизака. В письме же, адресованном в Мазари-Шериф, ишан Шаяхси уговаривал афганского эмира начать войну против России во имя защиты прав мусульман. В письме ишана мы читаем: «Если эмир афганский желает вести войну с Россией, то теперь самое удобное время, как только войска эмира афганского перейдут границу, мусульманское население Туркестанского края

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 3, д. 269, л. 7—9.

² Там же, д. 239, л. 10.

³ Там же, оп. 2, д. 177, л. 4.

тотчас совершит нападение на линию железной дороги, разрушит линию, мосты и станции, служащих перебьет и, таким образом, движение поездов будет прекращено на всей линии железной дороги, что не даст возможности русским доставить в Туркестан войска, следовательно, афганцы без помехи завладеют Туркестанским краем»¹. Все эти факты наглядно показывают, какую роль играло духовенство во внутренней жизни страны, выступая опорой панисламистско-пантюркистской пропаганды, как реакционная, антинародная сила.

Под воздействием всенародного восстания 1916 г. в Туркестане произошли волнения в ряде местностей ханства, а именно: в Мургабе, Яккатуте, Багаутдине, Вабкенте, Гиждуване, Зияутдине, Хатырчи; здесь вели агитацию против русского владычества прибывшие из Катакургона четыре «... сарта, которые созывали сходки, предлагали бухарским подданным присоединиться к бунтующим»², сообщалось в официальных донесениях от 2 и 17 июля 1916 г.

Бухарским правительством были предприняты энергичные меры, преграждающие влияние восстания в Туркестане на пограничные районы ханства. Зияутдинскому и Хатырчинскому бекам было предписано собрать всех нукеров и выставить их для охраны границы, чтобы никоим образом не могли проникнуть на бухарскую территорию вооруженные «шайки мятежников», выяснить личность проповедника, появившегося в кишлаке Мир и призывающего население к восстанию, арестовать его. Арестовать также и тех, кто пытается поддерживать агитатора и возбуждать население.

Охрана расположенных на бухарской территории железнодорожных станций Зирабулак, Зиятдин, Кермине, Малик, Кылтапе была поручена соответствующим бекам³.

Положение в Бухарском ханстве становилось все тревожнее. Деятельность русских банков и торговых учреждений была парализована, что заставило Туркестанского генерал-губернатора послать в августе 1916 г. военную экспедицию в Бухару во главе с генералом

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 177, л. 3.

² Там же, д. 444, л. 22—23, 39—40.

³ Там же, оп. I, д. 444, л. 13—14.

Лилиенталем для поддержания и сохранения колониального господства и организации защиты власти эмира и его беков¹.

К мероприятиям, предпринятым царским правительством и его генералами в 1916 г. в Бухаре, необходимо также отнести увеличение численности русской полиции в столице ханства, открытие новых полицейских участков в Карши и Сарае. В 1917 г. бухарское правительство взяло на себя обязанность оплачивать расходы на эти мероприятия и внести 24 000 рублей на содержание русской полиции в городах ханства.

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

Февральская буржуазно-демократическая революция нашла живой отклик среди европейского населения русских поселений Бухарского ханства в Новой Бухаре (Кагане), Чарджоу, Керки, Термезе, Сарае, Келифе, а также в крупных бухарских городах — Старой Бухаре — столице ханства, Китабе, Шахрисабзе, Карши и Кермине.

Возглавлял революционное движение в бухарских поселениях, так же как и в России, русский рабочий класс, за ним шли беднейшие слои крестьянства. Поднялись также и революционные солдаты местных гарнизонов, которые примкнули к общей борьбе против самодержавия и империалистической войны, за мир и свободу.

По примеру героического пролетариата Петрограда и Москвы рабочие железнодорожных мастерских, маслобойных и хлопкоочистительных заводов русских поселений Бухарского ханства в союзе с беднейшими слоями крестьянства при поддержке революционных солдат приступили к созданию своей собственной власти — Советов рабочих и солдатских депутатов. Советы возникли в Новой Бухаре и Чарджоу, Термезе и Керках.

8 марта 1918 г. в Новой Бухаре по инициативе рабочих-железнодорожников состоялся многолюдный митинг. Российский политический агент Миллер приложил все

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 175, л. 16.

усилия к использованию митинга для привлечения народных масс на сторону Временного правительства. Рабочие не поверили красноречивым заявлениям и демагогическим фразам прислужников буржуазии и самочинно ликвидировали полицейские органы в Новой Бухаре и освободили из тюрьмы всех политических заключенных.

«Многочисленные русские рабочие на хлопкоочистительных и маслобойных заводах в Бухаре и железнодорожные служащие Среднеазиатской и Бухарской железной дороги,— доложил политический агент в Бухаре 9 марта 1917 г.,— приступили к устройству организаций, долженствующих заменить местную русскую полицию и, по-видимому, другие наши государственные учреждения.

Принимая во внимание особое положение политического агентства, как представителя русской власти в Бухаре, ходатайствую о спешных указаниях для объявления русским рабочим и командирования в Бухару в помощь политическому агенту специального правительственного комиссара по возбужденным рабочими вопросам»¹.

12 марта 1917 г. был избран Новобухарский исполнительный комитет Временного правительства в составе 30 депутатов; большинство из них прошло по списку рабочих². Однако, в результате недостаточной организованности и сознательности, а также малочисленности пролетарских элементов в пределах русских поселений ханства, во главе исполкома Новобухарского Совета оказались представители мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров. Новобухарский исполнительный комитет избрал из своей среды президиум в составе трех комиссаров: представителя от солдат — начальника гарнизона Щеглова, от горожан — мирового судью Залесского и от рабочих — Козлитина.

При исполнительном комитете были организованы хозяйственная, здравоохранения, школьная, рабочая и продовольственная комиссии, которые ведали отдельными отраслями городского хозяйства³.

Прошли выборы в городские Советы и их исполнительные комитеты во всех русских городах и поселениях:

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 544, л. 101.

² Там же, д. 555, л. 4.

³ Там же, л. 12.

в Чарджоу, Термезе, Керки и других. И в этих городах во главе Советов оказались меньшевики и эсеры.

7—8 марта 1917 г. состоялось общее городское собрание жителей Чарджоу совместно с солдатами гарнизона; оно избрало Временный исполнительный комитет города в составе 40 депутатов. К исполнительному комитету перешла гражданская власть (административное управление и городское хозяйство).

10 марта состоялось первое заседание Временного исполнительного комитета Чарджоу, избравшее председателя и товарища председателя исполкома, комиссара полиции. Хозяйственный и распорядительный органы были переименованы в комиссии: продовольственную, торговую и хозяйственную¹.

Выборы городских исполнительных комитетов с некоторым опозданием были проведены и в остальных русских поселениях. 23 марта был избран Термезо-Патта-Киссарский исполнительный комитет, в состав которого вошли: городская дума, ведавшая хозяйством, общественный комитет — административным управлением и комитеты: военный, продовольственный и торговый².

В Керкинском и Чарджоуском городских исполнительных комитетах большинство депутатских мест было занято представителями мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров.

Исполнительные комитеты городских Советов, руководимые комиссарами из меньшевиков и эсеров, установили тесную связь с Российским политическим агентством и Туркестанским комитетом Временного правительства.

Приводимые ниже документы характеризуют соглашательскую деятельность комиссаров исполнительных комитетов.

Вот выдержка из письма комиссара Новобухарского исполкома на имя Российского политического агента: «При совместной и дружной с вверенным Вам агентством работе мы достигнем проведения в жизнь всех предначертаний Временного правительства свободной России»³. Новобухарский исполнительный комитет обратился с

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 506, л. 3—6.

² Там же, д. 508, л. 6.

³ Там же, д. 555, л. 11.

приветственным посланием и к эмиру бухарскому¹ — душещипателью свободы и демократии.

Предательскую политику эсеров и меньшевиков можно продемонстрировать материалами I областного съезда делегатов исполнительных комитетов русских поселений Бухарского ханства, проходившего в Новой Бухаре с 1 по 9 мая 1917 г. В съезде участвовали 40 делегатов (от Новой Бухары 11, Старой Бухары — 11, Чарджоу — 11, Керки — 2, Термеза — 1, Карши — 1, Кермине — 1, Зиятдина — 1 и Кзылтепе — 1).

Областной съезд открыл российский резидент в Бухаре Чиркин; он в своей приветственной речи выразил «... желание идти рука об руку с общественными организациями и поддержать их плодотворную работу»². Выступали с речами меньшевики и эсеры; от имени съезда они уверили Чиркина, что «... резидент безусловно найдет полную поддержку со стороны общественных организаций»³.

Съезд обратился с приветственной телеграммой в Ташкент к председателю Туркестанского комитета Временного правительства Щепкину. Высказывалась готовность «в полном единении» и при поддержке «со стороны краевой власти» проводить в жизнь выдвигаемые съездом вопросы «благоустройства и улучшения быта граждан русских поселений Бухарского ханства»⁴.

Основным вопросом, требующим неотложного решения съезда, был вопрос об организации власти в русских поселениях Бухарского ханства. Съезд постановил организовать областной исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов русских поселений Бухарского ханства, указав в своем решении: «Ввиду того, что вся административная власть, ранее находившаяся в компетенции резидентства, отпала от такового, съезд признал необходимым организовать временный орган областного самоуправления русских поселений Бухарского ханства, до введения в жизнь нового закона о самоуправлении в Туркестане и Бухаре»⁵.

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 555, л. 25.

² Там же, д. 571, л. 1—4.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 14.

Было решено, что областной исполком должен состоять из председателя (комиссара), избираемого областным съездом, и членов, избираемых по одному от каждого местного (городского) исполкома от 3000 населения.

Постоянно действующим и распорядительным органом областного исполнительного комитета считался президиум, состоящий из председателя (комиссара) и четырех постоянных членов — по одному от Новобухарского, Чарджоуского, Термезского и Керкинского исполкомов.

Областной съезд указал, что следует «предоставить областному исполнительному комитету полную свободу творческой инициативы в пределах, очерченных не только действующим и еще неотмененным законодательством, но и наказом или законом, который будет выработан Временным правительством. До выработки Временным правительством наказа или закона, предоставить областному исполнительному комитету полную свободу в сфере управления областью в полном единении с районными исполнительными комитетами и Советами рабочих и солдатских депутатов края»¹.

Съезд также обратил внимание на организацию местного самоуправления в русских поселках: Чарджоу, Термезе, Керки, Сарае, Келифе и др.

На местах гражданская административная власть должна была осуществляться районными (поселковыми) комиссарами, которые по отношению к населению пользовались всеми правами уездного комиссара Туркестанского края².

Это общее правило было распространено также и на Припамирские пограничные районы — Шугнана, Рушана и Вахана, находившиеся во владении бухарского эмира с 1896 г. по июнь 1917 г. и перешедшие после Февральской революции, согласно постановлению краевого совещания при Туркестанском комитете Временного правительства, в ведение главного комиссара Туркестанского края³.

Съезд также рассмотрел вопрос о сношениях исполнительных комитетов с бухарским правительством и его

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 571, л. 14.

² Там же, д. 626, л. 1—3.

³ Там же, д. 517, л. 157—159.

представителями на местах. Областной съезд указал на необходимость руководствоваться указаниями министра иностранных дел Милюкова от 15 марта 1917 г., предписавшего, что «сношения с бухарским правительством должны, во всяком случае, как до сих пор, вестись через агентство, которому надлежало бы предоставить право голоса и в тех случаях, когда действия исполнительного комитета будут затрагивать интересы местного правительства и туземцев ханства»¹.

Согласно решению Временного правительства от 17 марта 1917 г. Российское политическое агентство в Бухаре было переименовано в Российское резидентство², а функции административного управления и заведывания хозяйством русских поселений перешли к областному исполнительному комитету русских поселений и Новобухарскому городскому исполкому. Однако за российским резидентом оставлено право сношения с бухарским правительством и контроля над его деятельностью. В связи с этим возник вопрос о взаимоотношениях резидента с областным и городским исполкомами. Ввиду важности этого вопроса резидент Миллер вошел с ходатайством перед генерал-губернатором и Министерством иностранных дел о перенесении резидентства из Новой в Старую Бухару — столицу ханства, указывая на то обстоятельство, что «Приезд в Старую Бухару даст наглядное доказательство ограничения деятельности резидентства исключительно сношениями с бухарским правительством и, исключив вероятие мелких трений, даст большую возможность влиять на касающиеся ханства мероприятия исполнительного комитета, а самое главное, руководить проведением в жизнь реформ в Бухарском ханстве»³.

Вопрос этот обсуждался в Министерстве иностранных дел в Петрограде и был решен своеобразно: на российского резидента в Бухаре, как представителя Временного правительства в ханстве в целом, возлагался контроль и руководство не только действиями эмира и его правительства, но и деятельностью Советов и их исполнительных комитетов, чтобы побуждать последних

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 513, л. 26.

² Красный архив, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 80.

³ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 513, л. 71—72.

к неуклонному проведению в жизнь указаний буржуазного Временного правительства.

Таким образом, Советы и их исполнительные комитеты в русских поселениях Бухарского ханства должны были находиться под контролем российского резидентства и работать по его указаниям. Областной исполнительный комитет пользовался правом областного управления и находился в подчинении Краевого комитета Временного правительства, с которым он входил в сношения по важным вопросам государственного значения через российского резидента в Бухаре. В результате Советы и их исполнительные комитеты в Бухаре, так же как в Туркестане и России, были превращены в придаток буржуазного Временного правительства, стали органами, подчиненными Туркестанскому комитету Временного правительства и резиденту в Бухаре и находились под их контролем.

В. И. Ленин, определяя роль Советов и их исполнительных комитетов в период после победы Февральской буржуазно-демократической революции, писал: «Следующей, в высшей степени важной особенностью русской революции является то, что Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов, пользующийся, судя по всему, доверием большинства местных Советов, добровольно передает государственную власть буржуазии и ее Временному правительству, добровольно уступает ему первенство, заключив с ним соглашение о поддержке его, ограничивается ролью наблюдателя, контролера за созывом учредительного собрания...»¹.

Эти слова Ленина вполне относятся и к Советам русских поселений Бухарского ханства.

Данные о деятельности областного Совета русских поселений Бухарского ханства и его исполнительного комитета подтверждают правильность ленинского положения о том, что меньшевики и эсеры, которые составляли большинство в Советах и руководили деятельностью их исполнительных комитетов, предали дело революции и интересы рабочих и крестьян.

6 марта министр иностранных дел официально сообщил российскому политическому агенту о переходе власти к Временному правительству, предложив уведомить

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 155.

об этом бухарское правительство. Министр указывал: «Эмиру реагировать на события нет необходимости. В крайнем случае, пусть он просто пришлет поздравление генерал-губернатору о благополучном водворении нового режима»¹.

Эмирское правительство, напуганное революцией, положительно восприняло весть о переходе власти к Временному буржуазному правительству. Оно было уверено в неприкосновенности политического строя Бухары при режиме правительства гучковых и миллиюковых, сохранившего власть эксплуататорских классов.

Придавая этому последнему обстоятельству важное значение, эмир поспешил с ответом на ноту российского политического агента Миллера и одновременно отправил в Новую Бухару своего представителя Хаджи Низаметдина диван-беги для поздравления по случаю перехода власти к Временному буржуазному правительству.

Хаджи Низаметдин диван-беги был принят 7 марта 1917 г. в торжественной обстановке. Он вручил Миллеру ответную ноту бухарского эмира и заверил политического агента и через него Временное правительство «о непоколебимой дружбе и уверенности, что Бухара по-прежнему будет находиться под высоким покровительством России...»².

Победа Февральской буржуазно-демократической революции — низложение царя, уничтожение монархии и установление республики в России — послужила толчком для развития демократического движения среди трудящихся колониальных и зависимых от Российской империи стран, в том числе и среди дехкан и городской бедноты Бухарского ханства, придавленных феодально-деспотическим и колониальным гнетом.

Чудеса пролетарского героизма, совершенные в дни революции рабочим классом России, разбудили и вдохновили на борьбу сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения колониального Востока. Наступил период пробуждения народов Востока, в том числе и Бухарского ханства.

Под влиянием Февральской буржуазно-демократической революции происходила в Бухаре борьба за

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 514, л. 18.

² Красный архив, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 79.

демократическое преобразование ханства, уничтожение средневековой системы «кормления», «откупов» должностей и введения самоуправления в городе Старой Бухаре.

Осуществление демократических реформ в Бухаре оказалось невозможным не только из-за крайней отсталости народных масс и слабости демократического движения, но еще и потому, что Временное правительство, на словах обещавшее реформы, на деле оказалось верным защитником эмира и феодально-деспотического строя.

Под влиянием Февральской революции 1917 г. джандиды (которые в подражание младотуркам в 1916 г. стали называться «младобухарцами») выступили с требованием некоторых частичных реформ, связанных с организацией «меджлиса» (парламента), отмены системы «кормления», установления строгого контроля за деятельностью чиновников и за взиманием податей и повинностей с населения¹.

Требования реформ административного устройства и податной системы эмирата² представителями национальной буржуазии находило сочувствие среди прогрессивной общественности России и Туркестана.

Местная национальная буржуазия и ее идеологи — младобухарцы, так же как и Временное правительство, стояли за проведение частичных реформ при сохранении основ феодальной государственности и приспособление ее к требованиям развивающихся капиталистических отношений.

Действительными борцами за демократические реформы были трудящиеся и широкие слои населения хан-

¹ Красный архив, т. 1, М. — Л., 1927, стр. 80.

² Вопрос о реформах административного устройства Бухарского ханства был поднят *Д. И. Логофетом*, выпустившим книгу под названием «Страна бесправия» (СПБ, 1909), которая послужила основанием для рассмотрения данного вопроса на специальных совещаниях: 10 августа 1909 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве; 28 января 1910 г. — в Совете Министров Российской империи; 11 марта 1913 г. — в Министерстве иностранных дел России и, наконец, 14 июня 1914 г. на пленарном заседании IV Государственной думы. В итоге всех обсуждений было высказано мнение о преждевременности введения в Бухаре русского образа правления, ввиду крайней враждебности мусульманского духовенства ко всяким нововведениям и фанатичности широких слоев народных масс, отстаивающих неприкосновенность общественно-политических и семейно-бытовых устоев жизни, закрепленных шариазом.

ства, в особенности городские низы, кипучая энергия которых была направлена на ограничение произвола эмира.

Тайные полицейские агенты эмира бродили по улицам и общественным местам. Они прислушивались к голосу народных масс и тайком доносили эмиру о сочувствующих реформе лицах, которых ожидало страшное наказание (избиение палками до 75 ударов) и конфискация всего имущества.

Но эмир не мог задушить стремления народных масс к демократическим преобразованиям. Народ все более настойчиво требовал реформы. Трудно было удержать его методами открытого насилия. В период революционных брожений этот способ мог повредить и осложнить положение господствующих классов. Поэтому необходимо было перейти от старых методов удержания народа в подчинении к новым методам, путем «...обмана, лести, фразы, миллионов обещаний, грошевых подачек, уступок неважного, сохранения важного»¹.

В этом отношении политика эмира ничем не отличалась от политики Временного буржуазного правительства. Вернее, эмир строго придерживался указаний своих хозяев — львовых и миллиюковых и учился у них лицемерию и обману. Эмир, заранее предрешив судьбу реформы, против своей воли приступил к ее «осуществлению». Временное буржуазное правительство, занятое подавлением революционного движения среди рабочих, солдат и крестьян в России и на окраинах, продолжением империалистической войны за захват чужих земель, не могло уделить достаточного внимания бухарскому вопросу. Поэтому работа, связанная с подготовкой и проведением реформ, была возложена на Туркестанского генерал-губернатора и российского резидента в Бухаре, которым поручено было разработать программу реформы.

24 марта 1917 г. Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин писал министру иностранных дел: «В решении всех вопросов, касающихся введения начал нового строя в Бухаре, по моему мнению, надлежит руководствоваться чрезвычайной осторожностью, считаясь с особенностями шариата и векового быта ханства, дабы

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 158.

вместо довольства населения приобщением его к дарованным всей России свободам, не вызвать недовольства и даже возмущения. Создав в туземцах Бухары враждебное к России отношение, можно опасаться вмешательства Афганистана в защиту ислама. Волнения же в Бухаре особенно в связи с выступлением Афганистана неизбежно отразятся и на туземном населении соседних русских областей, особенно Самаркандской. В предупреждение сего, желательно, чтобы первые шаги приобщения Бухары к новой жизни исходили сверху от самого бухарского правительства, а не снизу, так как революционное движение против эмира может принять характер выступления против России и породить смуту не только в Бухаре, но и в крае, последствия которой даже трудно предусмотреть»¹.

Непосредственной разработкой проекта реформы занялся российский резидент в Бухаре Миллер. Проект реформы, разработанной резидентом, должен быть преподнесен эмиру в виде проекта манифеста, предназначенного для обнародования.

Проект манифеста резидент неоднократно обсуждал с эмиром, куш-беги, кази-калоном, представителями духовенства и купечества столицы. Текст манифеста рассматривался и в Петрограде.

«Вчера вечером обсуждал вопрос о широких реформах с куш-беги,— телеграфировал 20 марта 1917 г. резидент в Петроград,— который считает необходимым ввести самоуправление в городе Старая Бухара на выборных началах, точно установить размеры содержания чиновничества с организацией правильного контроля, провести выборное начало в судебных установлениях, заняться устройством школ, возможно быстрым насаждением общего образования. Текст манифеста эмира к народу разрабатывается. Куш-беги настоятельно подчеркнул необходимость проведения реформ, основанных на строгих основах шариата, так как малейшее отклонение от таковых повлечет неизбежность категорического протеста многочисленных мулл и неизбежно будет истолковано, как наше враждебное к исламу вмешательство и повлечет за собой волнение»².

¹ Красный архив, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 84 — 85.

² Там же, стр. 81.

В другой телеграмме резидента, направленной в министерство иностранных дел, сообщалось о согласии эмира на созыв в Старой Бухаре меджлиса из видных представителей купечества, духовенства и главным образом сторонников либеральных течений, с организацией при меджлисе специальных комиссий: судебной, административной, финансовой, по городскому самоуправлению, торгово-промышленной и народного образования¹.

Обсудив с эмиром и куш-беги основные положения проекта реформы, резидент созвал 23 марта в Старой Бухаре совещание представителей землевладельческой и торговой знати, а также духовенства во главе с казикалоном для ознакомления последних с проектом реформы. В донесении в Петроград от 24 марта Миллер, информируя министерство иностранных дел, писал: «Мои объяснения касательно плана реформ вполне удовлетворили вышеупомянутых делегатов»².

Эмир и куш-беги, как видно из приведенных документов, следовали указаниям резидента и вынужденно шли на уступки, согласившись на проведение реформы, одновременно в тайне вели подготовку к ее срыву. Главной опорой эмира и его правительства в этом отношении были верхи духовенства и землевладельческая аристократия, враждебно настроенные против всяких нововведений, считавшие их отступлением от ислама и шариата.

На каких началах решено было провести реформу в Бухарском ханстве?

Реформа не затрагивала основу политического строя феодальной деспотии и господства империалистической буржуазии в Бухаре, а также не противоречила духу шариата, то есть праву привилегии духовенства и феодалов.

Предполагалось несколько улучшить административное управление ханства, перейти от средневековой системы «кормления» к выборам должностных лиц, принять меры к ограничению злоупотреблений при назначении содержания представителям местной администрации.

Намечалось создание муниципалитета (меджлиса) в столице ханства из представителей феодальной знати,

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 513, л. 42.

² Там же, л. 63.

купечества и духовенства для управления городским хозяйством, народным образованием и здравоохранением.

Признавалась неприкосновенность основ ислама и шариата, как единственного источника права, регулирующего взаимоотношения людей и сословий между собою, отправление правосудия, взимание закята, хераджа и других налогов, согласно предписанию шариата, предполагалось создание государственного казначейства и точное установление бюджета ханства.

Предусматривалось осуществление мер, направленных на развитие торговли с метрополией и уничтожение всех преград, стоящих на пути экономического сотрудничества между Бухарой и Россией.

Поощрялось развитие полезных, с точки зрения господствующих классов, наук и знаний, в точном согласии с предписаниями шариата и создание типографий для осведомления населения о событиях внутренней жизни¹.

Реформа эта, в сущности не затрагивающая основ феодального строя и колониального господства, не улучшала и не могла улучшить жизненных условий населения ханства. Она нужна была, прежде всего, русской буржуазии, Временному правительству для того, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и показать «прогрессивное» стремление Временного правительства к демократизации органов управления и податной системы ханства.

Манифест эмира долго обсуждался в Петрограде в министерстве иностранных дел. Наконец, 4 апреля 1917 г. резидент Миллер получил телеграфное сообщение от Милюкова об одобрении Временным правительством проекта манифеста. «Манифест эмира в предложенной Вами редакции может быть опубликован немедленно... Представлялось бы желательным в текст манифеста внести указание на дальнейшее развитие в будущем реформ по мере того, как надобность в этом будет выясняться»².

7 апреля в зимний дворец по приказанию эмира были приглашены знатные люди, представители землевладельческой и торговой аристократии, духовенства и служилых людей. На «торжестве», посвященном обнародо-

¹ Красный архив, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 82.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 513, л. 74.

ванию манифеста, приняли участие весь состав резидентства и комиссары (меньшевики и эсеры) Новобухарского и Самаркандского исполнительных комитетов Советов.

Манифест был обнародован, однако он стал известен только узкому кругу лиц и лишь части жителей столицы. Жители отдаленных от столицы районов Восточной Бухары о манифесте эмира так и не узнали.

Население эмирата к манифесту эмира относилось по-разному.

Правящая аристократия — землевладельческая знать, реакционное мусульманское духовенство встретили реформу враждебно, считая ее признаком слабости эмира и его правительства, идущего не только на уступки, а даже на нарушение «незыблемых» основ шариата, закрепивших в своих правилах неприкосновенность общественно-политических и семейно-бытовых устоев общества феодальной Бухары. И хотя манифест подчеркивал соответствие реформы интересам правящих классов и признавал, что «единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный шариат», правящая аристократия во главе с реакционными муллами выступала против реформы и организовала наступление на демократические силы страны.

Ярким примером, определяющим отношение господствующих классов к реформе, может служить речь представителя бухарской знати Ходжи Низаметдина диванбеги, произнесенная им по случаю обнародования манифеста эмира. Ходжа Низаметдин выразил волю всех антидемократических слоев ханства:

«Если эмир приказал бы мне заняться этим делом, то вопрос о реформе я бы смел с лица земли в трехдневный срок. Известно, что это проделки «джадидов». Избавиться от реформы можно лишь при условии уничтожения этих извергов. У меня есть несколько обученных для этой цели убийц-разбойников. Если бы власть была в моих руках, (я) приказал бы этим разбойникам втайне отрубить головы всем джадидам»¹.

Эмир и куш-беги, на словах одобряющие реформу, на деле были такими же непримиримыми противниками демократизации управления ханства, как и все

¹ С. Айни, Материалы истории революции, указ. соч., стр. 143.

представители феодальной знати. Бесспорно, что феодальная реакция находила опору и защиту у эмира и куш-беги, которые вдохновляли мулл и «мулла-бачей» (студентов религиозных учебных заведений) на решительную борьбу против реформы. Было выяснено также, что куш-беги, по приказанию эмира, принудительно согнал несколько сот крестьян из окрестностей Бухары и, вооружив их ружьями, заставил бороться с односельчанами, выступавшими против деспотизма¹.

Бухарское купечество, так же как и прогрессивная интеллигенция города, видели в манифесте эмира уступку буржуазным элементам и готовы были подхватить этот «дар» напуганного эмира². «Младобухарцы пришли в восторг от манифеста и такие видные его деятели, как Фитрат поспешили выразить свою благодарность эмиру и русскому правительству по случаю обнародования манифеста³. Отношение представителей национальной буржуазии к реформе можно было определить по содержанию телеграммы председателя старобухарского купечества — лидера «младобухарцев» Мирзы Мухиддина Мансурова от 8 апреля 1917 г.; манифест эмира оценивался в телеграмме как «начало новой эры для Бухары»⁴.

Народ, состоящий в своем большинстве из трудового крестьянства и городской бедноты — ремесленников и чернорабочих разных категорий, подавленный деспотическим строем, политически отсталый, верил обещаниям эмира, как в свое время верили царю и русские рабочие. Народ не знал, что правящая аристократия настроена против реформы и всеми силами стремится уничтожить демократическое движение масс.

9 апреля 1917 г. по случаю «дарования» эмиром реформы, воодушевляемое буржуазными либералами-младобухарцами, население столицы собралось на демонстрацию и двинулось к площади «Регистан», к зимнему дворцу эмира, с лозунгами «Да здравствует реформа!», «Да здравствует эмир!»

Вдумываясь в эти события, невольно вспоминаешь мирную демонстрацию петербургских рабочих 9 января

¹ Красный архив, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 96.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 513, л. 105.

³ Красный архив, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 86—87.

⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 513, л. 83.

1905 г., шедших к царю с петицией. Лицемерие правительства эмира обнаружилось в первые же дни после опубликования реформы. Выяснилось, что и куш-беги не только вдохновляли, но и были непосредственными зачинщиками и организаторами реакционного, антидемократического выступления мусульманского духовенства, поддерживаемого феодальной аристократией, военщиной и многочисленной армией «мулла бачей».

«Достоверно осведомился,— вынужден был признать Миллер 9 июня 1917 г.,— о выплате теперешним куш-беги казенных сумм духовенству на поддержание реакционного движения, это истина.

Муллы начинают дерзко вмешиваться во все отрасли управления. Власть куш-беги делается номинальной. Он весь укрылся за ними и, всякая попытка наша воздействовать на тот или иной оборот дела реформ кончается ссылкой его на бессилие власти и на силу духовенства и реакции. Правительство несомненно стало на путь измены делу реформы, проводить которую в жизнь при этом составе правительства немислимо»¹.

В это время власть фактически находилась в руках духовенства, которое организовало чрезвычайную, с диктаторскими полномочиями, комиссию по борьбе с прогрессивными, демократически настроенными лицами. В комиссию вошли видные представители феодальной реакции и по полномочию, данному эмиром, комиссия превратилась в карательный орган. На первом своем заседании комиссия приняла решение (фетву), которое гласило: «Все те, которые сплотились вокруг (красного) знамени с требованием реформы и выступали против эмира, признаются вероотступниками и каждому мусульманину разрешается свободно проливать их кровь и разграбить их имущество»².

Решение комиссии было одобрено всеми муфтиями (учеными законооведами) города Бухары путем приложения их именной печати и санкционировано эмиром.

Чрезвычайная комиссия, получив поддержку эмира и его правительства, приступила к поголовному истреблению руководителей и видных участников демонстрации

¹ Красный архив, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 116.

² С. Айни, Материалы к истории Бухарской революции..., указ. соч., стр. 171.

9 апреля 1917 г. Был составлен список, в который были занесены имена всех «подозрительных» и «ненадежных» лиц. Дворец эмира превратился в судилище демократически настроенных представителей бухарского народа, которых обвиняли в «отступничестве» от веры и шариата.

Подземные тюрьмы эмира были наполнены участниками демонстрации; их после долгих мучений и избиений приводили на расправу чрезвычайной комиссии, которой фактически руководил глава феодальной реакции Насрулла куш-беги. Мерам средневековой инквизиции были подвергнуты сотни сторонников демократии, среди которых был и Садриддин Айни.

Таким образом, обнародование манифеста не привело к демократическим преобразованиям ханства, а, наоборот, усилило значение мусульманского духовенства и военщины. Восторжествовала феодальная реакция. Это дало возможность правительству эмира задушить движение народных масс, требовавших проведения реформ и 14 апреля 1917 г. потребовать от сторонников демократического направления отказаться от реформы, как противоречащей «духу» шариата и ислама»¹.

Открыто выступил против реформы и перешел на сторону реакции и резидент Миллер: «Реформы встречают организованное противодействие сильных консервативных кругов,— сообщал он,— младобухарцы совсем ничтожны и по числу и по влиянию, и даже те купеческие круги, которые весной как будто сочувствовали обновлению, теперь охладели к реформам...

Свои соображения о приостановлении реформы в Бухаре я изложил на заседании Туркестанского комитета Временного правительства при участии генерала Коровиченко и комитет единогласно разделил мою точку зрения»².

При господстве феодальной аристократии и реакционного мусульманского духовенства в Бухаре, заручившихся всемерной поддержкой Временного правительства и империалистической буржуазии России, проведение каких-либо демократических реформ было невозможно.

¹ Красный архив, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 95.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 514, л. 204.

ГЛАВА 2

Бухара

Революционная

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ НА
РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИ-
ЖЕНИЯ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

ОРГАНИЗАЦИЯ БУХАРСКОЙ КОММУ-
НИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

СВЕРЖЕНИЕ ЭМИРАТА И ПОБЕДА НА-
РОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В
БУХАРЕ

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ НА РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и Туркестане, приведшая к уничтожению социального и национального гнета в стране, освободила народы Бухарского ханства от колониального гнета царизма и русской буржуазии.

Октябрьская революция, являясь пролетарской по своему содержанию, была вместе с тем глубоко народной революцией.

«Самым существенным, самым главным выражением народного характера Октябрьской революции явились союз рабочего класса и крестьянства, совместная борьба и братское сотрудничество трудящихся всех наций против угнетателей. Партия большевиков, опираясь на союз рабочего класса и крестьянства, смогла объединить и направить к единой цели различные революционные потоки: социалистическое движение рабочего класса за свержение буржуазии, революционную борьбу крестьянства против помещиков, национально-освободительное движение за равноправие народов, всенародное требование мира и прекращения кровавой империалистической войны. Благодаря этому Октябрьская революция, наряду с основными социалистическими задачами радикально решила неотложные задачи демократического развития. Тем самым была продемонстрирована не только возможность, но и необходимость сплочения социалистического движения рабочего класса с самым широким общедемократическим движением

народа, соединяя борьбу за социализм с борьбой за демократию»¹.

Благодаря Великому Октябрю Бухарское ханство получило независимость, и из вассальной, по отношению к России, страны превратилось в суверенное государство.

Руководствуясь провозглашенным Октябрьской революцией правом наций на самоопределение, Совет Народных Комиссаров Туркестана признал независимость Бухарского ханства 29 ноября (12 декабря) 1917 г. Официальная телеграмма на имя Сеид-Алим-хана выражала уверенность в лояльном отношении эмира и Советскому правительству, которое со своей стороны примет все меры к установлению добрососедских отношений между Бухарой и Туркестаном.

В телеграмме, направленной в Новобухарский Совет рабочих и солдатских депутатов, Совнарком Туркестанского края потребовал: «...принять самые энергичные меры для отмены в Бухаре смертной казни и телесных наказаний»², применяемых по отношению к бухарским революционерам.

Однако эмир бухарский решительно отверг предложение Совета Народных Комиссаров Туркестана об установлении дипломатических отношений и отказался признать Советскую власть, возникшую в первые дни революции в Кагане (Новой Бухаре), Чарджоу, Термезе и Керки.

2 (15) декабря 1917 г. в Новой Бухаре был созван областной съезд Советов, законодательно закрепивший переход всей полноты власти к Советам и их исполнительному органу — Совету Народных Комиссаров русских поселений Бухары³.

Установление Советской власти в русских поселениях оказало революционизирующее влияние на трудящиеся массы эмирата, разжигая в их сердцах ненависть к эксплуататорам, еще более усиливало их недовольство деспотическим строем. Поэтому для бухарского эмирата Советская власть стала смертельным врагом. Для борь-

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС, Политиздат, М., 1967, стр. 5.

² ЦГА УзССР, ф. 25, оп. I, д. 2, л. 7.

³ Там же, д. 566, л. 36—44.

бы с ней эмир с ноября 1917 г. по март 1918 г. провел три мобилизации. На границах ханства — в горах Тахта-Карача были возведены укрепления, в Бухаре, Шахрисабзе, Китабе, Кермине и других городах ремесленники насильно были мобилизованы на изготовление оружия.

Готовясь к войне с Советским Туркестаном, эмир установил связь с контрреволюционным казачьим атаманом Дутовым и главарями буржуазно-националистической «Кокандской автономии». Командовавший английскими войсками в Мешхеде генерал Маллесон оказывал усиленную материальную и военную поддержку эмиру.

В начале 1918 г. эмир, мобилизовав 30-тысячную армию, стянул к железной дороге особые отряды, которые в нужный момент могли приступить к разборке путей; большое количество арб (телег) было готово к вывозу материалов в глубь страны¹. Враждебные действия эмира создавали серьезную угрозу существованию Советской власти в Туркестане.

После победы Октябрьской революции в Туркестане резидентство Российской республики при правительстве эмира было преобразовано в Коллегию по бухарским делам, состоящую из представителей Новобухарского, Чарджоуского и Термезского Советов В. С. Уткина, М. А. Преображенского и Б. М. Баржанова, избранных на II областном съезде Советов русских поселений 2 (15) декабря 1917 г.

Коллегия явилась органом внешних сношений не только областного Совета русских поселений Бухары, но и представляла перед правительством эмира Совет Народных Комиссаров Туркестана². В январе 1918 г. председатель СНК Туркестана Ф. И. Колесов обратился с официальным письмом к эмиру Сеид-Алим-хану, поставив его в известность о переходе всех функций бывшего резидента к Коллегии по бухарским делам, которая впредь будет представлять как СНК РСФСР, так и СНК Туркестана в Бухарском ханстве³.

¹ ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 95, л. 219.

² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 669, л. 1—2.

³ Революция в Средней Азии, сборник III, ОГИЗ, Т.—М., 1932, стр. 79.

Однако организация Коллегии не способствовала нормализации отношений с Бухарским ханством. Она зачастую нарушала незыблемую основу ленинской внешней политики невмешательства во внутренние дела других государств, пренебрегала принципом права нации на самоопределение, стремясь осуществить «...революционный штурм, захват власти «русскими силами» и передачу власти младобухарцам, комитету из 18 лиц...»¹. Напряженные отношения между эмирской Бухарой и Советским Туркестаном были использованы «младобухарцами». Они, надеясь на поддержку Советской власти, добивались ограничения власти эмира путем создания исполнительного комитета, что должно было дать власть буржуазии при сохранении эмира как главы государства.

6 декабря 1917 г. из Бухары в Ташкент приехала делегация «младобухарцев», возглавляемая Файзуллою Ходжаевым². Она заверила Совет Народных Комиссаров Туркестана, что младобухарцы готовят восстание против эмира с участием около 30 000 человек, среди которых имеются 4 тысячи вооруженных революционеров³.

«Младобухарцы», опасаясь усиления военной мощи Бухарского ханства, призывали к незамедлительному совместному выступлению туркестанских советских воинских частей с восставшим народом против эмира. Военное выступление поддерживалось также П. Г. Полторацким, работавшим в свое время в Бухаре, поддерживалось оно и Чрезвычайным комиссаром СНК РСФСР в Средней Азии П. Кобозевым. Совет Народных Комиссаров Туркестана выразил свою готовность оказать военную помощь младобухарской партии в ее борьбе за свержение эмирской власти⁴.

28 февраля 1918 г. проездом в Ашхабад на станции Каган (Новая Бухара) остановился Председатель Совета Народных Комиссаров Туркестана Ф. И. Колесов с небольшим красногвардейским отрядом. Приезд Ф. Колесова по времени совпал со съездом «младобухарской» партии, собравшейся в Новой Бухаре. Делегаты съезда

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 821, л. 15—17.

² Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 152/с, оп. 1, д. 2, пап. 1, л. 52.

³ Революция в Средней Азии, указ. изд., стр. 80.

⁴ Там же, стр. 88.

во главе с Файзуллой Ходжаевым были приняты Ф. И. Колесовым. «Младобухарцы», подтвердив прежние свои заверения о готовности трудового народа Бухары к свержению деспотического режима, потребовали в качестве сигнала к всеобщему народному восстанию открыть пулеметный огонь против эмирских сарбазов, сосредоточенных в Старой Бухаре. Ф. И. Колесов, от имени Советского правительства Туркестана предложил эмиру признать рабоче-крестьянскую власть в русских поселениях и Коллегию по бухарским делам, а также принять немедленные меры к демократизации управления ханством, учредив исполнительный комитет из представителей «младобухарцев», в руках которых должна была сосредоточиться правительственная власть¹.

Эмир отказался выполнить эти требования. 2 марта 1918 г. Ф. И. Колесов, во главе красногвардейского отряда, увеличившегося к этому времени до 2 тыс. бойцов, совместно с отрядами младобухарцев и русских рабочих г. Новой Бухары, доходящих до 800 человек, начали успешное наступление на Старую Бухару.

Эмир стремился выиграть время, чтобы собрать силы для нанесения удара отрядам восставших «младобухарцев» и частям Красной Армии, штурмовавшим Старую Бухару. С этой целью он послал в ставку Ф. Колесова делегацию во главе с премьер-министром Усман-бек куш-беги, который передал Ф. И. Колесову письмо эмира, принимавшего все условия ультиматума с тем, чтобы военные действия были повсюду немедленно прекращены. 2 марта 1918 г. эмир подписал также манифест, составленный «младобухарцами», подлинный текст которого куш-беги вручил Файзулле Ходжаеву². Манифест обещал народу свободу слова, промысла, организации общества и окончательную ликвидацию хищнической тирании; учреждение в составе бухарских либералов исполнительного комитета; отстранения всех лиц, стоящих во главе существующего правительства и являющихся противниками свободы от занимаемых должностей и назначения на их место лиц, которые будут указаны

¹ Революция в Средней Азии, указ. изд., стр. 88.

² «Война в песках», Материалы по истории гражданской войны к XII тому (Гражданская война в Средней Азии), Ташкент, 1934, стр. 254—256.

исполнительным комитетом; управление страной на основе справедливости и шариата; исключения из существующих законоположений телесных наказаний и смертной казни; аннулирования существующего и разоряющего дехкан и страну хераджа, налога «аминана», приносящего вред для торговых дел страны¹.

Эмир вовсе не намеревался провести в жизнь те демократические свободы, которые он вынужден был обещать народу под давлением извне, а «младобухарцы», узнав, что эмир идет на уступки и согласен на их участие в управлении государством, считали, что цель наступления на Старую Бухару достигнута.

По настоянию «младобухарцев» военные действия были прекращены в тот же день, и советские войска, сняв осаду Старой Бухары, отошли на свои прежние позиции. Была допущена серьезная ошибка, исправить которую потом уже было невозможно. Эмир сумел выиграть время. Мирная делегация, направленная к эмиру во главе с коммунистами В. С. Уткиным и Пендо, в сопровождении 20 бойцов, была истреблена. Вероломство эмира стало более очевидным. Муллы усердно проповедовали «газават» (священную войну) во имя «защиты» ислама и шариата, возбуждая среди отсталых слоев населения вражду к Советской власти и всему русскому населению.

Одновременно эмир приказал силой оружия сгонять население к линии железной дороги Каган—Кзыл-Тепе. Фанатически возбужденная толпа, численностью до десяти тысяч человек, разрушила железнодорожную линию на протяжении более 500 верст. Отряд Ф. Колесова оказался отрезанным и от Самарканда и от Чарджоу.

После этого эмир бросил в наступление 30-тысячное войско, среди которого было 10 тысяч афганцев, действовавших под руководством английских офицеров,— как об этом сообщил в СНК РСФСР в телеграмме от 26 апреля 1918 г. Чрезвычайный комиссар Советского правительства в Средней Азии П. А. Кобозев².

6 марта 1918 г. военные действия были прекращены, и отряд Ф. И. Колесова отступил в Новую Бухару. В письме, направленном эмиру 11 марта 1918 г. со стан-

¹ Революция в Средней Азии, указ. изд., стр. 89—90.

² ЦГАОФ СССР, ф. 130, оп. 2, д. 734, л. 28.

ции Кзыл-Тепе, Ф. И. Колесов, вторично подтвердив прекращение военных действий¹, требовал от эмира положить конец зверствам и грабежам, чинимым сарбазами на территории русских городов по отношению к мирному населению. Однако положение оказалось ужасающим. Возбужденная толпа и сарбазы истребляли не только русских, но и мусульман. «Под мерку джадидов попадали все, кто так или иначе был скомпрометирован (перед эмиром). Сводились личные счета»², писал А. Я. Гальперин, начальник штаба охраны города Новой Бухары.

Пользуясь тяжелым положением отступающих советских войск и эвакуируемых в 300 вагонах жителей Новой Бухары, безмерно страдающих от голода и болезней, эмир принудил Ф. И. Колесова 11 марта 1918 г. дать письменное обязательство о возвращении эмирских писем с текстом манифеста, как утративших силу, а также трех орудий, захваченных при наступлении на Старую Бухару. «Младобухарцы», подданные эмира, были исключены из под покровительства Советской России и подлежали выдаче эмирскому правительству. Все правила и порядки, существовавшие в Бухаре, согласно предписаниям шариата, были признаны неприкосновенными³. Результатом военных неудач явилось торжество черной реакции в Бухарском ханстве.

Совет Народных Комиссаров Туркестана, получив печальное известие о событиях в Бухаре, 4 марта 1918 г. на экстренном заседании наметил меры к исправлению положения. В скором времени Ф. И. Колесов получил подкрепление из Самарканда, Кушки, Кзыл-Арвата и Керки. Войска, направленные из Ташкента, подходили к Бухаре со стороны Зирабулака, Зияутдина и Кермине. Отряд Каршинского бека, пытавшийся оказать сопротивление, был разгромлен. Красные части победоносно наступали на Бухару. Чувствуя свое бессилие, эмир был вынужден принять условия, предъявленные Советом Народных Комиссаров Туркестана.

25 марта 1918 г. на станции Кзыл-Тепе было заключено соглашение, по которому эмир обязался:

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 54.

² Там же, л. 65.

³ Там же, л. 54—55.

1. Разоружить местное население и распустить мобилизованных на войну нукеров (ополченцев).

2. Выдать всех русских контрреволюционных белогвардейцев-офицеров, скрывавшихся в ханстве и руководивших военными действиями бухарской армии.

3. Восстановить разрушенную железнодорожную линию, возместить все причиненные убытки, а также обеспечить в дальнейшем целостность и сохранность железной дороги, почты, телеграфа на территории всего ханства.

4. Гарантировать беспрепятственное продвижение советских войск по Среднеазиатской железной дороге.

5. Признать советского комиссара при Бухарском ханстве.

6. Произвести обмен военнопленными без всякого вознаграждения.

7. Не перекладывать военные расходы на беднейшее население ханства¹.

Қзылтепинское соглашение, ратифицированное 1 апреля 1918 г. Советом Народных Комиссаров Туркестана, было одобрено V Краевым съездом Советов 26 апреля 1918 г.

Для нормализации отношений с эмирским правительством и проведения в жизнь условий мирного договора, Совнарком Туркестанской АССР назначил В. Я. Шмидта уполномоченным Советского правительства в Бухарском ханстве — комиссаром по бухарским делам, одновременно возложив на него обязанности и по управлению русскими городами до созыва съездов Советов и избрания исполкома городских Советов рабочих и солдатских депутатов в Новой Бухаре, Чарджоу, Керки и Термезе².

В Центральном партархиве ИМЛ при ЦК КПСС хранится докладная записка начальника штаба охраны Новой Бухары А. Я. Гальперина «Поход Колесова на Бухару в марте 1918 г.», составленная 3 декабря 1919 г. по поручению комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Автор записки, как очевидец, участник Қзылтепинского соглашения, заключенного между Советским Туркестаном и эмиром бухарским, собрал важнейшие документы, исходящие как от Ф. И. Колесова, так и эмира бухарского, относящиеся к регулированию

¹ Советский Туркестан, № 12, 28 июня 1918 г.

² ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 2, л. 55.

русско-бухарских отношений в связи с описанными выше событиями.

Известно, что мартовские события 1918 г. в Бухаре в литературе получили различное, порою противоречивое освещение, даже со стороны самих очевидцев. Если Ф. И. Колесов пытался охарактеризовать эти события как восстание угнетенных народов Бухарского ханства против эмирского деспотического режима¹, то Г. Сафаров, признавал его «авантюрой Колесова», «позорными колонизаторскими походами»² и т. д. Точка зрения Г. Сафарова — официального представителя Турккомиссии в те годы, несмотря на ее антинаучный характер, до недавнего времени, считалась наиболее правильной и многие авторы придерживались ее³.

А. Я. Гальперин, определяя свое отношение к так называемому «походу» Колесова на Бухару, в названной записке приводит выдержку из своей собственной статьи «События в Бухаре», опубликованной 9 апреля 1918 г. в газете «Новый Туркестан»: «Вместо широкой работы в народе, — пишет автор статьи, — вместо того тернистого пути, который должен быть пройден любым народом на пути к освобождению от старых устоев, вместо подготовительной работы в самом народе и только через народ, группа «младобухарцев» при помощи господ Преображенских и, главным образом, по инициативе тех же Преображенских, решают устроить революцию при помощи наших штыков.

Революцию, не из народа идущую, революцию еще с народом не связанную, революцию народу чуждую.

Ново-Бухарский исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов, областной Совет и коллегия по бухарским делам, неслись вскачь к бухарской революции при помощи не бухарских беднейших масс, а при помощи наших штыков».

Так, бухарские события в марте 1918 г. А. Я. Гальперин склонен был рассматривать как стремление младобухарцев — представителей оппозиционной к эмирскому правительству буржуазии, свергнуть эмират при по-

¹ Ф. И. Колесов, Восстание в Бухаре 1918 г. Революция в Средней Азии, стр. 73—104.

² Г. Сафаров, «Колониальная революция», ГИЗ. М., 1921, стр. 82—83.

³ Б. Гафуров, Н. Прохоров. Падение Бухарского эмирата, Сталинабад, 1940, стр. 45.

мощи советских войск в целях захвата власти в свои руки, совершить этот переворот без участия трудового народа¹.

Оценка бухарских событий 1918 г., данная А. Я. Гальпериным, в целом является правильной. Действительно, в то время в Бухаре не было объективных условий для революционного низвержения эмира и его беков на местах; народ еще не был подготовлен к революции и в силу этого он не мог правильно воспринять братскую помощь, оказанную Советской властью Туркестану. Вследствие этого попытка свергнуть деспотический строй военным путем, не увенчалась успехом. Но формулировка А. Я. Гальперина «революцию народу чуждую», — глубоко ошибочна.

Причины неудачи Ф. И. Колесова заключались в отсутствии должной подготовительной и разъяснительной агитационной работы среди трудящихся масс Бухары, а главное, — в полной оторванности «младобухарцев» от народа, что вынужден был признать Ф. И. Колесов. «Заявление, нами сделанное Вам, — писал он эмиру 6 марта 1918 г., о проведении манифеста в жизнь и создания правления из представителей младобухарцев вынуждает нас сделать следующие дополнения:

«Стоя на праве самоопределения народов, мы рассчитывали, что убеждения младобухарцев разделяются большинством народа бухарского. Создавшееся положение войны показывает, что с младобухарцами совершенно нет широких масс, нет народа, поэтому наша полная победа на поле брани — на войне ставит перед нами вопрос, что же дальше? Младобухарцы не умеют пользоваться доверием широких масс и не сумеют править ими, поэтому те жертвы, которые приносятся, теряют логику и смысл. Со своей стороны, обсудив это положение, подчинив все это здравому смыслу, мы заявляем о желании прекращения военных действий»².

Оценивая события, происходившие в Бухаре в марте 1918 г., В. И. Ленин с особой силой подчеркивал необходимость осторожного подхода при проведении революционных преобразований в национальных окраинах, от-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 15.

² Там же, л. 43.

сталых в экономическом и культурном отношениях, в силу этого, находившихся под сильным влиянием мусульманского духовенства. В. И. Ленин говорил в докладе о партийной программе на VIII съезде РКП(б): «Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров, и мы бы помогли им это сделать. Но ведь это возможно только в том случае, если переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл?.. Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров». Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно»¹.

Вопрос о бухарских событиях был специально обсужден на V краевом съезде Советов Туркестана 26 апреля 1918 г. В докладе П. Г. Полторацкого, посвященном анализу причин, приведших к столкновению Советского Туркестана с Бухарским ханством, особое внимание было обращено на крайне враждебную, воинственную политику, которую проводил эмир по отношению к Советам в Новой Бухаре и во всем Туркестане.

В Бухаре происходило братание эмира с русской буржуазией, которое выразилось в закрытии ворот в Бухару для представителей Советской власти. Бухарское правительство шло в полном контакте с русской буржуазией и производило в течение двух месяцев мобилизацию лошадей для войск эмира. Мобилизация имела определенную цель — выступление против Советской власти.

«Вопрос для нас стал ребром: если мы не разобьем Бухару, то она разобьет нас. Промедление в данном случае было для нас смерти подобно»², — говорил П. Г. Полторацкий. Вместе с тем, П. Г. Полторацкий признал поспешность, допущенную Ф. И. Колесовым, который

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 158—159.

² «Наша газета», № 88, 1 мая 1918 г.

начал военное наступление, не обсудив этот важный вопрос в Совете Народных Комиссаров, хотя было известно, что «среди населения существовало недовольство эмирской властью, что подтверждается многочисленными фактами, рассказами бухарских революционеров, но брожение бухарского населения не получило реальной силы, чтобы была возможна внутренняя революция»¹.

«Поход Колесова» на Бухару в марте 1918 г. был первой, хотя и неудачной, попыткой низвержения ненавистной для народов Бухары эмирской власти — оплота реакции и контрреволюции в Средней Азии, ликвидация которой сыграла бы исключительно важную роль в укреплении Советской власти в Туркестане и нанесла бы сокрушительный удар по английским империалистам, стремившимся использовать Бухару как плацдарм для нападения на Советский Туркестан.

В этом отношении особый интерес представляет также речь Клевлеева, произнесенная на V съезде Советов Туркестана. Приведем выдержку из его выступления: «Я, как приехавший недавно из Москвы, буду говорить о мнении Центрального правительства о бухарских событиях. Когда там услышали, что тов. Колесов вместе с Красной Гвардией борется против войск бухарского правительства, Центральное рабоче-крестьянское правительство приветствовало это. Но когда тов. Колесов приехал из Бухары, оставив там все как было, то Центральное правительство осталось очень недовольным тов. Колесовым, который начал дело, но не закончил его.

Я приехал в Туркестан для организации Красной мусульманской армии, которая закончит дело, начатое тов. Колесовым.

Бухарское контрреволюционное гнездо, в котором под крылом эмира, служившего убежищем для кадетов, меньшевиков и других противников Советской власти, будет разрушено нами же мусульманами»².

В «декларации коммунистов-большевиков», принятой на V Краевом съезде Советов Туркестана 1 мая 1918 г., «Поход Колесова» на Бухару был оценен как прямой ответ на агрессивную политику эмирского правительства, превратившего Бухару в оплот английского импе-

¹ «Наша газета». № 88, 1 мая 1918 г.

² Там же.

риализма в Средней Азии¹. Вместе с тем в партийных документах того периода, в частности, в резолюциях IV съезда КПТ «по текущему моменту» указывается, что, поддерживая антифеодалное движение «младобухарцев», коммунисты не должны стремиться к осуществлению «насильственного революционного переворота»² в Бухаре, где объективные условия, главным образом, неподготовленность народных масс к восстанию против существующего строя, делают попытку низвергнуть деспотический режим эмирата, опираясь на военную мощь Советского Туркестана, не только безуспешной, но и вредной. Однако, в ожидании назревания революции коммунисты не должны допустить превращения Бухарского ханства в «опору английского военного могущества, угрозам бытию Туркестанской Советской республики»³.

«Поход Колесова» на Бухару причинил огромный вред Туркестанской Советской республике, оцениваемый свыше 50 млн. рублей золотом. Была разрушена железнодорожная линия на протяжении 575 верст. Только в одной Новой Бухаре было убито 1000 человек мирного населения. После заключения Кызылтепинского соглашения, благодаря ряду мероприятий, принятых в срочном порядке, взаимоотношения Туркестанской АССР с Бухарским ханством постепенно начали улучшаться. В октябре 1918 г. было достигнуто соглашение с эмирским правительством о покупке хлопка на территории Бухары, через местных торговых агентов, на средства, отпускаемые ВСНХ РСФСР⁴.

В декабре 1918 г. СНК Туркестанской АССР выделил 15 млн. рублей для удовлетворения нужд товарообмена и коммерческих операций в Бухарском ханстве⁵. Была создана смешанная комиссия из представителей ТАССР и бухарского эмира для разрешения споров, возникших на основе осуществления декрета СНК Туркестана от 28 февраля 1918 г. «О национализации хлопка», а также от 20 марта 1920 г. «О национализации промышленных

¹ «Наша газета», № 90, 10 мая 1918 г.

² Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.). Т., 1958, стр. 46—47.

³ Там же.

⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 944, л. 132.

⁵ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 96, л. 178.

предприятий», находящихся в пределах края, включая и русские города, расположенные на территории эмирата.

Совет Народных Комиссаров Туркестанской АССР постановлением от 12 декабря 1918 г. установил, что декреты Советской власти о национализации не распространяются на бухарских подданных, проживающих или владеющих заводами, фабриками, мастерскими, лавками, складами и т. д. на территории русских городов: в Кагане, Чарджоу, Керки и Термезе. Исходя из этого «хлопок и все имущество, как движимое, так и недвижимое, а также капиталы бухарских подданных, включая и перешедших в русское подданство без разрешения Бухарского правительства, считается принадлежащим бухарскому правительству и подлежит немедленному возвращению»¹. Что касается хлопка, принадлежащего русским капиталистам и скупщикам, находящимся на заводах у бухарских подданных, подлежали передаче правительству Туркестанской АССР, на основе декрета «О национализации хлопка».

В интересах развития взаимовыгодных торговых отношений с эмиром, Совет Народных Комиссаров ТАССР выделил для удовлетворения потребности населения в промышленных товарах и продуктах питания 600 тыс. пудов хлопкового масла, 6 вагонов риса, а также разной мануфактуры, взамен приобретенного в Бухаре, накопившегося за четыре года хлопка-сырца в количестве 1 570 000 пудов².

Несмотря на заметное улучшение взаимоотношений с эмиратом, Бухара по-прежнему оставалась враждебной к Советскому Туркестану страной. Бухарский рынок был завален товарами английского происхождения, прибывающих из Кабула. По данным отдела внешних сношений Турккомиссии, относящихся к 1918 г. «Бухара представляла из себя сплошную биржу, где спекулировали англичане, персы, афганцы, русские белогвардейцы и всякая темная публика, скупающая золото, серебро, валюту, товары. Установлены тесные взаимоотношения между эмиром и английской агентурой, подкупаю-

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 994, л. 151.

² Там же, стр. 138.

щей Бухару и наводняющей шпионами, военными инструкторами и белогвардейскими агитаторами»¹.

С каждым днем усиливалась вражда эмирского правительства к Советской власти. Эмир начал создавать крепкую военную организацию, скупая для этой цели оружие, патроны, как внутри страны, так и за ее пределами. Недалеко от Старой Бухары была открыта оружейная мастерская, где работали 80 иностранных специалистов, изготовлявших по 12 винтовок в день. В армию эмира производилась насильственная мобилизация людей, забирались лошади у населения не только в центральных, но и в отдаленных восточных бекствах. Ежедневный расход эмира на нужды армии превышал один миллион рублей денежными знаками 1918 г.² Эмир завязал сношения с соседними государствами в целях создания военного блока с Англией, Афганистаном, Закаспием, белогвардейскими правительствами, главарями ферганских басмачей.

После мартовских событий 1918 г. в эмирате наступил период реакции и жесточайшего террора. Организации коммунистов и «младобухарцев» были разгромлены не только в Старой Бухаре, но и во всех городах ханства. Эмирские чиновники повсеместно учиняли расправу над революционерами и прогрессивно-мыслящими людьми, которых в Бухаре, без различия их взглядов называли тогда «джадидами».

Характерным в этом отношении является письмо комиссара по бухарским делам, датированное 5 марта 1918 г. В письме сообщается о вопиющих фактах насилия и беззакония, чинимых эмирскими властями по отношению к демократически настроенным элементам в Керки. Керкинский бек, — сообщалось в письме, — имел «предписание бухарского правительства арестовать и казнить всех джадидов (под этим именем мусульмане подразумевают всех политических деятелей, стремившихся или свергнуть или реорганизовать современный строй Бухары). С джадидами поступали самым бесцеремонным, варварским способом, при тысячной толпе резали их как баранов и оставляли (их тело) на видном месте в течение трех дней»³.

¹ АВП, ф. 4/с, оп. 1, папка 328, д. 55032, л. 1.

² ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 81, л. 1.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 131.

Такая же участь постигла и коммунистические организации в Новой Бухаре, организационно оформившиеся в мае 1917 г. под руководством П. Г. Полторацкого, куда наряду с русскими рабочими входили 35 бухарцев — членов Коммунистической партии¹. «Во время бухарских событий, — сообщала «Наша газета», — организация коммунистов-большевиков города Новой Бухары была задушена и товарищам пришлось много поработать, чтобы преодолеть членосотенные элементы и создать вновь могучую пролетарскую организацию»².

ОРГАНИЗАЦИЯ БУХАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Разгул реакции и террора в Бухаре усилили эмиграцию коммунистов и «младобухарцев» в Советский Туркестан. В Ташкенте обосновалась группа эмигрантов-коммунистов и младобухарцев. В числе их были Азимджан Якубов, Ходжи Мирбобо Мирмухсинов, Мухтарджан Саиджанов, Ахмаджан Юлдашбаев, Мирза Назрулла, Наджиб Курбанов, Гуламкодир Абдулвосигов, Фатхулла Камилов, Хаджи-Хасан Ибрагимов, Сайфулла Наров, Мустапа Тиллаев, Умар Курбанов, Ходжи Аминов, Хасан-али Мухамедалиев (хасан тога), Абдурахман Фахрутдинов, Кори Юлдаш Пулатов, Худайберди Аулов, Абдулкадир Мухитдинов, Халим Ашуров, Аббас Алиев, Садык Мухамедиев, Абдулвахид Бурханов, Исак Агдаров, Муллабашир Тухтаходжаев, Муинитдин Аминов, Ахмаджан Абдусаидов и другие. Они начали работу над объединением революционеров и демократов в единую партию бухарских коммунистов.

Октябрьская революция оказала благотворное влияние на формирование левого течения в младобухарском движении. Зародившееся вначале как течение культурников — прогрессистов, младобухарское движение, в особенности в период эмиграции в Ташкенте в 1918—1919 гг. под воздействием туркестанских и русских коммунистов, стало приобретать более революционное, вернее, революционно-демократическое направление. А ли-

¹ Ученые записки Бухарского государственного педагогического института, вып. 10, Бухара, 1961, стр. 227.

² «Наша газета», 25 августа 1918 г.

деры левого течения в младобухарском движении начали постепенно «усваивать коммунистическую веру»¹. Наиболее крупной фигурой левых «младобухарцев» стал Файзулла Ходжаев² который организовал при Полномочном представительстве Туркестанской республики отделение партии в Москве, где более одного года (с октября 1918 г. по ноябрь 1919 г.) в тесном контакте с Центральным бюро мусульманских коммунистических органи-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 368, л. 67.

² Файзулла Ходжаев — выдающийся государственный деятель и первый командарм из узбеков. Он родился в 1896 г. в г. Бухаре в купеческой семье. Торговая контора отца находилась в Москве и Файзулла Ходжаев постоянно проживал там.

В 1907—1912 гг. сумел получить среднее образование. Ближе ознакомившись с тяжелой участью народов Бухары, изнемогавших под гнетом деспотического режима, Файзулла Ходжаев присоединился к движению прогрессивной национальной интеллигенции, а в 1917 г. стал лидером «младобухарской» партии, боровшейся за установление европейского (конституционного) образа правления в Бухаре.

Под благотворным влиянием Великого Октября народы Бухарского эмирата начали борьбу за свое освобождение. В марте 1918 г. группа, возглавляемая Файзуллой Ходжаевым, опираясь на поддержку Советского Туркестана, сделала, хотя и неудачную, но все же первую попытку свергнуть власть эмира. Тяжелые годы эмиграции не прошли бесследно для Файзуллы Ходжаева. Возвратившись из Москвы в январе 1920 г. он организовал революционно-демократическую «младобухарскую» организацию, сыгравшую определенную роль в победоносной сентябрьской революции 1920 г., осуществленной под руководством Коммунистической партии.

Постоянно общаясь с русскими большевиками, обучаясь у видных деятелей ленинской гвардии, таких как В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиава, Я. Э. Рудзутак и др., Файзулла Ходжаев прошел суровую школу революционной борьбы, получил марксистскую закалку, вырос и оформился как видный партийный деятель — коммунист.

Коммунистическая партия оказала Файзулле Ходжаеву высокое доверие, выдвинув его на пост председателя Совета Народных Назиров БНСР (1920—1924 гг.), одновременно избрав его членом пленума и исполкомиссии Средазбюро ЦК РКП(б) (1922—1934 гг.).

В период национального размежевания, Файзулла Ходжаев возглавлял революционный комитет УзССР, а в 1925 г. был избран председателем СНК Узбекской ССР и ЦИКа СССР.

Файзулла Ходжаев известен также как военный деятель: он был военным назиром БНСР, членом, а затем председателем Реввоенсовета Бухарской группы войск, а с 1925 г. членом Реввоенсовета Туркфронта (переименованного в 1926 г. в Среднеазиатский Военный Округ), одновременно являясь уполномоченным Наркомвоенмора СССР по Узбекистану и Членом Военного Совета СССР.

заций ЦК РКП(б) занимался изданием революционных листовок, воззваний и брошюр на таджикском и узбекском языках для отправки в Бухару¹.

Из левых «младобухарцев», составлявших большинство участников собрания (лето 1918 г.), высказавшихся за принятие программы РКП(б), было решено организовать Бухарскую партию коммунистов-большевиков во главе с пламенным революционером Азимджаном Якубовым, возглавлявшим революционное движение в Бухаре².

Другая же группа «младобухарцев» во главе с Усманходжа Пулатходжаевым приняла программу «левых» эсеров и организовала партию «младобухарцев»-социал-революционеров. В одном из официальных органов было помещено объявление следующего содержания: «Сообщается, что исполком младобухарцев по случаю последних бухарских событий переехал в Ташкент, преобразовал состав комитета и принял программу левых социал-революционеров, по которой будет вести дальнейшую свою деятельность»³.

Между бухарскими коммунистами и «младобухарцами»-эсерами шла ожесточенная борьба. Она не прекратилась и после их объединения в единую Коммунистическую партию.

Разгром контрреволюционного мятежа «левых» эсеров в Москве 7 июля 1918 г. нанес сильный удар по туркестанским последователям этой мелкобуржуазной партии. Среди «младобухарцев»-социал-революционеров началось разложение. Наиболее революционные элементы начали переходить на коммунистическую платформу. 25 сентября 1918 г. на общем собрании «младобухарцев»-социал-революционеров с участием 86 членов партии было принято решение: «Мы, нижеподписавшиеся, бывшие члены партии левых социал-революционеров младобухарцев, выходим из этой партии и принимаем программу партии коммунистов-большевиков, поэтому реорганизуем бывший комитет под названием «Цен-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 821, л. 6.

² Н. Хусаинов. Воспоминания о деятельности бухарских коммунистов-большевиков в период подпольной работы. Рукописный фонд Института истории Компартии при ЦК КП Уз, инв. № 868, стр. 4.

³ «Голос Самарканда», 29 мая 1918 г.

тральный комитет младобухарцев коммунистов-большевиков»¹.

За ташкентскими «младобухарцами»-социал-революционерами последовали их единомышленники и в других городах. «Коммунистическая партия младобухарцев в Самарканде,— сообщалось в одной из газет,— настоящим объявляет, что младобухарцы, принадлежавшие ранее к партии левых эсеров, на своем общем собрании от 25 сентября 1918 г. признали более приемлемой идею большевизма и единогласно постановили перейти в Коммунистическую партию большевиков»².

Переход «младобухарцев»-социал-революционеров на платформу Коммунистической партии был первой крупной победой бухарских коммунистов, хотя в результате этого слияния Бухарская Коммунистическая партия была сильно засорена националистическими, антисоветскими элементами. Ясно, что многие члены младобухарской эсеровской организации приняли программу РКП(б) под влиянием момента, в результате разгрома контрреволюционной эсеровской партии в центре России для того, чтобы прикрываясь высоким званием коммунистов, продолжать свою гнусную деятельность.

Основное ядро Бухарской Коммунистической партии составили коммунисты из Новой Бухары, Чарджоу, Термеза и Керки, приехавшие в Ташкент после мартовских событий 1918 г., они были подлинными организаторами партии. В период эмиграции в Ташкенте к Бухарской Коммунистической партии примкнули левые «младобухарцы», из среды которых выдвинулись немало преданных Советской власти деятелей, таких как Файзулла Ходжаев, Кори Юлдаш Пулатов, Абдулкадир Мухитдинов и другие.

Делегат Бухарской Коммунистической партии, участвовавший в работе II Конгресса Коминтерна Садык Мухамедов, останавливаясь на истории организации Коммунистической партии в Бухаре, говорил: «На первом съезде, в сентябре 1918 г. левое крыло младобухарцев-революционеров в подавляющем большинстве приняли

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Узбекистана, ф. 275, оп. 1, д. 2, л. 1.

² «Мехнаткашлар товуши» (Голос трудящихся), 7 ноября 1918 г.

всецело программу РКП и решили немедленно приступить к работе на местах для распространения идеалов коммунизма и социализма, а также принципов советского государственного строительства среди угнетенных бухарских масс»¹.

Центральный Комитет Бухарской Коммунистической партии был избран 25 сентября 1918 г. на общем собрании коммунистов и левых «младобухарцев», принявших программу РКП(б). В состав временного ЦК БКП вошли: Азимджан Якубов (председатель), Мухамед Кулмухамедов (товарищ председателя), Ходжи Мирбобо Мирмухсинов (казначей) и члены — Ахмаджан Юлдашбаев, Мирза Назрулла².

Исходя из первоочередных задач, стоящих перед партией, ЦК БКП приступил к организации отделений и ячеек в пределах Бухарского ханства для ведения агитационной работы среди эмирских сарбазов (солдат), кустарей и беднейших слоев крестьян. Большое внимание было уделено вооружению членов партии и созданию национальных частей из бухарских коммунистов, добровольцев и главным образом из беженцев эмирских сарбазов для создания армии революции. При содействии Реввоенсовета Туркфронта были открыты военно-политические курсы в Самарканде, Чарджоу и Мерве для подготовки кадров профессиональных революционеров и военных инструкторов, обучения национальных красных бухарских частей, куда и были направлены большинство членов партии.

Одним из важных мероприятий, осуществленных ЦК БКП в первые дни его существования, явилась организация отделений партии в декабре 1918 г. в Новой Буха-

¹ То же самое подтверждается в отчете ЦК БКП от 23 апреля 1920 г. «О схеме партийной работы бухарских коммунистов», где сказано: «В 1918 г. в г. Ташкенте бухарскими коммунистами была открыта в сентябре месяце партия коммунистов с Центральным Комитетом в Ташкенте и тут же открыли отделение в Самарканде и подпольные организации в Новой Бухаре» (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 367, л. 1).

² 5 октября 1918 г. в Наркомнац Туркестанской АССР поступило письмо об оказании материальной помощи Бухарской Коммунистической партии, которое было подписано Азимджаном Якубовым — председателем ЦК БКП, именовавшейся тогда партией младобухарцев-коммунистов-большевиков (см. ЦГА УзССР, ф. 36, оп. 1, д. 7, л. 72).

ре (для ведения революционной работы в пределах Западной Бухары). В состав отделения входили — Наджиб Курбанов, Умар Курбанов, Мухтарджан Саиджанов, Фатхулла Камиллов и Хаджи Хасан Ибрагимов¹. В Самарканде (для обслуживания районов Восточной Бухары) отделение было создано во главе с Кори Юлдаш Пулатовым. В 1919 г. в г. Каттакургане (для районов Средней Бухары) было организовано отделение под руководством Ходжи Мирбобо Мирмухсинова, в Керки (для работы среди туркмен) принимали участие такие славные революционеры, как Абдурахман Фахрутдинов, Равшан Баймурадов, Ядгар Абдурахманов, в Чарджоу партийную деятельность возглавляли Хасан Алиев, Ахмаджан Юлдашев и Гуламкодир Абдулвосигов.

В 1919 г. подпольная партийная организация возникла также и в Старой Бухаре. Она насчитывала в своих рядах 300 коммунистов из числа городской бедноты — машкабов (водоносов), хамбалов (носильщиков), гулох (истопников бань), арбакешей и других. Деятельностью Старобухарской партийной организации руководил коммунист Абдулла Ходжа Тураев, в тесном контакте с русским большевиком, рабочим хлопзавода в Новой Бухаре Войткевичем. Партийная организация начала работу среди эмирских войск, ремесленников и мелких купцов. Она направляла своих людей и в кишлаки, чтобы крестьяне повсеместно отказывались от платежа податей и поставки войск эмиру. Старобухарской партийной организации удалось создать десять подпольных ячеек в городе и 16 ячеек в окрестностях города, тесно связанных с кишлаками Гиждувана, Вабкента и Каракуля².

Немаловажное значение имели также разработка и принятие 23 декабря 1918 г. ЦК БКП программы партии³, которая служила временным руководством в революционной деятельности бухарских коммунистов.

Из текста программы Бухарской компартии видно какие цели и задачи она ставила перед собой, ведя народные массы на борьбу за свержение эмирской власти.

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 275, оп. 1, д. 2, л. 5—7.

² Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 60, оп. 1, д. 142, л. 4.

³ Там же, ф. 275, д. 12, л. 5—6.

В области общественно-политического устройства — это было уничтожение феодально-деспотического строя и установление народной республики на советских началах; в области аграрной — конфискация эмирских и бекских (помещичьих) земель и раздача их безземельным и малоземельным крестьянам, а также организация государственной помощи последним путем выдачи безвозвратных ссуд, сельхозинвентаря и рабочего скота; в области судоустройства — ликвидация прежних казийских судов и учреждение народных судов на выборных началах; в области демократических свобод — равноправие всех наций, всех трудящихся, мужчин и женщин, а также свобода слова, печати, совести и т. п.; в области культуры и просвещения — всеобщее обязательное бесплатное начальное обучение и другие. Это были задачи, которые могли быть осуществимы при условии охвата массы народа, большинства его, самых глубоких общественных «низов», задавленных гнетом и эксплуатацией, при условии, когда народ поднимается на борьбу самостоятельно, наложив на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток — по-своему построить новое общество, вместо разрушаемого старого.

С 30 мая по 11 июня 1919 г. в Ташкенте проходил I съезд Бухарской Коммунистической партии¹ с участием 10 делегатов — членов ЦК БКП и представителей от Самаркандского и Керкинского отделений партии. Работой съезда руководили бывшие левые «младобухарцы», примкнувшие к Бухарской Коммунистической партии и пробравшиеся в Центральный Комитет партии после смерти председателя ЦК БКП Азимджана Якубова, последовавшей весной 1919 г.

Съезд обсудил доклад ЦК БКП «О текущем положении», с которым выступил Абдулвахид Бурханов. На съезде также были заслушаны информации руководителей Самаркандского и Керкинского отделений БКП, представленные Кори Юлдаш Пулатовым и Абдурахманом Фухрутдиновым (Керки). Съезд утвердил финансовый отчет Центрального Комитета и избрал новый состав ЦК БКП из 7 человек. В состав ЦК вошли Абдулвахид Бурханов (председатель), Усманходжа Пулат-

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз. ф. 275, оп. I, д. 12, л. 3—6.

ходжаев¹ (товарищ председателя), Абдулрауф Фитрат (секретарь), Худайберды Аулов (казначей), Абдулкадир Мухитдинов, Муинитдин Аминов и Исак Агдаров.

Съезд определил также ряд организационных принципов построения Бухарской Коммунистической партии, установив, что высшим органом партии является съезд, созываемый один раз в течение 6 месяцев для решения наиболее важных вопросов, связанных с подготовкой и проведением революции. Программа партии, разработанная и принятая Центральным Комитетом БКП 23 декабря 1918 г., не была одобрена съездом, и разработка проекта программы была поручена председателю ЦК БКП Абдулвахиду Бурханову².

В резолюции по докладу «О текущем положении» отмечалось, что работа ЦК БКП ведется преимущественно среди эмигрантов в Ташкенте, а в Бухарском ханстве она находилась в самом зачаточном состоянии. Объяснялось это полной бездеятельностью ЦК БКП, который ограничивался только изданием и отправкой в Бухару воззваний, тогда как необходимо было перенести всю тяжесть революционной работы на территорию эмирата, руководствуясь девизом — место настоящего революционера в Бухаре³.

Деятельность Бухарской Коммунистической партии по развертыванию агитационной работы в массах начала давать свои положительные результаты.

Революционное движение трудящихся масс расширялось в результате ухудшения и без того тяжелого

¹ Усманходжа Пулатходжаев — один из лидеров бухарских джаидов-младобухарцев, получивших образование в Турции. Он был заражен идеей пантюркизма. После мартовских событий 1918 г. вокруг Пулатходжаева собираются националистические элементы из младобухарцев: он становится руководителем лево-эсеровской группы. После победы революции в Бухаре в августе 1921 г. Пулатходжаев оказался во главе Всебухарского Центрального исполнительного комитета (БухЦИКа), а в декабре 1921 г. при поездке в Восточную Бухару (Душанбе) он перешел на сторону басмачей, возглавляемых Энвер-Пашой. Изменник родины Пулатходжаев, после своего постыдного бегства в Афганистан, стал во главе контрреволюционных эмигрантов в Кабуле, поддерживал басмаческое движение в Бухаре с целью восстановления эмирата.

² Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 6.

³ Там же, л. 3.

экономического положения народа, упадка хозяйственной жизни страны. Посевы хлопка в 1918 г. занимали 50% площади против 1913 г., а в 1919 г. снизились до 20%, составляя 10% в 1920 г.¹ Резко сократился вывоз хлопка, шерсти и каракуля в Россию. Цена хлопка с 11 руб. за пуд в 1917 г. снизилась до 1 руб. 80 коп. в 1919 г., шерсти — с 6 до 2 руб., каракуля — с 7 до 1 руб. 20 коп. за штуку². Зато крайне возросли цены на продукты питания. Рис, стоящий 7 руб. 50 коп. за ман (5 пудов) в 1920 г., продавался по 400 000 рублей, мясо — с 15 копек за чарак (2 кг) возросло до 80 000 рублей, пшеница — с 3 руб. за ман (5 пудов) дошла до 90 000 рублей и т. д.³

Усиленная подготовка эмира к войне против Советской России сопровождалась увеличением налогов, у трудящихся реквизировали до 75% хлеба⁴. Тяжелым бременем на дехкан и ремесленников легла мобилизация в армию эмира. Все это привело к крайнему ухудшению материального положения беднейших слоев населения города и деревни и вызвало гневный протест против существующего строя. Бухарская Коммунистическая партия использовала недовольство масс и сумела организовать восстания в Шахрисабзе, Каракуле, Гиждуване и Вабкенте в феврале и в Старой Бухаре с 2 по 13 июля 1919 г. Наиболее крупным из них было восстание крестьян в Шахрисабзе, где многочисленная толпа в течение 25 дней, окружив крепость бека, угрожала его жизни. Многие дома приближенных бека были разграблены. Эмир, предвидя возможность распространения восстания и на другие вилаеты ханства, направил карательную экспедицию, которая жестоко расправилась с восставшими⁵.

В Гиждуванском и Каракульском туменах более 2 тысяч вооруженных топорами и палками крестьян требовали прекратить произвол амлакдаров. Антифеодалное восстание с особой силой развернулось и в Кер-

¹ «Военная мысль», кн. II. М., 1921, стр. 232.

² Там же.

³ Известия АН Тадж. ССР, № 2 (29). Отделение общественных наук, Душанбе, 1962, стр. 53.

⁴ «Военная мысль», кн. I, М., 1920, стр. 305.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 367, л. 1—3.

кинском бекстве, где дехкане выдвинули лозунг: «Да здравствует справедливость, равноправие и братство, да пропадет кровавое правительство». Дехкане с красным флагом в руках шли против эмирских сарбазов, а в селе Касан 150 крестьян в течение нескольких дней вели упорные бои с карательной экспедицией, направленной из Бухары¹.

В Старой Бухаре произошло волнение ремесленников. 15 тысяч человек в течение 12 дней, окружив дворец эмира (арк) требовали отмены налога аминана и смены всех чиновников финансовой администрации во главе с закетчи-калон и точного определения податей и повинностей, взимаемых с тружеников города. По приказанию эмира 500 активных участников восстания были сброшены в зиндан и 63 публично казнены на площади Регистан².

Одновременно с развитием революционной борьбы трудящихся против деспотизма и бесправия, усилилась антисоветская деятельность эмирского правительства, окончательно превратившегося в оплот английского империализма в Средней Азии.

Известно, что английские империалисты были вдохновителями и организаторами гражданской войны на территории Туркестанской АССР, результатом чего явилось возникновение летом 1918 г. Закаспийского фронта. Они же сыграли позорную роль в натравливании эмира против Советской власти, оказывали военную и экономическую помощь Бухарскому ханству.

После захвата Закаспия английскими интервентами при содействии предателей революции — меньшевиков и эсеров, «Бухарское правительство, — докладывал полпред Туркестанской АССР в Бухаре 9 декабря 1918 г. — изменило свое отношение к республике, мобилизовав армию около 30 тыс. человек, стало даже проводить военные упражнения (вроде стрельбы из орудий холостыми зарядами), стягивание к железной дороге особых отрядов, которые в нужный момент могли бы приступить к разборке пути и даже заготовлены на этот предмет в

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 87, л. 60—61.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 367, л. 5.

большом количестве арбы для увоза материалов при разборке в глубь страны»¹.

24 ноября правительство Советского Туркестана обратилось с нотой к эмиру бухарскому, особо подчеркивая, что «наша цель на Ашхабадском фронте не допустить продвижения противника на Бухару для ее оккупации подобно Персии»².

Поведение бухарского правительства было вызывающим. В ответ на ноту эмир потребовал передать охрану железной дороги на территории Бухарского ханства эмирским сарбазам, полностью эвакуировать советские войска из русских городов и пограничных районов³.

Нужно сказать, что эмир располагал огромной для маленькой страны вооруженной силой, достигавшей до 30 тысяч бойцов, снабженных английскими винтовками.

В марте 1919 г., когда линия Закаспийского фронта приблизилась к Чарджоу, эмир заверил своих английских хозяев, что выступит 19 февраля 1919 г. с 40-тысячной армией и отрежет Закаспийский фронт от Советского Туркестана⁴. Для этой цели был организован бухарский штаб при Закаспийском фронте, руководимый английским командованием. К этому времени относится появление в Бухаре германо-турецкой миссии, объехавшей Индию, Персию и Афганистан, которая усиленно распространяла реакционные идеи панисламизма. Миссия сумела установить связь с туркменскими вождями, а также с небезызвестным Джунaid-ханом, натравливая их против Советской власти⁵.

Английские империалисты вместе с оружием направляли в Бухару своих инструкторов для военного обучения эмирских войск.

В Бухаре скопилось свыше 400 английских инструкторов. Среди них один в звании полковника и 6 офицеров. В Бухарской армии несли службу также 150 турецких офицеров. В окрестностях Старой Бухары при помощи английских специалистов были сооружены два завода по изготовлению пороха и патронов. Здесь работали две тысячи австрийских военнопленных.

¹ ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 95, л. 219.

² Там же, ф. 3, оп. 1, д. 821, л. 21.

³ Там же, л. 26.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 3, л. 81.

⁵ ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 87, л. 52.

Кроме того, эмир получал оружие через Афганистан. В начале апреля 1919 г. в Бухару прибыл афганский караван в составе 600 верблюдов с грузом в 20 тысяч винтовок, в начале мая 1919 г. в Старую Бухару было доставлено через Афганистан еще 8 тысяч винтовок, а несколько позже прибыл большой караван из 200 верблюдов, нагруженных винтовками¹.

13 мая 1919 г. в союзе с закаспийскими белогвардейцами, при непосредственном участии англичан, эмир начал военное наступление на советский гарнизон в городе Керки.

Военными действиями со стороны бухарских войск руководили белогвардеец Осипов и английский полковник Ламкарт. По их указанию из Закаспия, под начальством бывшего керкинского купца Айрапетянца в Керки были отправлены 300 белогвардейцев, которые расположились недалеко от города. Продовольственную помощь ашхабадским белогвардейцам оказали правитель Керкинского вилаята — Кадыркул Караул-беги и закетчи Нурутдин Миррахур. Они же, разъезжая по кишлакам, вооружали туркмен².

План мятежников, как сообщается об этом в резолюции общего собрания коммунистов-защитников города, заключался в том, чтобы «...во что бы то ни стало занять Керки, как исходный пункт и базу для развития при содействии Бухары дальнейших операций в направлении Самарканда и Ташкента, на соединение с армией Колчака»³.

Белогвардейцы решили начать дело с занятия города. Через керкинского бека и главного закетчи, при участии сельских старейшин им удалось насильственно завербовать значительную часть местного туркменского населения в свою армию.

Белогвардейцам противостоял небольшой гарнизон защитников города Керки, состоящий из крепостной роты в 150 человек при четырех тяжелых мортирах, 2 полевых орудиях и 6 пулеметах; отдельной конной сотни при двух пулеметах; полковой двухорудийной батареи, партийной дружины в 80 человек и команды рабочих

¹ АВП СССР, ф. 152/с, оп. 1, д. 2, п. 1, л. 28—33.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 972, л. 174—178.

³ Там же.

железнодорожников в 75 человек. Обороной города руководили рабочие железнодорожники-коммунисты¹.

13 мая 1919 г. был организован Совет по обороне города. На первом заседании 15 мая 1919 г. Совет обсудил следующие вопросы:

«1. Ультиматум главы банды ашхабадских белогвардейцев Айрапетянца с требованием сдать город без боя, и

2) создавшееся в городе критическое положение в связи с вооруженным нападением нукеров, перерезавших телеграфные провода и разрушивших железнодорожное сообщение».

На Совете «...всеми единодушно было решено: лучше умереть, но не сдаваться контрреволюционерам»².

Главной опасностью для защитников города были не белогвардейцы, а керкинский бек, руководивший антисоветской деятельностью и набором войск из туркмен и жителей соседних кишлаков, чтобы помочь банде Айрапетянца захватить осажденный город. Учитывая это обстоятельство, Совет обороны города «пришел к заключению, что единственным путем для выхода из создавшегося положения является немедленное разоружение всего туземного населения города, пока в нем не скопились массы стягиваемых из кишлаков туркмен»³.

16 мая керкинскому беку был предъявлен ультиматум с требованием разоружения местного населения старого города в течение двух часов. В ответ на это керкинский бек открыл ружейную и пулеметную стрельбу. Намерения бека стали еще более очевидными.

Совет обороны города отдал приказ крепостной артиллерии обстрелять крепость бека и дом закетчи, служившие штабом контрреволюционеров. Одновременно были приняты меры к аресту зачинщиков военных действий — бека, закетчи, ранса и кази. Однако, часть заговорщиков, которой удалось бежать из города, подняла туркменское население окрестных кишлаков, и в течение 48 дней (с 23 мая по 10 июля) осаждала город,

¹ См. У. А. Ерзин, Оборона Советского поселения Керки (Бухара) в 1919 г. Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Материалы к изучению истории Средней Азии и Узбекистана, вып. 194, Т., 1962, стр. 85—98.

² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 972, л. 174—178.

³ Там же.

безуспешно пытаясь его захватить. Только 19 июля 1919 г. после подхода подкреплений, посланных советскими войсковыми частями, между правительствами Бухарского эмира и Туркестанской АССР было заключено мирное соглашение¹.

Английским империалистам и их ашхабадским прислужникам так же, как и бухарскому эмиру и его местным бекам, не удалось сломить сопротивление героических защитников города, бесстрашных советских воинов и отважных рабочих железнодорожников. Враги революции были разгромлены. Советская власть была спасена.

Один из вождей российской белогвардейщины адмирал Колчак возлагал большие надежды на эмира бухарского, неоднократно подстрекая его к выступлению против Советской России. Реввоенсоветом Туркфронта была захвачена именная грамота Колчака, датированная 25 сентября 1919 г., в которой он призывал эмира поднять народы Средней Азии «на святое дело защиты веры и единого бога..., против гонителей и хулителей веры, против богоотступников большевиков. ...с целью уничтожить преступные банды большевиков, освободить разрушенный край от большевистского ига»². Для того, чтобы обеспечить успех борьбы адмирал советовал эмиру организовать «выступления всех пострадавших от Советской власти», «создать подъем всех сил одновременно, ввиду чего всем врагам большевизма следует установить и поддерживать связи»³.

На особую военную миссию, направленную в Бухару, возглавляемую белогвардейским капитаном Иконниковым, было возложено «выполнение особых поручений секретного характера и серьезного государственного значения»⁴, — установить тесную связь с Ферганой, Бухарой и Хивой в целях организации и усиления контрреволюционного басмаческого движения и военного наступления эмирских сарбазов и банд Джунаид-хана на Советский Туркестан.

¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 972, л. 174—178.

² АВП СССР, ф. 152/с, оп. 1, д. 2, пап. 1, л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 1.

Английский штаб в Мешхеде усиленно снабжал эмира вооружением. 14 июня 1919 г. эмир направил в Мешхед на имя генерала Маллесона — начальника английских вооруженных сил — специальную грамоту с выражением благодарности за оказанную помощь и с заверением о полной готовности поддержать наступление белогвардейцев на Закаспийском фронте. В ответном письме, датированном 20 июня 1919 г. генерал Маллесон писал эмиру: «Грамота и собственноручное письмо Вашего величества, адресованное на мое имя, мною получены. Не могу скрыть моей радости по поводу прекрасного впечатления, которое Ваше письмо и грамота произвели на меня и, в частности, по поводу того, что отправленное мною Вам оружие и патроны Вами исправно получены. Последняя весть усугубила мою радость»¹.

В такой сложной исторической обстановке, с 26 по 27 июня 1919 г. в Ташкенте работал с участием делегатов от Новобухарского, Самаркандского и Керкинского отделений партии II съезд Бухарской Коммунистической партии². Съезд обсудил доклад «О текущем положении», отчеты председателя ЦК БКП, «О деятельности партии» и делегатов с мест, а также избрал новый состав ЦК БКП, состоящий по преимуществу из профессиональных революционеров-коммунистов, под председательством Наджиба Хусаинова.

На II съезде БКП бывшие «младобухарцы»-социал-революционеры потерпели поражение, и их лидер Усманходжа Пулатходжаев и другие активные члены этой группы были исключены из рядов Бухарской Коммунистической партии за гнусную провокационную работу, которую они вели против Коммунистической партии в самом Центральном Комитете и на местах в отделениях БКП. Эта мера, осуществленная II съездом БКП, несомненно, сыграла положительную роль в оздоровлении рядов Бухарской Коммунистической партии.

В резолюции «О текущем положении», принятой 26 июня 1919 г., подчеркивалось, что съезд Бухарской Коммунистической партии приветствует политику Со-

¹ «Вестник НКВД», 1922, № 4—5, стр. 129.

² Парта́рхив Института истории партии при ЦК КП Уз., ф. 275 д. 13, л. 22—25.

ветской власти по отношению к народам Востока и горячо поддерживает мероприятия РКП(б), направленные против империалистических, колонизаторских государств Запада. II съезд БКП обязал всех членов партии оказывать энергичное содействие в проведении в жизнь мероприятий Советской власти в отношении угнетенных народов колониального Востока, в том числе и Бухарского ханства, правящие классы которых находились под сильным влиянием английских империалистов.

Касаясь вопроса отношений РСФСР к Бухарскому ханству, съезд особо отметил превращение Бухары в плацдарм английских империалистов для нападения на Советский Туркестан и оплот контрреволюции в Средней Азии.

Съезд счел своим долгом довести до сведения правительства Туркестанской АССР и РСФСР о невозможности установления дружественных отношений между Бухарским ханством и Советской Россией, указывая на то обстоятельство, что кажущаяся перемена в политике эмира по отношению к РСФСР является лицемерием эмирского правительства, вынужденного считаться с фактом поражения английских империалистов на Закаспийском фронте.

Съезд вошел с ходатайством в Крайком Коммунистической партии Туркестана и СНК ТАССР об оказании материальной поддержки и морального содействия Бухарской Коммунистической партии в свержении деспотического правительства эмира и установления в Бухаре «народного правления (т. е. республики — А. И.) на благо и счастье бухарского народа»¹.

В отчете ЦК БКП и делегатов Самаркандского, Новобухарского и Керкинского отделений партии были приведены факты укрепления рядов Бухарской Коммунистической партии, роста ее влияния среди трудящихся масс и оживления деятельности местных партийных организаций. Исходя из этого, съезд поручил новому составу ЦК БКП принять энергичные меры к усилению и расширению агитационной деятельности партии в пределах Бухарского ханства, проникая во все слои

¹ Партархив Института истории партий при ЦК КП Уз, ф. 275, оп. 1, д. 13, л. 11.

населения, путем мобилизации всех активных членов БКП, группируя их при отделениях партии на местах¹. Для достижения успеха в быстрейшем проведении в жизнь задач, стоящих перед партией, съезд также нашел необходимым создать при Центральном Комитете Президиума из 7 членов, распределив их по отделам:

1. Исполнительный (Исполбюро) — руководящий орган партии между съездами. 2. Революционный — орган по руководству деятельностью отделений партии на местах, и 3. Редакционно-издательский — орган по изданию и распространению воззваний, листовок, прокламаций в пределах Бухарского ханства.

II съезд Бухарской Коммунистической партии твердо высказался за установление тесного контакта между ЦК Бухарской Коммунистической партии и Краевым комитетом Компартии Туркестана для получения повседневного руководства и помощи, а также рекомендовал ЦК БКП практиковать объединенные заседания с Крайкомом КПТ для решения наиболее важных, актуальных вопросов партийной жизни².

Решения II съезда Бухарской Коммунистической партии сыграли важную роль в идейно-политическом и организационном укреплении молодой, еще неокрепшей партии и установлении тесного контакта с Туркестанской Коммунистической партией — одного из боевых отрядов РКП(б).

Бухарская Коммунистическая партия со времени ее организации встретила самую горячую поддержку со стороны Коммунистической партии Туркестана. Крайком КПТ проявлял постоянную заботу об идейно-политическом укреплении Бухарской Коммунистической партии. Еще 9 апреля 1919 г. на заседании Крайкома КПТ специально был обсужден вопрос «О младобухарской организации, причисляющей себя к Коммунистической партии». На заседании Крайкома деятельность Бухарской Коммунистической партии вызвала живой интерес. Докладчику были заданы вопросы: «Что из себя представляет эта организация, какова ее деятельность, чем она себя проявила и какие цели преследует, какие она

¹ Парта́рхив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 275, оп. 1, д. 13, л. 11.

² Там же, лл. 19—21.

связи поддерживает с Бухарой и имеются ли там ячейки этой организации?»¹

При обсуждении доклада ЦК БКП были высказаны различные соображения: «По мнению некоторых ораторов в ней (т. е. БКП) имеются буржуазный и контрреволюционный элемент, который под флагом их организации остается прикрытым, по мнению же других — это просто эмиграция из Бухары», — сообщается в протокольной записи заседания Крайкома КПТ².

Учитывая молодость и организационную слабость Бухарской Коммунистической партии, Крайком КПТ поручил Мусбюро³ всесторонне ознакомиться с деятельностью Бухарской Коммунистической партии, выяснить ее классовый состав и задачи, которые она ставит перед собой как политическая организация, признавая ее революционно-демократической (младобухарской), а не Коммунистической партией.

В соответствии с решением Крайкома КПТ, Мусбюро направило в Новую Бухару и Самарканд своих представителей для ознакомления с деятельностью отделений Бухарской Коммунистической партии и их взаимоотношений с местными органами Советской власти и Туркестанской Коммунистической партии.

11 июля 1919 г. Мусбюро обсудило итоги работы комиссии по ознакомлению с деятельностью Бухарской Коммунистической партии⁴. 29 июля 1919 г. Крайком КПТ совместно с Мусбюро, с участием председателя ЦК БКП Н. Хусаинова, полпреда РСФСР в Бухарском ханстве Печатникова, Народного Комиссара иностранных дел ТАССР Голубь и секретаря Самаркандского

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 60, оп. 1, д. 60, л. 25.

² Там же.

³ На второй краевой конференции Компартии Туркестана (14—31 марта 1919 г.) было решено организовать Мусульманское бюро в составе: Ю. Алиева, Ю. Ибрагимова, А. Мухитдинова, Низаметдинходжаева, как вспомогательный орган при Крайкоме КПТ по организации и руководству партийной работой среди мусульманской бедноты, с внесением всех принимаемых решений на утверждение Крайкома. В состав ЦК Коммунистической организации народов Востока при ЦК РКП(б) от Мусбюро был делегирован Абдулкадир Мухитдинов — член РКП(б) с 1918 г.

⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 60, оп. 1, д. 65, л. 39.

обкома КПТ Эпштейна, подверг тщательному анализу деятельность «младобухарской» организации, именующей себя Коммунистической партией»¹.

На заседании Крайкома был заслушан доклад председателя ЦК БКП Наджиба Хусаинова «О революционном движении в Бухаре и революционной деятельности младобухарской организации коммунистов», а также сообщение полпреда РСФСР Печатникова «О внутреннем политическом положении в Бухаре».

Н. Хусаинов стремился в своем докладе преувеличить степень организованности населения эмирата. Объективную обстановку в Бухаре обрисовал в своем докладе полпред РСФСР в Бухаре Печатников. Он особо подчеркнул, что «беднота бухарская безгласна, забита, невежественна, и необходима долгая и упорная работа революционно настроенных групп, чтобы поднять ее против своих правителей — министров, чиновников и мулл, и свергнуть их иго с себя. Поэтому нет оснований поддерживать в этом случае оптимизм т. Хусаинова, ожидающего революции в Бухаре через 1,5 месяца. Трудовая масса далеких кишлаков совершенно не затронута революционной работой, так как младобухарская организация, приютившаяся в русских городах и поселениях, не распространяет далее их сферу деятельности, избегая подпольной работы внутри ханства»².

После обстоятельного анализа деятельности Бухарской Коммунистической партии, Крайком КПТ решил за основу всех мероприятий, подлежащих проведению в жизнь в отношении политической работы в Бухаре, принять принципиальные положения, изложенные в резолюции Мусбюро КПТ от 11 июля 1919 г.

Резолюция Крайкома гласила: «а) деятельность младобухарской организации признать удовлетворительной и соответствующей задачам коммунистической программы и Советской власти, но недостаточно развитой, необходимо младобухарцам расширить свою революционную деятельность в Бухарском ханстве;

б) ввиду того, что в последнее время среди бухарского войска умножается число революционеров и сторон-

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 60, оп. 1, д. 63, л. 31—34.

² Там же, л. 31.

ников Советской власти, желающих покинуть войско и служить на пользу революции, необходимо принять меры к облегчению перехода их на сторону Советской власти;

в) для успешной революционной деятельности младобухарских организаций необходимо оказывать им моральную и материальную поддержку и направлять их деятельность по правильному пути»¹.

На заседании Крайкома были рассмотрены также вопросы о вовлечении на работу в советские учреждения, в агитационно-организаторские партийные курсы и в ряды Красной Армии членов Самаркандской организации БКП и о вооружении всех членов Бухарской Коммунистической партии. Что касается взаимоотношений Ново-бухарского отделения БКП с полномочным представительством РСФСР в Бухарском ханстве, было указано на необходимость реорганизации представительства в коллегиальное учреждение, состоящее из трех лиц, с введением в его состав одного представителя из местной национальности, члена ЦИКа Советов ТАССР Акбарходжи Исмаилова для установления регулярной связи между представительством и Бухарской Коммунистической партией, «деятельность которой за последнее время становится особенно важной»², как отмечалось в резолюции Крайкома КПТ.

Бухарской Коммунистической партии приходилось работать в исключительно трудных условиях подполья, в обстановке разгула реакции. К этому надо добавить низкую идейную закалку коммунистов, вследствие молодости коммунистического движения на Востоке, групповую борьбу, особенно усилившуюся в период подготовки и проведения Народной революции в середине 1920 г. между различными течениями внутри партии (левые, правые и т. д.), жестокий эмирский режим преследования и массовое истребление коммунистов и сочувствующих им прогрессивных элементов и т. п. Несмотря на невероятные трудности, бухарские коммунисты проявляли стойкость в борьбе с эмиратом.

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 66, оп. 1, д. 63, л. 33.

² Там же, л. 34.

Бухарские коммунисты в своей революционной деятельности находили повседневную поддержку в лице Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и городских комитетов партии Бухары, Чарджоу, Керки и Термеза, насчитывавших в своих рядах в 1919 г. 670 членов РКП(б), по преимуществу состоящих из рабочих железнодорожных мастерских, хлопкоочистительных, кирпичных и маслобойных заводов и солдат гарнизонов.

Бухарская Коммунистическая партия своей практической деятельностью добилась признания Краевого Комитета Коммунистической партии Туркестана и заручилась его всесторонней поддержкой. Работая в тесном контакте и под идейным руководством КПТ, Бухарская Коммунистическая партия с середины 1919 г. развернула революционную деятельность среди эмирских сарбазов (солдат), ремесленников и беднейших слоев дехкан.

Важную роль в развитии революционного движения сыграл II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока (22 ноября — 3 декабря 1919 г.), на котором, наряду с представителями коммунистических организаций Туркестана, Азербайджана, Татарии, Кавказа приняли участие делегаты и от Бухарской Коммунистической партии. Съезд заслушал отчет о работе Центрального бюро мусульманских организаций РКП(б), обсудил «восточный вопрос» и наметил задачи партии на Востоке. Открывая съезд по поручению ЦК РКП(б), И. В. Сталин говорил: «Если ныне дорога на Восток открыта, то опять революция обязана этим величайшему труду наших товарищей делегатов, совершивших эту работу за последнее время.

Только сплоченностью мусульманских коммунистических организаций народов Востока, прежде всего татар, башкир, киргизов, народов Туркестана — только сплоченностью их можно объяснить ту быстроту развития событий, которую мы наблюдаем на Востоке»¹.

В. И. Ленин участвовал в работе II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока. 22 ноября 1919 г. он выступил перед делегатами съезда с докладом «О текущем моменте». В. И. Ленин особо подчеркнул всемирно-историческое значение пробуждения народов Востока, наметившегося в начале XX столе-

¹ И. Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 280.

тия и переход их к непосредственному участию в революционном движении против империализма и колониализма. Обращаясь к делегатам съезда, В. И. Ленин говорил: «Большинство народов Востока находится в худшем положении, чем самая отсталая в Европе страна — Россия, но нам удалось соединить в борьбе против остатков феодализма и капитализма русских крестьян и рабочих, и наша борьба так легко прошла потому, что против капитала и феодализма соединились крестьяне и рабочие.

Здесь связь с народами Востока особенно важна потому, что большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы, — не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящихся эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета»¹.

Далее, В. И. Ленин дал классический анализ тактики и политики Коммунистической партии на Востоке. В. И. Ленин говорил: «Здесь перед Вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благородна потому, что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации Коммунистических ячеек на Востоке, вы получаете возможность осуществить теснейшую связь с III-м Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими, части в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока»².

Воодушевленные ленинской идеей развития революции на Востоке, бухарские коммунисты собрались 20 декабря 1919 г. на свой III съезд, продолжавшийся до

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 329.

² Там же.

31 декабря. В работе съезда приняли участие 20 делегатов от всех отделений БПК¹. К III съезду Бухарская Коммунистическая партия выросла в значительную силу, располагая 37 подпольными организациями, из которых 24 ячейки были созданы среди дехкан в деревнях и ремесленников в городах, а 13 ячеек вели агитационную работу среди сарбазов (солдат) эмира².

В декабре 1919 г. Новобухарское отделение партии насчитывало в своих рядах 300, Самаркандское — 220, Каттакурганское — 100, Чарджоуское — 52 и Керкинское — 44 коммуниста³.

К сожалению, из-за отсутствия материалов нам не удалось установить общее количество членов БКП в 1919 г., а тем более социальный состав партии. Мы здесь ограничиваемся указанием на то, что в БКП главным образом вступали городская (машкабы, арбакеши, хамбалы и др.) и сельская беднота (мардикеры и чайрикеры). Среди членов партии были также ремесленники и мелкие торговцы, прогрессивные представители национальной интеллигенции.

III съезд Бухарской Коммунистической партии обсудил отчет ЦК БКП, доклады отделений БКП на местах, а также вопросы о международном и внутреннем положении РСФСР. Съезд признал необходимым создание в городах Новой Бухаре, Самарканде, Каттакургане, Чарджоу, Керки, Термезе, Мерве, Ашхабаде революционных комитетов при отделениях партии и усиление деятельности БКП и ревкомов на местах.

Делегаты III съезда БКП послали приветственную телеграмму Владимиру Ильичу Ленину, стойкому защитнику угнетенных народов Востока, заверив вождя партии, что «бухарские коммунисты отдадут все свои силы за проведение в жизнь великих идеалов коммунизма»⁴.

III съезд БКП, находя агитационно-пропагандистскую работу БКП на местах в достаточной степени слабой, поручил Центральному комитету и ревкомам при

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 275, оп. 1, д. 14, л. 53—62.

² Архив Коминтерна, ф. 21 (12а), оп. 4, д. 19, док. 4.

³ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 275, оп. 1, д. 14, л. 53—60.

⁴ Там же, д. 157, л. 68.

отделениях партии, принять самые энергичные меры для разъяснения бухарским крестьянам и ремесленникам сущности Советской власти путем широкого распространения революционной литературы — брошюр, воззваний, листов, прокламаций, составленных ЦК БКП в доступном и понятном для народа изложении. «Цель издания и распространения таковых прокламаций, — говорилось в резолюции съезда, — внедрение в сознание мусульманских народных масс идей коммунизма и социализма, дабы с помощью командированных на места тайных агентов партии вызвать на бухарской территории ряд организованных восстаний и активных выступлений против органов эмирского правительства»¹.

В решениях III съезда БКП особое внимание уделялось развитию агитационно-массовой работы и борьбы с религиозным фанатизмом, беспощадному разоблачению преступной деятельности мулл для того, чтобы подорвать влияние реакционного мусульманского духовенства на темные народные массы.

Резолюция III съезда БКП подчеркивала необходимость усиления работы партии среди войск эмира, организации перехода сарбазов на сторону Советской власти и создания вооруженных сил революции в Самарканде, и Ашхабаде.

«Принимая во внимание, — говорилось в резолюции съезда, — что освобождение бухарского народа от векового рабства, деспотизма, произвола и насилия со стороны эмирского правительства может быть добыто только силою оружия, путем участия в революционном движении армии, принять самые решительные и энергичные меры к усилению агитации и пропаганды среди войсковых частей бухарской армии, в целях создания сильного разложения и развала таковой, а также увеличения количества перебежчиков на нашу сторону»².

Съезд избрал Центральный комитет БКП в составе: Наджиб Хусаинов (председатель), Исак Агдаров, Садык Мухамедиев, Хаджи-Хасан Ибрагимов, Мирза-Бахрам Ахмедов и Мухитдин-Максум Хаджиев.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 275, оп. 1, д. 157, л. 50.

² Там же, л. 53.

На основе решений III съезда партии ЦК БКП начал издавать журнал под названием «Тонг» (Заря), а с 28 июня 1920 г. — сначала в Ташкенте, а затем в Новой Бухаре стала выходить газета «Кутулиш» (Освобождение)¹, она распространялась в количестве до 3000 экземпляров на территории Бухарского ханства.

Газета «Кутулиш» вела широкую пропаганду идей Коммунистической партии и Советской власти среди населения Бухарского ханства. В ней разоблачалась антинародная, грабительская политика власти эмира и беков, колониальная грабительская политика английского империализма на Востоке, в частности в Бухаре. Газета призывала угнетенные и подавленные нищетой и темнотой народные массы Бухары к восстанию, низвержению эмира и созданию власти трудового дехканства в Бухаре, как это сделали народные массы Туркестана. Немалую роль в разъяснении трудящимся массам Бухарского ханства сущности Советской власти и национальной политики Коммунистической партии сыграл издаваемый в Самарканде еженедельный общественно-политический журнал «Шуглай Инкилоб» (Пламя революции) — орган Самаркандского обкома Коммунистической партии Туркестана. Журнал начал выходить с 10 апреля 1919 г. на таджикском языке. На его страницах печатались первые декреты Советской власти, обращение СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное В. И. Лениным, материалы I съезда народов Востока, созванного в Баку, статьи о Бухарской революции и т. д. Активное участие в работе журнала принимал С. Айни, выступая с революционными стихами (например, «Марш свободы») и статьями, направленными против эмирского деспотизма...

В одном из номеров названного журнала С. Айни, призывая трудящиеся массы Бухары к свержению эмирской власти, писал:

«О господи, пусть разрушится дом угнетения и
несправедливости!
О господи, пусть превратится в кладбище
источник насилия!

¹ «Кутулиш» — общественно-политическая и литературная газета, орган ЦК Бухарской Компартии (выходила два раза еженедельно на узбекском и таджикском языках).

О господи, пусть разорвется на части и покроется
Черным прахом престол, сделавший нас

несчастливыми!»¹

Массовая разъяснительная работа Бухарской Коммунистической партии давала свои результаты. Крестьяне и ремесленники Бухарского ханства все более высказывали желание — свергнуть господство феодалов. Увеличившиеся, в особенности за последние три года — поборы, тяжелая воинская повинность, безграничный произвол эмира и его беков, — все это и многое другое, революционизировало трудящиеся массы. В Бухарском ханстве назревала революционная ситуация.

СВЕРЖЕНИЕ ЭМИРАТА И ПОБЕДА НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БУХАРЕ

В подготовке и проведении народной революции в Бухаре исключительно важную роль сыграл приезд в Ташкент в ноябре 1919 г. Комиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, в состав которой входили виднейшие деятели Коммунистической партии и Советского государства В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиава, Я. Э. Рудзутак и другие.

Перед Турккомиссией была поставлена задача исторической важности — превращение Туркестана в образцовую республику на Советском Востоке и оказание братской помощи угнетенным деспотическим режимом народным массам Бухары и Хивы в их освободительной борьбе против эмира и хана, а также английских империалистов, стремившихся превратить их страны в колонию Британской империи.

Турккомиссия обратила особое внимание на Бухарское ханство, ставшее к этому времени оплотом контрреволюции в Средней Азии — плацдармом для нападения английского империализма на Советский Туркестан. Турккомиссия в отношении Бухары проводила миролюбивую политику, были приложены все силы для того, чтобы добиться ценою всяких уступок добрососедских отношений с эмиратом. Интересы страны и народов Бухары требовали от эмира установить дружбу с РСФСР, —

¹ С. Айни, Асарлар, т. I, Узгослитиздат. Ташкент, 1963, стр. 8.

единственной державой, могущей защитить Бухару от покушения на ее независимость со стороны империалистических государств.

Однако господствующие классы, во главе с эмиром, предпочли сохранить деспотический строй, пренебрегая интересами национального освобождения своей страны. Результатом такой политики явилось усиление английского влияния в ханстве. Советской властью принимались все зависящие от нее меры, чтобы предотвратить возможное столкновение с Бухарским ханством. Но «все государственные мотивы диктующие Российскую ориентацию отошли на задний план перед животным страхом за сохранение деспотического порядка», — писал В. В. Куйбышев В. И. Ленину 16 августа 1920 г.¹

В связи с возрастающими враждебными действиями эмира 7 января 1920 г. члены Турккомиссии посетили Саид-Алим-хана. Во время переговоров было указано «на непреложную для Бухары необходимость теснейшего сближения с Советской Россией, которая сможет обеспечить Бухаре полную ее независимость и наиболее нормальные условия для развития культуры»².

В письме к В. И. Ленину «О военном и политическом положении Туркестана» от 14 апреля 1920 г. М. В. Фрунзе отмечал в эмирате усиленную подготовку к войне, наличие около 15 тысяч войск только в одном районе Новой Бухары. Эмир, — подчеркивалось в письме, — всецело находится под влиянием «Всесильной в Бухаре улемы, призывающей народ к священной войне». Возвращаясь из Закаспия 30 марта 1920 г., М. В. Фрунзе и Ш. З. Элиава посетили эмира, настойчиво твердили ему, что Советская Россия в высшей степени заинтересована в территориальной неприкосновенности Бухары и для укрепления дружественных отношений советовали Саид-Алим-хану пойти на «европеизацию» страны³.

«Все попытки Турккомиссии и Реввоенсовета направить правительство эмира на путь, хотя бы частичных уступок современности, не имели успеха. Наоборот, — писал М. В. Фрунзе, — все резче выявлялся захват фактической власти в Бухаре духовенством и наиболее

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 161, л. 1.

² Известия Ново-Бухарского Совета, № 4, 13 января 1920 г.

³ Исторический архив, № 3, 1958, стр. 36—37.

«ретроградным» элементом и недалек тот час, когда они смогут стать на место эмира и его правительства и повести народ на борьбу с нами, избрав подходящий момент»¹.

Эмир не только отверг мирные предложения Турккомиссии, но еще больше расширил сношения с английским командованием в Мешхеде, рассчитывая на получение английского золота и оружия для войны с Советской Россией. В начале января 1920 г. он заключил военный союз с Афганистаном, а 11 января отправил в Кабул посольство во главе с Абдурахманбеком, который должен был остаться в Мазари-Шерифе в качестве постоянного бухарского консула. В Бухаре было открыто афганское посольство, действовавшее по указке английской мешхедской военной миссии, непосредственно руководившей антисоветской деятельностью эмира². М. В. Фрунзе отмечал, что Афганистан «беззастенчиво проявляет свои агрессивные намерения в отношении нас. Весь Туркестан, особенно Закаспий, буквально кишит афганскими шпионами»³. Это полностью относилось также и к Бухаре.

14 января 1920 г. в Бухару прибыли из Мешхеда три русских офицера-белогвардейца с письмом к эмиру от английского высшего командования⁴. В марте 1920 г. были доставлены в Бухару присланные афганским правительством в «подарок» эмиру 6 орудий и 3 пулемета⁵. Усилился наплыв в ханство афганских военных под видом торговцев и ремесленников. На 1 апреля 1920 г. в Бухаре находилось уже 1450 афганцев, из которых 600 носили военную форму; все они находились на жалованье у эмира⁶.

С мая 1920 г. подготовка к военным действиям против Советского Туркестана еще более активизировалась: эмир оказывал реальную помощь басмаческому движению в Фергане, установил тесные связи с русскими белогвардейцами в Иране, лихорадочно вооружал свою армию, усилилась антисоветская агитация мулл, в состав

¹ ЦГА КА, ф. 4, т. 1, д. 131, л. 32.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 138.

³ Исторический архив, № 3, 1958, стр. 37.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 138.

⁵ Вестник НКВД, М., 1922, № 4—5, стр. 135.

⁶ ЦГА КА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 67, л. 11.

бухарского правительства были введены лица определенно английской ориентации, английский представитель прибыл ко двору эмира¹. В первых числах мая 1920 г. полковника английской службы Штеннела, эмир назначил начальником вновь организованного штаба армии. На помощь ему из Мешхеда прибыли в Бухару 160 английских и 60 белогвардейских офицеров — остатки осиповской банды².

Таким образом, к лету 1920 г. в результате всеобщей мобилизации, при деятельном участии реакционного мусульманского духовенства и военной поддержки английского мешхедского штаба, в армии эмира — вместе с так называемыми «эль-наукарами (ополченцами)» — насчитывалось не менее 50 тысяч человек³.

5 июня 1920 г. эмир отправил в Кабул посольство во главе с ярым реакционером мударисом Кутбиддином для заключения военного договора с Афганистаном о совместном нападении на Туркестан⁴. 12 июня в Бухару прибыли представители ферганского басмачества для уточнения планов совместной борьбы против большевиков в Туркестане.

15 июня из английского штаба в Мешхеде возвратился в Бухару Сафар-бий — вместе с двадцатью пятью английскими офицерами инженерных войск; он передал эмиру заверения Британского правительства в оказании военной помощи Бухаре путем доставки в большом количестве пулеметов, винтовок, аэропланов и других видов вооружения. Опытные в вероломстве англичане посоветовали эмиру направить в Москву, для отвода глаз, чрезвычайную делегацию «для заверения дружбы», но не заключать никаких договоров, как торговых, так и военно-политических⁵.

4 июля 1920 г. перед отъездом из Ташкента в Москву бухарская делегация была принята В. В. Куйбышевым, который, зная истинные намерения эмира, превратившегося в покорного слугу английского империализма, особо подчеркнул: «Октябрьская революция провозгласила

¹ АВП СССР, ф. 152/с, оп. 2, д. 32, пап. 3, л. 35.

² Там же, оп. 1, д. 2, л. 354.

³ ЦГА КА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 67, л. 1.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 11, л. 52.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 301, л. 63

право всех наций на самоопределение, признала самостоятельность восточных государств бывших раньше вассальными по отношению к России. Однако, Бухара лишь только теперь посылает свое представительство в Москву.

Правительства Восточных государств, желающих быть самостоятельными, должны быть в дружбе с Советской Россией. Всякие попытки ориентироваться на другие империалистические государства, грозят гибелью их независимости»¹.

Эмирское правительство продолжало всячески провоцировать войну с Советским Туркестаном. В провокационных целях организовывались нападения на пограничные посты. В Тахта-Караचा возводилось военное укрепление, на строительство которого было выделено 18 млн. рублей². Русские города, в особенности Новая Бухара, по существу находилась на осадном положении. Эмир требовал выдачи всех революционеров как коммунистов, так и «младобухарцев», отвода советских войск из Кагана и передачи охраны железной дороги эмирским сарбазам. К этому времени относится злодейское убийство русского летчика, вынужденного приземлиться недалеко от Кагана из-за недостатка горючего. Эмир пытался насильно присоединить к своему владению Кургантюбинский и Кызылкумский уезды Самаркандской области, наложив на население указанных районов подати и повинности и т. п.

14 июля 1920 г. Уполномоченный НКВД РСФСР по Средней Азии вручил правительству эмира ноту, указав на недопустимость совершенных с ведома эмира незаконных действий, наносящих вред добрососедским отношениям Туркестана и Бухары и потребовав создания смешанной комиссии для выявления виновных и привлечения их к строгой ответственности³. Эмир не реагировал на предупреждение, сделанное Советским правительством, которое возлагало всю ответственность за нежелательные последствия лично на Сеид-Алим-хана.

Эмир был окружен сторонниками английской ориентации, требовавшими начать немедленно военное

¹ «Известия ТуркЦИКа», № 148, 6 июля 1920 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122. оп. 1, д. 47, л. 132.

³ Известия ТуркЦИКа, № 162, 22 июня 1920 г.

наступление на Советский Туркестан. По их настоянию 7 июля 1920 г. эмир издал указ (фарман), на основе фетвы, составленный и скрепленный печатью всех муфтиев (законоведов) города Бухары. Согласно фарману все мусульмане призывались к «священной войне» против большевиков во имя «защиты ислама и шариата».

Правящие круги Бухары использовали темноту и невежество населения, на которое муллы все еще имели сильное влияние. Агрессивные действия бухарской военщины, подстрекаемой Англией, прикрывались флагом религиозно-националистических лозунгов. На деле, эмир и его правительство превратились в послушное оружие в руках английских империалистов, предельно развивали антисоветскую агитацию в самой разнообразной форме и натравляли отсталые, фанатически настроенные слои населения против Советской власти. Несмотря на то, что Советским правительством принимались все меры к предотвращению возможного военного столкновения с Бухарой, а Турккомиссией делались неоднократные заявления о признании суверенитета и защиты самостоятельности Бухарского ханства от покушения извне, эмирское правительство предпочло союз с империалистами и под давлением английских колонизаторов усиленно готовилось к вооруженному нападению на Советский Туркестан. Эмиратская Бухара, по меткому выражению В. В. Куйбышева, окончательно превратилась в каравансарай для контрреволюционеров, белогвардейцев и мирового империализма¹.

Характеризуя положение в Бухаре, зам. наркома иностранных дел Л. М. Карахан писал В. И. Ленину 21 мая 1920 г.: «Бухара является сейчас центром реакции и антисоветской деятельности среди мусульман. Она находится всецело под английским влиянием, получает поддержку от русских белогвардейцев из Персии и имеет с ними большую связь, ведет подозрительную игру с Афганистаном и поддерживает в Кабуле всякое движение против нас, кроме того Бухара лихорадочно готовится к войне, идут мобилизации, доставка оружия и пр.

С другой стороны, режим в Бухаре свирепейший, против существующего правительства не только крестьянство, которое изнемогает от непомерных налогов и

¹ «Известия ТуркЦИКа», № 197, 2 сентября 1920 г.

постоянных мобилизаций, но и мелкое и среднее чиновничество. Младобухарцы пользуются большой популярностью и авторитетом (теперь они переименовались уже в коммунистов).

Наша политика... не дала до сих пор никаких результатов — Бухара не с нами, а против нас. Поэтому в полном согласии с Турккомиссией, нашим уполномоченным в Ташкенте, мы предлагаем ликвидировать эмира и образовать из Бухары демократическую республику, поставив во главе ее младобухарцев (теперь коммунистов).

Это может быть проделано в несколько месяцев в порядке внутреннего переворота в Бухаре, поддержано с нашей территории бухарскими отрядами, составленными из дезертиров бухарской эмирской армии, перебегающих к нам в большом числе, а затем после образования нового правительства мы сможем ввести и наши войска для охраны железной дороги и границ».

Политбюро ЦК РКП(б), тщательно изучив докладную записку Л. М. Карахана, полностью одобрило идею создания демократической республики в Бухаре, олицетворяющей власть трудового крестьянства и средних классов города.

Объективные условия для низвержения ненавистного народу эмирского деспотического режима, созрели повсюду как среди крестьян, так и горожан, в особенности ремесленников, мелких и средних купцов, готовых подняться на вооруженное восстание.

Недовольство народных масс росло, в особенности в связи с запрещением свободной торговли зерновыми злаками (пшеница, ячмень, кукуруза и др.). Эмир насильно отбирал 75% урожая с крестьянских посевов¹.

Ненавистна была дехканам и повинность, известная под названием караджул (рекрутчина), по которой каждая семья должна была поставлять в армию одного всадника в боевой готовности или заплатить военный налог в сумме 100 тыс. рублей в виде откупа². Военную повинность должны были нести и ремесленники, связанные с обработкой металла (чилангари). Нарастало всеобщее недовольство существующим строем, что наглядно видно из письма, подписанного 1500 бухарскими дехканами: «Мы, бухарские граждане, собравшиеся на нелегальное

¹ «Известия ТуркЦИКа», № 157, 16 июля 1920 г.

² Там же, 11 июля 1920 г.

собрание с крайним трудом и опасностью, протестуем против посылки эмиром делегации в центр Советской России и постановили обратиться к Верховной власти РСФСР и органам РКП, с настоящим протестом по поводу подлой политики деспотического правительства эмира». «То, что эмир проделывает со своими беззащитными гражданами,— писали далее крестьяне,— никогда даже враги не смели делать с побежденными. Эмир отнимает у граждан произвольно не одно имущество, но и жен и невинных дочерей, он не щадит и мальчиков, которых отдаст в бачи.

Для собрания налогов амлакдары заставляют бедняков продавать жен и дочерей, чтобы расплатиться со сборщиками податей и пошлин. Эти репрессии принимают ужасный и массовый характер.

Но мало того, эмир в данное время подготавливает для неизвестных нам целей войну с Советской Россией под руководством английских империалистов. Война для нас вовсе нежелательна, ибо мы не знаем другого врага, кроме эмира и его правительства.

Мы, угнетенный народ, издавна старались освободиться от рабского состояния и низвергнуть ненавистное нам правительство. Но деспотизм эмира имел верного и сильного защитника в царском деспотизме...

Переворот в России открыл перед нами новые горизонты. Мы увидели возможность борьбы с кровавым деспотизмом. Но наши угнетатели сумели заменить ушедший безвозвратно деспотизм царей, поддержкой английских империалистов, дающих им в руки новые выигрышные козыри против бедноты.

...Мы были очень рады видеть, как российский пролетариат взял власть в свои руки. Если угнетатели нашего народа сумели крепко объединиться для нашего порабощения, то и мы, угнетенные, должны сплотиться вокруг российского пролетариата для борьбы с деспотизмом¹.

В заключение письма, крестьяне, обращаясь за помощью к правительству РСФСР и ЦК РКП(б), выразили надежду, что «Российская республика рабочих и крестьян не может остаться равнодушной к судьбе бухарского народа и спокойно лицезреть страдания миллионов бухарских бедняков, стонущих под гнетом баев,

¹ «Известия ТуркЦИКа», № 165, 25 июля 1920 г.

чиновников и эмира. Советская Россия должна возвысить свой голос и показать, что она не на словах, а на деле является защитником всех угнетенных народов»¹.

Бухарская Коммунистическая партия и ее отделения на местах вели большую разъяснительную работу среди трудового населения. В этом отношении особенно проявили себя ячейки Чарджоуского отделения БКП.

Лучшим свидетельством этому является письмо Чарджоуского бека, перехваченное коммунистами 22 июня 1920 г. Бек жалуется эмиру на всевозрастающее влияние коммунистов в туркменских аулах. «Все туркмены, за исключением пяти-шести государственных чиновников, стали на путь неповиновения.

...Каждый слуга, которого мы посылаем к туркменам для выяснения положения, возвращается с огорчением и приносит весть о том, что жители племен и кишлаков целиком изменились, они не приветствуют их, не уважают, в некоторых местах не дают им даже чашу воды»².

Далее Чарджоуский бек сообщает о существовании подпольного комитета бухарских коммунистов в местности Диван-беги, во главе с Бешим Сардаром, о собраниях представителей окрестных сел и аулов.

«На совещании у них речь идет о том, что в один определенный день во всех местах народ Бухары одновременно поднимет восстание и произойдет революция. В тот же день они убьют всех чиновников, близких людей к правителям (махрам) и самих правителей (беков, амлакдаров, кази, раисов и др.), и народ от себя назначит нового правителя»³.

В заключение письма бек докладывает эмиру о тех мерах, которые им приняты для искоренения «смуты» и наказании зачинщиков противоправительственной агитации. По приказу бека были схвачены 120 туркмен, обвиненных в причастности к коммунистам и заключены в крепость.

Однако беку не удалось сломить сопротивление народа, и он вынужден был признать, что «здесь нельзя приостановить течение народного гнева, раз там (т. е. в

¹ «Известия ТуркЦИКа», № 165, 25 июля 1920 г.

² Газета «Кутулиш» — орган ЦК Бухарской Компартии, № 6, 28 июля 1920 г.

³ Там же.

Бухаре) не будут предприняты серьезные меры против коммунистов»¹.

Несмотря на жесточайшие репрессии против коммунистов и демократов, революционный кризис в стране назревал с небывалой быстротой. Исключительно важное значение в истории революционного движения колониальных и зависимых народов, в том числе трудящихся масс Бухары, имел I съезд народов Востока, начавший свою работу накануне бухарской революции. Съезд был созван Исполкомом Коммунистического Интернационала, в нем приняло участие 1902 делегата, съехавшихся из Индии, Турции, Персии, Египта, Афганистана, Китая, Индокитая, Японии, Кореи, Кашгара и других колониальных и зависимых стран. В работе съезда приняли участие также и делегаты стран Советского Востока, в том числе от Туркестана (во главе с Рыскуловым)², Бухары (представленные Садыком Мухамедиевым) и Хивы (в лице Муллабекджана Рахманова).

Работой I съезда народов Востока руководил пламенный революционер, председатель Азербайджанского ревкома Н. Н. Нариманов. Съезд обсудил важнейшие вопросы, имеющие жизненное значение для народов Востока.

В воззвании, принятом съездом «К народам Востока», разоблачалась агрессивная политика западно-европейских государств во главе с британским империализмом, ведущим подрывную работу в Средней Азии.

«Даже в Туркестан, Хиву, Бухару, Азербайджан, Дагестан и на Северный Кавказ,— говорилось в воззвании,— проникает империалистическая Англия, всюду и везде шныряют ее агенты, щедрою рукою разбрасывая английское золото, добытое кровью и потом угнетенных народов, всюду и везде стараются они поддерживать тиранов и деспотов, ханов и помещиков, стараются бороться с начавшимся революционным движением, стараются во что бы то ни стало удержать все народы в угнетении и разорении, в нищете и невежестве»³.

Съезд призвал народы Востока к священной войне против английского империализма, объединиться под

¹ Газета «Кутулиш» — орган ЦК Бухарской Компартии, № 6, 28 июля 1920 г.

² «Известия ТуркЦИКа», № 138, 3 сентября 1920 г.

³ «Коммунистический Интернационал», № 15, 1920, стр. 31.

Красное освободительное знамя III Коммунистического Интернационала, как это сделали народы Туркестана, сбросившие цепи колониального рабства и деспотического режима¹.

Исторические решения I съезда народов Востока послужили боевой программой для коммунистов Средней Азии в подготовке и проведении народной революции в Бухаре и Хиве.

Непосредственное руководство деятельностью коммунистических и революционно-демократических организаций в сопредельных с Туркестаном странах, в частности Бухары и Хивы, осуществлялось Советом интернациональной пропаганды на Востоке (Совинтерпроп). Он был организован в декабре 1919 г. и действовал на правах отдела Турккомиссии. Устав Совинтерпропа провозгласил основной задачей: «Уничтожение всякой политической и экономической зависимости народов Востока от империалистических государств Запада и от собственных деспотических и буржуазных правительств». Для осуществления поставленных перед ним задач Совет, как было указано в Уставе:

а) вступает в сношение со всеми революционными партиями и организациями Востока, оказывает им моральную и материальную поддержку, объединяет и направляет их деятельность;

б) в тех местах, где еще не существует революционная партия и организация, Совет действует по их созданию, развитию и укреплению;

в) организует революционную пропаганду и ведет революционную агитацию в странах Востока с целью вовлечения наиболее широких народных масс в революционную борьбу против иностранных империалистов —

¹ На имя съезда была получена приветственная телеграмма от ЦК КПТ и Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, поздравившая делегатов с победой Народной революции в Бухаре, сыгравшей важную роль в исторических судьбах народов Средней Азии. «Под напором миллионов восставших — бухарских трудящихся, — говорилось в телеграмме, — рушится центр восточной реакции. Бухара эмира — слуги Антанты, стала Бухарой Советской. Отныне Красный Советский Туркестан имеет ближайшего союзника, революционного соседа Бухару. Недалек тот час, когда к нам присоединятся все угнетенные массы всего Востока. Пусть же революционный пожар Бухары перенесется на весь Восток» («Известия ТуркЦИКа» 3 сентября 1920 г.).

угнетателей и собственных деспотических буржуазных правительств¹.

11 июня 1920 г. на пленуме Совинтерпропа были избраны делегаты на II конгресс Коминтерна, в том числе и от БКП, младобухарской и младохивинской партий. От БКП на II конгрессе Коминтерна участвовал Садык Мухамедиев².

Наряду с БКП существовала партия «младобухарцев», возродившаяся вновь на территории Туркестанской АССР в январе 1920 г. Во главе партии стояло «Центральное бюро младобухарцев-революционеров», руководимое Ф. Ходжаевым. 6 февраля 1920 г. Совет интернациональной пропаганды на Востоке допустил функционирование младобухарской организации для ведения агитационной работы против эмирской власти среди бухарских эмигрантов в Туркестане и населения самой Бухары.

Решение это было санкционировано Турккомиссией ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР 12 февраля 1920 г.³

В связи с организацией «Туркестанского бюро младобухарской партии» на очередь встал вопрос об отношении к партии «младобухарцев», об использовании ее Советской властью в борьбе против эмирского деспотизма. Этот вопрос подвергался обсуждению на заседаниях Совинтерпропа 25 марта 1920 г. Совинтерпроп принял постановление, обязывающее бухарских коммунистов «вести работу в деле борьбы против эмира в согласованности с младобухарцами»⁴. 10 мая 1920 г. Совинтерпроп, заслушав доклад Центрального Туркестанского бюро «О деятельности младобухарской организации», принял решение о необходимости всестороннего ознакомления с программой и деятельностью партии «младобухарцев»⁵.

Программа «младобухарцев-революционеров», составленная Файзуллой Ходжаевым и принятая 14 июня 1920 г. на конференции этой партии, признавала шариат основой в определении устройства общества и государ-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 22, л. 1.

² Там же, д. 25, л. 49.

³ Там же, д. 22, л. 1.

⁴ Архив Коминтерна, ф. 33, оп. 1, д. 11.

⁵ Там же.

ства, также и в отправлении правосудия. Шариат, по утверждению «младобухарцев», «является толкователем справедливости и защитником бедноты». Программа требовала ликвидации эмирата и провозглашения Бухары народно-демократической республикой, путем созыва учредительного собрания (меджлиса) на основе всеобщего избирательного права¹.

После победы революции в Бухаре власть должна была перейти в руки временного революционного правительства, которое и создает управление на республиканских (демократических) началах на основе введения всеобщего избирательного права, не допуская в орган власти народа крупных купцов и капиталистов, бывших эмирских чиновников, а также реакционных представителей духовенства (кадими). «Основным принципом управления — признавала программа «младобухарцев-революционеров», — должно быть принято соблюдение интересов средних и беднейших классов»². Это вытекало из социального состава младобухарской партии, объединяющей вокруг себя оппозиционную мелкую и среднюю буржуазию, мелкое и среднее духовенство, прогрессивную интеллигенцию, борющуюся за установление народно-демократической республики в Бухаре.

«Младобухарцы» стояли за конфискацию помещичьего землевладения, введение всеобщего бесплатного начального образования, а также осуществления практических мероприятий, направленных на улучшение состояния сельского хозяйства, кустарной промышленности, внутренней и внешней торговли.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, как было сказано выше, произошли изменения во взглядах некоторых видных деятелей младобухарской партии, в среде которых образовалось левое течение, группировавшее вокруг себя революционно-демократическую интеллигенцию и прогрессивных представителей национальной буржуазии. Левое крыло младобухарского движения возглавлял Файзулла Ходжаев,

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 722, оп. 1, д. 13, л. 53.

² Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 722, оп. 1, д. 13, л. 53; *Файзулла Ходжаев*. К истории революции в Бухаре, УзГИЗ, Самарканд — Ташкент, 1926, стр. 65.

который после известных мартовских событий 1918 г. в Бухаре, окончательно убедился в нереальности требования — установления демократического образа правления путем компромисса с эмиром. Поэтому левые «младобухарцы» выдвинули требование уничтожения деспотизма путем организации всеобщего народного восстания, поддерживаемого Советской Россией.

16 ноября 1918 г. Московский комитет младобухарской партии одобрил разработанную Ф. Ходжаевым «Инструкцию», которая признавала: «Только Российская Социалистическая революция, являющаяся борцом с мировым империализмом может освободить Бухару от рабства»¹.

В РСФСР Файзулла Ходжаев и его группа видели освободительницу бухарского народа от кровавого эмирского правительства, готового продать страну английским империалистам, ради сохранения незыблемости старых порядков управления.

С приближением революции в Бухаре вопрос об отношении к младобухарской партии начал приобретать практическое значение. Некоторые деятели Бухарской Коммунистической партии (Наджиб Хусаинов, Алимджан Акчурин и др.) считали возможным осуществление в Бухаре социалистической революции, не прибегая к организации блока с другими демократическими партиями, в частности с «младобухарцами». Признавая опорой революции бедноту как городскую, так и сельскую, руководящие деятели ЦК БКП отталкивали от революционной борьбы против эмирата остальные слои населения, в частности мелкую и среднюю буржуазию, прогрессивную национальную интеллигенцию, объединенных вокруг младобухарской партии. Руководящие деятели ЦК БКП открыто выступили против поддержки Совинтерпропом младобухарской партии, требовали от Турккомиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР роспуска ее, как буржуазно-националистической организации, являющейся, по их мнению, серьезным тормозом в развитии освободительного движения в Бухаре. Линия поведения ЦК БКП была неправильной и не отражала объективной истины. Она не учитывала своеобразные условия развития революции в Бухаре, — в стране отсталой, фео-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 112, л. 99.

дально-патриархальной, где основной удар революции должен был быть направлен против феодализма, против деспотического образа правления эмира, озлобившего народ своей развратной жизнью, системой кнута и распродажей народного богатства.

Протест ЦК БКП от 21 июня 1920 г. был поддержан отделом внешних сношений Турккомиссии, который непосредственно вошел с ходатайством перед ЦК РКП(б) о роспуске партии «младобухарцев», как националистической, панисламистской организации, ведущей беспощадную травлю бухарских коммунистов¹.

19 июня 1920 г. состоялось расширенное заседание Турккомиссии с участием всего состава Совинтерпропа и Отдела внешних сношений Турккомиссии, на котором был обсужден вопрос о взаимоотношениях бухарских коммунистов и «младобухарцев». Было признано необходимым, в связи с приближающимся революционным восстанием в Бухаре, поддержать бухарских коммунистов и созвать конференцию БКП для выявления сил партии и детальной разработки программы будущего революционного правительства. Военная поддержка «младобухарцев», как завтрашних противников Советской власти, была признана недопустимой. Участники заседания высказались за желательность разложения младобухарской партии путем привлечения лучших ее членов на сторону Бухарской Коммунистической партии².

Отделом внешних сношений Турккомиссии были разработаны тезисы об отношении к партии младобухарцев, в которых дается политическая характеристика Бухарской Коммунистической партии и организации «младобухарцев». Тезисы эти были утверждены на заседании Турккомиссии ЦК РКП(б) 30 июня 1920 г.

«Коммунистическая партия,— подчеркивалось в тезисах,— ведет борьбу с эмиратом, выдвигая экономические и политические требования городской и деревенской бедноты, как новой социальной силы и стремится передать государственную власть в руки трудящихся Бухары, опираясь на политическую, экономическую и военную поддержку РСФСР.

¹ АВП СССР. ф. 152/с, оп. 2, д. 34, пап. 3, л. 8.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 92, л. 214.

Что касается партии «младобухарцев», то она имеет программу, основанную на исламе и на государственных преобразованиях в духе либерализма, отстаивает институт частной собственности и парламентаризм, группирует вокруг себя элементы узкого буржуазного национализма и ориентируется на Афганистан».

Совинтерпроп считал партию «младобухарцев» революционно-демократической и находил возможным использовать ее в борьбе против эмирата, а следовательно, преждевременным разрыв с Центральным бюро партии «младобухарцев»-революционеров, возглавляемого Файзуллою Ходжаевым. 6 июля 1920 г. Совинтерпроп обратился в ЦК РКП(б) с письмом, в котором подчеркивалось, что в период подготовительный, какой переживала Бухара, партия младобухарцев являлась «фактором прогрессивным, содействующим свержению деспотической власти эмира и беков»¹.

Совинтерпроп отстаивал единственно правильную для того времени точку зрения, заключающуюся в том, что в борьбе против светских и духовных феодалов должно быть введено в действие все наличие революционных сил, в том числе и «младобухарцы», относительно более богатые «культурными силами» по сравнению с бухарскими коммунистами. Не ожидая ответа на письмо, Совинтерпроп 20 июля 1920 г. направил в ЦК РКП(б) телеграмму следующего содержания: «Младобухарская партия—революционная, проникнута ненавистью к деспотическому режиму эмира с определенной Советской ориентацией. Младобухарцы имеют несомненное влияние среди оппозиционной части низшего и среднего духовенства, призваны играть весьма значительную роль в разворачивающихся в Бухаре событиях, имеют также известное влияние среди городской и деревенской бедноты и, что особенно важно, в армии». В заключение телеграммы делался вывод, что нелогично «разрушать собственными руками существующую и действующую партию «младобухарцев»-революционеров только потому, что после переворота может оказаться в рядах контрреволюции. Тогда в новой обстановке будет время изменить, наконец, тактику по отношению к этим элементам, теперь же отбра

¹ Вестник НКВД, М., 1922, № 4—5, стр. 124.

сывать всю партию в сторону контрреволюции при бедноте революционных сил и работников в Бухаре, неэкономно, преждевременно и, потому вредно»¹.

Заручившись поддержкой Совета интернациональной пропаганды на Востоке, «Центральное Туркестанское бюро» младобухарской партии обратилось к В. И. Ленину с просьбой принять названную партию в состав РКП(б). В письме, написанном Файзуллой Ходжаевым от имени младобухарской партии, он твердо высказывался за революционное низвержение деспотического режима в Бухаре. «Правительство эмира,— писал Ф. Ходжаев,— бездарно, к требованиям данного момента не подготовлено и не приспособлено. Оно занимается лишь безудержным обиранием беззащитного населения»².

В письме приводились факты жестокой расправы эмира не только с коммунистами, но и с «младобухарцами»-революционерами, насчитывавших в своих рядах 800 членов и до 10 тысяч сочувствующих. Накануне революции 120 членов младобухарской партии томились в зинданах.

Газета «Учкун» (Искра), издаваемая «Центральным Туркестанским бюро младобухарцев-революционеров» выходила тиражом в 5 тысяч экземпляров. Партия имела свою подпольную организацию в Старой Бухаре, объединенную в 12 ячеек, одна из которых вела работу среди эмирских сарбазов и дворцовой стражи. Последователи «младобухарцев» имелись в Самарканде, Каттакургане, Карши, Шахрисабзе, Китабе, Гузаре, Чарджоу и других городах. Учитывая назревание революции в Бухаре, Файзулла Ходжаев настойчиво просил В. И. Ленина оказать помощь бухарским революционерам с тем, чтобы «теперешняя Бухара английская, стала Бухарой революционной, чтобы из гнезда контрреволюции она превратилась в авангард восточной революции»³.

Из анализа содержания письма «Центрального бюро» явствует, что левые «младобухарцы», возглавляемые Файзуллой Ходжаевым, встав на путь революционного низвержения эмирской власти, искали опору у Советской власти и Коммунистической партии, как единственных

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 92, л. 271.

² Там же, ф. 17, оп. 1, д. 367, л. 70.

³ Там же, л. 79.

защитников и освободителей угнетенных народов Востока, в том числе и Бухарского ханства.

Революционные «младобухарцы» многому научились в период их эмиграции в Москве и Ташкенте, общаясь с туркестанскими коммунистами, такими как Н. Тюракулов, Н. Ходжаев и другими, в особенности с русскими большевиками — руководящими деятелями Турккомиссии В. В. Куйбышевым, М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиава, Я. Э. Рудзутаком и другими. Видные деятели «младобухарцев»-революционеров, — Ф. Ходжаев и другие в постоянном общении с коммунистами в 1918—1920 гг. «приобрели более революционную идеологию»¹, а руководимое ими «Центральное Туркестанское бюро младобухарцев-революционеров» — превратилось в «естественный штаб революции»², — как указывал В. В. Куйбышев в письме к В. И. Ленину от 28 апреля 1921 г. Письмо председателя «Туркестанского бюро младобухарцев-революционеров» Ф. Ходжаева было вручено В. И. Ленину делегатом II конгресса III Интернационала Атаходжаевым.

Внимательно ознакомившись с письмом, а также приложенной к нему программой, В. И. Ленин поручил Оргбюро определить отношения РКП(б) к младобухарской революционной партии. 29 июля 1920 г. Оргбюро ЦК РКП(б) специально обсудило этот вопрос. Ходатайство Ф. Ходжаева о принятии партии «младобухарцев» в состав РКП(б) было отклонено ввиду того, что программа «младобухарцев» как было сказано в решении, принятом по этому вопросу, противоречила идеалам коммунизма.

Вместе с тем Центральный Комитет РКП(б) признал «необходимым оказать этой организации содействие в ее революционной борьбе»³. Это решение позволило Совинтерпропу, опираясь на помощь, оказываемую опытными коммунистами, такими как Тюракулов, Машицкий, Геллер и другие, направить все силы революции на ликвидацию эмирского строя. Важную роль в объединении революционных и демократических сил страны против деспотизма, сыграла выработанная Совинтерпропом ре-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 369, л. 1.

² Там же.

³ Архив 2 сектора общего отдела ЦК КПСС, д. 55, оп. 1, л. 8.

золюция, принятая 30 августа 1920 г. на заседании военно-революционного бюро, с участием руководящих деятелей Бухарской Коммунистической партии и «младобухарцев-революционеров».

Текст резолюции гласил:

«1. В период подготовительный, какой сейчас переживает Бухара, партия младобухарцев, собравшая вокруг себя значительную часть низшего духовенства, является фактором прогрессивным, содействующим свержению власти эмира и беков.

2. Преждевременный разрыв с «младобухарцами-революционерами» сделает то, что часть членов этой партии будет отброшена в ряды контрреволюции, которая должна будет принять афганскую ориентацию.

3. Этим чрезвычайно затруднится подготовительный период революции и роль собственных революционных сил, действующих в Бухаре, уменьшится и центр тяжести, таким образом, перенесется на другие посторонние силы. Поэтому необходимо стремиться к развитию широкого и глубокого движения в самой стране, что вначале возможно. Но для этого должны быть введены в действие все революционные силы, в том числе и младобухарцы, относительно более богатые культурными силами, чем бухарские коммунисты.

4. Но и после переворота одних сил коммунистов не хватит для руководства страной и революцией, не хватит для замены хотя бы ответственных постов. Неизбежно поэтому придется привлечь и другие силы, то есть младобухарцев, с тем, разумеется, чтобы в центральном правительстве они составили меньшинство.

Характер самой революции в Бухаре, совершаемой в стране, совершенно лишенной городского пролетариата, в стране, где крупное землевладение играет значительную роль, не будет препятствовать привлечению к участию к власти и младобухарских революционеров.

5. В дальнейшем, по мере перехода движения от национально-демократического к социальному, в рядах младобухарцев «неминуемо» наступит известное разложение, расслоение, причем часть войдет в коммунистическую партию, а с остальной придется уже при новой ситуации порвать и трактовать их, вероятно, как контрреволюционеров.

Но в данное время, при данных условиях с точки зрения самой Бухары и с точки зрения учета общего влияния бухарских событий на остальные страны Востока и на самый даже Туркестан, разрыв с «младобухарцами-революционерами» приходится считать преждевременным и вредным»¹.

На основе решения оргбюро ЦК РКП(б) от 29 июля 1920 г. вопрос об отношении к партии младобухарцев был подвергнут более обстоятельному обсуждению на заседании Турккомиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР 1 и 3 августа 1920 г. с участием всего состава исполнительного бюро Совета интернациональной пропаганды на Востоке и представителей бухарских коммунистов и «младобухарцев».

В протокольной записи заседания Турккомиссии от 3 августа 1920 г. зафиксировано заявление, сделанное председателем Туркестанского Центрального бюро «младобухарцев» Файзуллой Ходжаевым, который объяснил Турккомиссии, что существующая программа «младобухарцев», отличная от программы РКП(б) в своих принципиальных основах и требованиях является тактическим шагом, дающим возможность «младобухарцам», сочувствующим идеям коммунизма, ближе подойти к массам бухарского населения и вовлечь в борьбу с эмиром те слои населения, которые не пошли бы за прямо и ясно сформулированными коммунистическими лозунгами. Поэтому, указал он, необходимо впредь до переворота в Бухаре для партии «младобухарцев» иметь особое название, отличное от коммунистической. Но на другой же день после переворота партия «младобухарцев» примет официальное название и программу Коммунистической партии².

Турккомиссия, на основе всестороннего изучения деятельности бухарских коммунистов и партии «младобухарцев» на заседании 3 августа 1920 г. пришла к следующему заключению: «младобухарская революционная организация, поскольку она имеет официальное лицо, выраженное в существующей ныне программе, противопос-

¹ Вестник НКВД, М. 1922, № 4—5, стр. 124—125.

² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 301, л. 63; см. также Файзулла Ходжаев. К истории революции в Бухаре (на узбекском языке). Узгиз, Самарканд-Ташкент, 1926, стр. 129—132.

тавленной программе коммунистов, не могла бы быть поддержанной РКП, но принимая во внимание ее заявление о том, что она считает себя стоящей на коммунистической платформе и обязуется вступить официально в ряды Коммунистической партии, на другой же день после переворота в Бухаре, комиссия ЦК полагает возможным оказывать младобухарской революционной организации поддержку при условии заключения блока с партией бухарских коммунистов, прекращения взаимной борьбы и подготовки всех условий, которые обеспечивали бы в будущем слияние младобухарской революционной организации с партией бухарских коммунистов.

Настоящее постановление обязательно и для бухарских коммунистов.

Заявление младобухарской революционной организации о своем отношении к коммунизму, сделанное на заседании Турккомиссии, должно быть представлено в письменном виде»¹.

Центральное бюро младобухарской партии 6 августа 1920 г. письменно подтвердило заявление, сделанное Ф. Ходжаевым на заседании Турккомиссии².

В связи с назреванием революции в Бухаре, для непосредственного руководства деятельностью Бухарской Коммунистической партии по подготовке к проведению вооруженного восстания Турккомиссией было создано военно-революционное бюро, куда вошли: В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, председатель Совинтерпропа Геллер, от Коммунистической партии Туркестана Н. Тюракулов, председатель ЦК БКП Н. Хусаинов и председатель центрального бюро партии «младобухарцев-революционеров» Ф. Ходжаев.

За короткое время (с 24 июня по 25 августа 1920 г.) военно-революционное бюро проделало значительную работу. Оно подготовило проекты воззваний, декретов, деклараций, предназначенных для обнародования от имени Всебухарского ревкома в день победы революции. Был разработан проект декрета «О земле», предусматривающий отмену частной собственности на землю и передачу ее в распоряжение чайрикеров, мардикеров, безземельных и малоземельных крестьян³.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 301, л. 64.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 28, л. 17.

³ Там же, д. 71 а, л. 10.

10 августа 1920 г. состоялось совместное заседание Турккомиссии, ЦК БКП и центрального бюро «младобухарцев-революционеров», на котором было решено создать Временное революционно-демократическое правительство Бухары на коалиционных началах: преимущественно из коммунистов, с привлечением «младобухарцев»¹. Из 9 членов революционного комитета 6 были коммунистами, а три — «младобухарцами-революционерами». Председателем ревкома был избран коммунист Ахмеджан Абдусаидов².

В состав Совета Народных Назиров вошли также 6 коммунистов и три «младобухарца-революционера». Главою революционно-демократического правительства был избран Файзулла Ходжаев.

Жизнь полностью подтвердила правильность выработанной Коммунистической партией тактической и политической линии по отношению к партии «младобухарцев», представлявшей собою организацию революционно-демократического типа и сыгравшей определенную положительную роль на первом этапе бухарской революции, когда она носила антифеодальный, общенациональный народно-демократический характер.

Важным событием в политической жизни Бухары явилось открытие 16 августа 1920 г. в Чарджоу IV съезда Бухарской Коммунистической партии. На съезд прибыли делегаты от Новобухарского, Старобухарского и Самаркандского (обслуживающего города: Шахрисабз, Китаб и Гузар); Каттакурганского (проводившего работу в районах Хатырчи и Нурати); Чарджоуского (являющегося штабом революции среди туркмен); Керкинского, Термезского, Марыского и Ашхабадского отделений БКП. Всего в работе IV съезда участвовало 53 делегата.

Съезд обсудил жизненно важные вопросы, имеющие непосредственное отношение к подготовке и проведению народной революции в Бухаре. 1. О текущем моменте; 2. О революции в Бухаре; 3. Об отношении БКП к партии «младобухарцев»; 4. Организационные вопросы и 5. Выборы ЦК и ревизионной комиссии.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 21, л. 1.

² Ахмеджан Абдусаидов в период революционных событий в Бухаре не проявил достаточной твердости и организаторских способностей. 14 сентября 1920 г. председателем Ревкома был избран Абдулкадир Мухитдинов.

К IV съезду Бухарская Коммунистическая партия пришла более подготовленной — она окрепла организационно и насчитывала в своих рядах 43 партийные ячейки, объединяющие до 5 тысяч коммунистов и около 20 тысяч сочувствующих. Наиболее крупными организациями партии были отделения (комитеты) в Новой Бухаре (Кагане), Старой Бухаре, Чарджоу и Самарканде. Отделение БКП в Новой Бухаре накануне революции объединяло 21 партийную ячейку, в которых было около 2500 коммунистов¹.

Подпольная коммунистическая организация в Старой Бухаре была раскрыта эмирскими властями в конце апреля 1920 г. в результате предательства младобухарцев². Эмир жестоко расправился с коммунистами: 500 из них были заточены в подземные тюрьмы, а руководитель организации, бесстрашный революционер Абдулла Ходжа Тураев был казнен³.

Чарджоуская организация Бухарской Коммунистической партии объединяла 8 партийных ячеек, среди которых Сакарбазарская, во главе с Бешим Сардаром, была наиболее подготовленной к революции⁴.

7 июля 1920 г. эмирские агенты раскрыли тайную коммунистическую организацию и в Старом Чарджоу. Коммунисты вынуждены были скрываться среди туркмен-эрсарынцев. Они сумели там организовать туркменский кавалерийский полк, насчитывавший 520 сабель и коммунистическую дружину — батальон пехоты в 500 штыков.

В Самарканде был сформирован восточный мусульманский полк во главе с коммунистом Баржановым, насчитывавший около 3 тысяч бойцов — представителей местных национальностей: узбеков, туркмен, таджиков и других.

IV съезд Бухарской Коммунистической партии, исходя из наличия революционного кризиса в Бухарском ханстве, принял историческое решение о низвержении эмирской власти.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 92, л. 266.

² С. Айни, История бухарской революции, М., 1926, стр. 251.

³ Архив Коминтерна, ф. 21/12а, оп. 4, д. 34.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 11, л. 62.

«Для того, чтобы положить конец всем страданиям бухарского народа,— говорилось в резолюции съезда,— которые производит деспотическая власть эмира, мы считаем своей первой и неотложной задачей... свержение деспотической власти и признаем необходимым освобождение бухарского народа от рабских цепей и организации власти рабочих и дехкан»¹.

IV съезд Бухарской Коммунистической партии, опираясь на волю революционного народа — рабочих и крестьян, ремесленников Бухары, объявил войну против эмира и обратился в Турккомиссию ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР с просьбой оказать помощь в освобождении трудящихся масс Бухары от векового гнета эмира. Съезд выражал уверенность в том, что «Советская Россия обратит все силы на освобождение Востока». В резолюции по «текущему моменту» особо подчеркивалось, что «рабочие, дехкане и бедняки, не вынося больше деспотизма, взяв в руки Красное знамя, поднимаются на разрушение старой власти и на его месте создадут власть рабочих и дехкан, поэтому просим от имени трехмиллионного угнетенного народа Бухары Исполком III-го Коминтерна и ЦК РКП(б) и уверены в том, что вы придадите особое значение Бухарской революции и придете на помощь БКП для того, чтобы ускорить революцию»².

Самым острым и злободневным был вопрос об отношении Бухарской Коммунистической партии к «младобухарцам» и создание блока между двумя партиями против общего врага — эмирата. Среди делегатов было много противников блока с младобухарской организацией. На съезде шла острая борьба и можно было ожидать, что она превратится в кровавое столкновение двух враждующих партий. Как пишет участник бухарской революции А. Машицкий: «страсти разгорелись до такой степени, что первая встреча двух противников чуть не кончилась настоящим столкновением, полный разрыв казалось, был неизбежен. Помешало этому энергичное вмешательство русских товарищей»³.

¹ Архив Коминтерна, ф. 21 (12а), оп. 1, д. 16, док. № 6.

² Там же.

³ «Вестник НКВД», М., 1922, № 4—5, стр. 123.

Турккомиссия направила съезду телеграмму, в которой предупредила о недопустимости самочинных выступлений и необходимости прекращения вражды между БКП и «младобухарцами». М. В. Фрунзе, приветствуя IV съезд бухарских коммунистов, также выразил твердую уверенность, что «молодая Бухарская Коммунистическая партия сумеет объединить все истинно революционные элементы Бухары, сумеет вырвать с корнем всякие распри и раздоры в момент величайшей исторической важности для бухарского народа, сумеет обеспечить его победу»¹.

IV съезд БКП, исходя из интересов объединения всех демократических и революционных сил страны против эмирской власти, принял решение о создании блока между БКП и младобухарской организацией, при условии признания «младобухарцами» программы БКП, предусматривающей установление, после свержения эмирской власти, власти трудящихся — рабочих, крестьян и ремесленников, организуемой на началах республики Советов, действующей под руководством Бухарской Коммунистической партии.

В резолюции IV съезда БКП «Об отношении БКП к другим революционным партиям» было записано:

«1. После свержения деспотической власти в Бухаре должна быть организована власть рабочих и дехкан, другими словами, власть, основанная на началах Советов — Советская республика, которая должна организовываться под руководством Коммунистической партии. В революционный период БКП по возможности должна воспользоваться силами других революционных партий.

2. Учитывая, что в настоящее время в Бухаре, кроме Коммунистической партии, имеется еще партия «младобухарцев», БКП находит таковую революционной партией, и после победы революции в Бухаре находит возможным совместную работу при следующих обстоятельствах и направлениях: учитывая, что программа бухарских революционеров, в основе своей противоречит целям и задачам БКП, а также в этой программе фактически не соблюдены интересы рабочих и дехкан, БКП

¹ М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны, М., 1941, стр. 323.

считает необходимым подтверждения программы БКП со стороны «младобухарцев».

3. После свержения деспотической власти в Бухаре, то есть после осуществления революции, политическим руководителем страны должна стать БКП, которая организует правительство рабочих и крестьян.

4. Бухарская Коммунистическая партия приложит все силы для борьбы и уничтожения всех буржуазных партий, их сторонников — улема, спекулянтов, баев, националистов и др. политических течений, которые фактически идут против желания рабочих и дехкан и борются против освобождения рабочих и дехкан. Поэтому БКП будет применять все жестокие революционные меры для того, чтобы обезвредить пролетарскую революцию от этого зла»¹.

В. И. Ленин учил всегда трезво оценивать исторически сложившуюся обстановку, готовность авангарда и настроение народных масс. Он считал не только возможным, но и иногда по ходу развития исторических событий, даже необходимым, заключение временного блока с мелкобуржуазными партиями на известных условиях, искать с ними приемлемого компромисса, исходя из того обстоятельства и при условии, если в период подготовки и осуществления народной революции, острие которой направляется как против феодализма (внутренняя задача революции), так и колониализма (внешняя задача революции), они «не были абсолютно враждебны к мысли установления Советского строя»².

Как одно из важных условий завоевания народа на сторону революции В. И. Ленин признавал крайне необходимым осуществление особой политики уступок³ по отношению к национальной интеллигенции и мелкобуржуазным элементам города и деревни, учитывая, что Бухара является страной более крестьянской, более мелкобуржуазной, чем Россия⁴. Это обстоятельство и выдвигало на очередь дня задачу создания революционного блока со всеми демократическими партиями, могущими принять участие в борьбе против феодально-дес-

¹ Архив Коминтерна, ф. 21 (12а), оп. 4, д. 16, док. 7.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 367.

³ Там же.

⁴ Там же, т. 43, стр. 199.

политического строя на первом этапе революции, когда она носила общенародный, общенациональный характер.

В. И. Ленин учил коммунистов, что в борьбе с сильным врагом революции необходимо использовать малейшую «трещину» в лагере эксплуататорских классов, малейшую возможность получения себе массового союзника, даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного¹. «Младобухарцы» были именно временными союзниками Бухарской Коммунистической партии в борьбе с эмиратом.

IV съезд БКП сыграл важную роль в подготовке к революции, нацелив партию на вооруженное восстание для свержения эмирской власти.

В связи с выездом из пределов Туркестана членов Турккомиссии Ш. З. Элиава, Я. Э. Рудзутака и предстоящим отъездом М. В. Фрунзе, Политбюро ЦК РКП(б) 29 июня 1920 г. утвердило новый состав Турккомиссии, члены которой одновременно входили также и в состав вновь образованного Туркбюро ЦК РКП(б)².

Принятие окончательного решения по вопросу об отношении ЦК РКП(б) и Советского правительства к бухарской революции и революционным партиям В. И. Лениным было возложено на новый состав Турккомиссии, которая должна была внимательно и всесторонне изучить соотношение классовых сил и подготовленность народных масс к низвержению существующего режима эмирата.

Новый состав Турккомиссии, прибыв в Ташкент 23 августа 1920 г., детально ознакомился с положением дел в Бухаре. 25 августа состоялось заседание Турккомиссии совместно с Туркбюро ЦК РКП(б) и Реввоенсоветом Туркфронта с участием представителей ЦК БКП — Наджиба Хусаинова и Центрального бюро «младобухарцев» — Файзуллы Ходжаева, посвященное бухарской революции. 26 августа председатель Турккомиссии Сокольников телеграфно изложил В. И. Ленину содержание принятого решения в связи с началом бухарской революции. В телеграмме сообщалось:

«Нынешнее положение таково, что Бухара является авангардом организуемой англичанами среднеазиатской

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 55.

² Архив II сектора общего отдела ЦК КПСС, оп. 1, д. 54, л. 1.

коалиции против Советской России, на которую уже опирается басмаческое движение в Фергане и реставрированное движение в Хиве. Бухарская регулярная, пополненная произведенной мобилизацией, армия и дворянско-церковное ополчение, называемое «эль-наукария» сосредоточены возле эмирской столицы в числе около 50 тыс. человек. Армия производит боевые маневры. Горные перевалы спешно укрепляются эмирскими войсками. Не может быть никакого сомнения, что при создавшихся отношениях правящая бухарская партия воспользуется первым удобным моментом для нападения на Туркестан...

Новый состав Турккомиссии единогласно постановил утвердить решение, предложенное товарищами Фрунзе и Куйбышевым о поддержке всеми свободными силами Туркфронта революционных выступлений бухарских коммунистов и младобухарцев, для установления в Бухаре Советской республики, имея в виду необходимость полного и своевременного уничтожения опасной угрозы, создавшейся на Востоке.

Для обеспечения политической стороны были устроены совещания с представителями бухарских коммунистов и младобухарцев, на которых организация власти и программа политической деятельности Бухарского Ревкома были пересмотрены и разработаны. Войска, имеющие участие в операции, на 50% состоят из мусульман, в том числе 2 полка из бухарских революционеров. Кроме того, бухарские революционеры возглавляют революционные отряды для захвата власти в пункте провозглашения ревкома на бухарской территории в Чарджоу¹.

На расширенном заседании Турккомиссии была обсуждена программа будущего революционного правительства, которая заключалась в осуществлении следующих основных начал:

1. Свержение ненавистного народу эмирского правительства и провозглашение Бухары «Независимой Советской республикой трудящихся».

2. Конфискация всех эмирских, бекских и вакуфных земель и распределение их между малоимущими и неимущими дехканами, отмена всех старых налогов, демобилизация собранной эмиром армии, полное уважение религии и религиозного права, разоблачение провока-

¹ АВП СССР, ф. 152-с, оп. 2, д. 32, пап. 3, л. 51.

ционной политики Антанты, политическая амнистия, создание Красной Армии для обороны страны.

3. Установление союза между вновь создаваемой Бухарской Советской республикой и РСФСР на основе признания общности таможенной линии, осуществления согласованной экономической политики и тесного военно-политического союза на началах единого военного командования Российской и Бухарской Красной Армии и оказание широкой помощи со стороны РСФСР в деле организации Бухарской Красной Армии, отмена всех привилегий русских капиталистов в Бухаре, установленных в соответствии с договорами, заключенными между царским и эмирским правительством и передача русских поселений в Бухаре (Каган, Чарджоу, Термез и Керки) со всеми заводами и фабриками в ведение революционного бухарского правительства¹.

25 августа 1920 г. был создан партийный центр по руководству бухарской революцией, куда вошли представители Турккомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б), Бухарской Коммунистической партии и Центрального бюро «младобухарцев-революционеров», представленных В. В. Куйбышевым, Н. Хусаиновым и Ф. Ходжаевым. Партийный центр 28 августа 1920 г. взял на себя руководство всеобщим народным восстанием трудящихся масс против эмира и его правительства.

Революция в Бухаре началась 28 августа 1920 г. Рано утром 29 августа добровольческие отряды бухарских революционеров-коммунистов совместно с восставшим народом захватили Старый Чарджоу. Бек был низложен. Власть от имени восставшего народа перешла к Временному революционному комитету во главе с коммунистом Бешим Сардаром и членами ревкома Абдурахимом Юсуповым и Хасаном Алиевым², которые обратились с воззванием к трудовому народу Бухары с призывом поднять знамя освободительной борьбы против тирании.

Одновременно Чарджоуский ревком от имени восставшего трудового народа Бухары призвал братскую российскую Красную Армию помочь ему разбить врага. Получив это обращение, советское командование

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 722, оп. 1, д. 16, л. 14.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 62.

Чарджоу послало поддержку восставшим. Обращение было сообщено и в Новую Бухару, где командование отдало красноармейским частям приказ о наступлении на Старую Бухару совместно с отрядом бухарских революционеров — первым восточно-мусульманским полком¹.

В тот критический для угнетенного бухарского народа момент, когда решалась его судьба, великий русский народ протянул руку помощи трудящимся Бухары. «28 августа 1920 г., — писал М. В. Фрунзе, — бухарский гнойник, наконец, вскрылся. В старом Чарджоу революционные воины смыли бека и его помощников. Одновременно восстала Старая Бухара и фактически мы стояли перед дилеммой: или оказать помощь восставшему бухарскому народу и помочь ему сбросить со своей шеи вековые цепи рабства и бесправия, или же остаться зрителями начавшейся борьбы и позволить эмиру задушить проблески свободы в Бухаре. Красные войска Туркестана пошли с бухарским народом против его угнетателей»². 28 августа 1920 г. М. В. Фрунзе отдал приказ по войскам Туркфронта прийти на помощь революционной Бухаре всей военной мощью социалистической России³.

В связи с началом революции в Бухаре, Коммунистическая партия Туркестана развернула массовую агитационную работу среди местного населения в таких крупных городах, как Ташкент, Коканд, Самарканд и других. 28 августа 1920 г. В. В. Куйбышев выступил перед ташкентскими коммунистами: «В настоящее время Бухара, науськиваемая Англией, вооружается и готовится для удара на Россию, надеясь на поддержку международных империалистов. Революционный народ Бухары поднялся на борьбу с последним оплотом контрреволюции в Средней Азии, с эмирской Бухарой, являющейся язвой на здоровом Советском теле, которая несомненно будет уничтожена», — говорил В. В. Куйбышев⁴.

Повсюду созывались митинги, устраивались демонстрации против антинародной политики эмирского правительства, происходили манифестации в знак солидар-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122. оп. 1, д. 10, л. 262.

² ЦГА КА, ф. 4, т. I, л. 131, л. 32.

³ М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны, М., 1941, стр. 328.

⁴ «Известия ТуркЦИКа», № 194, 29 августа 1920 г.

ности с трудящимися Бухары, поднявшими знамя освободительной борьбы против гнета и насилия, выпускались воззвания и листовки на доступном для широких масс языке. Агитаторы разъясняли населению сущность происходящих в Бухаре революционных событий¹.

В основу агитационно-массовой работы были положены тезисы «О бухарской революции»², разработанные ЦК КПТ и разосланные всем партийным организациям республики 31 августа 1920 г. «Тезисы» состояли из пяти пунктов. В первом пункте разъяснялось массам, что Бухарское ханство является самым реакционным государством на Востоке вообще, в Средней Азии в частности. Во втором,— речь шла о превращении Бухары в плацдарм английского империализма и очаг контрреволюции. В третьем,— объяснялось значение объединения всех революционных и демократических сил страны против деспотизма и создания блока между Бухарской Коммунистической партией и «младобухарцами». В четвертом, являющемся основным, указывалось, что «в Бухаре объявлена Советская республика. Это есть революция трудового дехканства, рабочих, батраков, бедноты против эмирского правительства беков, улемы и крупных землевладельцев. Ближайшей задачей является отмена старого сословного неравенства, режима насилия, установление советского самоуправления, раздел земли между безземельными и малоземельными дехканами, отмена всех старых налогов и культурное просвещение масс»³.

Заключительная часть тезисов была посвящена анализу международного значения бухарской революции: «Революция в Бухаре,— гласили тезисы,— уничтожает, прежде всего внутреннюю контрреволюционную опасность для Туркестанской социалистической республики и РСФСР. С другой стороны, она разбивает английский план коалиции имущих верхушек восточных народов против Советской власти России. Это еще один шаг вперед на пути национального и социального освобождения трудящихся масс Востока»⁴.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 60. оп, 1, д. 766, л. 9.

² Там же, л. 15.

³ Там же. д. 60, л. 15.

⁴ Там же.

Туркестанская Коммунистическая партия внесла свой достойный вклад в победу революции в Бухаре. ЦК КПТ направил для оказания помощи бухарским революционерам 500 коммунистов из местных национальностей, которые плечом к плечу с трудящимися Бухары сражались против эмирских разбойничьих войск во имя победы революции.

Против эмирских войск, которые насчитывали 8725 штыков и 7850 сабель при 23 орудиях и 16 пулеметах, сосредоточенных в Старой Бухаре, и 17 070 нукеров (ополченцев) при 32 орудиях и 2 пулеметах, расположенных в районе Шахрисабз-Карши, выступили поддержанные красными бухарскими частями и восставшим народом по всей стране, войска Туркестанского фронта (5000 штыков и 2000 сабель, 46 тяжелых и легких орудий, 229 пулеметов, 10 бронепоездов, 5 бронепоездов и 12 самолетов. Фронтной резерв — 2429 штыков, 1655 сабель, 2 орудия и 8 пулеметов)¹.

План бухарской операции был разработан выдающимся пролетарским полководцем М. В. Фрунзе. Он был рассчитан на внезапность и стремительность удара. В операции участвовали войска Чарджоуской группы, в составе которой находился отряд бухарской пехоты во главе с коммунистами А. Абдусаидовым и Н. Хусаиновым; Каганская группа, включавшая два татарских стрелковых полка и первый восточно-мусульманский полк, сформированный в Самарканде из перебежчиков эмирских войск и добровольцев из местного населения, во главе с командиром полка Мавлюдовым; Каттакурганская группа, состоящая из интернационального кавалерийского полка и отряда бухарской красной конницы под командованием Булатова; Каршинская и Самаркандская группы, предназначенные для освобождения восточных бекств эмирата².

Ударной группой считалась Новобухарская (Каганская), численностью около 2500 красноармейцев. Ей предстояло вести бой против 30-тысячной армии эмира, со-

¹ Война и революция, М., 1931, кн. VIII, стр. 92.

² Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революций, Узгиз, Ташкент, 1930, стр. 55—57 (Из дневника Алимджана Акчурина).

средоточенной в Старой Бухаре овладеть столицей эмирата.

В связи с началом всеобщего народного восстания, М. В. Фрунзе обратился 29 августа 1920 г. к войскам Туркестанского фронта, на долю которых выпала освободительная миссия: «Настал час решительной схватки,— писал М. В. Фрунзе,— подавленных и поработенных трудящихся масс Бухары с кровожадным правительством эмира и беков. Полки нарождающейся бухарской Красной Армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них. Приказываю: всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения»¹.

В результате совместных ударов частей Красной Армии, бухарских красных войск и восставшего народа, к 1 сентября 1920 г. были освобождены Чарджоу, Наро-зым, Бурдалык, Карши, Китаб, Шахрисабз, Чиракчи, Яккабаг, Хатырчи и Кермине. Эмир и его войска держались в сильно укрепленной Старой Бухаре.

Ожесточенные бои за овладение Старой Бухарой продолжались четыре дня.

В начале боевых действий, 29 августа, восточно-мусульманский полк и отряд бухарских революционеров встретил ожесточенное сопротивление противника и неся большие потери, вынуждены были отступить. «Только лихая работа наших аэропланов,— писал М. В. Фрунзе,— разогнавших бросившуюся преследовать конницу противника, спасла отряд от уничтожения». Получив донесение о неудаче бухарской группы, М. В. Фрунзе ввел в бой общие резервы, главным образом, Чарджоускую группу, как наиболее близкую.

Ранним утром 1 сентября начался штурм города, сопровождавшийся бомбардировкой. Бои носили ожесточенный характер. Несмотря на ожесточенное сопротивление врага, в 8 часов утра 1 сентября 1920 г. правая колонна Каганской группы войск, при поддержке артиллерии, перешла в наступление, и в 9 часов 45 минут передовые части ворвались в город через Каршинские ворота, сломив упорное сопротивление эмирских сарбазов.

¹ М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны, М. 1941, стр. 325—326.

К 12 часам дня в город вошли другие части. В 16 часов Мазар-и-Шарифские ворота были открыты изнутри бойцами отряда особого назначения и заняты 5 стрелковым полком. В городе шли уличные бои. Враг отступал, неся большие потери. Предстояло решающее сражение с эмирскими войсками, от исхода которого зависело решение судьбы бухарского народа. Придавая исключительно важное значение полному овладению городом, М. В. Фрунзе приказал командарму Г. В. Зиновьеву: «Принять все меры, дабы удар был решительным и окончательным»¹.

2 сентября 1920 г. Старая Бухара — оплот средневековой реакции, деспотизма, пала. Красное знамя было водружено над Регистаном².

Успех на главном театре военных действий был подкреплен стремительными боевыми операциями, проведенными по уничтожению группировки эмирских войск в селе Богоутдине. Отряд, которым командовал Г. Омелюстый, разгромил регулярные части сарбазов, а также вооруженные банды мулл, считающих село, где находилась гробница Шейха Богоутдина, неприступным³.

При взятии Старой Бухары особенно отличился отдельный фронтовой отряд во главе с отважным командиром В. Клементьевым, который будучи тяжело раненым, своим личным мужеством вдохновлял красноармейцев⁴. Героически действовал командир 53 автобронепоезда Ландин, который несмотря на ранение, на своем броневике подъехал вплотную к артиллерийским позициям врага, пулеметным огнем уничтожил расчеты, прикрепил орудие к броневiku и доставил его в распоряжение своих войск⁵.

«Крепость Старая Бухара, — телеграфировал М. В. Фрунзе в Москву В. И. Ленину, — взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших

¹ ЦГА КА, ф. 268, д. 30. л. 8.

² М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны. М., 1941, стр. 330.

³ С. Филиппов. У стен эмирской Бухары, Туркменоведение, 1930, № 10, стр. 32.

⁴ М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны, М. 1941, стр. 330.

⁵ С. Филиппов. У стен эмирской Бухары. Туркменоведение, 1930, № 10, стр. 31.

частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победоносно развевается Красное знамя мировой революции. Эмир, с остатками приверженцев бежал, меры к его задержанию приняты. Вся центральная и северная Бухара уже установила революционный режим.

Войска Российской и Бухарской Красной Армии приветствуют с радостной вестью рабочих и крестьян Туркестана и всей России»¹.

От имени Советского правительства Турккомиссия приветствовала зародившуюся Бухарскую народно-демократическую республику. Она выразила твердую уверенность в том, что произвол эмира и беков уничтожен навсегда, что никому не удастся вырвать из рук бухарского дехканства землю, которую ему дала революция, что братский союз РСФСР и Советской Бухары, скрепленный кровью в общей борьбе, останется нерушимым и в дальнейшей работе по освобождению трудящихся масс Востока от кабалы империализма².

По всей стране распространилось сообщение телеграфного агентства, переданное 2 сентября 1920 г. из Ташкента: «Революционный переворот в Бухаре восторжествовал. Обе столицы — Бухара и Карши, а также важнейшие стратегические пункты в руках красных бухарских войск и мусульманских полков Красной Армии, блестяще выдержавших боевое крещение.

Разгром эмирской Бухары, игравшей роль признанного центра черносотенного мусульманского духовенства, производит глубочайшее положительное впечатление на трудовые низы. Документами и показаниями установлены английские интриги в Бухаре, направленные к усилению военного могущества бывшей, ныне свергнутой эмирской власти, в целях вовлечения Бухары в войну против Советской России.

Новая революционная Бухара провозгласила себя Советской республикой. Трехмиллионная масса бухарских трудящихся встретила переворот как долгожданный день освобождения. Для всей Средней Азии

¹ М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны, М., 1941, стр. 330.

² «Правда Востока», 6 сентября 1935 г.

Бухарская революция, ввиду особой религиозной роли Бухары, будет иметь огромное значение»¹.

Победа революции и установление Советской власти в Бухаре с большим восторгом были встречены трудящимися массами Туркестана. Во всех городах края происходили митинги и многотысячные демонстрации по случаю уничтожения последнего очага контрреволюции в Средней Азии.

В. И. Ленин с трибуны VIII Всероссийского съезда Советов оценил образование Бухарской Советской республики как грандиозную победу национальной политики Коммунистической партии и Советского государства на Востоке, нанесшую потрясающий удар политике колониализма империалистических держав Запада.

Бухарская Советская республика, отмечал В. И. Ленин, — это первая в истории человечества крестьянская, народная по содержанию, Советская по форме республика. Ее создание явилось «...доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства. Дружественные отношения Крестьянско-Советских республик с Российской Социалистической Республикой уже закреплены практическими результатами нашей политики»².

Революция в Бухаре могла осуществиться только благодаря победе социалистической революции в России и переходу власти в руки пролетариата — истинного защитника интересов угнетенных колониальных и зависимых народов. Великий русский народ, руководимый Коммунистической партией, с честью выполнил исторический долг, протянув руку братской помощи угнетенным народным массам Бухарского ханства в тот тяжелый час, когда решалась их участь, сумел освободить их не только от эмира и феодальных господ, но и от опасности порабощения со стороны английского империализма.

¹ «Правда», 4 сентября 1920 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 131—132.

Советская Бухара

ГЛАВА 3

СОЗДАНИЕ БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

●
О РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕ-
СКОМ ХАРАКТЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ БНСР

СОЗДАНИЕ БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В результате свержения деспотического строя в Бухаре была уничтожена власть светских и духовных феодалов. Государственная власть впервые в мировой истории перешла в руки крестьян, составлявших основную массу населения страны. Образовалась крестьянская республика на советских началах, олицетворяющая власть революционного народа.

С победой революции вся полнота власти перешла к Всебухарскому революционному комитету, во главе с коммунистом Ахмаджаном Абдусаидовым. В состав ревкома вошли члены БКП: М. Аминов, А. Акчурин, А. Юсупов, М. Бурханов и Х. Ибрагимов.

Первым актом Революционного комитета явилось обращение к населению Бухары, известившее его о низвержении эмира и переходе государственной власти в руки трудового народа. «Восставший народ революционной Бухары,— читаем в обращении,— после кровавой борьбы сверг иго проклятого старого правительства и уничтожил власть ненавистного всем эмира.

Вековые цепи рабства разбиты. Произвол и незаконные всесильных беков, от которых столетия стонал бухарский народ, уничтожены».

Ревком, выражая волю всего трудового населения страны, объявил Бухару независимой (суверенной) Советской Республикой, основанной на добровольном объединении свободных наций и племен, населявших страну.

В обращении Ревкома была изложена программа действия революционно-демократического правительства Бухары.

В области экономической, революционное правительство проводило в жизнь конфискацию посевных площадей, принадлежавших эмиру и его семье, правительственным чиновникам (амалдарам) и крупным землевладельцам (бекам, сипаям и др.), в собственность государства с целью раздачи их безземельным и малоземельным крестьянам.

В интересах развития земледелия, ремесел, торговли и поднятия благосостояния народа, революционное правительство отменило все налоги (херадж, амлак, закет, аминана и др.), взыскиваемые с крестьян, скотоводов, городских ремесленников и мелких купцов.

Для развития культуры и народного образования революционное правительство стремилось к открытию новометодных, а также советских школ, установило бесплатное обучение во всех школах как нового, так и старого типа, взяв на себя все расходы, связанные с содержанием учителей. В первые же дни революции были созданы 15 новых школ в Бухаре, деятельностью которых руководил назир просвещения БНСР, старый революционер-коммунист Кори Юлдаш Пулатов.

С целью разрушения старого государственного аппарата, служившего орудием классового господства в руках духовных и светских феодалов, ростовщиков и крупных купцов, революционное правительство создало как в центре, так и на местах новые органы народной власти в лице Совета Народных Назиров, назиратов земледелия, торговли и промышленности, продовольствия, просвещения, военных дел, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, финансов, государственного контроля, Верховного революционного трибунала и ЧК, а также ревкомов на местах, организуемых из представителей центрального правительства Бухары и местных партийных и других общественных организаций, в руках которых сосредоточилась вся полнота власти в государстве.

Деятельность Всебухарского революционного комитета была направлена на создание органов местной власти, должностяующих заменить ликвидированную власть беков и амлакдаров. В первые дни революции были созданы ревкомы в 27 бекствах и туменах, куда были направлены лучшие силы Бухарской компартии.

Революционный комитет провел также реформу и в области осуществления правосудия. «Старые судебные

учреждения (казихона) ликвидируются,— читаем в декрете ревкома,— взяточникам и кровососам отныне нет места в органах власти освобожденного народа. Будут созданы новые народные суды (халк кази хоналары), которые будут осуществлять основы справедливости и правды. Различия в расе, нации и религии не будут иметь никакого значения ни перед законом, ни перед органами народной власти, и, потому законы и органы власти создаются на началах всеобщего равенства. Отныне отменяется смертная казнь, избивание палками, членовредительство и тому подобные наказания, как противные и не соответствующие духу освобожденного народа»¹.

Правительство революционной Бухары издало декрет о роспуске старой эмирской армии и приступило к созданию Народной, рабоче-крестьянской армии для организации обороны страны от нападения империалистических государств и защиты завоеваний народа от внутренней контрреволюции.

Основу Бухарской Красной Армии составили восточно-мусульманский пехотный и кавалерийский полки, состоящие из красноармейцев местных национальностей и переданные в распоряжение правительства БНСР, в соответствии с «военно-политическим соглашением», заключенным между РСФСР и БНСР 3 ноября 1920 г. В этом исторической важности документе было зафиксировано: «Необходимая Бухарской Советской Республике Армия может быть построена, за отсутствием в распоряжении Бухревкома не только достаточных кадров состава, но и необходимого для формирования вооружения, только при активной помощи и поддержке со стороны РСФСР. Опыт Российского военного командования в деле построения Красной Армии желательно всецело использовать для организации Бухарской Армии, которая должна и строиться по одному плану с Красной Армией. В деле охраны своих границ Бухарская Республика, не имеющая в настоящее время армии, нуждается в помощи частей и командования Красной Армии, которую необходимо обеспечить со стороны РСФСР, во всяком случае в первое время по созданию Бухарской Армии, в виде руководства молодыми частями»².

¹ ЦГА УзССР, ф. 46, оп. 1, д. 17а, л. 12.

² Там же, ф. 9, оп. 1, д. 25, л. 39..

Охрана границ Бухарской Советской Республики осуществлялась войсками РСФСР, которые согласно «военно-политическому соглашению», подчинялись военному назиру и Ревкому БНСР¹.

Назират военных дел БНСР был образован в первые дни после победы революции и во главе его (после смерти Шагабутдинова, 9 ноября 1920 г.) стоял испытанный революционер, член Реввоенсовета Туркфронта Ю. Ибрагимов. Военный назират приступил к формированию бухарских национальных частей с 15 сентября 1920 г.

Бухарская армия была молода и не имела достаточной военно-политической подготовки. В войсковых частях Политуправлением Назирата военных дел были организованы 9 школ по ликвидации неграмотности, открыто 17 библиотек и функционировала татарская театральная труппа. К воинам Бухарской Красной Армии приезжала узбекская театральная труппа, возглавляемая Хамзой Хаким заде Ниязи, которая поставила 15 спектаклей и провела 7 концертов-митингов².

Особое место в системе органов государственной власти имел Назират внутренних дел, призванный охранять порядок в стране и обеспечить безопасность жизни, а также неприкосновенность имущества граждан БНСР. В обязанность Назирата внутренних дел входила организация и руководство деятельностью местных ревкомов. При назирате были созданы главное управление милиции (отдел охраны республики) и отдел административного управления, ведавший местными ревкомаами³.

Милиция в Бухаре была организована в первые дни после победы революции, в сентябре 1920 г. и состояла исключительно из трудового народа. В первые дни в Бухаре насчитывалось до 300 милиционеров. Они проявили чудеса героизма в борьбе с мародерством, разбоями и грабежами, в особенности в установлении революционного порядка в Бухаре и вилаетах, где также были созданы органы милиции.

Начальник Главмилиции одновременно считался заместителем Назира внутренних дел. Милиция в Бухаре выполняла не только функцию охраны общественного

¹ ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 26, л. 210.

² Там же, ф. 46, оп. 1, д. 1, л. 12—13.

³ Там же, ф. 48, оп. 1, д. 64, л. 1—3.

порядка, на нее была возложена и задача по борьбе с басмаческими бандами эмира. Численность милиции постепенно увеличивалась и доходила до 10 тысяч человек. В связи с возрастанием роли и значения милиции в защите революционного порядка в стране, Главмилиция при Назирате внутренних дел была реорганизована в Отдел охраны республики, на который возлагалась борьба с контрреволюцией во всех ее видах и проявлениях, охрана общественного порядка от посягательства на него со стороны преступного элемента,— борьба с уголовной преступностью, защита неприкосновенности личности и имущественных прав граждан.

Наряду с милицией, имевшей в своем составе уголовный и политический розыск, при Совете Народных Назиров была организована Всебухарская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и преступлениями по должности (Бухчека), сыгравшая важную роль в защите завоеваний революции от покушения свергнутых эксплуататорских классов и укреплении народной Советской власти в Бухаре в тяжелые годы борьбы с басмаческой националистической контрреволюцией¹.

Во главе суда в Бухаре был поставлен Назират юстиции, который был призван следить за точным соблюдением законов и осуществлением правосудия, а также руководить деятельностью всех судебных учреждений Бухарской Народной Советской Республики. Во главе Назирата стоял назир юстиции, избираемый Всебухарским Ревкомом (БухЦИКом) и ответственный перед Советом Народных Назиров. Большое значение в системе Назирата юстиции имел отдел по надзору за судебными учреждениями, которому были непосредственно подчинены все судебные органы республики.

В Бухаре после победы революции была создана новая судебная система — народных (казийских) и советских судов взамен ликвидированных, дореволюционных судов. В русских поселениях — Новой Бухаре, Чарджоу, Термезе и Керки, где Советская власть установилась сразу же после победы Октябрьской революции, были созданы советские народные суды, разбиравшие подсудные

¹ ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 157, л. 44.

им дела, согласно законам, действующим в пределах РСФСР.

Общее руководство и надзор за деятельностью советских народных судов в русских поселениях осуществлял Назират юстиции БНСР, а жалобы на решения и приговоры последних рассматривались Советом народных казиев в Старой Бухаре.

Несколько иначе обстояло дело с организацией местных народных казийских судов в самой Бухарской Народной Советской Республике, где переход от старых дореволюционных форм шариатского суда к новым, демократическим формам народного суда совершился не сразу.

При организации новой системы судов необходимо было, наряду с экономической и культурной отсталостью Бухары, учитывать также сильное влияние мулл на крестьянское население страны.

Бухара была отсталой страной, и как отмечалось в резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», не прошла период капиталистического развития¹. Поэтому народные казийские суды должны были руководствоваться в своих решениях и приговорах нормами шариата и адата, — однако, только постольку, поскольку они не противоречили революционному правосознанию и действующему законодательству народной Советской власти. Народные казийские суды были организованы ревкомрами в первые дни революции в 38 вилаятах и туменах, а затем их число возросло до 57².

В Старой Бухаре было учреждено в качестве судов первой инстанции 3 народных казийских суда и один народный советский суд для русского населения города. Кроме того, при Назирате юстиции был организован Совет народных судей — как вторая кассационная судебная инстанция.

Народные суды казиев рассматривали и решали по подсудности все уголовные и гражданские дела, за исключением дел, касающихся должностных преступлений, преступлений против государства и его безопасности, а

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, М., 1953, стр. 559.

² ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 64, л. 21.

также всех деяний, совершенных военнослужащими или лицами гражданского населения, причастного к басмачеству, подлежащих ведению революционного трибунала республики.

Приговоры и решения народных судов казиев могли быть обжалованы в месячный срок Совету народных казиев Назирата юстиции, являвшегося высшим судебным органом республики.

Совет народных казиев состоял из постоянного председателя, выдвигаемого Назиратом юстиции и утвержденного Всебухарским революционным комитетом, а также трех народных казиев, постоянных членов Совета, назначенных Назиратом юстиции.

Совет народных казиев, как орган высшего надзора, пользовался правом производства ревизий всех судебных учреждений гражданской юстиции¹.

Установление дружественных отношений между РСФСР и БНСР явилось крупной победой ленинской национальной политики на Востоке. Советское правительство, руководствуясь исторической «Декларацией прав народов России», будучи верным принципу права наций на самоопределение, равноправие и независимость всех народов, первым признало Бухарскую Народную Советскую Республику суверенным государством. В интересах упрочения дружественных отношений между РСФСР и БНСР и оказания практической помощи Бухарской Коммунистической партии и революционному правительству в строительстве новой жизни, 8 сентября 1920 г. Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б) направили члена Турккомиссии В. В. Куйбышева в Бухару в качестве полномочного представителя РСФСР при правительстве БНСР и уполномоченного ЦК РКП(б) и Коминтерна при ЦК БКП «с сосредоточением в его руках политического и партийного руководства»². В мандате, выданном В. В. Куйбышеву 10 сентября 1920 г., Турккомиссия уполномочивала его «... делать заявления, предложения, заключать соглашения и предпринимать все действия, какие он считает необходимыми, в интересах РСФСР»³.

¹ ЦГА УзССР, ф. 64, оп. 1, д. 33, л. 1—5.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 20, л. 24.

³ Письма трудящихся Туркестана В. И. Ленину, изд-во «Узбекистан», Ташкент, 1964, стр. 89.

В. В. Куйбышев — один из виднейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства, имел большой опыт практической работы в Туркестане. Своим знанием местной жизни он оказал неоценимую помощь молодой Советской Республике за время пребывания в Бухаре с 12 сентября по 3 декабря 1920 г. как руководитель «прекрасно осведомленный, пользующийся большим личным авторитетом среди бухарских деятелей и способный руководитель всей политикой и правительством в стране»¹.

До приезда В. В. Куйбышева обстановка в Бухаре была крайне напряженной. Шла ожесточенная борьба с контрреволюционными силами за утверждение революционного порядка в стране, а в действиях ЦК БКП, Ревкома и Совета Народных Назиров отсутствовало единство. Характерным для данного периода, — как указывал В. В. Куйбышев, — была растерянность, неопытность, незнание за что браться, с чего начать, что имело место в работе всех организаций Бухары в первые дни после победы революции. Туркестанские коммунисты, прибывшие в Бухару в первые дни революции, — С. Турсунходжаев, работавший в ревкоме и Шагабутдинов, занимавший пост военного назира сообщили В. В. Куйбышеву «о печальной картине неорганизованности и полного сумбура в деятельности центральных органов»².

14 сентября 1920 г. состоялось совместное заседание ЦК БКП, Ревкома и Совета Народных Назиров БНСР, на котором был окончательно сформирован высший законодательный и контролирующий орган — Всебухарский революционный комитет во главе с А. Мухетдиновым. Все 9 членов комитета были коммунисты. Было также сформировано и правительство революционной Бухары — Совет Народных Назиров. Большинство из 11 народных назиров принадлежали к Бухарской Коммунистической партии, хотя среди них были и представители национальной буржуазии.

Национальная буржуазия, борющаяся за захват власти, стремилась приспособить аппарат государственного управления к своим интересам. В. В. Куйбышев так опи-

¹ Архив II сектора общего отдела ЦК КПСС, д. 72, оп. 1, л. 55—56, из письма председателя Турккомиссии от 24 сентября 1920 г. на имя В. И. Ленина.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 334.

сывал встречу с Назиром торговли и промышленности, крупным купцом Мансуром: «В тот же день (то есть 14 сентября — А. И.) ко мне зашел старик Мансуров, по-видимому играющий значительную роль в кулуарах Ревкома, он играет яркую роль выразителя буржуазной стороны переворота, приспособляющегося к советским формам. Быть может, в недалеком будущем эта фигура встанет на пути революционной Бухары. В настоящий момент он является наиболее умным государственным деятелем, противопоставляющим определенный план и систему общему хаосу и беспорядку»¹.

Следует учитывать, что из-за отсутствия культурных сил из трудового народа государственный аппарат наполнялся большей частью буржуазной интеллигенцией и старым чиновничеством, что не могло не сказаться на деятельности правительства, хотя оно проводило революционно-демократическую линию.

На объединенном заседании ЦК БКП, Ревкома и Совета Народных Назиров 14 сентября 1920 г. В. В. Куйбышев вручил свою верительную грамоту главе правительства БНСР Файзулле Ходжаеву и выступил с официальным заявлением от имени Советского правительства и Центрального Комитета РКП(б). В своем заявлении В. В. Куйбышев, как полномочный представитель Социалистической России при правительстве БНСР подчеркнул, что «главным требованием РСФСР является уважение к независимости Бухарского государства и внушение всем российским гражданам этого уважения к самостоятельности Бухары».

В заключение своей речи В. В. Куйбышев, касаясь взаимоотношений с ЦК БКП, указал, что он как представитель ЦК РКП(б) и Коминтерна использует данные ему полномочия «для направления всей работы в духе и интересах общего коммунистического движения»³.

На отдельном заседании ЦК БКП, созванном по предложению В. В. Куйбышева, был обсужден ряд вопросов, имеющих жизненно важное значение для дальнейшего развития революции. «После объединенного заседания, — сообщал В. В. Куйбышев Турккомиссии в телеграмме от 19 сентября 1920 г., — я потребовал снова

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 332.

² Там же.

³ Там же, л. 333.

устройства заседания ЦК, которое и состоялось поздно ночью. Я поднял следующие вопросы: 1) Указал на совершенную ненормальность отсутствия до сих пор декретов о земле и налоге. Было решено обязать ревком завтра же эти декреты принять и опубликовать. 2) Обратил внимание на отсутствие заявления к Афганистану об организации нового правительства и об отношении к этой соседней стране. Было решено обязать назира по иностранным делам завтра обратиться с телеграммой к Афганистану...»¹

С приездом В. В. Куйбышева в Бухару работа ЦК БКП, революционного правительства, комсомола и других общественных организаций активизировалась. На площади Регистан 15 сентября 1920 г. был созван многочисленный митинг, посвященный созданию Бухарской Народной Советской Республики, превратившийся в общенародный праздник.

На митинге выступили с пламенными речами революционеры Индии и Турции, а от имени III Коммунистического Интернационала — В. В. Куйбышев. Была принята резолюция, выражающая волю трехмиллионного народа Бухары, в которой указывалось: «Возвещаем всем, всем, при наличии мощного революционного движения внутри страны, благодаря стараниям наших революционеров, при содействии братской Советской республики мы стали свободными. Мы, весь Бухарский народ, клянемся, ценою своей жизни будем отстаивать завоеванную свободу от озверелых банд свергнутого эмира, организовавшего грабительскую банду в Гиссарской долине»².

Участники митинга, определяя отношение революционного правительства Бухары к угнетенным народам Востока, предложили нерушимый союз и дружбу с соседним Афганистаном в борьбе за национальную свободу, против колониальной политики империалистических государств.

Деятельность В. В. Куйбышева в Бухаре была многогранной и до предела напряженной. Об этом дает представление дневниковая запись за один только день — 16 сентября 1920 г.³

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 333.

² «Известия ТуркЦИКа», № 221, 30 сентября 1920 г.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 164, л. 1.

«1. Отправлена телеграмма в Ташкент на имя председателя Турккомиссии о необходимости организации Восточной (Гиссарской) экспедиции против скрывающегося в Душанбе эмира.

2. Разговор по прямому проводу с председателем Турккомиссии Сокольниковым о военно-политических и пограничных делах.

3. Беседа с Сагдуллаходжа Турсунходжаевым об отложении поездки в Хиву в связи с его назначением председателем Центральной избирательной комиссии по организации выборов на 1-й съезд Советов БНСР и необходимости в связи с этим поездки по вилаетам республики для организации органов местной власти.

4. Беседа с военным Назиром БНСР Шагабутдиновым о создании Бухарской национальной Красной Армии.

5. Беседа с командиром Бухарской группы войск Зиновьевым о передаче в распоряжение военного назирата аппарата Ново-Бухарского облвоенкомата и восточного мусульманского пехотного полка и кавалерийского дивизиона — как основы для создания национальной армии.

6. Беседа с начальником Особотдела Туркфронта Леоновым, который выражал крайнюю неудовлетворенность постановкой борьбы с контрреволюционной агитацией мулл и богачей в Старой Бухаре, на что последовал ответ «о полном невмешательстве во внутреннюю жизнь Бухары, предоставив эту работу Бухчека, ограничившись работой среди войск и частей»¹.

7. Беседа с Назиром торговли и промышленности БНСР Мансуровым о курсе бухарского «танга», одобрение его предложения о национализации английских товаров, залежавшихся на складах караван-сараев, в счет не полученной стоимости каракулевых шкурок, отправленных в Лондон при эмире на сумму свыше двух миллиардов рублей.

8. Беседа с афганским консулом Абдушукур-ханом, который после выражения дружбы к РСФСР просил ходатайствовать перед правительством о легализации его как полпреда и удовлетворение исков пострадавших при взятии Бухары, афганских купцов. (Выразив свое согласие на посредничество между Абдушукур-ханом и

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 334.

Назиром иностранных дел БНСР Файзуллой Ходжаевым, В. В. Куйбышев заявил: «Российское правительство также не хочет прекращения дружбы с Афганистаном, что я нисколько не сомневаюсь, что Афганское правительство не могло дать инструкций враждебных России, но, что меня удивляет поведение Афганского представителя, явно расходящегося с дружественным отношением между Россией и Афганским правительством)»¹.

9. Беседа с главою революционного правительства Бухары Файзуллой Ходжаевым о необходимости установления дипломатических отношений с Афганистаном.

10. Беседа с Назиром внутренних дел БНСР Мухтарджан Саиджановым об усилении борьбы с мародерством и грабежом и посылки карательных отрядов во все вилаеты республики.

11. Беседа с председателем ЦК БКП Наджибом Хусаиновым об укреплении рядов БКП и активизации деятельности центрального комитета.

12. Беседа с политкомом поезда «Красный Восток» о необходимости объезда мусульманскими политработниками поезда, виластов и туменов для разъяснения народу значения революции и оказании помощи в организации ревкомов на местах и их инструктировании».

В. В. Куйбышев помог созданию аппарата государственного управления молодой республики путем передачи учреждений Туркестанской АССР в Бухаре в распоряжение соответствующих назиратов БНСР со всеми специалистами. 6 сентября 1920 г. аппарат Новобухарского областного Военного комиссариата был передан в распоряжение правительства БНСР для создания на его основе Назирата военных дел и Бухарской Красной Армии², продовольственные и снабженческие организации Туркфронта и ЦСНХ ТАССР были подчинены Назирату торговли и промышленности БНСР³.

Острая нужда в рабочих, знающих язык местного населения, побудила правительство БНСР 7 сентября 1920 г. обратиться в Турккомиссию с просьбой направить в Бухару специалистов из наркоматов финансов, соцобеспечения, труда, продовольствия, просвещения,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 10, стр. 336.

² Там же, л. 272, 274.

³ Там же, стр. 271.

земледелия, юстиции, внутренних дел для использования их в качестве инструкторов с последующим назначением членами коллегий соответствующих назиратов БНСР. Турккомиссия начала направлять из Ташкента коммунистов из местных национальностей для работы в партийных, советских и профессиональных организациях Бухары. Эту же цель преследовал прибывший в Бухару 18 сентября 1920 г. агитационно-инструкторский поезд «Красный Восток».

Политработники поезда «Красный Восток»¹ снискали любовь и признательность трудящихся Бухары, за что им была объявлена благодарность Бухарского Ревкома. «Сотрудники «Красный Восток», — говорилось в письме Бухарского ревкома от 11 октября 1920 г. на имя В. И. Ленина, — в первые тяжелые дни бухарской революции с чрезвычайной энергией, интенсивностью и искренней любовью к революционному делу помогли нам в восстановлении и улучшении нашей революционной работы. Сотрудники «Красного Востока» во время революционной борьбы, когда еще город Бухара был охвачен страшным пожаром, самоотверженно боролись за ликвидацию этих стихийных бед, которые с большим успехом были предотвращены. Сотрудники «Красного Востока», благодаря своему революционному сознанию и опыту необычайно быстро заготовили основные положения и инструкции для государственных учреждений Бухарской республики, в чем они крайне нуждались.

Сотрудники «Красного Востока» в очень короткий срок объехали многие далекие окрестности Бухарской республики, ознакомили на местах освобожденный от эмирского гнета народ с новыми основами и порядками советского строительства. Наконец, сотрудники «Красного

¹ Агитационно-инструкторский поезд ВЦИК и ЦК РКП(б) «Красный Восток» представлял также Исполком III Коминтерна и Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока. Поезд выехал в Ташкент 23 января и прибыл на место назначения 13 марта 1920 г. Политотдел поезда «Красный Восток» состоял из 29 сотрудников: политкома и помполиткома поезда, инструкторов от наркоматов просвещения, финансов, Госконтроля, здравоохранения, НКВД, представителя Реввоенсовета РСФСР и 9 агитаторов ЦК РКП(б), среди которых был Шагит Ахмадиев, редактор газеты, издаваемой бюро Российского телеграфного агентства (Роста) на узбекском языке.

Востока» приняли активное участие в созыве 1-го курултая (съезда) всех трудящихся республики»¹.

Характеризуя отношение населения к происходящим революционным преобразованиям, политком поезда «Красный Восток» В. Юдовский в записке «О Бухаре»², составленной 22 октября 1920 г., с восторгом отмечает: «Симпатии населения на стороне Советской власти. Все дома украшены небольшими флажками, к дверям прибиты красные материи, грудь у всех украшена красной лентой...

Ревком весьма ясно сознает источник своей власти. Как орган именно революционной власти, он глубоко проникнут революционными тенденциями»³.

Деятельность политработников поезда «Красный Восток» протекала под непосредственным руководством В. В. Куйбышева и служит одним из ярких примеров проявления братской помощи со стороны великого русского народа отсталым, угнетенным народам Востока.

Революционное правительство Бухарской Народной Советской Республики в ответ на клеветнические измышления империалистов по поводу бухарской революции обратилось с радиোগраммой ко всем государствам Запада и Востока. В радиোগрамме, с исчерпывающей полнотой были проанализированы причины, побудившие трудовой народ к свержению эмирской власти и высказано отношение революционного правительства БНСР к капиталистическим государствам Запада⁴.

«Бухарская революция,— говорилось в радиোগрамме,— не создана с какой-нибудь шовинистической предпосылкой и жаждой к власти, как думают наши противники. Нет, она вызвана желанием положить конец произволу эмирата, давившего бухарский народ особенно резко в последние годы... До революции эмир имел тайные сношения с англичанами, заводя с ними дружбу, на что указывает переписка эмира с британским военным

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 250, л. 18.

² В. Юдовский, Бухарская революция и ее задачи, «Три года Советской власти» (сборник к 3-й годовщине Октябрьской революции в Туркестане). Ташкент, Походная типография Путурка, 1920, стр. 81—84.

³ АВП СССР, ф. 152/с, оп. 1, д. 2, л. 576.

⁴ «Известия ТуркЦИКа», 6 марта 1921 г., а также «Бухоро Ахбори», 1 марта 1921 г.

представительством, находящимся в Мешхеде. Никаких забот об улучшении жизни народа эмир не проявлял, а занимался развратом в самой его гнусной форме... Все это заставило бухарский народ одним взмахом низвергнуть и эмира, и трон его, и воздвигнуть вместо эмирата власть народную».

Народная Бухара недвусмысленно дала понять и империалистическим государствам, что «Бухарское революционное правительство никогда не будет вести дружбы с английскими империалистами, стоящими во главе западного империализма».

Радиограмма подчеркивала освободительную миссию РСФСР в Бухаре, покоящуюся на общности интересов БНСР и Советского государства, пролетариата Запада и угнетенных Востока в борьбе против империализма и колониализма. Это обстоятельство и явилось основой для объединения с Советской Россией, чтобы стать ее истинным другом. «РСФСР дала свободу и независимость Бухаре, ограждает ее суверенитет от империалистических хищников».

Революционное правительство определило также и свое отношение к близкому соседу — Афганистану, с которым народы освобожденной Бухарской Советской Республики будут жить в полном согласии, работая совместно на освобождение народов Востока¹.

¹ 13 сентября 1920 г. в Кабуле был разработан дружественный договор между РСФСР и Афганистаном, подписанный в Москве 28 февраля 1921 г. Обе стороны обязались соблюдать независимость Бухарской Народной Советской Республики. В период революционных событий афганское посольство в БНСР, грубо нарушив условия нейтралитета, открыто поддерживало контрреволюционные силы. По поручению Советского правительства полпред РСФСР в Кабуле Сурец 21 сентября 1920 г. обратился с нотой протеста к правительству Афганистана. Министерство иностранных дел Афганистана в ответной ноте выразило готовность расследовать действия своего посольства, а 26 октября 1920 г. признало революционное правительство БНСР.

17 декабря 1920 г. состоялся обмен нотами между Назиром иностранных дел и главой правительства БНСР Файзуллою Ходжаевым и Министром иностранных дел Афганистана Махмудом Тарзи об установлении дипломатических отношений между обоими государствами. В Бухару было направлено новое посольство, возглавляемое Абдулхади-ханом. В свою очередь был аккредитован в Афганистане посол БНСР Мударис Абдурахман Юсупзоде. В ноте революционного правительства БНСР от 17 декабря 1920 г. выражалась

Важную роль в борьбе за упрочение народной власти сыграл 1 съезд народных представителей Бухары. Съезд законодательно закрепил завоевания революции — установление революционно-демократической диктатуры народа в Бухаре. Вопрос о созыве съезда (курултая) был рассмотрен в ЦК БКП 2 октября 1920 г. Было решено созвать учредительный съезд Советов 5 октября 1920 г. с постановкой докладов: 1. Бухарская революция и ее влияние на развитие освободительного движения на Востоке, 2. О международном положении и установление союза с социалистической Россией, 3. О государственном строе революционной Бухары и 4. О задачах революционного правительства. Была организована комиссия по подготовке и созыву съезда под председательством туркестанского коммуниста, командированного в Бухару комиссией ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана Сагдуллаходжа Турсунходжаева. В инструкции, выработанной Центральной комиссией по выборам делегатов на I съезд Советов Бухары, предусматривалось недопущение к этой важной политической кампании бывших эмирских чиновников, крупных землевладельцев, купцов и реакционных мулл¹. На места были направлены представители от Центральной избирательной комиссии. Всего по республике было избрано 1950 делегатов: от Бухари — 180, Чарджоу — 215, Кермине — 174, Хатырчи — 141, Зияутдина — 163, Карши — 120, Шахрисабза — 142, Гиссара — 95, Каракуля — 67, Кенимеха — 62, Гиждувана — 75, Вабкента — 62, Китаба — 69, Чиракчи — 47, Багаутдина — 47, Яккабага — 45, Нурата — 41, Хиркуша — 34, Фирмаста — 35, Азизабада — 30, Шафрикана — 30 делегатов.

Выборы делегатов на I съезд народных представителей проводились на общегородских, вилаетских, туменских и кентских митингах при участии большинства населения, и, обычно приурочивались к базарному дню. Кандидатуры делегатов выдвигались местными партий-

твердая уверенность в том, что трудящиеся Афганистана «станут истинными союзниками Бухары и народов всего угнетенного Востока в их борьбе с английским империализмом». (См. Годовой отчет НКВД IX съезду Советов (1920—1921 гг.). Изд. НКВД, М., 1921, стр. 50. Газета «Бухоро Ахбори». № 18, 26, 13 января и 1 марта 1921 г.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 7.

ными организациями, союзами дехкан и ремесленников, но также и непосредственно самими участниками предвыборных собраний. Народ проявлял повсюду живой интерес к посылке представителей в революционную Бухару. Большую организаторскую и разъяснительную работу провели политработники поезда «Красный Восток», объехавшие в предвыборные дни всю Центральную Бухару. Ввиду отдаленности и начала басмаческого движения в этом районе, Восточная Бухара не могла принять участие в учредительном съезде Советов БНСР.

При избрании делегатов на съезд имелись случаи отвода кандидатур «... по причине принадлежности к чиновничеству и купечеству»¹, чему во многом способствовало активное участие в избирательной кампании политработников поезда «Красный Восток». Они разъясняли народным массам колоссальный вред, который может принести участие эксплуататорских классов на учредительном съезде Советов.

6 октября 1920 г. в Бухаре, в летнем дворце эмира — Ситора-и-Мохосе, начал свою работу первый Всебухарский курултай народных представителей², на котором присутствовало 1950 делегатов.

I съезд народных представителей — первое в истории Бухары народно-представительное собрание — проходил в торжественной обстановке. На его открытии было оглашено приветствие революционному бухарскому народу от имени правительства РСФСР.

Делегаты съезда с большим воодушевлением послали приветственную телеграмму В. И. Ленину — основателю Коммунистической партии и создателю первого в мире социалистического государства.

¹ АВП СССР, ф. 152/с, оп. 1, д. 2, л. 576.

² В книге *Б. Гафурова и Н. Н. Прохорова* «Падение Бухарского эмирата» (Таджикгосиздат, 1940, стр. 57) день созыва I съезда Советов БНСР ошибочно датируется 14 сентября 1920 г., то есть смешивается с датой созыва объединенного заседания ЦК БКП, Бухревкома и Совета Народных Назиров, состоявшегося 14 сентября 1920 г. с участием В. В. Куйбышева, на котором было сформировано правительство революционной Бухары (см. «Бухоро Ахбори», № 5, 1920 а также годовой отчет НКВД к IX съезду Советов, М., 1921, стр. 13); такая же неточность допускается и в статье *Я. Шарапова* «К истории развития Бухарской Народной Республики» (см. материалы к истории таджикского народа в советский период, Сталинабад, 1954, стр. 55).

Делегатов революционной Бухары приветствовали: от ЦК БКП Алимджан Акчурин, правительства РСФСР — Карим Хакимов, Союза молодежи — Хаж Шамситдин Кличзада, союза дехкан — Раджаб Мухамедов, старых революционеров — Шайх Хасан Алиев, прогрессивного духовенства — Мударис Мулла Икрам и другие, которые свое выступление заканчивали словами: «Да здравствуют трудящиеся Советской России — опора трудящихся всего мира»¹.

Съезд заслушал доклад председателя ревкома А. Мухетдинова «О государственном строе революционной Бухары». Первую часть своего доклада он посвятил анализу эксплуататорской природы свергнутой революцией власти эмира. Докладчик глубоко вскрыл антинародный характер эмирата и причины, побудившие народ к низложению деспотической власти в Бухаре и особо подчеркнул, что местное управление в ханстве находилось совершенно в нетерпимом состоянии. Правители, назначаемые из центра, вопреки желанию народа, управляли страной без участия народа; пользуясь полнотой власти, они творили на местах бесчинства, грабежи, отчего тормозилось развитие экономики страны.

Считаем уместным привести характерную выдержку из доклада А. Мухетдинова, обрисовывающую социальную сущность эмирской власти. Обращаясь к делегатам, он говорил: «Люди, окружавшие бухарского эмира, были тупыми невеждами. Чтобы быть визиром, образования не требовалось. Чтобы повыситься в сане, нужно было лучше прислуживать эмиру. Что можно было ожидать от таких сановников?.. Разве они ремонтировали дороги, мосты, ирригационные сооружения? Нет. Не делая ничего полезного для народа, они в угоду эмира старались побольше собрать налогов с народа: они собирали не только налоги, а также забирали у подданных красивых девушек и юношей и преподносили их эмиру (тортик). Вот чем занимались сановники свергнутого народного эмирского правительства»².

Съезд принял решение о создании подлинно народной власти, призванной защищать интересы трудящихся масс города и деревни. «Государственной организацией вла-

¹ «Бухоро Ахбори», № 5, 11 октября 1920 г.

² Там же.

сти,— было указано в постановлении съезда,— угодной народу и отвечающей его интересам, признается такая система власти, которая будет установлена по желанию самого народа.

Мы, представители всего бухарского народа, желаем учредить в Бухаре власть трудового народа на началах выборности.

В целях обеспечения стройности государственной организации, считаем необходимым учредить в Бухаре Верховный орган республики, который состоял бы из представителей, избираемых на местах. Ведению Верховного органа подлежит решение коренных вопросов, имеющих важное государственное значение.

Существование Верховного органа государственной власти в центре предполагает существование и местных органов власти, состоящих из народных представителей, решающих дела местного значения.

В избрании представителей как в Центральные, так и в местные органы государственной власти, могут участвовать только лишь полезные и достойные сыны отечества, каковыми признаются крестьяне, ремесленники и все лица, живущие своим трудом.

От участия в выборах исключаются крупные банкиры, торговцы и духовенство»¹.

I Всебухарский курултай народных представителей, заслушав на своем заключительном заседании 8 октября 1920 г. отчеты Революционного комитета и Совета Народных Назиров, организованных в первые дни революции, в законодательном порядке оформил их функционирование до созыва II Всебухарского курултая и принятия Конституции республики.

I Всебухарский курултай народных представителей принял историческое решение о провозглашении Бухары Народной Советской Республикой, в которой власть принадлежит рабочим и крестьянам, составляющим большинство населения страны и управляется посредством местных и центральных Советов, избираемых путем открытого голосования².

Бухара была провозглашена не социалистической, а Народной Советской республикой, так как революция

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 5, л. 4.

² Там же, л. 3.

свершилась в отсталой феодальной и исключительно крестьянской стране. «Революцией в Бухаре,— говорил В. В. Куйбышев в беседе с корреспондентом ТуркРоста 1 ноября 1920 г.,— руководили коммунисты. Между тем, в результате по вполне понятным объективным причинам, установлен строй, который нельзя назвать социалистическим, так как для этого не созрели еще ни экономические, ни психологические условия».

В. В. Куйбышев подчеркнул, что Бухарская Коммунистическая партия имела полную возможность влиять на политику центрального органа, тем более, что Ревком состоял исключительно из коммунистов и к этой же партии принадлежали большинство народных назиров. Однако, как указывал В. В. Куйбышев «для всякого внимательного, вникающего в теперешнюю жизнь Бухары ясно, что если бы Компартия использовала свое влияние в сторону последовательного проведения всех коммунистических принципов, то это было бы искусственным насаждением строя, не соответствующим экономическим условиям и психологии масс.

Таким образом, партия, ведущая за собой народные массы во время революции и имеющая фактическую возможность безоговорочного влияния на государственный аппарат, сознательно и добровольно временно ограничивает проведение в жизнь своей программы, обратив центр внимания на создание психологических условий, необходимых для свершения психологической революции, то есть на широкое развитие классового самосознания и организации масс»¹.

Вот почему Бухарская Коммунистическая партия, руководствуясь директивой Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1920 г., твердо проводила на 1 съезде Советов Бухары линию революционно-демократического переворота, имевшего своим содержанием аграрную и налоговую реформы².

¹ «Известия ТуркЦИКА», № 125, 4 ноября 1920 г.

² В телеграмме, полученной из Ташкента 6 октября 1920 г. на имя председателя Самаркандского облревкома Любимова, передавался полный текст постановления Турккомиссии от 5 октября 1920 г. Телеграмма гласила: «Обязать товарища Любимова остаться в Бухаре до окончания съезда, причем Турккомиссия возлагает на него политическую ответственность за проведение съезда. Ему поручается выступить от имени РСФСР с заявлением об отказе от при-

В связи с болезнью В. В. Куйбышева на 1 съезде Советов Бухары с декларативным заявлением от имени ВЦИК и Совета Народных Комиссаров РСФСР выступил Карим Хакимов¹, который охарактеризовал политику Советской власти по отношению к ранее угнетенным национальностям. Заявление К. Хакимова о признании РСФСР независимости БНСР, передаче народу всех земель, захваченных у капиталистов на территории бывшего эмирата, со всеми заводами и фабриками и недвижимостью, о присоединении русских городов — Кагана, Чарджоу, Термеза и Керки — к БНСР, было встречено громом аплодисментов, как выражение высокой признательности трудящихся масс Бухары своей освободительнице — Советской России².

В резолюции, принятой по докладу Файзуллы Ходжаева «О международном положении и установлении союза с социалистической Россией», делегаты единогласно высказались за признание Красной Москвы «защитницей всего человечества»³ и от имени всего трудового народа БНСР заявили «о своей уверенности в том, что

вилегии и территориальной концессии, полученных царским правительством и частными капиталистами в Бухаре. В области партийной политики твердо проводить линию революционно-демократического переворота, имевшего своим содержанием аграрную и налоговую революцию. С попытками национализации торговли и пр. необходимо вести борьбу. Ввиду временного замещения товарища Куйбышева товарищем Хакимовым, указанное выступление провести совместно с ним. Предлагается широко использовать опубликованный в Ташкентских известиях 5 октября договор РСФСР с Хивой, желательно оглашение его на съезде, если будет поставлен вопрос о названии республики, предложите название аналогичное Хиве, то есть Народная Республика». (ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 12, л. 165).

¹ Карим Хакимов в феврале 1920 г. прибыл в Ташкент в качестве инструктора политуправления Туркфронта, а затем был избран в состав временного ЦК Компартии Туркестана. С сентября 1920 г. К. Хакимов работал в Бухаре в качестве зам. полпреда РСФСР при правительстве БНСР. В. В. Куйбышев очень высоко оценивал его как одного из преданных делу революции мусульманских работников... «Из работников мусульман,— писал В. В. Куйбышев,— он (Хакимов) был наиболее коммунистически выдержан и чужд националистических уклонов» (цит. по книге. А. З. Гайдалов, Ф. Х. Гумаров «Карим Хакимов», Уфа, 1960, стр. 57).

² ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 5, л. 3.

³ Там же.

самоотверженная борьба Российской Советской республики за освобождение Востока, не преследующая никаких личных выгод или интересов колониальной политики, направлена на освобождение всего Востока от векового колониального рабства европейского капитала и предоставление мелким народам Востока права самим определять свою судьбу»¹.

Союз Бухарской Народной Советской Республики с РСФСР укреплялся в борьбе с наследием эмирата, когда революционная Бухара крайне нуждалась в экономической, финансовой и хозяйственной, военно-политической помощи победившего пролетариата России для того, чтобы стать на ноги и укрепить свою независимость от покушений внутренних и внешних врагов молодой республики.

Великий русский народ, выполняя свой интернациональный долг, оказал БНСР огромную экономическую помощь. 30 октября 1920 г. состоялось расширенное заседание Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР с участием правительственной делегации БНСР во главе с М. Мансуровым. Делегация, руководствуясь инструкцией, утвержденной Всебухарским революционным Комитетом 22 октября 1920 г., заявила: «Бухарская Советская республика в военном, экономическом и финансовом отношениях будет следовать по одному пути с РСФСР»². В интересах укрепления военно-политической и экономической мощи БНСР делегация ходатайствовала перед правительством РСФСР:

— об охране силами РСФСР восточных границ республики, оказании содействия в организации, обучении и вооружении Бухарской национальной Красной Армии, путем откомандирования в распоряжение Назирата военных дел БНСР специалистов военного дела в качестве инструкторов и снабжения Бухарской Красной Армии военной техникой;

— о снабжении БНСР хлебом, мануфактурой, сахаром, чаем, хозяйственными и бытовыми товарами, взамен чего, на основе соблюдения правил товарообмена

¹ ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 5, л. 3.

² Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 7, л. 36/37.

доставить для текстильной промышленности РСФСР необходимое количество хлопка, шерсти и другие виды сырья;

— о постоянном снабжении республики материалами, техническими принадлежностями и специалистами для создания в Бухаре прядильных и ткацких фабрик, маслобойных, кожевенных, красильных и других заводов;

— о командировании в Бухару педагогического персонала из мусульман и инструкторов по устройству школьной сети, снабжении учебными пособиями, учебниками на узбекском, таджикском и туркменском языках в необходимом количестве, а также литературой по специальным вопросам и советскому строительству, научной литературой по всем отраслям знания и произведениями как русских, так и иностранных писателей-классиков в переводе на русский язык для организации народной библиотеки в Бухаре.

Турккомиссия всесторонне обсудила просьбу бухарской правительственной делегации об оказании военной помощи БНСР по ликвидации остатков эмирских банд в Восточной Бухаре, на заседании 30 октября 1920 г. приняла решение: «Фронт держать до Байсуна»¹. Бухарская делегация настаивала на полной ликвидации эмирских банд и очищении территории Восточной Бухары до наступления весны, так как «силы противника могут быть увеличены добровольцами из лагерей белогвардейцев, в таком случае борьба будет труднее»². 9 ноября 1920 г. Турккомиссия, вторично обсудив военный вопрос в Бухаре, согласилась с предложением бухарской делегации и предложила Реввоенсовету Туркфронта организовать «Гиссарскую военную экспедицию» для полного уничтожения остатков эмирских банд и присоединившихся к нему мятежников и оказания содействия революционному правительству БНСР в установлении Советской власти на всей территории Восточной Бухары.

4 октября 1920 г. Ревком обратился в Турккомиссию с просьбой оказать помощь в создании новометодных школ в республике в интересах «удовлетворения

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 5, л. 226.

² Там же.

проявляющихся умственных запросов населения»¹, откомандировать в распоряжение правительства БНСР по одному мусульманскому политработнику и по три преподавателя из числа знающих язык местного населения от всех городов Туркестанской АССР². Турккомиссия откликнулась на призыв революционной Бухары. Только из Самарканда было направлено 50 опытных работников различных специальностей. 18 декабря 1920 г. из Москвы в Бухару прибыла санитарная экспедиция во главе с доктором Шаринским. Ревком революционной Бухары выразил признательность правительству РСФСР за оказанную населению медицинскую помощь.

Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР, учитывая тяжелое экономическое положение Бухарской Народной Советской республики, выделила дополнительно к ранее отпущенным 550 миллионам рублей безвозвратную сумму в 450 миллионов, обеспечив доставку денег в Бухару в течение ноября 1920 г.

Для удовлетворения нужд населения БНСР были отпущены также 200 тысяч аршин мануфактуры, 50 тысяч пудов керосина, 25 тысяч пудов нефти, вагон посуды, 3 вагона леса, вагон спичек, 50 швейных машин, 10 пишущих машин, железо и железные изделия, медикаменты и другие товары³.

Вопрос о заводах и фабриках, находящихся на территории БНСР и принадлежащих РСФСР, обсуждался на заседании Турккомиссии 2 ноября 1920 г. и был решен в духе «Временного договора о бывших русских поселениях в Бухаре», то есть, все заводы и фабрики, принадлежащие РСФСР и находящиеся на территории БНСР безвозмездно передавались в собственность Бухарской республики. Этот акт советского правительства показал всему миру подлинно народный характер Советской власти, основанный на признании и уважении свободы и независимости малых народов.

7 ноября 1920 г. в честь трехлетия Великой Октябрьской социалистической революции в Бухаре состоялся двадцатитысячный митинг, на котором В. В. Куйбышев выступил с речью «О политике Советской власти на Во-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 2; также д. 10, л. 322.

² ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 145, л. 125.

³ ЦГАОР УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 5, л. 227.

стоке». Речь В. В. Куйбышева произвела огромное впечатление на участников митинга, «особенно в той части, где оратор от имени Российской Советской Социалистической Федеративной Республики, освободительницы угнетенных народов Востока, провозгласил полную независимость Бухарской Народной Советской Республики», — сообщала газета «Бухоро Ахбори» в передовой статье за 14 ноября 1920 г.

Участники митинга с большим политическим подъемом приняли телеграмму на имя В. И. Ленина, оглашенную председателем Всебухарского революционного Комитета Абдулкадиром Мухетдиновым. «Революционный бухарский народ, — говорилось в телеграмме, — сегодня услышал торжественное заявление Полномочного представителя правительства Советской России о признании полной независимости Бухарской Советской Республики и уничтожения всякого рода концессий. Торжественное заявление Российского полномочного представителя, высказанное в день годовщины Великого Октября, произвело огромное впечатление на манифестанцев, которые решили переименовать площадь «Регистан» в площадь «Независимости»¹.

Участники митинга с огромным воодушевлением приветствовали исторический акт, принятый Всебухарским революционным Комитетом о провозглашении 7 ноября национальным праздником свободы и независимости народов Бухары и установлении вечной дружбы с великим русским народом — народом-освободителем².

19 ноября 1920 г. из Ташкента в Москву выехала правительственная делегация БНСР в составе М. Мансурова (глава делегации), С. Мухамедова и Р. Абдуллабекова³, для заключения политического и экономического соглашения, привлечения из центральных городов РСФСР инженеров, техников, агрономов, врачей, учителей и других специалистов.

4 марта 1921 г. был подписан «Союзный договор» между РСФСР и БНСР, определивший основу военного и экономического сотрудничества трудящихся Бухары со своим старшим братом — великим русским народом.

¹ Письма трудящихся Туркестана В. И. Ленину, Изд-во «Узбекистан». Ташкент, 1964, стр. 94—95.

² «Бухоро Ахбори», 1920 г., 14 октября, № 7.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 49, оп. 1, д. 5, л. 1.

Как известно, Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая в России иго капитала, предоставила всем народам бывшей Российской империи право свободного самоопределения. Правительство РСФСР, руководствуясь этим принципом, безоговорочно признало «полную самостоятельность и независимость Бухарской Советской Республики, со всеми вытекающими из такого признания последствиями и на вечные времена отказывается от тех прав, которые были установлены в отношении Бухары российским царизмом»¹.

Союзный договор между РСФСР и Бухарской Народной Советской Республикой положил в основу экономической политики обеих государств следующие принципы:

а) согласование экономической политики и хозяйственного плана БНСР и РСФСР применительно к местным условиям Бухары;

б) установление и развитие торговых отношений на основе монополии внешней торговли и принципа товарообмена;

в) взаимное признание сторонами обоюдных прав на устройство разного рода промышленных, земледельческих, транспортных, горных и иных предприятий в пределах БНСР и РСФСР;

г) повседневная помощь РСФСР народу революционной Бухары в удовлетворении промышленных и хозяйственных нужд путем предоставления необходимых материалов, орудий производства, технических специалистов, а также безвозвратного денежного пособия².

В 1921 г. из РСФСР в Бухару были доставлены товары первой необходимости: мануфактуры около 1,5 миллиона аршин, спичек — около 2 миллионов коробок, горючего около 10 тысяч пудов и другие. С 11 октября 1920 г. до середины 1921 г. правительство РСФСР выдало БНСР безвозвратную денежную ссуду в сумме 4 миллиардов рублей, в дальнейшем эта помощь выражалась в 2 миллиардах рублей ежемесячно³.

¹ Союзный договор между РСФСР и Бухарской Народной Советской Республикой (официальный текст), издание НКВД, М., 1921, стр. 3.

² Союзный договор..., стр. 6.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 123, оп. 1, д. 28, л. 41.

Экономическая помощь со стороны русского народа трудящимся БНСР была осуществлена в годы, когда РСФСР сама ощущала острую нужду в товарах. В те тяжелые для России годы русский народ поделился со своими братьями куском хлеба, аршином ситца, коробкой спичек, куском мыла. Это было поистине братская помощь русского народа освобожденным народам Востока, в частности Бухары.

Установление дружественных отношений между РСФСР и БНСР, развитие экономических связей между обеими странами на началах товарообмена и усиление помощи русского народа трудящимся массам Бухары гарантировали им национальную независимость и обеспечили от посягательств внутренней контрреволюции и международного империализма.

Правительства РСФСР и БНСР в целях укрепления и развития дружбы и солидарности договорились:

«1. Не допускать на своей территории образования или пребывания правительства, организаций, группы или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против какой-либо из других советских республик или свержения ее правительства, а также не допускать на своей территории мобилизации или добровольной вербовки как своих граждан, так и граждан других государств в ряды армий, враждебных советским республикам.

2. Воспретить, приняв все меры недопущения, ввозить в пункты своей территории или провозить через них оружие, принадлежащее каким-либо организациям, борющимся прямо или косвенно против одной из советских республик, или предназначенного для них и могущее быть использованным ими для этой борьбы.

3. Для защиты независимости обеих советских республик от непрерывных покушений на самое их существование со стороны мировой буржуазии и ее агентов, обе договаривающиеся республики обязаны оказывать друг другу взаимную помощь»¹.

Для защиты завоеваний революции от посягательств внутренних и внешних врагов по просьбе правительства БНСР 2 декабря 1920 г. Реввоенсоветом Туркфронта

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами, вып. II, 1921 стр. 7—11.

была организована вооруженная экспедиция в Восточную Бухару, в которой приняли участие 2 тысячи красноармейцев разных национальностей. Начиная с 10 декабря 1920 г., экспедиция, ведя непрерывные бои, освободила Гузар, Шахрисабз, Китаб и Яккабаг от эмирских банд. 13 февраля 1921 г. красноармейские части разбили двухтысячную армию эмира под Байсуном, пройдя за двое суток 130 верст, освободили от басмачей Денау, Юрчи, Сары-Ассия, Сары-Джуй и Регар. 21 февраля 1921 г. советские войска заняли Душанбе и Гиссар, а в середине апреля 1921 г. освободили Куляб, Балджуан, Каратегин и Дарваз. Эмир, потерпев полное поражение, вынужден был перейти афганскую границу. Восточная Бухара была полностью освобождена от контрреволюционных банд. Советская власть установилась по всей территории БНСР¹.

О РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ БНСР

Революционно-демократическая диктатура народа, установленная в Бухаре на первом этапе развития революции, явилась величайшим завоеванием трудящихся масс. В. И. Ленин, характеризуя историю развития общества в XIX и начале XX вв., назвал три главные силы и соответственно этому три основных стадии революции, а именно: первая стадия — период борьбы за ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию, вторая стадия — завоевания республики, отвечающие интересам «народа», то есть крестьянства и мелкой буржуазии вообще и третья — социалистический переворот, осуществляемый пролетариатом².

Объективные условия Бухары — экономическая и культурная отсталость страны, крайняя малочисленность рабочего класса, преобладание мелкобуржуазных элементов как в городе, так и в деревне, делали невозможным социалистический переворот, требующий известного развития производительных сил на основе капитали-

¹ «Костры» (приложение к газете «Туркестанская правда»), № 3—4, 1923, стр. 25—27.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 231—232.

стической экономики и организованности рабочего класса на базе крупной фабрично-заводской промышленности.

В отличие от РСФСР, где государством руководил пролетариат, а Советская власть на деле означала власть рабоче-крестьянскую, в Бухаре установилось народно-демократическое государство, соответствующее социально-экономическим условиям страны.

Накануне революции население Бухарского ханства преимущественно состояло из крестьян (76%), ремесленников и мелких торговцев (19%), жестоко задавленных налоговым прессом эмирата. Подати и налоги достигали невероятных размеров. Облагались земли, хлеб, скот, водяные мельницы, рисовые толчи, клеверные поля, фруктовые сады и виноградники, пастбища, дом, очаг, товары, продаваемые на базарах и т. д.¹ Обездоленные крестьянские массы и городские ремесленники должны были кормить и не только себя и свои семьи, но и ненасытных помещиков, бесчисленных купцов и торгашей, удовлетворять чрезмерные аппетиты эмирских чиновников, которые, как голодные шакалы, во время урожая налетали на деревню. Поэтому в ликвидации налогового гнета были заинтересованы не только крестьяне и ремесленники, но и вся городская мелкая и средняя буржуазия. Поэтому, борясь за политическую свободу, народные массы Бухары боролись за землю, за отмену бесчисленных поборов.

Таким образом, Бухарская революция была направлена своим острием против феодальных устоев, могущих рухнуть благодаря осуществлению глубоких аграрных, налоговых и других демократических преобразований. Революция 1920 г. в Бухаре на первом этапе своего развития носила антифеодальный (против сословности и деспотического строя, крупного землевладения, крепостничества) и вместе с тем, антиимпериалистический характер. Победа Бухарской революции явилась сильным ударом по колониальной политике английского империализма и превратила Бухару из оплота реакции и контрреволюции в союзную с социалистической Россией

¹ См. В. Юдовский. Бухарская революция и ее задачи, «Три года Советской власти» (Сборник к 3-й годовщине Октябрьской революции в Туркестане), Ташкент, 1920, стр. 82.

Народную Советскую Республику, борющуюся против империализма.

В России задачу борьбы с остатками феодализма (монархией, сословностью, крупным землевладением, бесправным положением женщин, господством религии, угнетением национальностей) Октябрьская социалистическая революция решила в очень короткий срок (октябрь 1917 г.— октябрь 1918 г.), мимоходом, как «побочный продукт» социалистической революции. В Бухаре же, где господствовал феодально-патриархальный строй, решение задачи ликвидации средневековья, крепостничества, феодализма требовало значительного времени и организации масс, чем и вызвана была необходимость установления Народной Советской Республики как переходной формы к социалистической республике.

В. И. Ленин учил, что до тех пор, пока самостоятельным движением крестьян, при помощи и руководстве городского пролетариата, власть помещиков не будет действительно сломлена и окончательно уничтожена — до тех пор революция остается общекрестьянской и поэтому она не может выйти из рамок революционно-демократического переворота¹.

Бухарская революция 1920 г. была революцией общенациональной, народной, в ней приняли участие малочисленные рабочие, громадное большинство крестьян, ремесленники, прогрессивные элементы национальной буржуазии и интеллигенции, действовавшие под руководством Коммунистической партии при поддержке Советского правительства России.

Все эти социальные силы были объединены в единый фронт против эмирского феодально-деспотического строя. В этом проявился общенациональный характер революции и ее демократическое содержание, «поскольку без ряда переходов, переходных ступеней, сделать ее социалистической в отсталой стране нельзя»².

В. И. Ленин, определяя задачи, стоящие перед коммунистами слаборазвитых стран, к числу которых относился и Бухарский эмират, считал необходимым вести борьбу против духовенства и других реакционных, средневековых элементов, имеющих сильное влияние на темные

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 316.

² Там же.

и забитые народные массы, разоблачать антинародную природу панисламизма и пантюркизма, как реакционной доктрины, пытающейся соединить освободительное движение угнетенных народов против империализма, с укреплением позиции ханов, беков и мулл.

Коммунисты в этих странах должны были вести систематическую работу среди масс, поддерживать демократическое движение крестьян, направленное против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма, придавая этому движению наиболее революционный характер, опираясь на союз с западноевропейским пролетариатом. Как учил В. И. Ленин, коммунисты должны направить все усилия для того, чтобы **приложить основные начала советского строя** к странам с господством докапиталистических отношений путем создания «Советов трудящихся», «Народных Советов»¹.

Установление Народной (крестьянской) Советской Республики в Бухаре оказалось возможным благодаря социалистической революции в России. Народные (крестьянские) Советы могли возникнуть и существовать под эгидой диктатуры пролетариата — первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян в России.

Строй, утвердившийся в Бухаре после победы революции, не был социалистическим, в то же время он отличался и от порядков, существовавших в буржуазно-демократических республиках обычного типа. Великим завоеванием трудящихся масс Бухары явилось создание Советов. Хотя они носили общенародный, крестьянский характер, олицетворяли в себе революционно-демократическую диктатуру народа.

Бухарская Коммунистическая партия, которая руководила деятельностью революционно-демократического правительства, в силу крайней малочисленности пролетарской прослойки и преобладания в партии мелкобуржуазных элементов², не могла оказать должного

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 167.

² О социальном составе БКП в 1920 г. точных данных не сохранилось, за исключением Самаркандского отделения партии, в котором из 147 коммунистов — чернорабочих было 82 (55%), ткачей — 13, остальные — плотники, сапожники, повара, несколько учителей. Таким образом, около половины членов партии (45%) составляли

влияния на все сферы общественно-политической жизни страны. Она оказалась сильно засоренной чуждыми элементами после слияния младобухарской организации с БКП, происшедшего 11 сентября 1920 г.¹

В партию коммунистов, наряду с революционно-демократической интеллигенцией и городской беднотой, вошли и представители национальной буржуазии. Националистические элементы в карьеристских целях начали проникать в ряды Компартии, результатом чего явилось количественное увеличение членов БКП за счет ухудшения его состава. Из 14 тысяч коммунистов 9 тысяч были приняты в ряды Компартии после слияния с младобухарской организацией. При первой перерегистрации в партии остались лишь только 4000 человек. В Старой Бухаре из 10 тысяч членов партии было исключено 7400, большинство из них были примазавшимися элементами². Однако освобождение от таких горе-революционеров стоило Бухарской Коммунистической партии большого труда, самых тяжелых мук.

Центральный комитет, избранный на IV съезде БКП, куда входили Наджиб Хусаинов, Хасан Алиев, Х. Ибрагимов, Мирза Бахрам Ахмедов, Аваз Абдусаматов, Сабирджан Юсупов, Абдурашид Мирмукамилов, Алимджан

ремесленники, кустари, мелкая торговая буржуазия и прогрессивная часть интеллигенции (партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 725, оп. 1, д. 20, л. 12).

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 1, л. 2.

В газете «Бухоро Ахбори» объединение младобухарской партии с БКП датируется 14 сентября 1920 г. и объясняется признанием Центральным бюро партии «младобухарцев-революционеров», программы, тактики и стратегии Бухарской Коммунистической партии. В связи с объединением, в состав ЦК БКП были введены два члена бывшего Центрального бюро «младобухарцев-революционеров» (Файзулла Ходжаев и Кори Юлдаш Пулатов) («Бухоро Ахбори», № 2, 15 сентября 1920 г.).

9 ноября 1920 г. на заседании ЦК БКП был определен порядок приема бывших «младобухарцев» в члены Коммунистической партии. Для членов Центрального бюро «младобухарцев-революционеров» днем их вступления в ряды БКП считается 9 сентября 1920 г. Однако партстаж им зачислялся со дня нахождения их в партии «младобухарцев-революционеров», то есть с февраля 1920 г. Для остальных членов партии был установлен общий порядок приема в партию на основе заявления, с сохранением партстажа в зависимости от участия в революционной борьбе против эмирской власти.

² «Бухоро Ахбори», № 6, 8 декабря 1920 г.

Акчурин и другие, состоящий главным образом из татарских и персидских революционеров, требовал осуществления принципов социализма на основе применения к бухарской действительности «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Будучи увлеченными в своей практической деятельности революционными лозунгами, соответствующими условиям центральной России, председатель ЦК БКП Н. Хусаинов и поддерживавшие его меньшинство членов ЦК (А. Акчурин, Х. Алиев и Мирза Бахрам) стояли на позиции «углубления революции», то есть немедленного перехода от демократического этапа революции к социалистической стадии развития. Это было опасной политической линией для Бухары того периода, на которую толкали партию так называемые «старые революционеры», вставшие на путь «левого» коммунизма. Преждевременное осуществление социалистических мероприятий в Бухаре почти со средневековым укладом жизни, при почти полном отсутствии классового расслоения в деревне, при сохранившемся влиянии духовенства на трудящихся, могло привести к отрыву партии от основной массы крестьян, кустарей, средней и мелкой буржуазии и прогрессивной интеллигенции. Ясно, что партия не могла встать на такой опасный путь. Предложение «об углублении революции» не нашло поддержку большинства членов Центрального Комитета и широкого актива бухарских коммунистов. Против этого предложения с резкой критикой выступили руководители революционного правительства БНСР, что привело к разрыву между руководством ЦК БКП и правительством республики при определении общей политической линии партии на ближайший период развития революции¹.

Туркбюро Коминтерна, Турккомиссия (в том числе и В. В. Куйбышев), политработники поезда «Красный Восток» пришли к единому мнению, что поведение Н. Хусаинова не совместимо с пребыванием на посту председателя ЦК БКП².

6 октября 1920 г. ЦК БКП принял решение о сложении

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 1, л. 10.

² ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 25, л. 110.

нии своих полномочий¹. По предложению В. В. Куйбышева, отметившего заслуги избранного IV съездом ЦК БКП перед Бухарской революцией, учитывая огромные задачи, стоящие перед Коммунистической партией в деле осуществления демократических преобразований в БНСР, был сформирован Временный ЦК БКП, куда вошли: Асламходжа Умарходжаев, Муинджан Аминов, Мухтарджан Саиджанов, Абдурашид Мирмукамилов, Х. Ибрагимов, К. Хакимов, Сагдулла Турсунходжаев и А. Акчурин.

При организации Временного ЦК В. В. Куйбышев руководствовался следующими соображениями: 1) обеспечение преобладания в ЦК стойких коммунистов с тем, чтобы в случае необходимости «противопоставить демократическому правительству Бухары принципиальную коммунистическую позицию»², 2) приемлемый национальный состав (4 узбека, 1 туркмен, 1 иранец и 2 татарина) и 3) солидарность с линией Коминтерна, отстаивающей в Бухаре линию, связанную с осуществлением аграрных, налоговых и других демократических преобразований.

3 ноября 1920 г. на заседании Туркбюро Коминтерна, с участием В. В. Куйбышева, данный вопрос был подвергнут всестороннему анализу. Председатель Временного ЦК БКП Арсланходжа Умарходжаев выступил с докладом «О взаимоотношениях в партии бухарских коммунистов и ее политической линии». Туркбюро Коминтерна полностью одобрило решение уполномоченного Коминтерна в Бухаре В. В. Куйбышева от 14 октября 1920 г. о реорганизации ЦК БКП, утвердило состав Временного ЦК, определило политическую линию Бухарской Коммунистической партии на ближайший период времени, заключавшуюся в осуществлении на практике аграрной революции и подталкивании в этом направлении Революционного Комитета БНСР³.

¹ «Бухоро Ахбори», № 6, 7 ноября 1920 г. В решении ЦК БКП было зафиксировано: «Ввиду того, что настоящий ЦК начал свою работу при невероятно тяжелых условиях, в период свержения эмирской власти, ломки старых порядков и укрепления новых отношений и с теми колоссальными задачами, которые разворачиваются в стране не в состоянии справиться, а в текущей повседневной работе проявляет слабость, поэтому слагает с себя полномочия и просит назначить новый ЦК БКП», ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, л. 68.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 12, л. 67.

³ Там же, л. 114.

Одной из главных причин возникновения разногласия внутри ЦК БКП, избранного IV съездом, явилось, как отмечал В. В. Куйбышев, «отсутствие в ЦК правильного представления о характере Бухарской революции»¹.

26 ноября 1920 г. состоялось объединенное заседание ЦК БКП, Ревкома и Совета Народных Назиров, на котором В. В. Куйбышев выступил с докладом «О характере Бухарской революции». «Ввиду того, что Бухарская революция является явлением необычным в деятельности Коммунистического Интернационала и, что условия ее осуществления еще не изучены, они не имеют прообраза в истории,— говорил В. В. Куйбышев,— и потому являются весьма интересными не только для нас, работающих здесь в Бухаре, но и для всех работников Интернационала, ибо Бухарская революция является первой среди стран Востока, а по сему особенно важно с первых шагов ее не сделать ошибок, для чего необходимо изучить ход Бухарской революции, чтобы товарищи, которые будут работать на почве создания новых революций, имели перед собой уже известный опыт»².

Бухарскую революцию 1920 г. В. В. Куйбышев характеризовал как первую в мировой истории крестьянскую аграрную революцию, направленную своим острием против средневековой эксплуатации крестьян и освобождающей их от ужаснейшего налогового бремени³.

В тезисах, предложенных В. В. Куйбышевым, от имени Туркбюро Коминтерна, в обсуждении которых приняли участие Ф. Ходжаев, С. Айни, Арсланходжаев, Юсупов и другие, были высказаны мысли, глубоко раскрывающие социальную природу бухарской революции. Ввиду особой ценности, приведем их текст: «Бухарская революция,— отмечалось в тезисах,— создав власть по форме своей Советскую, не является все же в настоящий момент пролетарской революцией в полном значении этого слова. Как характер самой революции, так и содержание деятельности существующей власти, несмотря на преимущественное участие в органах государственной

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 368, л. 67.

² Там же, ф. 79, оп. 1, д. 192, л. 1.

³ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 368, л. 1.

власти коммунистов, носит буржуазно-демократический характер.

Содержание Бухарской революции, в первые ее моменты происходящей в стране с почти полным отсутствием промышленности, значительным наемным трудом только в меньшинстве хозяйственных отраслей, с преобладающим значением кустарной, с огромным значением торгового капитала, при незначительности промышленности, — содержанием ее и не может быть пролетарский переворот в полном смысле слова.

Основа движения — стремление торгового класса сбросить абсолютную деспотию, препятствующую дальнейшему развитию торговли и промышленности и стремлениям дехкан-земледельцев освободиться от гнета налогов, сковывающих и торговую жизнь страны и расширить свое землевладение за счет эмирских, бекских и иных помещичьих земель.

Первоначальное содержание революции, основные мотивы, движущие массы к действию — налоговое и аграрное. Это обуславливает характер революции, как революции буржуазно-демократической, конечно, полагая для данного момента и не с буквальной точностью этого определения»¹.

В заключении тезисов отмечалось, что ближайшей задачей Народной Советской власти в Бухаре является не обобществление производства и торговли, а доведение до конца демократических преобразований с тем, чтобы обеспечить возможность скорейшего перехода ко второму этапу революции, при сохранении на данном этапе свободы торговли и частной предпринимательской деятельности, отказавшись от мысли национализации торговли и промышленности, выдвигаемой «левыми» коммунистами.

26 декабря 1920 г. в связи с приездом в Бухару заместителя председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП Г. Сафарова, вопрос о Бухарской революции и тактике коммунистов подвергся повторному обсуждению на активе бухарских коммунистов. Г. Сафаров допустил ряд нетактичных выпадов по адресу ЦК БКП, революционно-демократического правительства и самой Бухарской Коммунистической партии,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 192, л. 7.

вызвавшие законный протест со стороны руководящих деятелей компартии и революционного правительства Бухары. Только под давлением актива бухарских коммунистов Г. Сафаров вынужден был признать «направленность Бухарской революции против феодально-крепостнического режима, господствовавшего вплоть до двадцатых годов XX в., и определить ее сущность как крестьянско-аграрной, или революцией трудящихся крестьян»¹.

После второй дискуссии «О характере Бухарской революции» было опубликовано открытое письмо Туркбюро Коминтерна «К коммунистам Бухары»². В письме подчеркивалось, что по вопросу об определении характера Бухарской революции среди коммунистов не существует единства взглядов. Одни полагали, что в Бухаре произошла «коммунистическая революция» и на этой основе готовы были «... одним махом провести передачу всего богатства страны в общественную собственность и организовать сразу обобществление производства и распределение без крупной промышленности».

Сторонниками такого взгляда на Бухарскую революцию являлась группа так называемых «левых» коммунистов во главе с Н. Хусаиновым и А. Акчуриным.

Была также и другая группа коммунистов, утверждавших, что в Бухаре произошла буржуазно-демократическая революция и на этом основании они были готовы признать и купца за коммуниста. Такого взгляда на Бухарскую революцию придерживалась группа «правых», во главе с Абдулкадиром Мухетдиновым.

Третья группа коммунистов — это трезвые люди, отдающие ясный отчет в происходящем. Они указывали, что в Бухаре основная масса населения состоит из мардикеров (наемных сельскохозяйственных рабочих), чайрикеро́в (издольщиков) и малоземельных дехкан, трудом которых создается все общественное богатство. Эта группа коммунистов требовала передачи земли крестьянам, «чтобы каждый труженик имел возможность жить, не будучи рабом чужого произвола и чужого кошелька». Такую линию поведения в ЦК БКП проводил

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 4, л. 2.

² «Известия ТуркЦИКа», 13 января 1921 г.

В. В. Куйбышев и за ним последовала так называемая группа «центра», возглавляемая Файзуллою Ходжаевым.

Туркбюро Коминтерна поддержало мнение последней группы коммунистов, определив революцию в Бухаре, как «крестьянскую революцию по преимуществу»¹ и призвало БКП поднять трудовое поработенное дехканство для осуществления основной цели революции — передачи земли дехканам, организации кишлачной бедноты, подмастерьев, машкабов (водоносов), арбакешей (извозчиков) и мардикеров (наемных сельхозрабочих).

«Открытое письмо» Туркбюро Коминтерна к бухарским коммунистам стало предметом специального обсуждения Пленума ЦК РКП(б), состоявшегося 26 января 1921 г. Пленум в целом одобрил политику Туркбюро ЦК РКП(б) и Туркбюро Коминтерна по отношению к Бухарской Коммунистической партии и революционному правительству БНСР. Что же касается обращения Туркбюро с «Открытым письмом» к БКП — нашел такой метод «руководства» молодой, еще не окрепшей братской партией, нуждающейся в повседневной практической помощи — недопустимым для представительных органов ЦК РКП(б) и Коминтерна. «Исправление ошибок и уклонов Бухарской Коммунистической партии должно производиться более осторожными и по существу более целесообразными методами. Действительное осуществление аграрной революции должно быть достигнуто без разрыва с нынешним правительством», — указывалось в телеграмме Секретариата ЦК РКП(б) от 26 января 1921 г.²

В телеграмме председателя ВЦИКа М. И. Калинина на имя председателя ревкома БНСР Абдулкадира Мухетдинова, полученной 26 января 1921 г., выражалась твердая уверенность в том, что при всемерной братской поддержке РСФСР «революционное правительство Бухары, спланивая вокруг себя трудящиеся массы, успешно выведет советскую Бухару из переживаемого положения»³.

Приведенные факты со всей убедительностью показывают, что революционно-демократическое содержание

¹ «Известия ТуркЦИКа», 13 января 1921 г.

² ЦГАОР СССР, ф. 1—с, д. 83, л. 10.

³ Там же, ф. 130, оп. 5, д. 742, л. 2.

деятельности правительства Бухары и политика Бухарской Коммунистической партии, направленные на осуществление аграрно-налоговой революции, поддерживалось ЦК РКП(б). И это соответствовало условиям Бухары, требовавших умения правильно применять основу коммунистической теории и тактики, когда надо решать задачу борьбы не против капитала, а против феодализма.

Эта линия ЦК БКП получила одобрение на I (V) съезде Бухарской Коммунистической партии, состоявшемся 23 февраля 1921 г. с участием 148 делегатов с правом решающего и 13 с совещательным голосом, в числе которых были 5 делегатов от профсоюзов, 25 от бухарской Красной Армии и 15 от комсомола.

В работе съезда участвовали представители Туркбюро Коминтерна в лице Асфандиярова и Ходи Файзи¹. Это был первый съезд БКП, созванный после установления Народной Советской власти в Бухаре. Съезд направил приветственные телеграммы в Коминтерн, ЦК РКП, Туркбюро Коминтерна и ЦК КПТ.

Обстановка внутри ЦК БКП и в правительстве БНСР к началу работы съезда была весьма сложной: партия раздиралась внутренней борьбой между группой «правых» (А. Мухетдинов), группой «левых» (А. Акчурин) и «центровиками» (Файзулла Ходжаев).

Съезд заслушал доклады о текущем моменте (Ходи Файзи); о вступлении БКП в III Коммунистический Интернационал (Асфандияров); о задачах БКП (А. Акчурин); о партийной организационной работе (Еникеев); отчет ЦК БКП и выборы руководящих органов партии².

Наиболее оживленную дискуссию вызвал доклад А. Акчурина «О задачах БКП». «Левые» коммунисты проявили особую активность. А. Акчурин подверг резкой критике деятельность Временного ЦК БКП, предъявив обвинение его руководителям С. Турсунходжаеву и Асланходжа Умарходжаеву в том, что они опираются на «бухарский рынок» (т. е. на купцов) и на «ташкентских эмигрантов», высланных из Туркестанской АССР как националисты (Миновар Кори, Кушбегиев и др.), вместо того, чтобы вовлечь в партию бедноту, практически приступить к развертыванию земельной реформы, создать

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 5, л. 25.

² «Бухоро Ахбори», № 26, 1 марта 1921 г.

и укреплять национальную Красную Армию, работать среди профсоюзов, союза дехкан и комсомола¹.

Другой представитель «левых» коммунистов Кличаде (делегат от комсомола) пытался доказать несвоевременность смены представителем Коминтерна в Бухаре В. В. Куйбышевым Центрального Комитета БКП, избранного на IV съезде партии, накануне Бухарской революции. Ходжи Хасан Ибрагимов заявил: «Большую услугу оказал господам Мансуровым, Мухетдиновым и Ходжаевым тов. Куйбышев, который по указанию бухарской буржуазии, от имени III-го Интернационала распустил ЦК БКП, состоящий исключительно из дехкан и рабочих»².

В защиту линии Коминтерна выступил полпред РСФСР в Бухаре К. Хакимов. Он подробно разъяснил съезду критическое положение, создавшееся в первые дни после революции в результате возникновения разногласий между руководством ЦК БКП и революционным правительством. К. Хакимов особо подчеркнул, что «самый предварительный анализ экономических отношений привел нас к выводу, что к Советской власти надо привлекать все честные элементы в Бухаре, а не только коммунистов. Это заставило нас социологически квалифицировать Бухарскую революцию не как коммунистическую (пролетарскую), а как буржуазно-демократическую и отмежеваться от социалистических реформ на первых порах»³.

Говоря о руководящей роли партии, оратор констатировал тот бесспорный факт, что государством управляли не буржуазные классы, как это пытались доказать «левые», а напротив, коммунисты, которые находились во главе всех советских учреждений, однако они должны были проводить демократическую линию.

Съезд не разделил точку зрения «левых» коммунистов, признал правильной линию БКП, определенную В. В. Куйбышевым и одобренную Туркбюро Коминтерна⁴.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 368, л. 5—6.

² Архив Коминтерна, ф. 12а, оп. 4, д. 26, л. 7.

³ Там же.

⁴ В связи с заявлением, сделанным «левыми» коммунистами на I (V) съезде Бухарской Коммунистической партии, В. В. Куйбышев.

Съезд принял резолюцию «О задачах ЦК БКП» и обращение в ИККИ о принятии Бухарской Коммунистической партии в III Коммунистический Интернационал. Резолюция съезда гласила: «Осуществляя все основные

28 апреля 1921 г. дал ЦК РКП(б) разъяснение по этому вопросу. Ввиду исключительной важности, приведем текст этого документа. Он гласит: «Мотивами, которыми руководствовалось бюро Коминтерна при признании необходимости смены состава ЦК БКП, были приблизительно следующие:

1. Неработоспособность данного состава ЦК и неспособность справиться с выставленными революцией задачами (это обстоятельство, между прочим, признано и самим ЦК БКП в его постановлении о самороспуске).

2. Отсутствие у ЦК правильного представления о характере Бухарской революции, происшедшей в стране с патриархально-феодальными отношениями при почти полном отсутствии городского пролетариата.

Мой взгляд на Бухарскую революцию, разделявшийся как будто бы даже в деталях бюро Коминтерна в Ташкенте, следующий: Бухара до последнего времени была страной феодализма, не создавшая даже государства буржуазного типа (государственный аппарат отсутствовал, страна отдавалась на откуп бекам-управителям). Зачатки капиталистических отношений всячески изничтожались деспотическим правительством, что ставило в оппозицию к правительству представителей торговой буржуазии. В бухарских условиях эта борьба выливалась в жестокие формы (казни, конфискация имущества, изгнание из страны и т. д.). Идеологическим содержанием борьбы оппозиционного класса торговцев было: некоторое уменьшение прав эмира и его вассальных беков, развитие грамотности (нового метода преподавания) и т. д. Представители буржуазии, эмигрировавшие от преследования деспота в Россию, приобретали несколько более революционную идеологию, а после Октябрьской революции некоторые из этих эмигрантов, в особенности молодежь, стала внешне усваивать коммунистическую веру (Мухетдиновы, Ходжаевы и др.). Эмигранты, среди которых представителей бедноты было очень незначительное количество, и явились естественным штабом революции.

Революцию в Бухаре нужно считать аграрно-налоговой. Объективные ее задачи: это уничтожение средневековой эксплуатации крестьян и освобождение от ужасающего налогового бремени, взимаемого с населения бесчисленной свитой беков, их родственников и ставленников. В условиях доимпериалистической войны это была бы типичная буржуазная революция, делаемая крестьянами и ремесленниками и руководимая представителями торговой и промышленной буржуазии, в этом случае результатом ее было бы установление буржуазного государства. То обстоятельство, что революция в Бухаре произошла после империалистической войны, изнуравшей и колониальные страны, в обстановке борьбы всех колониальных стран с мировым империализмом, как национальным угнетателем, и, наконец, в соседстве со страной, где пролетариат взял власть в свои руки — создало объективную возможность перешагнуть через буржуазное государство и создать государство Советского типа.

принципы Коммунистической партии и став на путь дальнейшего углубления революции в Бухаре и на всем Востоке, съезд постановляет войти в состав III-го Коммунистического Интернационала»¹.

Съезд избрал делегацию в ИККИ, куда вошли Файзулла Ходжаев, Садык Мухамадиев, Хасан Ибрагимов и Анна Гельды. 28 марта 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б),

Съезд народов Востока, проходивший в г. Баку и руководимый исключительно представителями исполкома Коминтерна, в своих резолюциях признал объективную неизбежность борьбы трудящихся масс остальных стран Востока именно за такое государство Советского типа, за республику крестьянских Советов.

Выражением этой правильно учтенной тенденции и было то обстоятельство, что представители бухарской буржуазии в революции выступили с дезорганизованной классовой идеологией и некоторые из них усвоили даже чуждую им идеологию коммунизма. Никто, конечно, не обманывался, что в конце концов буржуазная сущность этой группы выявится в процессе революции, но во время ее первых шагов необходимо было использовать этого естественного противника феодализма. Крестьяне и ремесленные массы в Бухаре не выделили и не могли выделить достаточно элементов для строительства новой жизни. Мне представляется, что первые шаги Бухарской Советской республики вполне оправдали правильность этой тактики использования буржуазии. Уничтожение деспотии эмира, вооруженная борьба с ним, революционная расправа с крупнейшими его сановниками (среди них премьер-министр эмира и кази-калон — духовный владыка), декретирование передачи земель в руки крестьян, отмена налогов, построение некоторого государственного аппарата, противопоставление БНСР как государства мировому империализму и, наконец, союз с Советской Россией — вот те результаты этого периода Бухарской революции, отрицать революционно-творческое значение которых, конечно, совершенно невозможно.

Старый состав ЦК БКП не понимал объективной неизбежности использования представителей бухарской буржуазии и не умел противопоставлять какую-нибудь другую платформу деятельности, он занимался исключительно личной борьбой, принимавшей характер интриг, подкапывания и срывания той положительной работы, которая совершалась бухарским правительством. Среди членов ЦК особенно неистовым в этом отношении был Н. Хусаинов. Перед Коммунистической партией Бухары, которая все время имела полную возможность диктовать правительству и руководить им (хотя бы потому, что все члены Бухревкома, несмотря на свое буржуазное происхождение, являются членами Коммунистической партии) стояли колоссальные задачи по вовлечению широких масс крестьян в революцию, но проведение на деле аграрной революции в кишлаках по сплочению рассеянных и неорганизованных масс ремесленников и рабочих по подготовке условий для фактического создания крестьянских Советов и т. д. Все эти задачи не только не выполнялись, но даже не были поставлены старым ЦК (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 368, л. 66—67).

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, д. 55037, пап. 328, л. 81.

рассмотрев ходатайство делегации о вхождении Бухарской Коммунистической партии в состав Коминтерна, рекомендовало ИККИ установить непосредственную связь с ЦК БКП¹.

4 апреля 1921 г. на заседании ИККИ всестороннему обсуждению подвергся вопрос о вхождении БКП в III Коммунистический Интернационал, на котором глава делегации Файзулла Ходжаев заявил: «Под влиянием Октябрьской революции в Бухаре образовалась большевистская организация. Вполне ясно, что там (т. е. в Бухаре — А. И.) нельзя осуществить политику, опирающуюся на пролетарский элемент, наша политика должна опираться на крестьянство. Реформы (проведенные в Бухаре после революции) выражались в том, что крестьяне были освобождены от налогов, которые они раньше платили эмиру. Центр тяжести нашей работы лежит в культурной области»².

Исходя из того, что Бухарская Коммунистическая партия еще не выработала свою программу, состояла исключительно из непролетарских элементов и преследовала цель культурного просвещения народа из-за сильного влияния мулл на фанатическое население, ИККИ признал возможным принять БКП в состав Коминтерна как сочувствующую организацию³.

27 апреля 1921 г. на Пленуме ЦК БКП Файзулла Ходжаев информировал актив бухарских коммунистов о состоявшемся решении ИККИ. Пленум создал комиссию по выработке программы БКП для доклада ее предстоящему конгрессу Коминтерна и поручил этой же комиссии составить докладную записку ИККИ о своеобразных формах проявления коммунистического движения в Бухаре, а также о характере государственной власти Бухарской Народной Советской Республики — как государства не буржуазно-республиканского, а народно-демократического типа⁴.

Принятие БКП в состав Коминтерна, как сочувствующей, указывало на то, что партии предстояла еще

¹ Архив 2 сектора общего отдела ЦК КПСС, оп. 1, д. 144, л. 4.

² Архив Коминтерна, ф. 21, оп. 1, д. 28, л. 27.

³ Там же, л. 28.

⁴ «Бухоро Ахбори», № 34, 1 мая 1921 г.

колоссальная работа по ее оздоровлению, укреплению и настойчивости в переходе от задач демократической революции к претворению в жизнь известных «21 условий» Коминтерна.

I съезд БКП определил правильную линию, провозгласив Бухарскую Коммунистическую партию руководящей и направляющей силой общества, которая принимает в свои ряды исключительно бедняков, дехкан, ремесленников и рабочих, объединяя их под Красное знамя Коммунистического Интернационала. Для широкого вовлечения трудящихся масс в строительство новой жизни съезд обязал ЦК БКП организовать и руководить деятельностью профсоюзов, союза дехкан и комитета революционной молодежи, оживить работу местных Советов, политически просвещать крестьян путем организации лекций и бесед, а также созыва беспартийных конференций и совещаний по вопросам экономического и культурного строительства¹.

Учитывая исключительную важность земельного вопроса в условиях Бухары, где громадное большинство населения состояло из безземельных и малоземельных крестьян, съезд одобрил декрет Всебухарского ревкома от 2 февраля 1921 г., согласно которому все земли, воды, леса и природные богатства, в чем бы пользовании они ни находились объявлялись общенародным достоянием².

Декрет «О земле» отменил все ранее существовавшие при эмирском режиме налоги, объявил о роспуске всех чиновников бывшей финансовой администрации. Изданием декрета «О земле» законодательно закреплялась ликвидация феодальной (эмирской и бекской) земельной собственности и связанных с ней крепостнических форм эксплуатации трудящихся крестьян.

В постановлении I съезда особо указывалось, что землей в первую очередь обеспечиваются те, кто больше всех страдал от эксплуатации со стороны землевладельческой и торговой аристократии и мусульманского духовенства — батраки, мардикеры, чайрикеры. Для проведения в жизнь земельной реформы съезд признавал

¹ «Бухоро Ахбори», № 27, 13 марта 1921 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 5.

необходимым организовать земельные комитеты на местах, считая это основной задачей — «Союза дехкан»¹.

В соответствии с декретом «О земле» была проведена конфискация эмирских и бекских земель в районе Старой Бухары в количестве 4000 танапов (1000 десятин) и уездах Бухарского вилаята до 1000 танапов (250 десятин), которые были розданы безземельным дехканам (от 5 до 25 танапов на каждого), в зависимости от степени орошения распределяемых участков. В Чарджоуском вилаеате было конфисковано 5000 танапов (1250 десятин), из которых 3000 танапов были распределены между крестьянами².

Конфискация эмирских и бекских земель в районах Западной Бухары усилила аграрное движение и послужила стимулом для дальнейшего развития революции. Однако земельная реформа не получила дальнейшего распространения и крестьянские съезды, призванные играть решающую роль в осуществлении аграрной революции, были созваны лишь только в Бухаре и Чарджоу, — перед съездом партии в январе 1921 г.³

Важную роль в экономике страны играли вакуфы. По официальным данным на 1 августа 1921 г. в Бухаре было зарегистрировано 200 вакуфных учреждений, принадлежащих 208 мечетям и 215 медресе. Вакуфные имения состояли из 3000 танапов (750 десятин) земель, 57 сараев, 1414 лавок, 23 базарных мест, 10 бань, 18 мельниц и 133 жилых домов, с которых поступало до 1 миллиона рублей ежегодного дохода. Крестьяне, обрабатывающие вакуфные земли, были освобождены от поземельного

¹ «Союз дехкан» был организован в Бухаре 29 декабря 1920 г. в составе Всебухарского Центрального Совета профсоюзов, а 17 июля 1921 г. выделился в самостоятельный союз, объединяя вокруг себя до 9 тыс. крестьян. Местные органы «Союза дехкан» имелись в Гиждуванском, Вабкентском и Бухарском вилаятах. «Положение о «Союзе дехкан» признавало его общественной организацией бедняцких, крестьянских масс и середняков, созданной для объединения трудящихся деревни во имя осознания своих классовых задач и укрепления смычки с городскими кустарями и чернорабочими для достижения общей цели — освобождения труда от эксплуатации феодалов, купцов, ростовщиков и т. п. паразитических элементов. (ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 94—99).

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 14—18.

³ Там же. л. 24.

налога «ушра» и освобождались от произвола их прежних властителей (мутавали) и духовных феодалов всех категорий.

I съезд Бухарской Коммунистической партии провозгласил равноправие всех национальностей, проживающих в пределах БНСР, объявив всех, кто разжигает национальную вражду между узбеками и туркменами, таджиками и казахами, контрреволюционерами, предателями интересов революции. Для развития и укрепления братского сотрудничества между трудящимися массами всех национальностей съезд поручил ревкому создать национальные отделы при правительстве.

На съезде также был обсужден вопрос о раскрепощении женщин, равноправии их с мужчинами. Съезд поручил ЦК БКП неуклонно осуществлять решения съезда путем организации курсов по ликвидации неграмотности среди женщин, создания специальных мастерских и артелей кустарного производства и постепенного вовлечения женщин в дело управления государством. В этих целях съезд обязал ЦК БКП приступить к созданию женотделов во всех вилаятах, туменских и городских организаций партии. В качестве первоочередной задачи коммунистов съезд выдвинул борьбу против многоженства, выдачи замуж несовершеннолетних девушек и взимания калыма (выкупа) и т. д.

Съезд избрал новый состав ЦК БКП¹, куда не вошел ни один из «левых» коммунистов. Секретарем ЦК БКП был избран Сагдулла Турсунходжаев. После I съезда БКП «левые» коммунисты совершенно обособились от ЦК БКП, организовали свой нелегальный центр в Бухаре (А. Акчурин, Мирза Гулям, Хасан Алиев) и отделения в Чарджоу, Керки и Термезе.

«Левые» коммунисты были самой малочисленной группой, не имевшей социальной опоры среди трудящихся. Они насчитывали в своих рядах не более 60 членов, из которых 30 в Старой Бухаре, 14 — в Чарджоу, 10 — в Керки, 6 — в Термезе.

¹ В состав ЦК БКП были избраны Файзулла Ходжаев, А. Арифов, Мухтарджан Саиджанов, Ходжи-Хасан Ибрагимов, Касым Кариев, Муинджан Аминов, С. Турсунходжаев, Мир-Мухсин, Анна Гельды Аманов, Абдурашид Мукамилов, Атаходжа Пулатходжаев.

12 апреля 1921 г. решением Политбюро ЦК РКП(б) полпредом РСФСР при правительстве БНСР был назначен известный дипломат К. К. Юреньев; прибыв в Бухару, он от имени правительства РСФСР и ЦК РКП(б) заявил об отклонении взятого «левыми» курса и указал на то обстоятельство, что «враги РСФСР распространяют о ней клевету, будто бы главной целью ее политики на Востоке является насаждение коммунизма»¹. «Левым» коммунистам было разъяснено, что Коммунистическая партия твердо стоит на той позиции, что социализм нельзя декретировать сверху, нельзя перескакивать через демократический этап революции, провозглашать мероприятия, к осуществлению которых еще не созданы необходимые социально-экономические условия. В связи с отношением РСФСР к «левым» коммунистам, последние отказались от взятого ими курса и заявили полпреду РСФСР в Бухаре, что соглашаются с тем, что в настоящее время в Бухаре еще нет социально-экономической базы для социалистической революции.

Важным этапом в развитии революции в Бухаре явился II съезд БКП, проходивший с 15 по 20 декабря 1921 г. с участием 160 делегатов от всех партийных организаций республики. Так как «левые» потерпели поражение еще на I съезде, а «правым» был нанесен сильный удар на II курултае Советов БНСР, абсолютное большинство участников съезда принадлежало группе «центра», которая была представлена 125 делегатами².

II съезд БКП широко обсудил «21 условие» Коминтерна и с большим воодушевлением принял решение о вступлении БКП в III Коммунистический Интернационал.

В телеграмме на имя В. И. Ленина съезд заверил великого вождя: «Бухарская Коммунистическая партия твердо верит, что под великим знаменем III-го Коммунистического Интернационала, зажегшим великий пожар мировой революции, она сумеет искры этого пожара перенести на Восток»³.

¹ АВП СССР, ф. 4, оп. 1, д. 55044, пап. 328, л. 5.

² «Жизнь национальностей», № 6/135, 1922 г.

³ Письма трудящихся Туркестана В. И. Ленину, Изд-во «Узбекистан», Ташкент, 1964, стр. 121.

Центральным вопросом съезда, подвергшимся все-стороннему обсуждению в течение четырех дней, был вопрос о программе БКП, разработанной Комиссией ЦК под председательством Файзуллы Ходжаева, в соответствии с решением I съезда БКП.

Программа БКП была составлена на основе программы РКП(б), но в ней учитывались местные особенности развития Бухарской Народной Советской Республики. Программа БКП, принятая съездом, состояла из 9 разделов, каждый из которых был посвящен одному из важных вопросов партийной и государственной жизни республики.

В вводной части программы БКП давался анализ классового состава партии и задач, стоящих перед ней в ближайший период времени. Программа БКП признавала партию политической организацией рабочих и беднейших крестьян, стремившихся «уничтожить власть угнетателей трудящихся, освободить труд из когтей капитала и на развалинах строя, основанного на порабощении человека человеком, создать царство труда и коммунизма» (ст. I).

Программа объясняла своеобразие условий работы коммунистов в Бухаре, вытекающее из скачкообразного развития страны и перехода от феодально-патриархальных форм хозяйства к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Статья 3 программы гласила: «Осуществление власти трудящихся во всем ее объеме встречает в ряде стран Востока, в том числе и в Бухаре, непосредственное препятствие со стороны некоторых отсталых социальных групп, а поэтому Советская власть в таких странах не носит чисто классовый характер, являясь собой своеобразно-переходной формой от власти буржуазии к власти трудящихся».

В области советского строительства программа БКП ставила перед собой задачу повсеместной организации и укрепления Советов народных (крестьянских) депутатов, являющихся политической основой, государственной формой революционно-демократической диктатуры народа в условиях Бухары.

В области национальных взаимоотношений программа БКП отстаивала равноправие всех народов и наций, проживавших на территории БНСР, недопущение деления на господствующие и подчиненные нации, предостав-

ление всем нациям одинакового права во всех областях: политической, экономической и культурной жизни. Программа БКП признавала за всеми нациями право свободного пользования родным языком в преподавании в школах и ведение дел на языке коренных народностей во всех государственных и общественных организациях республики.

В области экономической политики программа БКП, исходя из конкретных исторических условий Бухары, не ставила перед партией задачу экспроприации экспроприаторов. Она не выдвигала как первоочередную проблему национализацию заводов и фабрик. Исходя из интересов развития производительных сил страны, программа БКП поощряла развитие частнохозяйственной инициативы как в области промышленности, так и в сфере торговли, объявляя монополию внешней торговли.

Это положение программы БКП станет ясным, если учесть, что в Бухаре не было крупных промышленных предприятий капиталистического типа, за исключением нескольких хлопкоочистительных, маслобойных и кирпичных заводов по первичной обработке сырья, которые пришли в негодность за годы эмирской реакции и начавшейся после революции 1920 г. гражданской войны. Перед Бухарской Коммунистической партией стояла задача использовать материальные ресурсы страны и средства, которыми располагали отдельные купцы-предприниматели, в интересах развития экономики республики путем организации частнокапиталистических торговых и промышленных товариществ и компаний, отдавая предпочтение развитию смешанных обществ, товариществ и компаний с участием государственного капитала.

Таким образом, программа Бухарской Коммунистической партии отражала ближайшие задачи, стоящие перед партией и народом в переходный период, который переживала страна.

Вопрос о бухарском правительстве, создании подлинно народного органа власти, отстранении от руководства государством представителей национальной буржуазии был поднят в связи с дальнейшим развитием революции, наступившим после изгнания эмира из пределов Восточной Бухары в феврале 1921 г. На очереди стали задачи осуществления глубоких демократических преобразований

в социально-экономической и политической жизни страны. Интересы трудящихся неизбежно приходили в столкновение с интересами эксплуататоров, с интересами тех, кто хотел бы увековечить привилегии капиталистов.

Таким образом, с нарастанием классовых противоречий внутри страны, национальная буржуазия начала проявлять склонность к соглашательству с внутренней и внешней реакцией. Вот почему Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР в своем решении от 16 февраля 1921 г., оценивая деятельность правительства БНСР, предупредила, что среди руководящих деятелей страны есть отдельные буржуазные националисты, стремящиеся направить республику по капиталистическому пути развития.

Проводником такой политики в правительстве БНСР явились так называемые «правые», возглавляемые председателем Ревкома А. Мухетдиновым. Политическую физиономию «правых» отчетливо отражает «Инструкция» по выборам на II съезд Советов, разосланная летом 1921 г. во все вилайетские (областные) ревкомы.

Приведем выдержки из инструкции:

§ 14. «Будем в работе едиными за веру, отечество и нацию и будем искренне трудиться и бог даст победу».

§ 15. «Требуем национальной независимости в иностранных, экономических и военных делах, требуем от государства бережливого отношения к народной копейке, охранять семейную честь, уважать основу нашей религии, сохранять собственность наших граждан и блюсти личную безопасность»¹.

В «Инструкции», автором которой был А. Мухетдинов, отчетливо обнаруживается буржуазно-националистический характер политической платформы «правой» группы внутри правительства БНСР.

Группа «центра», представляемая Файзуллой Ходжаевым, была наиболее демократической и преданной социалистической России. «Силы группы — в активности ее членов, в том, что почти все сколько-нибудь демократические, прогрессивные и способные к государственной работе элементы Бухары, объединились в ней и вокруг

¹ «Бухоро Ахбори», № 50, 25 сентября 1921 г.

нее»¹, — сообщал НКВД полпред РСФСР К. К. Юреньев в записке от 16 ноября 1921 г.

«Самая сильная группа, — писал В. И. Ленину член Турккомиссии Я. Х. Петерс 21 марта 1921 г., — имеющая, безусловно, довольно широкие корни в массе, это группа Файзуллы Ходжаева. Она пытается подхватить лозунги дехканства и организовать их. Сам Файзулла Ходжаев, хотя из богатой купеческой семьи, но благодаря долгому пребыванию в России и тесной связи с революцией в Бухаре, стал настоящим вождем революции. Является более честным и чистым, чем остальные.

Единственная живая, способная, имеющая право говорить от имени более менее широких масс — это файзуллаходжаевская группа и ее во что бы то ни стало должны поставить против Энвер-Паши. Файзулла Ходжаев самый крупный авторитет, с ним мы должны считаться и договориться с ним не трудно. У него отсутствуют стремления к богатству через революцию, он доволен своим положением вождя и всецело ориентируется на Советскую Россию»².

Что же касается группы Мухетдинова, по словам Петерса, она собирала вокруг себя крупный торговый класс и совершенно не имела связей с массами, тяготея больше к Афганистану и Турции, чем к Советской России³.

Этого взгляда придерживался и уполномоченный ЦК РКП(б) А. А. Иоффе. В докладной записке, направленной В. И. Ленину 16 ноября 1921 г. «О Бухарской Народной Советской Республике», он писал, что наличие двух борющихся между собой за политическое господство групп в Бухаре объясняется экономическими условиями страны.

Средняя и мелкая буржуазия, входящая в группу «центра», во главе которого стоял Файзулла Ходжаев, по сообщению А. А. Иоффе, была тесно связана с внутренним рынком и заинтересована в развитии товарообмена с Советской Россией. Поэтому мелкобуржуазные слои, прежде всего крестьянство и ремесленники, возглавляемые Файзуллой Ходжаевым, стояли за укрепление и развитие дружественных отношений, торговых и культурных связей с Советской Россией, признавали РСФСР

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 122, л. 15—16.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 369, л. 5—6.

³ Там же.

оплотом независимого существования БНСР. В то же время крупная буржуазия, возглавляемая А. Мухетдиновым, была заинтересована в товарообмене с заграницей, поэтому она выступала против монополии внешней торговли и враждебно относилась к Советской России, группировала вокруг себя мракобесов, реакционеров, панисламистов. Тем самым она выступала как буржуазно-националистическая группа, ориентирующаяся на исламский Восток (Афганистан и Турцию).

Отдельные руководящие деятели правительства БНСР, входящие в группу «правых», ратовали за самостоятельное выступление БНСР на международной арене, культивировали в Бухаре панисламистскую идеологию, проявляли открыто враждебное отношение к РСФСР, Красной Армии, требовали прекращения деятельности революционных организаций индусов, персов, турок, кашгар, работавших в Бухаре под руководством Туркбюро Коминтерна. Националистические круги в правительстве требовали вывода из Бухары красноармейских частей, отстаивавших суверенитет БНСР от внутренних и внешних врагов, они требовали также удаления русских и татарских коммунистов, приехавших из Туркестана для оказания практической помощи в хозяйственном, культурном и государственном строительстве; националистические группы проводили шовинистическую политику по отношению к национальным меньшинствам — таджикам, туркменам и другим. «Помимо второстепенных случаев, я обнаружил в трех важнейших вопросах безусловное руководство извне политикой Бухарского правительства и добился у Мухетдинова и Мансурова признания факта давления и руководства в этих вопросах со стороны афганского посла. Перечисляю их: вопрос о выводе русских войск; политика в отношении туркмен и тактика вытряхивания из Бухары всех сложившихся там баз международной пропаганды», — писал уполномоченный НКВД по Средней Азии Гопнер 10 апреля 1921 г.¹

В 1921 г. в Бухаре находилось около 20 тысяч бойцов Красной Армии, боровшихся с басмачами в Западной так и в Восточной Бухаре. Бухарская Красная Армия создавалась по образцу народной милиции и ее числен-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1. д. 71а, л. 73.

ность достигла 10 тысяч человек. Милиция имела отдельный штаб, не подчиняющийся штабу Туркфронта¹. Будучи воспитанной в панисламистском духе, бухарская милиция находилась под влиянием турецких офицеров и враждебно относилась к Красной Армии.

6 апреля 1921 г. в Старой Бухаре состоялось специальное совещание с участием уполномоченного НКВД РСФСР по Средней Азии Гопнера, полпреда РСФСР в Бухаре К. Хакимова, Назира иностранных дел Хашима Шейка, зам. председателя Совета Народных Назиров и военного Назира А. Арифова, Назира торговли и промышленности Мирза Мухитдина Мансурова, а также представителей ТуркЦИКа, Туркбюро Коминтерна и Туркбюро ЦК РКП(б).

На совещании, наряду с вопросами экономического характера (торговли, финансов и др.), был рассмотрен также военный вопрос.

Военный Назир, впоследствии изменник Родины, Абдулхамид Арифов заявил, что «русская Красная Армия, которая в настоящее время переходит на трудовой фронт, если переправится в Россию, принесет больше выгоды, чем она останется в Бухаре»², Назир иностранных дел — ярый буржуазный националист-пантюркист Хашим Шейк — нагло утверждал, что «нахождение Красной Армии в Бухаре правительство БНСР считает излишним»³. На основании заявлений, сделанных официальными представителями правительства БНСР, совещание приняло решение: «Изъявляем согласие на уход русских войск, но просим для защиты страны оставить необходимую часть»⁴.

Председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР Я. Э. Рудзутак приехал в Бухару 29 апреля 1921 г. для участия на объединенном заседании Всебухарского Ревкома, Совета Народных Назиров, Исполбюро ЦК БКП; на этом Совещании приняли участие также член комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана Я. Х. Петерс, полпред РСФСР в БНСР Диманштейн и народные Назир БНСР по иностранным делам, земледелия и торговли.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 73.

² АВП СССР, ф. 4, оп. 1, пап. 328, д. 55044, л. 48—54.

³ Там же.

⁴ Там же.

Были подвергнуты обсуждению важные вопросы военного и экономического характера, к числу которых относились вопрос о количестве войсковых частей Красной Армии РСФСР, находящихся на территории БНСР, и снабжении их всеми видами довольствия, о товарообмене между РСФСР и БНСР, об оказании помощи крестьянам Бухары в целях расширения посевных площадей хлопка и другие.

Для оказания экономической помощи БНСР в общий план снабжения было включено снабжение Бухарской республики денежными знаками, товарами наравне с Туркестанской АССР, взамен чего РСФСР в порядке товарообмена получала хлопок, шерсть, каракуль, из России направлялись в Бухару предметы широкого народного потребления — мануфактура, сахар, чай, железо и железные изделия, посуда и фарфоровые изделия, лес и лесоматериалы и т. п.

О пребывании частей Красной Армии в БНСР было принято следующее решение: «Имея в виду, что присутствие и расквартирование войсковых частей Красной Армии РСФСР на территории Бухарской республики объясняется исключительной необходимостью поддержания революционного порядка в стране и защиты ее интересов от разного рода выступлений извне, признать снабжение войсковых частей Красной Армии РСФСР всеми видами продовольствия, лежащее на обязанности Бухарской республики.

Признать возможным постепенное сокращение находящихся на территории Бухарской республики красноармейских частей по мере окончательной ликвидации остатков эмирских банд и создание гарантии их обратного переноса на территорию Бухарской республики»¹.

Из приведенного документа со всей очевидностью выступает освободительная миссия Красной Армии в Бухаре и клеветнический характер той кампании, которую проводили агенты международного империализма.

3 сентября 1921 г. было созвано заседание Совета Народных Назиров с участием полпреда РСФСР в Бухаре К. К. Юреньева, представителей Реввоенсовета Туркфронта и Наркомата внешней торговли РСФСР. Обсуждался вопрос, связанный с регулированием вза-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, д. 82, л. 4.

имоотношений между Назиратом военных дел БНСР и Реввоенсоветом Туркфронта.

На совещании было достигнуто следующее согласованное решение:

1. Все военные части республики, временно действующие против басмачества, передаются в оперативное подчинение Реввоенсовету Туркфронта. Военному назиру БНСР было предложено согласовать с Туркфронтом порядок передачи десятитысячной бухарской милиции в распоряжение 13 стрелкового корпуса и выработать совместно с командованием корпуса единый план военных действий против басмачей.

2. Было решено создать комиссию из представителей заинтересованных органов по снабжению войсковых частей РСФСР и БНСР, изыскать средства для уплаты населению за продовольствие и фураж и разработать мероприятия по дальнейшему снабжению частей Красной Армии, действующих на басмаческом фронте.

3. В связи с переживаемым БНСР финансовым и экономическим кризисом было решено просить Турккомиссию и Реввоенсовет Туркфронта войти с ходатайством перед СНК РСФСР об оказании экстренной помощи БНСР денежными знаками и товарами, предназначенными для снабжения Красной Армии¹.

Учитывая сложность обстановки и открытое вмешательство во внутренние дела БНСР афганского посла Абдул-Хади хана и турецких офицеров, пробравшихся на руководящие посты в Назират по военным делам и Главмилицию республики, ЦК РКП(б) признал необходимым командировать для инструкторско-контрольной поездки в БНСР члена ВЦИК А. А. Иоффе с включением его в состав комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. В директиве Политбюро ЦК РКП, данной А. А. Иоффе 18 июля 1921 г., предусматривалось: «Бухара и Хива считаются независимыми и весь мусульманский мир на них смотрит. Независимость Хивы и Бухары должна быть демонстративно соблюдена. Наше решающее влияние на них должно иметь целью национальное примирение и проведение реформ без устранения купеческих советских правительств, которых нечем заменить».

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 209—216.

В Бухаре было создано демократическое правительство национального единства (единого фронта), от участия в управлении были отстранены эмирские чиновники, крупные феодалы, националистически настроенные, враждебные к Советской власти представители местной буржуазии, а также самые влиятельные представители реакционного духовенства. Остальные классы и слои населения: бедняки и среднее крестьянство, кустари и ремесленники, мелкое и среднее купечество были представлены в высшем органе республики — в БухЦИКе, Совете Народных Назиров, а прогрессивные представители национальной интеллигенции приобщены к культурно-просветительной деятельности (школам), к участию в судебных учреждениях (казийский суд), где дела решались на основе законов шариата, если они не отменены революционной властью и не противоречили революционному правосознанию народа.

В связи с усилением басмаческого движения в Западной и Восточной Бухаре, к которому были причастны отдельные руководящие деятели бухарской республики, впоследствии перешедшие на сторону врагов революции (Усманходжаев, Арифов и др), вопрос о создании в Бухаре рабоче-крестьянского правительства широко обсуждался среди «левых» коммунистов, требующих свержения существующего демократического правительства БНСР. «Левые» коммунисты обращались и в Ташкент — Турккомиссию и в Москву — ЦК РКП(б) и Исполком Коминтерна. В одном из таких обращений «левых» коммунистов, подписанном членом ЦК БКП Г. Касымовым, утверждалось: «Настоящая Бухара представляет из себя базу контрреволюции, со всех концов Советской России стекаются контрреволюционеры и буржуазия. Дезорганизованная бухарская буржуазия с помощью опытной европейской буржуазии организуется. Таким образом, в Бухаре создается могучее буржуазное государство. Кроме того, Бухара постепенно превращается в базу панисламизма, куда собираются из Татарии, Башкирии, Туркестана и Турции деятели панисламизма. Правительство БНСР состоит из ярых панисламистов узко националистического убеждения».

В заключение делался такой вывод: «настоящее правительство Бухары состоит исключительно из городских таджиков буржуев, которые не имеют никакого отноше-

ния с угнетенными кишлачными дехканами. В правительстве не принимает участия ни один из дехканов. Поэтому правительство не пользуется среди народных масс бухарского населения авторитетом»¹.

В ЦК РКП(б) поступили заявления также и от членов ЦК БКП Х. Ибрагимова и Анна Гельды Аманова, в которых их авторы утверждали: «Бедное население угнетается буржуазным правительством, больше чем оно угнеталось во время царствования эмира»².

В. В. Куйбышев, которому ЦК РКП(б) направил все письма и жалобы «левых» коммунистов, писал: «Я не знаю как изменились взаимоотношения между классами в Бухаре за последние 5 месяцев,— писал В. В. Куйбышев 28 апреля 1921 г.,— быть может за это время произошло большее обострение интересов городской буржуазии и крестьянства и большее сплочение на этой основе крестьян и ремесленников. Это, в конце концов, должно произойти, и тогда переход власти в руки самих трудящихся, в лице их Советов, станет созревшим, и при данной ситуации в Бухаре он не представит никакого труда». Однако решить данный вопрос, считал В. В. Куйбышев, можно после согласования с бюро Коминтерна в Ташкенте, которое «естественно», больше в курсе современного положения в Бухаре»³.

ЦК РКП(б) запросил мнение Я. Э. Рудзутака, представлявшего Турккомиссию, Туркбюро ЦК РКП(б) и Туркбюро Коминтерна Я. Э. Рудзук сообщил в ЦК РКП(б), что «правительство, стоящее во главе Бухары в настоящее время, хотя в значительной своей части является выходцами из буржуазного класса, все же является единственным, из которого мыслимо составить правительство»⁴. Поэтому Турккомиссия осудила попытку «левых» коммунистов к насильственному низвержению существующего правительства БНСР. Решение вопроса о составе и политике Бухарского правительства Турккомиссия признала внутренним делом самих бухарцев, предстоящего II съезда Советов республики. «Только действуя через съезд,— писал Я. Э. Рудзук,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 368, л. 12.

² Там же, л. 5.

³ Там же, л. 67.

⁴ Там же, ф. 61, оп. 1, д. 73, л. 47.

выбирая на нем правительство, мы сможем добиться состава правительства, соответствующего общим требованиям бухарского народа»¹.

II Всебухарский съезд Советов открылся 18 сентября 1921 г. На него прибыло 648 делегатов, по своему классовому составу в основном крестьяне, по преимуществу, середняки.

На съезде были обсуждены четыре группы вопросов: 1) Отчет о деятельности правительства и утверждение экономической декларации. 2) Национальный вопрос и образование Туркменского отдела при БухЦИКе. 3) Утверждение Конституции республики и 4) Образование правительства БНСР.

Курултай, заслушав доклад председателя Совета Народных Назиров Файзуллы Ходжаева, одобрил деятельность революционного правительства за период между съездами и выразил твердую уверенность в том, что оно приложит все усилия к ликвидации басмаческой националистической контрреволюции, опираясь на полное доверие и всестороннюю помощь трудового народа, освобожденного от ига эмирского деспотизма².

Народные представители утвердили представленную Советом Народных Назиров экономическую декларацию, основные положения которой сводились к следующему:

1. Торжественно подтверждается право граждан БНСР на полное распоряжение и пользование приобретенным законным путем имуществом; устраняются всякие ограничения в отношении размеров капитала, которым владеют граждане.

2. Объявляется полная свобода торговли в пределах БНСР всеми предметами и продуктами за исключением предметов, изъятых из гражданского оборота.

3. Гражданам предоставляется право объединяться в торгово-промышленные товарищества, компании и потребительские общества для использования частного капитала и средств в интересах возрождения народного хозяйства, им предоставляются преимущества в обеспе-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 73, л. 47.

² Съезды Советов в документах (1917—1922 гг.), т. II, М., Госполитиздат, кн. 60, стр. 561.

чении государственным кредитом и другими льготами¹.

Демократический характер политики правительства выявился и при обсуждении земельного вопроса. Председатель Ревкома А. Мухетдинов в докладе о проекте Конституции республики заявил: «согласно шариату, никакая собственность мусульманина не может быть отчуждена без его согласия. Я высказываюсь за оставление имеющихся до сего времени земель у владельца в прежнем их виде»². Предложение правительства по земельному вопросу единогласно было принято делегатами съезда, оно отвечало интересам середняка, составлявшего основную фигуру в деревне. Что же касается наделения землей безземельных и малоземельных крестьян, то оно должно было производиться за счет конфискованных земель эмира и крупных землевладельцев, а также путем орошения огромного государственного земельного фонда.

23 сентября 1921 г. на последнем заседании II съезда Советов была принята Конституция БНСР, закрепившая переход государственной власти в руки трудящегося народа.

«1. Свергнувший власть эмира революционный бухарский народ,— говорилось в Конституции,— устанавливает у себя новый порядок государственного управления, именуемый Советской республикой.

2. С падением эмирской власти и переходом государственного управления непосредственно в руки самого бухарского народа прежнее Бухарское ханство объявляется Бухарской Народной Советской Республикой.

3. Бухарская Народная Советская Республика в пределах настоящих государственных границ признается единым и суверенным государством.

4. Государственная власть в Бухарской республике на всем пространстве ее территории как в центре, так и на местах, отныне всецело принадлежит бухарскому народу»³.

Основной закон БНСР 1921 г.— первая в истории Бухары Конституция освобожденных от средневекового

¹ Съезды Советов в документах (1917—1922 гг.), т. II, Госюриздат, М., 1960, стр. 562.

² «Бухоро Ахбори», № 50, 25 сентября 1921 г.

³ Съезды Советов в документах (1917—1922 гг.), т. II, Госюриздат, М., 1960, стр. 567—568.

деспотизма народных масс в законодательном порядке закрепила новый общественный и государственный строй, именуемый Народной Советской Республикой.

Конституция РСФСР 1918 г. послужила образцом для составления основного закона БНСР. Это и понятно: «Советская Конституция,— указывал В. И. Ленин,— всегда привлекала внимание и симпатии трудящихся Востока и Запада. Слово «Совет» приобрело международное значение и его основные принципы осуществляются не только в развитых странах, но и также в отсталых странах, так как она является Конституцией трудящихся»¹.

Конституция БНСР предоставила гражданам демократические права: свободу слова, печати, собраний и союзов, а также завоеванные революцией право на образование, материальную обеспеченность при старости и болезни. Основной закон БНСР провозгласил равноправие женщин с мужчинами, равенство и свободу всех наций, населяющих республику.

Конституция БНСР в законодательном порядке закрепила организацию государственной власти высшим законодательным органом, которым явился Всебухарский курултай, состоящий из 350 народных депутатов (один представитель от 2000 избирателей), созывающийся один раз в год.

Между съездами Советов высшая законодательная, контролирующая и распорядительная власть принадлежала Всебухарскому Центральному Исполнительному Комитету (ВсебухЦИК), избирающемуся Всебухарским курултаем народных представителей в составе 85 членов, из которых 40—представляли вилаеты (области), 30—Бухарскую Коммунистическую партию и 15 национальные меньшинства (туркмен, казахов, каракалпаков и др.).

Всебухарский Центральный Исполнительный Комитет осуществлял все функции и полномочия Всебухарского съезда Советов за исключением вопросов, связанных с утверждением и изменением Конституции, объявлением войны и заключением мира, решение которых подлежало исключительно компетенции съезда Советов БНСР.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 325.

ВсебухЦИК, как орган верховного контроля республики осуществлял надзор за деятельностью правительства БНСР — Совета Народных Назиров и утверждал его наиболее важные постановления и распоряжения. Центральный Исполнительный Комитет имел право отменить постановления и распоряжения Совета Народных Назиров.

Президиум ВсебухЦИКа созывал один раз в два месяца сессии. Между сессиями ВсебухЦИКа верховным органом республики являлся его Президиум. Он утверждал и отменял постановления Совета Народных Назиров, а также издавал от имени ВсебухЦИКа постановления и распоряжения, представлял на ближайшую сессию последнего подробные доклады о своей деятельности. Президиуму было предоставлено право рассмотрения, утверждения и опубликования от имени ВсебухЦИКа законопроектов, срочное издание которых вызывалось государственной необходимостью. Законы, изданные Президиумом Центрального Исполнительного Комитета, подлежали обязательному утверждению сессией ВсебухЦИКа.

Согласно Конституции БНСР, образование Совета Народных Назиров (СНН) производилось Всебухарским Центральным Исполнительным Комитетом. В состав СНН входили: председатель Совета Народных Назиров, два его заместителя и Народные Назирь: юстиции, внутренних дел, военных дел, просвещения, здравоохранения, труда и социального обеспечения, торговли и промышленности, финансов, земледелия и государственного контроля.

Совет Народных Назиров являлся высшим органом государственного управления и обладал всей полнотой исполнительно-распорядительной власти. Он объединял и направлял деятельность отдельных назиров и руководил всей хозяйственной и культурной жизнью страны.

Для руководства деятельностью экономических и финансовых органов республики в 1922 г. был учрежден Совет труда, являвшийся постоянной комиссией Совета Народных Назиров. Отдельными отраслями народного хозяйства, культурного строительства и государственного управления ведали соответствующие народные назираты.

Постановлением III Всебухарского курултая от 18 августа 1922 г. путем слияния трех Назиратов — финансов, экономики (торговли и промышленности) и земледелия — был организован Высший Совет Народного хозяйства (ВСНХ).

Согласно Конституции БНСР, органами власти на местах являлись вилаетские, туменские, кентские Советы народных депутатов и их исполнительные комитеты.

В пределах округа местная власть осуществлялась вилаетским съездом Советов народных депутатов, избиравшимся согласно нормам представительства, предусматриваемым Конституцией БНСР, — один депутат от каждой тысячи жителей вилаета.

Членам профсоюзов, беднейшему крестьянству деревни — членам союза «Кошчи», а также военнослужащим и милицейским работникам было предоставлено право более широкого участия в выборах в Советы, по сравнению с остальными слоями населения республики: они выбирали делегатов отдельно от остальных слоев населения по норме — один делегат на каждые 200 членов означенных организаций. Города Бухара, Чарджоу, Карши и Ширабад имели право непосредственного выбора делегатов на вилаетские съезды Советов.

Вилаетские Советы, созывавшиеся вилаетскими исполкомами один раз в год, обсуждали и решали вопросы местного значения — административно-финансового, земельно-водного и культурно-просветительного характера. Между съездами вилаетских Советов власть на местах осуществлялась их исполнительными комитетами, избираемыми на курултае, и президиумом исполкома в составе председателя, его заместителя и секретаря.

В пределах тумена местным органам власти считался туменский съезд Советов народных депутатов, избираемых на съездах кентских Советов по норме: один делегат от каждых 50 жителей, пользующихся избирательным правом. Туменский съезд Советов, созывавшийся специальной комиссией вилаетского исполкома два раза в год, обсуждал и решал вопросы административно-финансового, земельно-водного и культурно-просветительного характера, имеющие значение в пределах тумена.

В промежутках между съездами Советов власть на местах осуществлялась туменским исполнительным ко-

митетом, избираемым съездом народных депутатов тумена в количестве 9 человек.

Для повседневного руководства государственной жизнью в пределах тумена из состава исполкома избирался президиум Туменского исполнительного комитета в составе председателя, его заместителя и секретаря президиума.

Основной ячейкой местной администрации в Бухарской Народной Советской Республике был кентский Совет с его исполнительным комитетом. В состав кента входили один или несколько населенных пунктов (кишлаков и аулов), связанных между собой общим водопользованием и общими земельными угодьями и пастбищами.

Местная власть в пределах кента осуществлялась кентским Советом народных депутатов, избираемым жителями кишлаков и аулов данного сельского общества из расчета по одному депутату от каждого 50 избирателей, с общим количеством делегатов не менее одного и не более 10 от каждого села. Выборы в кентский Совет проводились один раз в год.

Кентский Совет созывался один раз в три месяца для обсуждения и решения финансово-хозяйственных и культурно-бытовых вопросов. В период между заседаниями кентского Совета местная власть осуществлялась его исполнительным комитетом, избираемым на Совете в количестве 5 человек.

Для повседневного руководства местной жизнью кентский исполнительный комитет выделял двух членов — председателя и секретаря кентского исполнительного комитета.

В пределах кишлаков и аулов, входивших в состав кентского общества, местная власть осуществлялась общим собранием жителей кишлаков и аулов, созываемым аксакалом один раз в месяц. Аксакал избирался на общем собрании сельских жителей сроком на один год и осуществлял исполнительную власть в кишлаке.

Согласно Конституции БНСР 1921 г., избирательным правом пользовались все граждане БНСР обоего пола, достигшие 20-летнего возраста, за исключением осужденных, лишенных избирательных прав и признанных умалишенными.

Крупные землевладельцы и капиталисты, родственники эмира и бывшие высшие государственные чиновники были лишены избирательных прав.

БНСР была многонациональной республикой. Поэтому II съезд Советов особое внимание уделял регулированию национальных взаимоотношений. В республике, кроме узбеков, составлявших большинство населения (50%), в Восточной Бухаре жили таджики (30%) и туркмены, обитавшие в районах Керки, Чарджоу и представлявшие собою национальное меньшинство.

Председатель Всебухревкома А. Мухетдинов огласил декларацию правительства об амнистии туркмен, перешедших в первые дни революции под влиянием провокации местных беков, мулл и афганских агентов в пределы Афганистана. Декларация также предоставляла туркменам равные политические права со всеми гражданами республики¹.

II съезд Советов БНСР принял постановление о создании Туркменского отдела при Бухарском Центральном Исполнительном Комитете во главе с членом БухЦИКа — туркменом Анна Гельды Амановым.

Туркменский отдел при БухЦИКе был создан для улучшения экономического, политического и культурного положения туркмен, проживающих в пределах БНСР и привлечения трудящихся этой национальности к органам государственного управления.

На II съезде Советов был избран Всебухарский Центральный Исполнительный Комитет в составе 81 члена: 35 от вилаетов, 16 от национальных меньшинств (6 — от туркмен, 2 от киргизов, 5 от бухарских иранцев и по одному от других национальностей) и 30 от БКП².

Так был решен на II съезде Советов БНСР вопрос о создании правительства, которое отвечало бы интересам крестьянских масс, ремесленников, мелкой и средней буржуазии и национальной прогрессивной интеллигенции.

Характерным в этом отношении является решение ЦК БКП от 12 июня 1922 г., определившее распределение мест в БухЦИКе по принципу представительства от всех классов общества, а именно: рабочих — членов профсою-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 137.

² АВП СССР, ф. 4, оп. 1, пап. 328, д. 55044, л. 57.

зов — 5, ремесленников (косиб) — 12, духовенства (мулл) — 3, ответственных работников — служащих — 30, дехкан — 35. Были отменены ограничения избирательных прав для торговцев и крупных собственников движимого имущества, не исключая владельцев и арендаторов фабрик и заводов.

Выборы на III Всебухарский съезд Советов, состоявшегося в августе 1922 г., проходили по избирательному закону, согласно которому правом избирать и быть избранным могли быть все граждане республики за исключением крупных землевладельцев, бывших эмирских чиновников и крупных представителей духовенства.

Съезд избрал БухЦИК в составе 85 членов, куда вошли 32 узбека, 8 туркмен, 6 киргизов, 3 иранца, 1 еврей и 1 русский. 51 член БухЦИКа представляли интеллигенцию, а 5 представителей от профсоюзов были выдвинуты ремесленниками и кустарями.

На III съезде Советов на пост председателя БухЦИКа (главы государства) был избран Парсаходжаев — выходец из мелкобуржуазных слоев (лавочник) и секретарем — Абдусаидов (мулла). В составе членов президиума БухЦИКа оказались: 4 коммуниста, представляющие интересы трудового народа, Мирза Мухетдин Мансуров, защищавший в верховном органе государства интересы купечества, Устанур (от профсоюзов), олицетворявший среднюю и мелкую буржуазию города, духовенство, было представлено одним членом БухЦИКа в звании мудариса и один представитель от туркмен, — защищал в правительстве интересы национальных меньшинств. Таким образом, состав высшего органа государственной власти республики — президиума Всебухарского Центрального Исполнительного комитета ярко выражал классовую природу БНСР, представлявшую интересы не только крестьянства, средней и мелкой буржуазии города и деревни, но и представителей прогрессивной национальной буржуазии и интеллигенции, это был блок всех прогрессивных и патриотических сил, составлявших политическую основу революционно-демократической диктатуры народа, руководимой БКП.

В этом и заключалось своеобразие государственного строя Бухары в начальном этапе революции. Задача заключалась в использовании всех демократических и

лояльных к Советской власти элементов национальной буржуазии и интеллигенции в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, не забывая ни на одну минуту интересов трудового народа — крестьян, ремесленников, во имя обеспечения благополучия и счастья которых была создана Народная Советская власть в Бухаре.

Исходя из этого, Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР в своем решении от 9 декабря 1921 г. констатировала: «Смену правительственной власти в Бухаре считать преждевременной ввиду отсутствия в настоящее время подходящих элементов для создания новой власти, осуществляя в дальнейшем курс на организацию и воспитание масс в интересах создания настоящего Советского правительства».

Однако отдельные руководящие деятели Коммунистической партии, в частности И. В. Сталин, считали необходимым объединение военного командования, хозяйственного фронта и внешней политики БНСР и РСФСР и замену Бухарского правительства новыми влиятельными деятелями из туркестанских (самаркандских)¹ узбеков, которые могут получить поддержку крестьян, осуществив земельную реформу и повести БНСР по стопам Туркестана.

28 декабря 1921 г. Народный Комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин внес на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) проект решения по «Бухарскому вопросу». Он категорически возражал против реорганизации бухарского правительства, исходя из реального учета социальной обстановки в Бухаре и международного положения РСФСР.

В качестве основания для сохранения состава правительства БНСР Г. В. Чичерин привел следующие доводы:

1. Правительство БНСР поддерживается прогрессивными силами страны, оно имеет, хотя и не очень прочные, но все же реальные корни в бухарском обществе в

¹ Под самаркандскими узбеками И. В. Сталин имел в виду группу бухарских «левых» коммунистов, б. начальника особого отряда ревкома БНСР Мухитдина Максума Ходжаева, поднявшего восстание против правительства 25 августа 1921 г. и после ликвидации мятежа скрывавшегося в Самарканде.

лице мелкобуржуазных элементов города — купечества и прогрессивной части интеллигенции.

2. Состав правительства вполне обеспечивает возможность проведения при соответствующих со стороны РСФСР дружеских советах, любых социальных реформ, направленных в защиту интересов трудовых масс страны.

3. Наше влияние на бухарское правительство не только не ослабело за год существования Бухарской Народной Советской Республики, но в результате ряда политических и экономических соглашений, заключенных с БНСР, продолжает крепнуть.

4. «Бухарский панисламизм» может стать для нас наиболее реальной угрозой, если мы, взяв курс против нынешнего правительства, оттолкнем его в лагерь наших врагов.

5. Соглашение, достигнутое между Афганистаном и Англией, требует от нас больше выдержки и политического такта, чем когда бы то ни было, чем реальной угрозой, тем «тоньше» должны быть наши приемы в борьбе с ним.

6. Проектируемая смена бухарского правительства является грубым нарушением договора и суверенитета БНСР и приведет лишь к тому, что панисламизм и басмаческое движение получат новые аргументы в борьбе против Советской власти.

7. Новое правительство, составленное из туркестанских (самаркандских) узбеков, повиснет в воздухе, не имея в стране опоры.

8. Думать всерьез, что новое правительство, «дав дехканам землю», получит классовую опору, никоим образом нельзя, уже хотя бы по одному тому, что дать в Бухаре землю одним крестьянам — это значит отнять ее у других. «Решение земельного вопроса» кавалерийским комбедовским налетом ничего, кроме смуты и контрреволюции в стране, не породит.

9. Переворот в Бухаре явится желанной и ценной находкой для наших врагов, и в первую очередь для Англии. Неизбежным следствием будет, если не открытый разрыв Афганистана с нами, то во всяком случае крайнее обострение взаимоотношений.

10. Развитие дружественных отношений России с Бухарой может быть достигнуто лишь путем планомерного

проведения политики, направленной к экономическому сближению РСФСР с БНСР.

Исходя из изложенного, Г. В. Чичерин предлагал:

1. Оставить у власти избранное II Всебухарским съездом Советов революционно-демократическое правительство, возглавляемое Файзуллой Ходжаевым.

2. Законодательным путем наметить ряд необходимых социальных реформ в Бухаре и добиться проведения их в жизнь.

3. Усилить помощь Коминтерна и ЦК РКП(б) Бухарской Компартии, для чего командировать в Бухару специального уполномоченного.

4. Направить для работы среди трудящихся масс, профсоюзов и Союза дехкан ряд активных работников, старых членов Компартии Туркестана.

5. Обязать уполномоченного Коминтерна в Бухаре и полпреда РСФСР: а) всемерно содействовать образованию из БКП стойкой Коммунистической партии и б) вовлечь в государственную и партийную работу представителей трудящихся масс.

Доводы, приведенные Г. В. Чичериным, были настолько убедительными, что когда 31 декабря 1921 г. вопрос о бухарском правительстве обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП(б), последнее поручило Турккомиссии «обсудить еще раз как можно внимательнее вопрос о правительстве в Бухаре, о рациональности его смены или изменении состава его в какой степени, в какой срок проводить это, в особенности вопрос о политике постоянной подготовки и замене нынешнего правительства рабочим и дехканским».

30 января 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) образовало комиссию в составе И. В. Сталина, Г. В. Чичерина, Файзуллы Ходжаева и В. В. Куйбышева для изучения материалов, представленных Турккомиссией по бухарскому вопросу. Комиссии было предложено закончить работу в двухдневный срок и представить свое заключение в Политбюро ЦК РКП(б). 1 февраля 1922 г. Политбюро утвердило постановление комиссии, которое предусматривало:

1. Поддержание предложения Файзуллы Ходжаева об установлении непосредственных взаимоотношений ЦК БКП и ЦК РКП(б) на общих, с центральными комитетами компартий независимых советских республик

основаниях, с введением представителей БКП и ХПК в Туркбюро ЦК РКП(б), преобразовав последнее в Средазбюро ЦК РКП(б).

2. Сближение Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик и Туркестанской АССР в области внешней торговли, мелиорации и железнодорожного транспорта, выделение для этого соответствующих хозяйственных органов на паритетных началах (СредазЭко-со), с участием представителя РСФСР, через которых надлежало осуществлять сношения центральных органов РСФСР с правительством БНСР и ХНСР.

3. Объединение антибасмаческих фронтов на территории Бухары и Ферганы под руководством специального командования по назначению Реввоенсовета РСФСР с тем, чтобы было обращено особое внимание как на политическую работу среди мусульманского населения, так и на усиление снабжения красноармейских частей.

4. Переброску в Бухару оборудования для текстильных, мыловаренных, бумажных, кожевенных предприятий за счет РСФСР с возложением ответственности за срочность выполнения операций на ВСНХ.

5. Неуклонное проведение в жизнь резолюции X съезда РКП(б) по национальному вопросу, предусматривающей привлечение к советской работе национальной интеллигенции, доказавшей преданность Советской власти.

6. Для успешной борьбы против басмачей, усиление политической работы среди туркмен и таджиков, ряд уступок местному населению,— возвращение конфискованных вакуфных земель, легализация казийский судов и проведение амнистии умеренных элементов басмачества¹.

Вхождение Бухарской Коммунистической партии в состав РКП(б) явилось важной вехой в истории укрепления Народной Советской власти в Бухаре, ознаменовало собою новый этап в укреплении братской дружбы и пролетарской солидарности с великим русским народом, несшим свободу и независимость угнетенным народам Востока.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 97, л. 5—6.

В ознаменование этого важнейшего события всемирного значения в Старой Бухаре 15 марта 1922 г. состоялся многотысячный митинг, на котором глава правительства БНСР Ф. Ходжаев выступил с докладом, посвященным «внутреннему политическому положению страны и тесной дружбе Бухары с Россией». Докладчик, изложив основное содержание постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 1 февраля 1922 г. о приеме Бухарской Коммунистической партии в состав РКП(б), со всей решительностью заявил, что «имея опору в лице Советской России, нам нечего бояться басмачества, нам нечего бояться и враждебных намерений соседних с нами государств. Пока существует и крепнет эта дружба, победа будет за трудовым народом Бухары»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 208—213.

Гражданская война в Бухаре

ГЛАВА 4

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БАСМАЧЕСТВА И
ОРГАНИЗАЦИЯ «ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ДИК-
ТАТОРСКОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ
ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ»

АВАНТЮРА ЭНВЕРА-ПАШИ И РАЗ-
ГРОМ ОСНОВНЫХ СИЛ БАСМАЧЕ-
СТВА

ЛИКВИДАЦИЯ БАСМАЧЕСКОГО ДВИ-
ЖЕНИЯ В БУХАРЕ

Борьба за упрочение Народной Советской власти в Бухаре приняла форму ожесточенной классово-вой борьбы против басмаческой националистической контрреволюции, продолжавшейся в течение четырех лет, с декабря 1920 г. до середины 1924 г. Коммунистической партии пришлось вести упорную и длительную борьбу за упрочение Советской власти, защищать завоевания революции от бесчисленных покушений как внутренних, так и внешних врагов трудового народа. Борьба происходила в условиях экономической разрухи, охватившей страну вследствие басмаческой националистической контрреволюции, опирающейся на свергнутые эксплуататорские классы и на империалистов Запада.

Борьба против врагов Советской власти осложнялась молодостью и сравнительной слабостью Бухарской Коммунистической партии, отсутствием единства в партийных рядах, засоренностью партии чуждыми элементами. Внутри партии проходила острая борьба между различными течениями, являвшимися, по сути дела, выражением соотношения классовых сил в стране. Еще хуже обстояло дело с государственным аппаратом. Он пополнился большей частью бывших эмирских чиновников, в особенности в отдаленных восточных районах Бухары. Своими преступными действиями они дискредитировали Советскую власть в глазах трудового народа, по сути дела содействовали развитию басмаческого движения.

Перед партией встали во весь рост задачи крайней важности — оздоровление рядов самой партии и очищение аппарата управления от классово-враждебных элементов, националистов, шовинистов, карьеристов и т. д., привлечение лучших представителей трудового народа в партию и к непосредственному управлению государством, превращение Бухарской Народной Советской Республики в подлинно народное государство, стоящее на страже интересов трудящихся масс.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ БАСМАЧЕСТВА
И ОРГАНИЗАЦИЯ «ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
ДИКТАТОРСКОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ
ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ»**

Свергнутый народом эмир с остатками разбитых войск скрылся в Восточной Бухаре. При помощи духовенства и принудительной мобилизации населения в районе Байсуна и Ширабада ему удалось создать шеститысячную армию. Во главе басмачей стояли бывший бухарский нижний куш-беги, отъявленный реакционер Низаметдин Ходжа диван-беги и бывший гузарский бек Бури токсаба¹.

В начале декабря 1920 г. эмир располагал уже семитысячной армией, при тридцати орудиях, 500 верблюдах с грузом боеприпасов. В числе эмирских войск находились 1000 афганцев, прибывших на помощь эмиру из Мазар-Шерифа.

24 декабря 1920 г. агенты эмира сумели поднять контрреволюционный мятеж в Шахрисабзе, Китабе, Яккабаге, Чиракчи, провести в этих районах насильственную мобилизацию и увеличить численность армии к концу 1920 г. до пятнадцати тысяч человек. Так возник басмаческий фронт на востоке Бухарской Народной Советской Республики. Ставка басмачей находилась в районе Шурчи.

13 ноября 1920 г. на совместном заседании ЦК БКП и Бухарского Ревкома было принято решение оказать всемерное содействие Красной Армии при выполнении возложенной на нее миссии — освобождения Восточной Бухары. Военному Назиру БНСР Ю. Ибрагимову было

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 1.

предписано немедленно приступить к формированию национальных частей, могущих быть включенными в состав Гиссарской экспедиции, а органам государственной охраны — Бухчека — усилить свою деятельность по раскрытию очагов контрреволюции, строго карать эмирских чиновников и мулл, распространяющих провокационные антисоветские слухи, в особенности в районах Западной и Средней Бухары.

Народное правительство, сознавая опасность, нависшую над революцией, предложило всем учреждениям и организациям республики организовать работу по-военному, по-революционному. ЦК БКП, Бухревком, Бухчека, Назираты по военным делам и внутренних дел, а также продовольствия были объявлены ударными и в них было введено военное положение¹.

В Восточную Бухару был направлен видный деятель БКП Алимджан Акчурин, который должен был созвать съезд дехкан Гузарского, Шахрисабзского, Кермининского и Каршинского вилаетов для широкого обсуждения вопросов о земле и налогах — жизненно важных для улучшения материального положения крестьян. Вместе с тем ЦК БКП поручил А. Акчурина усилить политическую работу среди местного населения, обманутого эмирскими чиновниками и муллами, принять меры к своевременному обеспечению красноармейских частей продовольствием и фуражом, а также создать войсковые части из местного населения².

В связи с началом гражданской войны в Бухаре для снабжения армии и городского населения хлебом по всей республике декретом БухЦИКа 11 октября 1920 г. была введена продовольственная разверстка (озик андо-зи)³. В связи с этим Назирату продовольствия было предоставлено чрезвычайное право установления «продовольственной диктатуры»⁴. Продовольственная разверстка была успешно проведена в Бухарском, Чарджоуском и Каршинском вилаетах и лишь в Кермининском районе пришлось преодолевать сопротивление эксплуататорской верхушки — баев.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 11, л. 81.

² Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 1, л. 35.

³ ЦГАОР УзССР, ф. 53, оп. 2, д. 15, л. 84.

⁴ «Бухоро Ахбори», 21 октября 1920 г., № 18.

В связи с тем, что население прифронтовых районов — Шахрисабза и Катаба поддавалось контрреволюционной агитации эмирских агентов, решением ЦК БКП и Бухревкома от 29 декабря 1920 г. председатель Совета Народных Назиров Ф. Ходжаев был направлен в Шахрисабз. Он выехал в этот район вместе с 15 политработниками, имея чрезвычайные полномочия по борьбе с контрреволюцией¹.

Туркменские феодалы, бывшие эмирские чиновники мулла Алтыкул, Суфи Мирян, мулла Хужамкул и другие подняли контрреволюционный мятеж против Советской власти в Керки, ограбили и разорили Керкинский вилайет при помощи вооруженной шайки, состоящей из 600 бандитов². Для ликвидации последствий керкинских событий по решению ЦК БКП 15 декабря 1920 года туда была направлена группа ответственных работников во главе с Алимджаном Акчуриным³. В ее распоряжении имелось 103 вагона пшеницы, 30 тысяч аршин мануфактуры, 50 пудов чая, 100 пудов сахара и 10 миллионов рублей⁴, предназначенных для раздачи туркменскому населению, пострадавшему от грабежа басмачей.

В связи с началом контрреволюционного басмаческого движения в Восточной Бухаре ЦК БКП обратился 8 декабря 1920 г. с воззванием «Ко всем крестьянам и честным людям Бухары»⁵. В нем содержался призыв объединиться вокруг народного революционного правительства для нанесения смертельного удара свергнутому, но еще до конца не уничтоженному эмиру и его разбойничьей банде.

Откликнувшись на призыв партии, крестьяне Восточной Бухары начали вступать в ряды национальной Красной Армии.

Ненависть населения к басмачам усиливалась, народ начал осознавать значение происшедших в Западной Бухаре революционных событий, а главное он видел, как «крестьянские хозяйства подвергались грабежу, сожже-

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 26, л. 2. 29.

² Там же, д. 19, л. 3.

³ Там же, д. 1, л. 39.

⁴ Там же, д. 26, л. 36.

⁵ «Бухоро Ахбори», № 13, 8 декабря 1920 г.

нию и разорению со стороны эмирских банд. Однако путем применения мер массового истребления жителей целых кишлаков, население их мобилизовалось на борьбу против революционеров, отдавших свою жизнь за свободу трудового народа»¹.

Проявлением народного гнева против грабежей и насилий, чинимых бандами, явилось восстание крестьян в Каратегинском вилаете 16 декабря 1920 г. Оно было жестоко подавлено эмиром. Единственным избавлением от мобилизации в армию «ислама» крестьяне находили в массовом бегстве в горные районы, ожидая там прихода Красной Армии.

Для оказания содействия в привлечении трудящихся в ряды национальной Красной Армии была создана Центральная комиссия по организации «Недели помощи революционной армии», сражающейся на Восточном фронте. В комиссию вошли видные партийные деятели Бухары — Карим Мукимов, Шавкат Сулейманов и Нигматулла Еникеев. Такие же комиссии были созданы во всех вилаетах; в них вошли секретари вилкомов партии, председатели вилаетских ревкомов и представители от Назирата военных дел БНСР².

«Неделя помощи» Восточному фронту началась во всей республике с 1 февраля 1921 г. и вылилась во всенародное движение. 5 февраля 1921 г. в Старой Бухаре состоялся общегородской многотысячный митинг, посвященный нерушимой дружбе с РСФСР — освободительницей угнетенных народов Востока³.

В дни «Недели помощи» Красной Армии была развернута агитационная кампания. Политработники — коммунисты, приехавшие из центра, проводили в кишлаках, кентах и туменах беседы на темы о том, что дала Народная Советская власть трудящемуся крестьянину, о значении Бухарской революции и ее влиянии на освобождение народов Востока от ига колониализма, о том, кто является организатором басмаческого движения в Восточной Бухаре и т. д. Среди населения городов и кишлаков собирались подарки (иона). Население жертвовало

¹ «Бухоро Ахбори». № 13, 8 декабря 1920 г.

² Там же, № 20, 18 января 1921 г.

³ Там же, № 26, 1 марта 1921 г.

лошадей, сбрую, седла, огнестрельное оружие, сабли, ценности, теплую одежду, продовольствие и т. д.¹

В Старой Бухаре 18 января 1921 г. состоялся грандиозный митинг, посвященный созданию национальной Красной Армии. С приветственными речами к собравшимся выступили председатель Ревкома Абдулкадир Мухетдинов, секретарь ЦК БКП Арслан Ходжаев, секретарь Бухарского вилаетского комитета партии Аббаз Алиев и председатель Бухарского вилаетского ревкома Садык Мухаммадиев и другие².

В Душанбе был направлен один из ответственных работников ЦК БКП Сагдулла Турсунходжаев с группой политработников, снабженный полномочием Всебухарского Ревкома как представитель центральной власти в Восточной Бухаре. Однако «политическая ударная группа», — писал В. В. Куйбышев, — не могла умело подойти к населению, приблизить его к себе, растолковать ему основные причины Бухарской революции³.

В конце декабря 1920 г. С. Турсунходжаев был отозван и вместо него в Восточную Бухару в качестве уполномоченного Всебухарского Ревкома был послан Атаходжа Пулатходжаев с двадцатью политработниками из местных национальностей. И при новом уполномоченном успех Красной Армии в Восточной Бухаре не был закреплен. Создание народных Советов в освобожденных районах было сведено к формальной замене прежних беков и амлакдаров ревкомками, состоящими в большинстве случаев из представителей имущих классов, враждебно настроенных к Советской власти. Поэтому с уходом частей Красной Армии из пределов Восточной Бухары, басмачество возрождалось с новой силой, хотя как справедливо отметил после двухмесячного пребывания в этом районе Наджиб Хусаинов, «Народы Восточной Бухары с презрением относились к эмирским басмачам»⁴.

Особенности возникновения и развития басмачества в Восточной Бухаре, в отличие от Ферганы были глубоко вскрыты в записке «О басмачестве в Восточной Буха-

ре», составленной генеральным консулом РСФСР в Душанбе Нагорным 20 апреля 1922 г.

Главная особенность заключалась в безраздельном господстве феодально-патриархальных отношений среди местного населения, где сильное влияние на трудовые массы имели предводители племен и родов. Генеральный консул подчеркивал, что «как при эмирских, так и в настоящее время в Восточной Бухаре встречаются местности, где у племен существует институт родовых начальников, деятельность которых совершенно независима от какой бы то ни было центральной власти в Бухаре, будь то власть старых эмиров, или же как в настоящее время, власть в лице советских органов новой Республики»¹.

Население, веками привыкшее безропотно повиноваться властям, считало естественным и законным существование беков, пользующихся неограниченными правами восточных деспотов, распоряжающихся фактически жизнью и имуществом своих подданных. Обычным явлением было продолжение междоусобных войн, отвлекавших внимание трудовых масс от классовых интересов, под лживым предлогом борьбы за сохранение престижа рода или племени, фактически защищающих багательские устремления беков (феодалов).

Беки имели свои дружины, доходящие иногда до 1000 джигитов, беки собирали с населения налоги, устанавливали различные повинности; осуществляли по-старому административное управление и суд над своими подданными, унижая и оскорбляя честь и достоинство трудового народа. «Вследствие полнейшего невежества и политической отсталости населения, воспитанного в духе религиозного фанатизма, — писал Нагорный, — беки, пользуясь поддержкой мулл, фактически являются неограниченными властителями. Судопроизводство или отсутствует, или производится в порядке известных традиций, но весьма часто в роли судьи выступает сам бек, применяющий иногда за пустяжные провинности в качестве кары безвозмездную реквизицию имущества виновного, или даже телесное наказание вплоть до лишения жизни. Следует сказать, что самым характерным является то, что население относится к такому социально-правовому порядку как к нечто законному и естественному

¹ «Бухоро Ахбори», № 26, 1 марта 1921 г.

² Там же, № 22, 1 февраля 1921.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 3—6.

⁴ «Бухоро Ахбори», № 27, 13 марта 1921 г.

¹ Архив Коминтерна, ф. 21 (12а), оп. 1, д. 29, л. 1.

и несмотря на периодическое проявление время от времени своего недовольства в общем целом терпеливо выносит даже грубые нарушения установленного традициями порядка»¹.

Характерным для Восточной Бухары в рассматриваемое время являлось господство натурального хозяйства, замкнутость его, оторванность от внешнего мира, а самое главное, отдаленность от влияния революционных центров Средней Азии — Ташкента, Самарканда, Бухары и других.

Определенную роль в возникновении басмачества сыграла также слабость органов Советской власти в Восточной Бухаре. Правительство Бухарской республики допустило серьезные ошибки в отношении разумного использования красноармейских частей. Многие из них были оставлены на произвол судьбы в отдаленных от центра восточных областях Бухары. Войска не имели средств на закупку продуктов, фуража, не снабжались обмундированием, размещались в непригодных для жилья помещениях. Красноармейские части вынуждены были заниматься самоснабжением, что использовалось классовыми врагами и агентами иностранных разведок для раздувания антисоветской пропаганды. Отступая под натиском Красной Армии, басмаческие банды разрушали города и села. Возрастал долг государственных учреждений населению, достигший только по Восточной Бухаре 6 млн. рублей. Это вызывало недовольство крестьян. Красная Армия, жертвуя сотнями воинов, боролась за восстановление Советской власти в Восточной Бухаре, но вследствие контрреволюционной агитации бывших эмирских чиновников, мулл, басмачей, агентов иностранной разведки, изображалась как сплошная тягость для народа². Нахождение в стране красноармейских частей и, тем более расквартирование их в мечетях, использовалось враждебными элементами в интересах антирусской, панисламистской пропаганды.

«Совокупность обрисованных причин, — писал Нагорный, — привела к тому, что в конце лета 1921 г. басмачество в Восточной Бухаре приняло широкие формы. Движение охватывало все большие и большие слои насе-

¹ Архив Коминтерна, ф. 21 (12а), оп. 1, д. 29, л. 4.

² Там же, оп. 4, д. 29, л. 7.

ления. Наряду с кадрами «организованного» басмачества, возглавляемого ныне беками и улемой, выступает уже новый социальный слой дехкан — чисто трудовой элемент населения, вступавший в борьбу против русских и новых бухарских властей»¹.

Своеобразие басмаческого движения в Восточной Бухаре заключалось в проявлении недовольства фанатической части крестьянского населения к мероприятиям революционного правительства БНСР. Поэтому борьба здесь вылилась в форму антирусского, антисоветского движения за удаление Красной Армии из пределов Восточной Бухары. Дехкане находились всецело в идейном подчинении мулл; религиозный фанатизм населения этой области подогревался со стороны Афганистана, превратившего Мазари-Шарифский округ в резервуар ожесточенной антирусской, панисламистской пропаганды и базу снабжения оружием, боеприпасами и людьми эмирской бандитской шайки².

Всевозрастающее влияние на политику Бухарского правительства приобретали турецкие офицеры, прибывшие из Кабула для инструктирования и формирования бухарской «национальной армии» и милиции. Турецкий агент Абдул-Хамид Арифов пробрался на пост Военного Назира, а полковник Али-Риза стоял во главе республиканского управления милиции, создав десятитысячную национальную милицию, противопоставляя ее Красной Армии. Турецкий «ученый» Субхи, приехавший в Бухару под видом изучения опыта советского строительства в мусульманских странах, вел открытую враждебную пропаганду против Советской власти³.

Высланные из Туркестана за националистическую деятельность Мунаввар-Кари, Кушбегиев и др., занимали ответственные посты в Бухарском правительстве, вели подрывную работу против Советской власти и Красной Армии. Деятельность националистов сказывалась на усилении басмаческого движения в Западной и в Восточной Бухаре.

В целях быстрой ликвидации басмачества признано целесообразным вести борьбу комбинированным

¹ Архив Коминтерна, ф: 21 (12а), оп. 4, д. 29, л. 7.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71, л. 70.

³ Там же, д. 71а, л. 127.

методом; наряду с усилением военного нажима на басмачей, развить широкую политическую кампанию, рассчитанную на завоевание середняка на сторону Советской власти. ЦК РКП(б) рекомендовал Бухарской Коммунистической партии повсюду провести выборы народных судей — казиев, предоставляя им право судить, как это положено по шариату, объявить, что вакуфные земли остаются в распоряжении мусульманского духовенства целиком, приступить к практическому осуществлению новой экономической политики, должествующей примирить с Советской властью середняцкие слои, а также проводить широкую политическую кампанию, устную и в печати, разъяснять трудящимся массам, обманутым басмачами, что Советская власть удовлетворит требования мусульманского населения, а сама требует от него одного — строгого соблюдения установленных революционной властью правопорядков.

Переход определенной части крестьянства на сторону басмачей носил временный характер и объяснялся природой самого крестьянства. «С одной стороны, — указывал В. И. Ленин, — это довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, объединяемая общим интересом трудящихся, освободиться от помещиков и капиталистов, с другой стороны, это обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. И при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному неизменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.»¹

В ходе борьбы Красной Армии с грабительскими бандами курбашей все больше выявлялась омерзительная физиономия басмачества. Народные массы постепенно начали отходить от него. Это можно наглядно продемонстрировать на примере Ширабада, где трудящиеся массы открыто выступали против грабежа и насилия, чинимых эмирскими бандами. Народ восстал здесь против

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 281.

своих угнетателей и бывших чиновников, судил их и приговорил их к смертной казни. Жители Ширабада прислали делегатов в Термез с просьбой освободить их из-под гнета эмира и по освобождении многие крестьяне вступили в ряды Красной Армии, — сообщалось в одном из документов, относящихся к началу января 1921 г.¹

Дехкане начали все больше осознавать антинародную, грабительскую сущность басмачества; на своих съездах они принимали резолюции о решительной борьбе с басмачами. Такие съезды состоялись 14 января 1921 г. в Карши, 19 января в Чарджоу и т. д.²

В Восточной Бухаре басмачи действовали в Каршинском вилаете, где в августе 1921 г. насчитывалось до 350 басмачей в районе Гиссарского вилаята и в районе Дарваза.

Прибывший из Бухары в Душанбе чрезвычайный уполномоченный правительства БНСР Атаходжаев в начале августа 1921 г. начал вести переговоры с главарями басмачей, пошел на всякие уступки последним и дошел даже до того, что выдал басмачам 12 аксакалов, активно помогавших Красной Армии. Шесть аксакалов были публично зарезаны в ходе переговоров, а главари бандитов Давлатман-бий был назначен председателем ревкома в Бальджуане, Султан-Ишан — председателем ревкома в Гарме.

Назначение курбашей председателями вилайетских ревкомов усилило их влияние среди населения. Они, как «законные» представители правительства БНСР, производили мобилизацию, собирали с населения налоги; в их руках оказалось полтора миллиона пудов хлеба, собранного в 1921 г. с населения в порядке продразверстки.

«Таким образом, в глазах широких масс Атаходжаев признал за басмачами не только право представительства всего населения района, но и справедливость их борьбы, подняв таким образом авторитет басмачей. Мало того, допустив третирование басмачами своей миссии, доходившей до того, что тут же на его глазах избивались арбакеши из-за того, что возили миссию на переговоры, чем окончательно подорвал в массах свой

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 14—18.

² Там же, л. 216.

авторитет и влияние своего правительства. Настроение было сбито и население до сих пор выдавшее в басмачах бунтовщиков, восставших (против своего правительства), благодаря неудачным действиям Атаходжаева оказалось снова на стороне повстанцев. С другой стороны, очутившись у власти, басмачи немедленно начали преследовать всех помогавших Красной Армии и таким образом население, стремившееся изжить басмачество, отдохнуть от гражданской войны, было руками бухарского правительства брошено в жертву тем же самым басмачам и их руководителям»¹ (см. записку генерального консула РСФСР в Восточной Бухаре от 20 мая 1922 г. «Басмачество в Бухаре»).

12 августа 1921 г. Атаходжаев заключил договор с главарем басмачей — Давлатман-бием. Басмачи согласились сдать оружие при условии вывода красноармейских частей за пределы Бухары и ликвидации особых отделов при красноармейских частях. Договор явился не только уступкой басмачам, но фактически легализировал предыдущую преступную деятельность басмачей. Удовлетворение всех требований басмачей было ничто иным, как признание правоты их и уступка им по всем важным политическим и экономическим вопросам, по существу это было капитуляцией перед контрреволюцией².

Неудачные переговоры с басмачами и особенно душанбинские события, значительно подрывали авторитет Советской власти.

Военный Назир А. Арифов, под видом борьбы с басмачеством, организовал специальное военное управление (штаб), которому подчинил бухарские национальные красноармейские части и десятитысячную, хорошо вооруженную милицию.

31 июля 1921 г. Советом Народных Назиров был создан Особый отряд, переданный в распоряжение начальника Главной милиции БНСР Али-Риза. Отряд этот в оперативном отношении не подчинялся командованию красноармейских войсковых частей, ведущих борьбу против басмачей и находился в ведении Военного назирата республики³.

¹ Архив Коминтерна, ф. 12а, оп. 4, д. 20, док. 6, л. 6.

² Парта́рхив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 34.

³ ЦПА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 43, л. 26.

27 сентября 1921 г. в Восточную Бухару, под предложением организации оборонных работ, создания и укрепления органов народной власти, отправился председатель ЦИКа Советов БНСР Усман Ходжа Пулатходжаев, в распоряжении которого был отряд из 700 человек при семи орудиях под командованием того же Али-Риза и Данияра-бека¹.

В середине ноября 1921 г. Пулатходжаев прибыл в Душанбе. К этому же времени относится переход к басмачам в районе Кабадиана военного назира Ширабадского вилаета, бывшего полковника турецкой службы Хасанова с отрядом милиции. В Кабадиане изменник Хасанов собрал митинг, на котором заявил, что вместе с ним находится также небезызвестный Энвер-паша и целью их является «спасение Бухары от большевизма»².

Появление Энвера-паши в Восточной Бухаре было тщательно подготовлено националистическими действиями отдельных членов правительства БНСР, что подтверждается официальными данными.

«В Бухаре,— говорилось в одном из документов,— организовалась новая партия под названием «Иттиходи-Ислам» («Объединение мусульман»). Эта партия преследует полную автономию Бухары, признание ее всеми государствами как суверенную. Эта партия настроена враждебно по отношению к Советской России и она насчитывает до 300 членов»³. В числе членов «Иттиходи-Ислам» были руководящие деятели БНСР: Мухитдинов (Назир торговли и промышленности), Мукамилов (ответственный секретарь ЦК БКП) и другие.

Создание контрреволюционной националистической организации «Иттиходи-Ислам» было связано с появлением в Бухаре международного авантюриста Энвера-паши. В связи с этим Оргбюро ЦК РКП(б) директивой от 9 декабря 1921 г. предложило НКВД в срочном порядке добиться отозвания Энвера из Бухары.

На основании тщательной проверки материалов о деятельности организации «национального объединения», ВЧК пришла к заключению, что «события в Бухаре не могут быть рассматриваемы как нечто самостоятельное,

¹ ЦПА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 136, л. 2.

² АВП СССР, ф. 152/с, оп. 4, д. 68, пап. 17, л. 67.

³ Архив Коминтерна, ф. 12а, оп. 4, д. 23, л. 1.

а являются событиями, которыми руководят определенные организации»¹. Таковым оказался раскрытый органами ЧК Туркестанской республики «Центральный комитет мусульманских национальных объединений», имеющий целью свержение Советской власти в Туркестане путем вооруженного восстания.

Органами ЧК Туркестана было точно установлено, что названный «Комитет» во главе с Мунаваром Кари Абдурашидовым был создан еще в августе 1920 г. в период работы I съезда народов Востока в Баку, где Энвер-паша устроил секретное совещание, в котором приняли участие некоторые руководящие деятели Туркестана, Бухары, Хорезма. На тайном совещании заядлые националисты поклялись бороться с Советской властью за идеалы пантюркизма и образовали «Центральный комитет мусульманских национальных объединений», в который вошли также Тюракулла Джуназак, Тоган Валидов (б. глава «Башкирского правительства», тайно пробравшийся в Бухару 21 декабря 1921 г. и сделавшийся идейным руководителем бухарских националистов), Мулла Абдулла Раззак Мутин и другие. Названный «Комитет» сумел создать свои филиалы во многих городах Туркестана (Ташкенте, Аулие-ате, Коканде, Верном), а также в Хиве и Бухаре.

События, развернувшиеся в Восточной Бухаре, подтвердили правильность выводов, к которым пришла ВЧК. 11 декабря 1921 г. полпред РСФСР в Бухаре телеграфировал Турккомиссии: «Усманходжаев (Пулатходжаев), посланный Бухарским правительством в Восточную Бухару для борьбы с басмачеством, приказал Али-Риза и Данияру разоружить вместе с басмачами русский отряд в Душанбе. Две роты и пулеметная команда разоружены, начальник гарнизона, военный комиссар, генеральный консул РСФСР арестованы Усманходжаевым»².

12 декабря в Восточную Бухару был отправлен красноармейский отряд для подавления контрреволюционного мятежа. Вместе с отрядом в Душанбе были направлены ответственные мусульманские работники для ведения агитационной работы среди населения Вос-

¹ Архив Коминтерна, ф. 12а, оп. 4, д. 23, л. 1.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 10.

точной Бухары, обманутого басмачами и изменником родины Пулатходжаевым.

В ночь с 12 на 13 декабря в Душанбе прибыли новые красноармейские части и отряд Али-Риза, отступавший в направлении Кабадиана, был разоружен.

Еще 8 ноября 1921 г. Энвер-паша вместе с офицером турецкой службы Ходжи Сами беком (Салим-паша) выехал в Восточную Бухару. К нему присоединился военный назир Ширабадского вилаята Хасан-Эфенди¹. В разгар «душанбинских событий» Энвер-паша с отрядом в 85 человек находился в стане главаря локайских басмачей Ибрагим-бека в селении Кок-таш. Под воздействием Энвера Ибрагим-бек потребовал от командования красных частей «ухода отряда из Душанбе, обещая дать продовольствие на дорогу и необходимые транспортные средства»².

Генеральный консул РСФСР направил Ибрагим-беку письмо, разъясняющее цель временного нахождения советских войск в Душанбе. Переговоры продолжались в течение 12 дней. 25 декабря 1921 г. в Кокташ прибыл секретарь консульства Насырбаев, которого басмачи приняли со всевозможными почестями. Ибрагим-бек созвал совещание своих мулл.

Насырбаев от имени советского командования предложил Ибрагим-беку подписать договор о признании Народного Советского правительства Бухары. «Главарь басмачей на это предложение упорно возражали, говоря, что они хотят не Советской власти, а эмира»³. В стане Ибрагим-бека находились Энвер-паша и Усманходжа Пулатходжаев.

«Имеется у меня под рукой воззвание, выпущенное Усманходжа Пулатходжаевым к басмачам, в котором он просил вместе с ним выгнать русских из Душанбе»⁴, — писал Генеральный консул Нагорный в записке «О душанбинских событиях».

26 декабря 1921 г. Нагорный выехал в Кок-таш на переговоры с Ибрагим-беком. «В продолжении двух часов, — писал он, — я старался убедить собравшихся

¹ А. Х. Бабаходжаев «Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке», М., 1962, стр. 96.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, ед. хр. 257, л. 128—137.

³ Там же, л. 128—131.

⁴ Там же, д. 257, л. 128—131.

старейшин в искренности и дружественных намерениях РСФСР, о необходимости признания ими правительства БНСР, о невозможности вывода войск до полного успокоения края и пр. Басмачи, соглашаясь в некоторых отношениях со мной, все определеннее требовали ухода русских войск из Душанбе, добавляя, что «мы сами может быть и без войны договоримся с народом и правительством Западной Бухары. К этому старейшины опять добавляли о своем неуклонном намерении восстановления эмира или кого-нибудь из его родственников»¹. Мирные переговоры не дали положительных результатов.

1 января 1922 г. Ибрагим-бек начал войну против Советской власти.

В связи с тревожным положением в Восточной Бухаре объединенное заседание ЦК БКП, Совета Народных Назиров и Всебухарского ЦИКа Советов 2 января 1922 г. признали необходимым организацию чрезвычайной комиссии с диктаторскими полномочиями. В комиссию вошли Насыр Хакимов, Алимджан Акчурун, Ахмед Камалов, Рашид Баймурадов, Ходжа Зайнулла Закиряев. Комиссии было предложено выехать в Душанбе не позднее 10 января².

8 января 1922 г. Президиум Всебухарского ЦИКа утвердил инструкцию для чрезвычайной «диктаторской комиссии» по делам Восточной Бухары. Комиссии были подчинены Ширабадский, Гиссарский, Гармский, Кулябский вилаеты, в пределах которых вся полнота власти переходила к последней. Власть «диктаторской комиссии» временно распространялась на Каршинский, Шахрисабзский и Керкинский вилаеты, где она, действуя в пределах Конституции БНСР, должна была восстановить нормальную жизнь и государственный порядок³.

«Диктаторская комиссия» была организована на короткий период времени, до 31 марта 1922 г. В связи с затяжным характером борьбы с басмачеством, она была переименована в «Диктаторскую комиссию по делам Восточной Бухары» и просуществовала до весны 1924 г.

Наряду с «Чрезвычайной диктаторской комиссией», по решению Пленума ЦК БКП от 5 января 1922 г. было

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 128—131.

² ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 136, л. 42.

³ Там же, ф. 48, оп. 1, д. 111, л. 236.

создано бюро БКП по Восточной Бухаре для «создания коммунистических организаций и ведения агитационной работы» среди населения¹. В бюро БКП по Восточной Бухаре вошли коммунисты А. Акчурин (председатель), Н. Хакимов и А. Камалов.

«Чрезвычайные диктаторские комиссии» были созданы и в районах Западной Бухары, там где басмачество представляло особую опасность для существования органов народной власти и безопасности населения. 1 апреля 1922 г. Всебухарский ЦИК Советов назначил отдельную от Восточной Бухары «Диктаторскую комиссию» в Шахрисабзском и Керкинском вилайетах².

14 апреля 1922 г. части Красной Армии были выведены из Душанбе, что дало возможность басмачам активизировать свою деятельность не только в Восточной, но и в Средней Бухаре (Карши, Гузар и Шахрисабз).

Вывод частей Красной Армии из Душанбе был военно-политической ошибкой, допущенной командованием Туркфронта. В результате, в Восточной Бухаре был восстановлен эмирский строй, ликвидированный впоследствии ценою больших жертв, понесенных Красной Армией во время Гиссарской экспедиции³.

Командование Туркфронта приняло решение о выводе воинских частей из Душанбе, так как ошибочно оценило восточно-бухарское басмачество, как восстание трудового народа против купеческого правительства БНСР⁴. Такое определение сущности басмачества являлось проявлением «левого ребячества», ибо основной целью басмачей как в Западной, так и Восточной Бухаре было свержение Советской власти и восстановление власти эмира.

Анализируя события, развивающиеся в Восточной Бухаре, Генеральный консул РСФСР 21 декабря 1921 г. информировал НКВД:

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 39.

² ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 136, л. 56.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 122.

⁴ Такого же ошибочного мнения о басмачестве в Восточной Бухаре придерживался Л. С. Соловейчик, оценивая его как «движение освободительное («Новый Восток», кн. II, М., 1922, стр. 283). Эти выводы были подвергнуты в свое время справедливой критике в печати (см. журнал «Экономическая мысль», кн. III, 1927, изд. САГУ).

«Роль Али-бия¹ среди басмачей Восточной Бухары является ролью главаря: около него группируются все, что ведет явно или тайно борьбу с Советской властью. В своих выступлениях Али-бий объявляет себя зятем султана и ставит своей задачей объединение всего мусульманского мира в одно тюркское государство»².

До объявления Энвера-паши главой басмаческого движения в Восточной Бухаре, главенствующее положение в этом районе принадлежало предводителю локайцев Ибрагим-беку. После ухода красноармейских частей он занял Душанбе, разграбил крепость, взял оружие, а затем со своей бандой скрылся в горах, отделившись от турок, что дало возможность советским частям направить свой удар против турецкого наймита Али-Риза. Преследуемые Красной Армией 500 бандитов Али-Риза были враждебно встречены локайцами и 28 января 1922 г. почти поголовно перебиты. Остатки банды Али-Риза скрылись в направлении Гиссара. Трудящиеся локайского племени ненавидели турецких авантюристов и оказали отряду Красной Армии содействие в разгроме банды Али-Риза.

«Когда наши части остались без продовольствия,— писал Генеральный консул,— локайцы снабдили наши части продовольствием, проявляя в дальнейшем к нашим частям большую миролюбивость и даже были готовы вступить в переговоры и сношения (с представителями) Советской власти»³.

Установлению дружественных отношений между локайцами и другими таджикскими племенами помешала контрреволюционная деятельность турецких и афганских офицеров, бывших эмирских чиновников и мулл, во главе которых к этому времени встал Энвер-паша.

¹ Али-бий, или Энвер-паша появился в Бухаре 8 ноября 1921 г. 11 ноября Энвер в сопровождении 25 своих ближайших помощников, турецких офицеров тайно выехал в Восточную Бухару и 1 декабря 1922 г. достиг селения Кок-таш стана Ибрагим-бека, имея при себе 100 воинов вместе с присоединенными к нему в Ширабаде изменниками. Энвер установил связь с изменником родины Усманходжаевым и турецким полковником Али-Риза, руководя их контрреволюционной деятельностью в Душанбе, направленной против Советских войск (см. «Новый Восток», кн. II, М., 1922, стр. 282).

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 107—109.

³ Там же, л. 115.

АВАНТЮРА ЭНВЕР-ПАШИ И РАЗГРОМ ОСНОВНЫХ СИЛ БАСМАЧЕСТВА

Воспользовавшись выводом частей Красной Армии из Душанбе, басмаческие шайки Ибрагим-бека расположились к началу марта 1922 г. вдоль линии Байсун-Ширабад. К этому району подтягивались отряды Давлатман-бия из Балджуана и Ишана Султана из Дарваза. Ударные силы басмачей сосредоточились в районе Ширабада. Руководство ими взял на себя Энвер-паша, который стремился объединить разрозненные и зачастую враждующие между собой басмаческие отряды, в крупный боевой кулак и в дальнейшем использовать басмачество в своих авантюристических целях.

Находившийся в Афганистане бывший эмир бухарский Саид Алим-хан, придавая особое значение действиям Энвер-паши, специальным указом, присланным из Кабула, назначил его правителем Восточной Бухары и главнокомандующим всеми вооруженными силами «Армии Ислама». Ибрагим-бек был назначен первым помощником Энвера. В районах Восточной Бухары были восстановлены старые эмирские порядки. Назначенные Энвером беки приступили к мобилизации населения в басмаческие шайки и проводили регулярное обучение последних под руководством турецких офицеров.

В Душанбе Энвер-паша открыл оружейную мастерскую, где изготовлением оружия занимались афганские специалисты. Насильственные меры, предпринятые Энвером, позволили ему к началу марта 1922 г. собрать до десяти тысяч басмачей¹, вооруженных английскими винтовками, доставленными из Кабула.

Против усилившегося басмачества начала свою активную деятельность «Чрезвычайная диктаторская комиссия». 10 марта 1922 г. она созвала конференцию представителей населения Байсуна и Ширабада, в которой участвовали 40 делегатов. Конференция обратилась с воззванием к джигитам, обманутым басмачами, призывав их сдать оружие и возвратиться к мирному труду.

Для разъяснения населению пагубных последствий авантюры агента международного империализма Энвера-паши, участники конференции были направлены (по десять человек) по вилаетам Восточной Бухары.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 208—213.

Председатель «Диктаторской комиссии» коммунист Насыр Хакимов в тяжелых условиях войны вел большую работу в тылу у врага в Душанбе, а его заместитель Алимджан Акчурин — в районе боевых действий в Байсуне.

События, развернувшиеся в Восточной Бухаре, подробно изложены в телеграмме полпреда РСФСР в Бухаре от 9 марта 1922 г.: «Али-бий находится в Душанбе, куда приказано явиться всем главарям басмачей на военный совет воевод. Происходит усиленное укрепление тыла, басмачи получают оружие, производят строевые занятия, руководимые турецкими офицерами. В Восточной Бухаре введен страшный эмирский режим. Лозунг басмачей: «Долой революционное правительство, долой русских, да здравствует власть эмира». Глубоких корней басмачество среди дехкан не имеет, дехкан они гонят с палками вперед, а сами идут с оружием позади. Во главе басмачей стоят муллы, бай, бывшие беки, эмирские чиновники. Среди басмачей много инструкторов афганцев. Осадой Старой Бухары руководит афганец Набий-хан, защитник эмира в дни революции. Часть басмачей Данияра из Восточной Бухары (под Душанбе), проехав 400 верст, заняли Шахрисабз, Яккабаг, Чиракчи и угрожают Карши; наше добровольное отступление от Восточной Бухары окрылило басмачей, позволило им поднять голову. Необходим удар по басмачам»¹.

Определяющую роль в развитии басмаческого движения в Бухаре сыграло вмешательство иностранных государств. Английские империалисты пустили в ход старый испытанный метод, натравливая Афганистан против БНСР. Из документов мы можем установить, что Афганистан по отношению к бухарским басмачам являлся поставщиком живой силы, снабжал басмачей оружием и золотом. Все интриги, какие Англия хотела провести против РСФСР на Востоке, она проводила, главным образом, через Афганистан, а Кабул превратился в транзитный пункт, опорную базу, плацдарм в осуществлении агрессивной политики английского империализма в отношении БНСР².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 187—191.

² Международная политика РСФСР в 1922 г. Издание НКВД, М., 1923, стр. 68.

«События в Восточной Бухаре не являются случайными,— говорилось в письме ЦК РКП(б), адресованном партийным организациям Средней Азии 16 июня 1922 г.— Энвер-пашу поддерживает Афганистан своим золотом и оружием и толкает его на агрессивные меры против России через энверскую авантюру. Энвер-паша стремится через своих агентов не только объединить под своим командованием всех басмачей, но и найти себе моральную поддержку среди мусульманской интеллигенции и улема»¹.

С декабря 1920 г. до конца 1921 г. до того, как Энвер-паша стал во главе контрреволюционно-националистического движения в Восточной Бухаре, басмачество носило, по преимуществу характер разобщенного антинародного движения, возглавляемого феодально-клерикальными элементами, в котором участие крестьянства носило случайный характер, а если и имело место, то лишь только по принуждению со стороны ставленников эмира, располагавших вооруженной силой и имевших фактическую власть над массами.

Энвер-паша пытался придать движению националистический характер, прикрыть антинародную природу басмачества лживым лозунгом борьбы за «национальное единство» и объединение всех среднеазиатских народов в одно политическое целое — «Исламское государство» под эгидой Турции.

События, развернувшиеся в Восточной Бухаре, представляли смертельную опасность для судеб Советской власти не только в Бухаре, но и во всей Средней Азии. По просьбе правительства БНСР на помощь трудовому народу Бухары в его ожесточенной борьбе с заклятыми врагами-империалистами, их агентами, басмаческой националистической контрреволюцией, пришла Красная Армия, что и вызвало, естественно, взрыв злобной клеветы и бешеную травлю со стороны Энвера-паши и его хозяев как на Западе, так и на Востоке².

В соответствии с директивой Туркбюро ЦК РКП(б) 4 марта 1922 г. в Восточную Бухару была направлена

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 19, л. 33.

² См. *Н. Березин*, Басмачество в Бухаре, «Военный работник Туркестана», № 7, 1922.

группа ответственных партийных работников для разъяснения крестьянским массам отдаленных районов освободительной миссии Красной Армии. Туркбюро признало целесообразным вместо предполагаемого съезда Советов всей Восточной Бухары повсеместно созывать курултай народных представителей, начав это мероприятие с созыва совещания в районах, не охваченных басмачеством. На съездах местных Советов рекомендовалось приступить к немедленному осуществлению реформ, связанных: а) с легализацией казийских судов; б) с возвращением вакуфных земель мечетям и медресе; в) с отменой всех видов налогов в районах, пострадавших от басмачей и г) широким привлечением в органы власти трудящихся и преданных делу революции представителей интеллигенции.

Критическое положение в Восточной Бухаре в связи с авантурой Энвера-паши побудило Советское правительство принять действенные меры против открытого вмешательства империалистических государств во внутренние дела БНСР в целях превращения ее в колонию британского империализма.

По заданию ЦК РКП(б) в Бухару 14 марта 1922 г. прибыли видный государственный деятель Я. Х. Петерс и находившийся в Москве председатель Совета Народных Назиров Ф. Ходжаев, который готовился к выезду в Геную для участия в мирной конференции в составе Советской делегации, возглавляемой Г. В. Чичериным.

Первую информацию в ЦК РКП(б) о положении в Бухаре Я. Х. Петерс направил 21 марта 1922 г., в ней сообщалось: «Энвер-паша находится в Восточной Бухаре, сгруппировал вокруг себя турецких офицеров и всех недовольных Советской Россией элементов и объявил священную войну России, Хиве, Бухаре и Туркестану»¹.

Правильно оценив силу контрреволюции, Я. Х. Петерс предвидел предстоящую Советской власти борьбу с организованным басмачеством в Средней Азии, которое «поддерживалось всеми средствами Англией»². Для достижения успеха Я. Х. Петерс признал крайне необходимым принять меры по сплочению революционных и демократических сил республики вокруг революционно-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 23.

² Там же.

демократического правительства, возглавляемого Ф. Ходжаевым, которое он считал «работоспособным и имеющим опору среди масс»¹.

Развитие басмачества в Восточной Бухаре активизировало банды и в Западной Бухаре. В первых числах марта 1922 г. несколько отрядов басмачей (до 400 человек) совершили нападение на Старую Бухару. Красноармейские части и отряды народной милиции сумели отразить басмачей, расположившихся лагерем в шести километрах от столицы.

К 8 марта 1922 г. положение в Старой Бухаре резко ухудшилось. К осаждавшим прибывали подкрепления. Целые кишлаки переходили на сторону басмачей. В этом немалую роль сыграла агитация агентов афганского посла и бухарских националистов.

В этих условиях БухЦИК и Совет Народных Назиров обратились 5 марта 1922 г. к Реввоенсовету Туркфронта с просьбой помочь в ликвидации басмачества в Западной Бухаре. Кавалерийские части Красной Армии в бою под Вабкентом и Гиждуваном 9 марта полностью разбили банду Джаббара².

Во время осады Старой Бухары, командир кавалерийского дивизиона Бухарской Красной Армии, бывший турецкий офицер Ибрагим Эфенди перешел к басмачам вместе с другими турецкими офицерами. В связи с этим революционное правительство отдало распоряжение об аресте всех турецких офицеров, находившихся в Бухаре. Было арестовано около 25 офицеров, помогавших басмачам в дни осады города.

Выехавший в Кермине Военный Назир БНСР А. Арифов, изменив революции, перешел к басмачам. Вместе с Арифовым перешел в лагерь врагов его заместитель, турецкий офицер Талат-Заде, а также заместитель Назира внутренних дел Мулла Баба³. Измена отдельных членов правительства БНСР со всей убедительностью доказала, что в его составе имелись националистическо-контрреволюционные элементы, связанные с Энвер-пашой и Афганистаном.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 23.

² «Жизнь национальностей», № 4 (10), 22 марта 1922 г., стр. 13.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 226.

В этот критический момент, когда решалась судьба Бухары, трудящиеся массы должны были определить — с кем им идти: с басмачами для того, чтобы превратить БНСР в колонию английского империализма, или с Советской Россией для достижения свободного и независимого развития Бухары как суверенного государства. Турккомиссия считала крайне необходимым послать специальную комиссию бухарского правительства в Восточную Бухару. На комиссию возлагалась очень ответственная задача — вбить клин между басмачами и населением путем немедленного осуществления ряда демократических реформ: возвращения вакуфов и восстановления суда казиев, освобождения от продналогов, пострадавших от басмачей вилаетов, устранения наиболее скомпрометированных агентов власти и привлечения мирного населения к участию в управлении путем созыва вилаетских курултаев и т. п.

Для оказания практической помощи местным коммунистам в борьбе с таким опасным врагом Советской власти, каким был Энвер-паша, в Бухару был направлен выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Г. К. Орджоникидзе, на которого возлагалась разработка практических мероприятий, связанных с полным разгромом басмачества и укреплением советских и партийных органов Туркестана и Бухары.

4 мая 1922 г. Г. К. Орджоникидзе прибыл в Бухару. 7 мая он побывал в Самарканде, где провел совещание с «левыми» коммунистами. 12 мая Г. К. Орджоникидзе телеграфировал в ЦК РКП(б): «Положение в Бухаре можно характеризовать почти всеобщим восстанием в Восточной Бухаре; оно по здешним данным приобретает организованный характер под руководством Энвера. Назреванию восстания способствовала деятельность нынешнего правительства, полное отсутствие деловитости его и мародерство, лишение снабжения и обмундирования наших частей. Для спасения положения необходима немедленная ликвидация Энвера, что и подготавливается. Поход в Восточную Бухару происходит в невероятно тяжелых условиях труднопроходимой местности, тропическая малярия, отсутствие транспорта и квартир, незнание местности»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 23, д. 46, л. 2.

Предвидя ожесточенный характер предстоящих боев, Г. К. Орджоникидзе писал: «С Энвером придется драться серьезно, но уверен, что ему свернем шею»¹.

Г. К. Орджоникидзе считал, что исход операции против Энвера зависит от проведения в самом срочном порядке следующих мероприятий:

1. Немедленная реорганизация власти; создание национально-демократического правительства, строгое соблюдение суверенитета БНСР, основное ядро правительства БНСР составить из группы Файзуллы Ходжаева и во главе с ним.

2. Предоставление Бухаре возможности реализовать за границей через советские порты товары, за исключением потребляемых Россией. Без этой меры неизбежен полный экономический развал и окончательный отход тех промышленно-торговых групп, которые кровно заинтересованы в поддержании теснейшей связи с Россией.

3. Распустить Компартию и комсомол. Состав партии и комсомола, по заявлению секретаря ЦК БКП и ряда ответственных товарищей, в своем подавляющем большинстве никуда не годен. Эту меру провести путем перерегистрации, оставив в партии небольшую группу надежных товарищей (ныне в партии 14 тысяч). Возложить на эту группу основную задачу пропаганды, агитации и просвещения. «Левых» коммунистов, состоящих по преимуществу из бывших эмирских чиновников и персов, имеющих свою отдельную нелегальную организацию и ведущих объективно контрреволюционную работу, объявить вне партии, оставив в ней отдельных честных товарищей.

4. Содержание армии, за исключением продовольствия, каковым снабжает бухарское правительство, возложить на снабженческие органы Красной Армии, отпустить для этой цели миллион золотых рублей².

ЦК РКП(б) одобрил план Г. К. Орджоникидзе, но внес следующие поправки: в состав «национально-демократического» правительства из представителей прогрессивной национальной буржуазии с участием мелкобуржуазных элементов города, включить «представителей

¹ «Коммунист Таджикистана», 15 июня 1949 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 23, д. 58, л. 1—2.

средних крестьян-дехкан», без которого правительство явилось бы «восстановлением власти эмира». ЦК РКП(б) признал необходимым сохранить советскую форму власти — как переходную к социалистической государственности. ЦК РКП(б) одобрил предложение Г. К. Орджоникидзе о переходе от Ревкомов к Народным Советам, но осуществить это важное мероприятие в Восточной Бухаре было признано целесообразным после разгрома басмачества. В отношении «левых» коммунистов ЦК РКП(б) полностью согласился с предложением Г. К. Орджоникидзе.

Как уже было сказано, экономические и политические условия Бухары как страны отсталой, почти с полным отсутствием промышленного пролетариата требовали от Коммунистической партии более медленного, более осторожного перехода к социализму и проявления большей осторожности и уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству. Коммунистическая партия боролась против всякого стремления «левых», рассчитанного на механическое пересаживание в Бухаре экономических мероприятий Центральной России, годных лишь для более высокой степени хозяйственного развития, считая, что это может привести к отрыву партии от основной массы населения — крестьянства и городской мелкой буржуазии. Поэтому после приезда Г. К. Орджоникидзе организация «левых» коммунистов в Бухаре 24 мая 1922 г. была распущена.

18 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло историческое постановление «О туркестано-бухарских делах». Была дана четкая директива по борьбе с басмачеством в Восточной Бухаре. Для создания перелома в настроении широких народных масс в пользу Советской власти Средазбюро ЦК РКП и Центральным Комитетом Компартий Туркестана, Бухары и Хорезма рекомендовалась организация совместно с советскими органами широкой политической кампании; было предложено очистить Туркестан, Бухару и Хиву от антисоветских, турецко-афганских элементов, дать амнистию всем желающим вернуться к мирному труду басмачам, возратить вакуфные земли их бывшим владельцам, а также легализовать местный национальный суд. Было признано необходимым улучшение состава бухарского правитель-

ства, пополнить его популярными представителями из дехкан и трудовой национальной интеллигенции¹.

Постановление ЦК РКП(б) «О туркестано-бухарских делах» послужило руководящим началом в деятельности компартий среднеазиатских республик по ликвидации авантюры Энвера. Заслуживают особого внимания мероприятия, осуществленные ЦК БКП и правительством БНСР по претворению в жизнь указанного постановления.

Еще 15 апреля 1922 г. в Карши были командированы председатель БухЦИКа М. Аминов и Назир внутренних дел М. Саиджанов, а с 3 мая Ф. Ходжаев начал объезд Бухарского и Кермининского вилаетов. В больших кишлаках в базарные дни устраивались многолюдные митинги, на которых разъяснялась истинная природа басмачества и вражеская роль Энвера-паши. В результате плодотворной деятельности руководящих деятелей бухарского правительства, в Бухарском и Кермининском вилаетах добровольно сдались три главаря басмачей и 400 вооруженных джигитов, заявивших о желании вернуться к мирному труду².

Отмечая заслуги Файзуллы Ходжаева «перед социалистическим отечеством в бою против его врагов — эмирско-басмаческих банд за защиту жизни, благосостояния трудящихся масс Бухары от контрреволюции и за общее укрепление Советской Народной власти в Бухаре», ВЦИК 20 июня 1922 г. наградил его орденом «Красное знамя» — символом мировой социалистической революции³.

Бухарская Коммунистическая партия развернула широкую агитационную работу среди масс; трудовому крестьянству была разъяснена освободительная миссия Красной Армии и ее роль в окончательной ликвидации басмачества, несущего разорение и опустошение стране. Для этой цели 4 июня 1922 г. была созвана IV Чрезвычайная сессия БухЦИКа.

В центре внимания сессии стоял вопрос о борьбе с басмачеством. В докладе председателя Совета Народных Назиров Ф. Ходжаева, так же как и в резолюции

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. 2.

² «Бухоро Ахбори», № 85, 18 мая 1922 г.

³ «Известия БухЦИКа», № 92, 17 августа 1922 г.

сессии, была вскрыта антинародная природа басмачества. Сессия единогласно приняла постановление, в котором было подтверждено, что:

«1. Энвер-паша и его сообщники не питают к Бухаре никаких доброжелательных чувств.

2. Энвер-паша желает совместно с восточнобухарскими басмачами закабалить Бухару под английским каблуком, что с точки зрения мусульман вообще, так и Бухары в частности является преступлением.

3. IV сессия БухЦИКа предлагает бухарскому народу, хорошо понявшему все эти обстоятельства, собраться под Красное знамя и объединенными силами бороться с басмачеством Энвера-паши»¹.

Сессия предложила правительству БНСР напрямь все силы на разгром врага и повести разъяснительную работу среди обманутого и силой втянутого в басмачество населения, склоняя его к добровольной сдаче оружия. Умело это было организовано в районах Бухарского вилайете весной 1922 г., где крестьяне выразили свое явное враждебное отношение к басмачам.

Решающую роль в разгроме Энвера-паши сыграла военная помощь Советской России. В течение марта-апреля 1922 г. на Восточно-Бухарский фронт были отправлены стрелковые части, два бронепоезда, три бронепоезда, две батареи, кавэскадрон, три пулеметные роты и существенно улучшено снабжение красноармейских частей. Перед решающими сражениями против басмачей в Бухару прибыли стрелковая бригада из Тамбова, кавполк из Орши, полк 17 стрелковой дивизии из Владимира и другие части и подразделения из различных военных округов РСФСР².

13 мая 1922 г. Энвер-паша перешел к активным действиям. Он стремился сорвать сосредоточение красноармейских частей, начав атаки, под Кермине на правом фланге и под Байсуном, в надежде прервать связь Красной Армии с Ширабадом, Термезом, а также с тылом. Все атаки войск Энвера были отбиты частями Красной Армии с большими потерями для врага. Под Керки 22 мая были полностью истреблены окружавшие город басмаческие шайки; под Байсуном шайка Ибрагим-бека,

¹ «Известия БухЦИКа», № 87, 17 июня 1922 г.

² «Военно-исторический архив», № 6, 1963, стр. 112—113.

насчитывавшая 1900 бойцов, пыталась перерезать коммуникации красноармейских частей, но после ряда ударов Красной Армии была отброшена и с 20 мая 1922 г. активности в этом районе не проявляла. Это дало возможность начать наступление против басмачей в тылу — в долине Зеравшана. 28 мая военная база муллы Абдул-Кахара в Нурате была разгромлена и остатки его банды укрылись в пустыне.

С разгромом банд Энвера в районах Байсуна, Керки и Нураты завершился первый этап операции против басмачей. В ходе операции явно определилось враждебное отношение к Энверу населения занятых им районов; оно, скрываясь от басмачей в горах, оказывало поддержку и помощь Красной Армии¹.

Решительное сражение против банд Энвера-паши произошло 15 июня 1922 г. в районе Байсуна-Рабата. 15 стрелковый полк, разгромив крупные скопления басмачей (было убито 200 бандитов, взята в плен личная охрана Энвера) и, преследуя врага, занял 18 июня Денау, Юрчи, 22 июня — Кабаджан, 30 июня — Регар, 1 июля — Каратаг, 2 июля — Гиссар, 14 июля — Душанбе. Энвер-паша отступил в Бальджуан².

В боях против банд Энвера-паши отличились командир Бухарской группы войск Н. Какурин, комбриг Я. А. Мелькумов, политком кавалерийской бригады Н. Д. Ратников, комкор П. А. Павлов и другие полководцы Красной Армии.

В связи с победой советских войск над силами международного империализма, в Бухаре был проведен многотысячный митинг. В тот же день состоялось объединенное заседание ЦК БКП, БухЦИКа и Совета Народных Назиров с участием Главкома С. С. Каменева, прибывшего в Бухару для руководства боевыми операциями против Энвера-паши.

С занятием советскими войсками Кабадина, Юрчи, Денау, Сары-Ассия жизнь в этих районах входила в нормальную колею. Население, ранее скрывавшееся в горах и ущельях, возвратилось и приступило к уборке урожая и налаживало свое хозяйство. Отношение мирных жителей к Красной Армии было весьма дружелюбным.

¹ «Известия ТуркЦИКа», № 44, 5 июля 1922 г.

² «Военный работник Туркестана», № 10, 1923, стр. 76—77.

В освобожденных от басмачей районах были организованы вилайетские ревкомы.

Красноармейские части, преследуя врага, 17 июля 1922 г. заняли Куляб, 20 июля — Бальджуан, окружив со всех сторон остатки банды Энвера. В течение трех дней (с 17 по 20 июля) в ожесточенных боях враг потерял более 1000 человек убитыми, однако продолжал сопротивляться, пытаясь вырваться из окружения. 1 августа Энвер-паша, собрав остатки разгромленных басмачей, и, опираясь на некоторые подкрепления, прибывшие из Афганистана, перешел в наступление в районе Бальджуана. В ожесточенных сражениях за Бальджуан, продолжавшихся три дня, банда Энвера-паши была окончательно разгромлена. 4 августа 1922 г. в кишлаке Аби-Дара, в 12 верстах северо-восточнее Душанбе, в стычке с красноармейским отрядом Энвер-паша, одетый в английскую военную форму, был убит¹. После гибели Энвера басмачи в страшной панике бежали в горы. Районы Хвалынга и Бальджуана были полностью очищены от энверовских банд. Народ, возвращаясь с гор, радостно встретил своих освободителей — героических воинов Красной Армии.

Разгромом банд Энвера-паши был нанесен сокрушительный удар по планам вооруженного вмешательства английских империалистов во внутренние дела БНСР. Трудящиеся Бухары под руководством БКП, опираясь на бескорыстную братскую помощь Советского правительства и ЦК РКП(б), неуклонно шли по пути укрепления союза с Социалистической Россией — оплотом свободы и независимости угнетенных народов Востока.

Басмаческое движение, возглавляемое Энвером-пашой, принесло неисчислимые бедствия и страдания трудовому народу Бухары. III Всебухарский съезд Советов, проходивший с 15 по 18 августа 1922 г., справедливо оценил басмачество как антишариатное (противозаконное) и антинародное движение эксплуататорских классов, поддерживаемых империалистическими государствами, направленное против национальной независимости и государственного суверенитета БНСР.

III съезд Советов разоблачил клеветнический и провокационный характер измышлений врагов Советской

¹ «Военно-исторический журнал», № 6, 1963, стр. 113.

власти, распространявших гнусную ложь, с целью опорочить Красную Армию, выполнявшую свой интернациональный долг. В резолюции съезда, принятой по докладу «О Красной Армии», было особо подчеркнуто: «Русская Красная Армия прибыла в Бухару не по собственной инициативе, не ради достижения какой-либо корыстной цели, а, наоборот, по зову Бухарской Народной Советской Республики для освобождения ее территории и угнетенного народа от продолжавшегося басмаческого движения»¹.

III Всебухарский съезд Советов прошел под знаком укрепления дружбы с Советской Россией. Он высоко оценил бескорыстную помощь Российской Федерации и освободительную роль Красной Армии в разгроме басмачества.

Съезд направил приветственную телеграмму В. И. Ленину — вождю мирового пролетариата и истинному другу угнетенных народов Востока: «...узнав с чувством живейшей радости о Вашем выздоровлении, шлем Вам искреннее пожелание здравствовать много лет на благо трудящихся всего мира»².

III Всебухарский съезд Советов принял обращение к населению. «Бухарская Народная Советская Республика, — говорилось в обращении, — перед лицом сильного противника в борьбе пошла рука об руку с трудовым народом России, которая своей героической борьбой указала народам Востока пути к революции и освобождению. В братском союзе обеих республик против врагов мы добились благих результатов: упорная борьба, которую мы вели в настоящее время, подходит к концу и в недалеком будущем все вилаеты БНСР будут освобождены от энверовских грабительских банд, служащих орудием контрреволюционных гнусных замыслов правительства Антанты»³.

По решению съезда, за героическую защиту государственного суверенитета БНСР от покушения империалистических государств свыше 70 участников боев с

¹ Съезды Советов в документах (1917—1922 гг.), т. II, Госюриздат, М., 1960, стр. 587.

² Письма трудящихся Туркестана В. И. Ленину. Изд-во «Узбекистан», Ташкент, 1964, стр. 133.

³ «Туркестанская правда», 25 августа 1922 г.

бандами Энвера-паши были удостоены высшей правительственной награды БНСР. Среди них Главком Вооруженными силами РСФСР С. С. Каменев, командир бухарской группы войск Н. Кокурин, красноармейцы Гайнуллин, Аскарлов, активисты из местного населения Юлдашев (член «Диктаторской комиссии»), Камил акакал из Бухарского вилаята, туркмены Наурузов и Ишниязов, председатель Шахрисабзского ревкома Ахмедханов, начальник милиции Байсуна Исламов, Нигматулла из Гиждувана, Хаджикул-амин из Кермине и другие.

ЛИКВИДАЦИЯ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БУХАРЕ

После разгрома Энвера-паши басмачество потеряло резко выраженный политический характер «всемусульманского» движения в Средней Азии. Со смертью Энвера басмачи потеряли политического и военного руководителя, а попытка Данияр-бия объединить басмачей не имела успеха.

В сентябре 1922 г. на территории Бухары действовали 10 отдельных групп, насчитывающих 3120 басмачей при десяти орудиях, тогда как до разгрома Энвера-паши в Восточной Бухаре насчитывалось до 17 000 басмачей при семнадцати орудиях.

В течение августа-сентября 1922 г. части Красной Армии вели бои против Ибрагим-бека в Локае. 7 сентября 1922 г. его банде был нанесен сильный удар. После этого Ибрагим-бек трусливо скрылся в Бальджуане с остатками шайки в 100 человек.

После панического бегства Ибрагим-бека локайцы сдали «диктаторской комиссии» по делам Восточной Бухары свыше 100 голов скота, много фуража, три пулемета и 140 винтовок.

К концу 1922 г. военно-политическая обстановка в Восточной Бухаре снова осложнилась. После разгрома басмачей Энвера-паши турецкий генерал Салим-паша занял его место. Ему удалось договориться с главарями басмачей — Ибрагим-беком, скрывавшимся в Бальджуане, Данияром, орудовавшим в Каратегине и Ишаном Султаном, по-прежнему хозяйничавшим в Дарвазе, о совместной борьбе с Красной Армией.

Тем временем Бухарская Коммунистическая партия широко развернула кипучую деятельность в освобожденных от басмаческих банд районах. В течение сентября-октября 1922 г. секретарем ЦК БКП А. Соколовым были проведены в Восточной Бухаре пять съездов племен, принимавших ранее участие в басмаческом движении. На этих съездах население изъявило полную готовность сдать все оружие к 15 ноября 1922 г. Из каждого племени для установления связи с органами власти были избраны по одному представителю в Совет при «диктаторской комиссии» по делам Восточной Бухары.

Учитывая военно-стратегическое положение Дарваза, как пограничного района, где скопились банды Султана-Ишана — одного из влиятельных представителей басмачей в Восточной Бухаре, секретариат ЦК РКП(б) обсудил сообщение главы правительства БНСР Файзуллы Ходжаева о положении в районе Дарваза. В сентябре 1922 г. секретариат постановил отправить в Дарваз специальный отряд для борьбы с малярией. Контроль за исполнением постановления был возложен на секретаря ЦК РКП(б) В. В. Куйбышева и Наркома здравоохранения РСФСР.

ЦК РКП(б) предложил Реввоенсовету республики командировать в Бухару военных инструкторов для организации бухарской национальной армии, оказать содействие правительству БНСР в закупке 200 тысяч пудов хлеба для армии.

Чтобы помочь экономическому возрождению республики, ЦК РКП(б) предложил Хлопковому комитету увеличить цены на хлопок, что несомненно создавало стимул для увеличения посевных площадей под хлопчатник. Народному комиссариату иностранных дел было предписано оказать поддержку правительству БНСР в переговорах с представителями германских торговых и промышленных фирм, реализации каракуля и других товаров для экспорта¹.

Одновременно с этим ЦК РКП(б) утвердил директиву по «Туркестанскому вопросу», выработанную комиссией с участием Г. К. Орджоникидзе, В. В.

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 35, л. 40.

Куйбышева, Я. Э. Рудзутака, А. Гусева, Ш. З. Элиава и Ф. Ходжаева.

В названной директиве ЦК РКП(б) в интересах быстрой ликвидации басмачества в Восточной Бухаре рекомендовал действовать решительно, завершить успехи в борьбе с басмачеством полным его разгромом. Указывалось, что в борьбу с басмачеством необходимо, смотря по обстановке, вовлечь трудовые элементы местного населения (в виде милиции) с тем, чтобы она не ложилась бременем на население, а содержалась исключительно за счет государства.

Директива ЦК РКП(б) определяла задачи Средазбюро и Центральных Комитетов компартий Туркестана и Бухары и в политической области. Предусматривалось осуществление таких организационных мероприятий, которые облегчали бы борьбу красноармейских частей против басмачей и содействовали бы закреплению достигнутых военных успехов. Для этого требовалось:

а) решительный и бесповоротный отказ от пагубной политики насильственного классового расслоения населения;

б) неуклонное проведение политики уступок местному, отсталому в культурном отношении, населению в виде возвращения вакуфных земель, восстановления местных казийских судов и пр.;

в) переброска политических работников из Ташкента и Бухары в прифронтовую полосу, которые могли бы продвигаясь вслед за армией, укреплять местные органы власти, собирать вокруг них лучших людей. На первое время лучшей формой власти в таких районах признавалась организация ревкомов;

г) неустанное разъяснение мирному населению через печать и на митингах социальной природы басмачества как агентуры английского империализма, разрушающего народное хозяйство и грабящего страну.

ЦК РКП(б) считал, что полное успокоение страны достижимо лишь при условии восстановления нормальных хозяйственных отношений. В связи с этим одной из боевых задач признавалось восстановление сельского хозяйства, в первую очередь хлопководства. ЦК РКП(б) призвал партийные и советские органы приложить все усилия к увеличению катастрофически сократившейся посевной площади хлопчатника и других технических

культур. В этих целях рекомендовалось прекратить всякое выселение и переселение крестьян и создать условия, вселяющие дехканину уверенность в неприкосновенности плодов его трудового хозяйства, если он выполняет все законные обязательства по отношению к государству¹.

ЦК БКП, опираясь на повседневную военно-политическую и хозяйственно-финансовую помощь РСФСР, развернул борьбу с басмачеством не только путем усиленного военного нажима, но и проведения ряда мероприятий в области советского строительства: оживление деятельности Советов, чистка органов власти от враждебных элементов, переброска новых работников, проведение широкой агитационной работы и т. д. Предусматривались развертывание хозяйственного строительства, отмена «улав» — повинности по поставке лошадей, арб и других средств передвижения для армии и представителей власти, материальная помощь крестьянству, поставка товаров, улучшение снабжения воинских частей и т. д. Все эти мероприятия, осуществляемые ЦК БКП в Восточной Бухаре, давали свои результаты. Если на 1 января 1923 г. в Восточной Бухаре находилось 5 тысяч басмачей, то на 1 декабря того же года количество их сократилось более чем в три раза, а попытка Ибрагим-бека пополнить силы басмачей за счет местного населения не увенчалась успехом². Примечательным является тот факт, что Локай — гнездо басмачества, — порвав связь с Ибрагим-беком, направил на III съезд Советов в Бухару 130 делегатов.

1923 год был переломным в борьбе с басмачеством в Туркестане. Напряженная борьба с басмачеством в Восточной Бухаре потребовала приложения огромных усилий армии и народа для достижения полной победы.

В начале 1923 г. на басмаческом фронте в Бухаре действовали три основные группировки: 1) банда Салим-паши в Средней Бухаре; 2) шайка Ибрагим-бека, численностью до 600 человек в Восточной Бухаре (Гиссарская долина) и 3) «воины ислама» под предводительством Муллы Абдул Кахара в Западной Бухаре (в районе

¹ Партархия Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 166, л. 6.

² «Озод Бухоро», 31 января 1924 г.

Нураты и Гиждувана). Против этих группировок и были направлены удары Красной Армии.

В середине февраля 1923 г. активизировала свою деятельность банда Салим-паши. Ему удалось занять фронтовую линию Карши-Керки, Термез-Байсун. 10 марта Салим-паша сосредоточил 1300 всадников в районе Куштами и двинулся в направлении Келеф. 11 кавполк остановил продвижение басмачей, которые отступили к северу и были разгромлены 12 кавалерийским корпусом, преследовавшим врага до горы Бабатаг (Кабадиян), служившей местом укрытия басмачей.

Если весной 1923 г. большинство населения Восточной Бухары все еще верило в успех басмачей, то разгром банд Салим-паша окончательно развеял сомнения крестьян в силе Красной Армии. Одним из подтверждений этого явилось добровольное вступление летом 1923 г. 200 крестьян Шахрисабза в ряды Красной Армии¹. «В настоящее время, — писал комкор Павлов 30 мая 1923 г., — активного восстания большинства населения на всей территории действия наших частей нет»².

В освобождении Восточной Бухары от банд Салим-паши и Ибрагим-бека, численность которых временами доходила до пяти тысяч джигитов, участвовали части 13 стрелкового корпуса, в рядах которых сражались 1108 бойцов бухарской национальной Красной Армии. Совместными усилиями красных бухарских и российских войск 29 июля 1923 г. был освобожден Каратегинский вилайет с центром в Гарме.

10 июня 1923 г. ЦК РКП(б) принял постановление о создании Реввоенсовета Восточной Бухары для единого руководства действиями против басмачей, утвердил его состав и в качестве председателя главу правительства БНСР Файзуллу Ходжаева³. 28 июля 1923 г. Реввоенсовет Восточной Бухары, рассмотрев ближайшие и неотложные мероприятия, признал необходимым созвать в Локае, во всех вилайетах Восточной Бухары курултай, на которых обсудить доклад областного Ревкома Восточной Бухары о борьбе с басмачеством, а также вопросы, свя-

¹ Военно-исторический журнал, № 6, 1963, стр. 115.

² Партархив ИИ КП при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 13, л. 22.

³ Там же, д. 35, л. 14.

занные с вакуфом, кооперацией, торговлей, налогами и повинностями и избрать новые составы исполкомов.

На этом же заседании Реввоенсовета Восточной Бухары были назначены заведующие отделами Ревкома: Кариев (экономический отдел), Музафаров (союз дехкан), Вахидов (отдел строительства), Умаров (отдел охраны) и Мусаходжаев (отдел госконтроля), что способствовало приближению органов власти к населению.

Для претворения в жизнь директив ЦК РКП(б) о привлечении широких масс трудящихся к борьбе против басмачества и установлении тесного контакта красноармейских частей с местным населением, в Восточную Бухару был направлен председатель Реввоенсовета Файзулла Ходжаев, который 7 августа 1923 г. прибыл в Локай.

Реввоенсоветом Восточной Бухары в Султанабаде был созван курултай, в котором приняли участие 400 представителей племени локай. Состоялись праздник спорта и разного рода развлечения, на которых произошло братание красноармейцев и населения. На курултае с речами выступили 20 ораторов из местного населения; они с возмущением рассказывали о насилиях басмачей над мирным населением.

8 августа в Янги-Базаре был созван курултай племени марка с участием 359 делегатов.

На курултай в г. Каратаге прибыло около 3000 представителей местного населения. Курултай прошел успешно. В центре его внимания стояли вопросы о поднятии земледелия, помощи дехканскому хозяйству, отмене повинностей, объединении кустарей в союзы. На съезде выступили с докладами пять представителей местной национальности (из семи докладчиков), что свидетельствовало о несомненном возрастании активности местных работников и вовлечения их в органы народной власти. Один из выступивших таджиков заявил: «Мы Советскую власть поняли лучше, чем другие племена, мы крепко держимся за халат этой власти, мы знаем, ни в чем не виновата Советская власть, главные наши разорители — это басмачи»¹.

Председатель Реввоенсовета Восточной Бухары Ф. Ходжаев провел семь национально-племенных

¹ ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 143, л. 78—81. Также «Озод Бухоро», № 207, 1923 г.

курултаев, в которых приняло участие 4260 человек в районах, ранее считавшихся в Восточной Бухаре опорой басмачества.

Были организованы также 19 вилаетских и туменских курултаев в Сары-Ассийском, Душанбинском, Кулябском, Курган-Тепинском, Байсунском районах, в работе которых приняли участие 6100 человек.

За время деятельности в Восточной Бухаре Реввоенсовета Восточной Бухары были отменены всякого рода реквизиции продовольствия, фуража и скота; упразднена должность «раиса» — блюстителя нравственности — как пережиток эмирской эпохи; ликвидирован институт «танхо» — помещичье землевладение, а земли, обрабатываемые крестьянами-арендаторами, были переданы безвозмездно в фактическое владение и распоряжение тех, в чьих руках они находились; уничтожена система взимания оплаты с населения за проезд определенного расстояния при выполнении должностными лицами своих служебных обязанностей; приняты меры к улучшению работы ревкомов.

Все эти мероприятия, проведенные с участием местного населения сопровождались оживлением общественной жизни в Восточной Бухаре. 13 сентября 1923 г. здесь состоялся второй съезд таджиков, в котором приняло участие 600 делегатов. На съезде от Восточной Бухары были избраны 100 делегатов на IV Всебухарский съезд Советов¹.

Плодотворная работа по закреплению боевых успехов Красной Армии, осуществление ряда организационных и хозяйственных мероприятий способствовала полному отходу местного населения от басмачества. Когда в сентябре 1923 г. Ибрагим-бек явился к своим «сородичам» в Локай за помощью, то односельчане прогнали его. Потеряв опору среди населения и надежду на успех, банда Барата-Курбаши, действовавшая на левом берегу Вахша, добровольно сдалась Кулябскому ревкому. Главарь басмачей Тугай Сары, орудовавший в районе Курган-Тюбе, потерпев полное поражение, 30 октября 1923 г. прекратил сопротивление. Все это является доказатель-

¹ ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 143, л. 78—81. См. «Озод Бухоро», № 207, 1923 г.

ством перелома в настроении населения и перехода его на сторону Советской власти¹.

Коммунистическая партия в борьбе против басмачества использовала различные методы, могущие принести пользу укреплению основ народной власти. С этой целью была использована также и прогрессивная интеллигенция, враждебная к басмачеству. 28 января 1924 г. в Бухаре открылся съезд мусульманского духовенства с участием 113 улемов — ученых правоведов (фукахо).

Съезд обсудил вопросы, связанные с реформой школ, в которых намечалась советская система народного образования, введение преподавания географии, арифметики и истории. На съезде обсуждались также вопросы о борьбе с басмачеством; о расширении прав женщин путем уравнивания их в правах с мужчинами на суде при даче свидетельских показаний; о согласии сторон, в том числе и невесты, при вступлении в брак; об установлении 16-летнего брачного возраста для невесты и объявления калыма вне шариата (закона) и т. д.

Особое место на съезде заняло обсуждение докладов мусульманских улемов (ученых) по вопросу «Англия и мусульманский мир». Съезд принял резолюцию, призывавшую все мусульманские народы сплотиться вокруг Советской власти, единственно способной осуществить дело освобождения угнетенного Востока и доказавшей это своей борьбой против империализма за свободу и независимость Туркестана и Бухары².

В резолюции I курултая улемов Бухары, принятой 30 января 1924 г. по докладу муллы Акмала Фазил Ходжаева «О басмачестве», подчеркивалось:

«1. Басмачи, грабящие и разрушающие хозяйство страны, являются врагами народа. Для обмана народа в целях успешного грабежа басмачи ложно прикрываются делом защиты ислама, но этот злой обман басмачей курултай улемов раскрывает и говорит: басмачи не защитники, а отверженные враги ислама.

2. Среди басмачей находятся эмирские чиновники, которые стараются обратить население в сторонников эмирата. Поэтому курултай улемов доводит до всеобщего сведения, что отныне эмир не может быть правителем

¹ «Озод Бухоро», № 218, 1923 г.

² «Туркестанская правда», 5 февраля 1924 г.

страны, ибо он был изгнан народом за тянувшийся годами произвол, злоупотребления шариатом. Советская власть не расходится с шариатом, она обеспечивает власть народа, а потому наш народ должен быть ей верен и оказывать всемерное содействие»¹.

Съезд улемов признал необходимым обратиться к населению с призывом-декларацией («Воззвание улемов о басмачестве»). Под декларацией стояли подписи 113 толкователей шариата.

Признание улемами-учеными законооведами Бухары противозаконного характера действий грабительских шаяк помогло сорвать с басмачей маску мнимого благочестия, которой они прикрывались в течение ряда лет, выдавая себя за истинных «защитников» ислама и мусульманской бытовой жизни, освященной шариатом.

Народ, поняв социальные корни басмачества, его антинародный характер, окончательно стал отходить от него.

По данным Туркфронта в Западной Бухаре в январе 1924 г. насчитывалось 1800 басмачей, а к 1 июня осталось лишь 203, но и они начали переходить к мирной трудовой жизни. Однако остатки басмаческих шаяк муллы Абдукаха и Джуры Амина еще скрывались в песках. В Средней Бухаре к февралю 1924 г. насчитывалось 370 басмачей, но к 1 июля 1924 г. их количество уменьшилось до 163. В результате усиления военного нажима и принятия мер по дальнейшей советизации органов народной власти, рост басмачества приостановился, началось полное разложение местных мелких банд.

В Локайском районе басмаческие шайки распались на небольшие группы, Ибрагим-беку не удалось их объединить. Он занял пассивную наблюдательную позицию. Однако в апреле-мае 1924 г. басмачи получили из-за кордона оружие, патроны. К Ибрагим-беку прибыл ряд курьеров с указаниями от бывшего бухарского эмира. Произошла активизация банд в Локайском районе. Ибрагим-беку удалось организовать массовое истребление населения племени марка.

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 123, л. 111.

Несмотря на известную активизацию басмачества в Восточной Бухаре, «отчетливый перелом в сторону Советской власти имеется в Каратегине, Дарвазе, по левобережью реки Вахша»¹, — писал в путевых заметках председатель эконосовета БНСР А. Мухетдинов, посетивший Восточную Бухару весной 1924 г.

Военный разгром основных сил басмачества, массовый переход населения на сторону Советской власти позволили ЦИК БНСР постановлением от 9 марта 1924 г. отменить чрезвычайное положение в Восточной Бухаре. «Диктаторская комиссия» была упразднена. В Душанбе был организован Восточно-Бухарский исполком с отделами экономическим, финансово-налоговым, земледелия, госторга, сельхозбанка, народного образования и милиции².

15 июля 1924 г. председатель Восточно-Бухарского исполкома Нусратулла Максум выехал в Локайский район в связи с перенесением места пребывания исполкома из Каратага в село Ябан, вблизи Душанбе. Это было сделано для того, чтобы центр тяжести борьбы с басмачеством перенести непосредственно к месту нахождения остатков банды Ибрагим-бека. Вместе с Насратуллой Максумом выехала также экономическая комиссия БухЦИКа во главе с А. Мухетдиновым для оказания помощи пострадавшему от басмачей населению.

Ставка Ибрагим-бека находилась в селении Кок-Таш, на левом берегу Кафирнигана, в десяти километрах от Душанбе. Селение оказалось совершенно опустошенным, как и весь Локайский район. К лету 1924 г. из 3174 дворов здесь остался лишь 1201 двор. Сильно сократилось количество скота, поля были опустошены.

Крайняя степень нищеты и разорения — таков итог хозяйничания банд Ибрагим-бека и других главарей басмачества.

Экономическая комиссия БухЦИКа, пробыв в Ябане одни сутки, направилась 16 июля 1924 г. в селение Нарын, служившее прежде также местом пребывания Ибрагим-бека; здесь из 200 семейств осталось не более 70.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 114, л. 54.

² ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 76, л. 52.

На объединенном заседании Ревкома Ябанского тумена с участием А. Мухетдинова и Нусратуллы Максума было принято решение:

1) приступить к восстановлению кишлаков Кок-Таш и Арал, для чего выделить необходимые средства из сельхозбанка; 2) открыть в Ябане отделение Госбанка; 3) освободить от сельхозналога «ушра» беднейшую часть населения.

18 июля 1924 г. Восточно-Бухарский областной исполнительный комитет утвердил данное решение¹.

Экономическая комиссия БухЦИКа приняла энергичные меры по восстановлению разрушенных басмачами сел и городов, на что было ассигновано свыше 150 тысяч рублей.

Восстановление города Денау — одного из крупных населенных пунктов в Восточной Бухаре, пришедшего в полное опустошение в годы басмачества, а также Гиссара с его громадными базарами и многочисленными караван-сараями и возвращение в них населения имело не только внутривосстановительное, но и международное значение.

Экономическая комиссия БухЦИКа начала кредитование крестьян путем организации товариществ. Кредит выдавался обычно бедным крестьянам и ремесленникам (ткачам, кожевникам, кустарям) в размере до ста рублей на каждого работника. В Восточной Бухаре с 18 июня по 13 июля 1924 г. были организованы сельскохозяйственные кредитные товарищества в Байсуне, Душанбе, Каратаге и Янги-Базаре. Им был выдан долгосрочный кредит на сумму 36 тысяч рублей².

Среднеазиатский коммерческий банк приступил к кредитованию мелких торговцев, обслуживающих товарооборот между вилайетами внутри Восточной Бухары, сумму кредита в одну тысячу рублей на каждого купца. В течение июля 1924 г. 27 купцов получили в виде кредита 57 200 рублей³.

В Душанбе было открыто отделение Госторга, который распространял свое влияние на кишлаки через сотни мелкорозничных торговцев — чарбазаров, которые по-

¹ «Народное хозяйство Средней Азии», № 2—3, 1924 г. стр. 69.

² Там же, стр. 64.

³ Там же, стр. 65.

лучили товары в кредит. Госторг влиял на снижение цен на промышленные товары.

Заготовки кожсырья и кишок в Восточной Бухаре до 1916 г. осуществлялись представительством фирмы «Диршмидт». После революции ее функции были переданы Госторгу, который открыл приемные отделы по заготовке кожсырья в различных городах Восточной Бухары. Отсюда на экспорт шли пшеница, рис, кунжут, фисташки и другие сельхозпродукты, производимые в Ширабаде, Курган-Тюбе и Кулябе. Они вывозились по Амударье вниз каючным транспортом, для восстановления которого государством было отпущено 500 000 рублей. 11 июля 1924 г. Керкинское отделение Госторга кредитовало 12 купцов на сумму 10 500 рублей для усиления торгового оборота и на постройку 18 новых каюков.

Между Карши и Душанбе началось регулярное караванное сообщение, на восстановление которого было выделено 50 тыс. рублей.

Экономические мероприятия, осуществленные правительством БНСР, давали положительные результаты. Средняки переходили на сторону Советской власти. Председатель Восточно-Бухарского исполкома Нусратулла Максум писал: «Настроение дехканского населения, безусловно, в нашу пользу, что свидетельствует об их участии в ликвидации басмачества за время борьбы, в расширении новометодных школ, добровольного внесения налогов, их настроение во время митингов, беспартийных конференций и т. д. настоящего массового притока дехкан и всех трудящихся в день похорон нашего учителя и вождя В. И. Ленина и т. д.»¹

Враждебное отношение населения к басмачеству отчетливо выражено в письме жителей кишлака Ак-Тепе Ширабадского вилаята, посланного Генеральному консулу СССР в Термезе. Пострадавшие от грабежа басмачей 24 крестьянских хозяйства просили установить в кишлаке красноармейский пост, который бы оберегал их от бандитов².

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 75, л. 190.

² Там же.

По инициативе ЦК БКП с 5 июля 1924 г. проводился «Месячник борьбы с басмачеством». Он проходил одновременно с укреплением органов местной власти. На места были командированы ответственные работники-коммунисты. Во время «месячника» 17 курбашей и 250 рядовых басмачей добровольно сдались революционным властям. К 1 сентября 1924 г. Шахрисабзский, Бухарский, Каршинский, Кермининский, Гузарский и Нура-тинский вилаеты были полностью очищены от басмачей.

24 августа 1924 г. Средазбюро ЦК РКП(б), рассмотрев предложения Реввоенсовета Туркфронта об окончательной ликвидации остатков басмаческих банд в Восточной Бухаре, признало, что хотя проведенный ЦК БКП «Месячник борьбы с басмачеством» дал весьма существенные результаты, в связи с тем, что скрывшийся в Афганистане эмир снова формирует шайки из эмигрантов и деклассированных уголовных элементов, вооруженных английским оружием, и перебрасывает их на территорию БНСР, Средазбюро ЦК РКП(б) предложило Реввоенсовету Туркфронта усилить борьбу с басмачеством, с одновременным усилением партийной и советской работы на местах, проведением чистки органов власти от враждебных элементов, приближением Советов к дехканским массам.

Сообразуясь с местными особенностями, Средазбюро ЦК РКП(б) предложило партийным, советским и военным организациям в борьбе с басмачеством руководствоваться следующим:

- 1) полная нейтрализация байства и духовенства;
- 2) постепенное, но решительное вовлечение дехканства — середняков и бедняцких слоев в управление государством;

- 3) использование местной торговой буржуазии в интересах налаживания экономических связей и развития товарооборота с Центральной Бухарой и создание уверенности у населения, что Советская власть крайне заинтересована в экономическом возрождении Восточной Бухары;

- 4) принятие мер по развитию государственной и кооперативной торговли путем увеличения сети мелкорозничной торговли с целью охвата всех кишлаков и отдаленных населенных пунктов в горных районах;

5) организация и расширение кооперации путем сельскохозяйственного кредита и постепенное освобождение крестьян из-под власти баев и ростовщиков.

В связи с образованием в октябре 1924 г. Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики в составе УзССР и перенесением столицы республики из Кагана в Душанбе, нужно было полностью очищать районы Душанбе — Центр Восточной Бухары от басмаческих банд. В этих целях Средазбюро ЦК РКП(б) утвердило «План координирования работ партийных, советских, хозяйственных и военных органов для скорейшей ликвидации басмачества и организации партийного и советского аппарата в Восточной Бухаре»¹.

Вследствие слабости советских органов Восточной Бухары до создания Таджикской АССР к военным операциям против басмачей недостаточно привлекалось местное население. Хотя основные басмаческие банды (Энвер-паши, Салим-паши) были разгромлены, это не привело к полному очищению территории Восточной Бухары от басмачества. Учитывая это немаловажное обстоятельство, Средазбюро ЦК РКП(б) предложило Ревкому Таджикской АССР приступить к формированию национальных частей Красной Армии и шире привлекать местное население к борьбе с басмачеством.

Для усиления партийной работы в районах Восточной Бухары и создания советского государственного аппарата в городах и кишлаках сюда были мобилизованы из Ташкента, Самарканда и Бухары 100 коммунистов. Созыв конференций беспартийных дехкан, совещания отдельных племен и родов с обсуждением вопросов национально-территориального размежевания и образования Таджикской АССР, восстановления сельского хозяйства, государственной помощи бедному крестьянству, создания национальной Красной Армии и полной ликвидации басмаческих банд способствовали привлечению широких трудовых масс к Советской власти.

Перед коммунистами Таджикистана стояла неотложная задача создать органы Советской власти в кишлаках, туменах, вилаетах, привлекая в них лучших представителей трудящихся. Поэтому в массово-агитационной работе среди населения коммунисты разъясняли крестьянам

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 169, лл. 65—72.

принципиальную разницу между Советской властью и властью эмира, раскрывали антинародную, грабительскую сущность старого режима, разоблачали контрреволюционно-националистическую природу басмачества.

Исходя из особенностей работы в условиях Таджикистана, признавалось возможным в целях привлечения населения на сторону Советской власти устраивать «совещания с наиболее влиятельными и уважаемыми старыми представителями нации, если они не находятся в прямой связи с басмачеством, если они отказываются от басмачей, особенно это необходимо практиковать там, где сохранился родовой быт, где родовые организации не разрушены»¹.

В области военно-политической перед коммунистами Таджикистана стояла задача организовать комбинированную ударную кампанию, включающую вооруженную борьбу с басмачеством Красной Армии и добровольных отрядов из местного населения, усиление массовой агитационной работы по разложению рядов басмачества, рассчитанной на добровольный переход басмачей к мирному труду.

В области хозяйственного строительства перед коммунистами Таджикистана стояла задача восстановить сельское хозяйство и ирригацию, оказать государственную помощь крестьянским хозяйствам, пострадавшим от басмачества, организовать сельхозкредит для расширения площадей орошаемых земель, посевных площадей под зерновыми и техническими культурами, роста поголовья скота. «Советская власть в этом деле должна явиться инициатором подъема и организатором крестьянского хозяйства»², — указывалось в директивах Средазбюро ЦК РКП(б) относительно координации работ советских, партийных, хозяйственных и военных органов по борьбе с басмачеством.

Приведенные факты свидетельствуют о полной ликвидации басмаческого движения в Восточной Бухаре к лету 1924 г. и переходе Бухарской республики к восстановлению народного хозяйства.

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. I, д. 175, л. 281.

² Там же.

Социалистическая Бухара

ГЛАВА 5

ПЕРЕХОД БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ СО-
ВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К ВОССТАНОВ-
ЛЕНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

●
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БНСР

●
ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БНСР

●
КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В
БНСР

●
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ БНСР В СОЦИА-
ЛИСТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

●
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

●
БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРЕХОД БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

С победоносным завершением гражданской войны и ликвидацией иностранной военной интервенции начиналась новая полоса в истории Советского государства. Антанта вынуждена была прекратить интервенцию и блокаду. Разоренная, обнищавшая Советская Россия, начиная оправляться, испытывала бедствия упадка промышленности, неурожая, голода и эпидемий. С 1917 по 1920 г. валовая продукция ценовой промышленности сократилась в 7 раз, а число рабочих уменьшилось на 36%. В 1921 г. доля промышленности в экономике страны составляла 25%, а сельского хозяйства — 75%.

Если в 1913 г. посевная площадь под зерновыми культурами по всей России равнялась 83,1 млн. десятин и с каждой десятины собирали по 50,3 пуда зерна, то в 1921 г. посевная площадь сократилась до 58,3 млн. десятин, а урожай — до 31,7 пуда с десятины. Валовой сбор зерновых сократился с 3,8 млрд. пудов в 1913 г. до 1,7 млрд. пудов в 1921 г.¹

Переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике явился общегосударственной мерой для создания экономической основы социализма в крестьянской стране, что соответствовало и условиям БНСР, которая представляла мелкобуржуазную, крестьянскую республику.

¹ П. И. Лященко История народного хозяйства СССР, т. III, М., 1955, стр. 93.

Коренным вопросом нэпа В. И. Ленин считал укрепление союза пролетариата с крестьянством. Их военно-политический союз в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны был заменен новой формой союза, хозяйственным союзом, в основе которого лежал подъем производительных сил деревни и улучшение материального положения крестьян. Без осуществления этого создавалась реальная угроза тому, что авангард революции — пролетариат, забежав вперед, может оторваться от основной массы крестьян.

Разъясняя сущность новой экономической политики, В. И. Ленин 27 июня 1921 г. писал Самаркандскому Губкому партии: «Главное сейчас — немедленно улучшить положение рабочих и крестьян. От энергии и умения работников на местах зависит все: продналог, развитие оборота земледелия и промышленности, развитие мелкой промышленности»¹.

Переход к нэпу в условиях Бухары осложнялся экономической отсталостью страны, где феодально-патриархальные отношения играли важную роль в хозяйственной жизни молодой крестьянской республики, а также затяжным характером басмаческого движения, которое опиралось на силу международной реакции. В результате разорения и упадка сельского хозяйства, производство хлопка в 1921 г. сократилось в 26 раз, а каракуля в 20 раз. Учитывая крайне тяжелое экономическое положение республики, Совет Народных Назиров декретом от 23 февраля 1922 г. установил свободную торговлю зерновыми продуктами, воспретив, под страхом уголовного наказания, задержание лиц, занимающихся торговлей зерном².

Для ликвидации экономической разрухи и подъема сельского хозяйства республики Средней Азии было осуществлено экономическое объединение Советских республик — Бухары, Хорезма и Туркестана и создание единого руководящего экономического центра — Среднеазиатского экономического совета (Средазэкосо), организованного по указанию ЦК РКП(б).

¹ Письма трудящихся Туркестана к В. И. Ленину, Изд-во «Узбекистан», Ташкент, 1964, стр. 109.

² ЦГА УзССР, ф. 46, оп. 1, д. 216, л. 60.

Среднеазиатское экономическое объединение было продиктовано самой жизнью и преследовало задачу ускорить процесс социалистического преобразования общественных отношений в Туркестане, Бухаре и Хорезме.

1 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло историческое решение об организации Среднеазиатского экономического объединения. «Признать целесообразным, — сказано в этом решении, — экономическое объединение Бухарской, Хорезмской и Туркестанской республик в области внешней торговли, мелиорации и железной дороги, выделив для этого соответствующий хозяйственный орган на паритетных началах с участием представителей РСФСР»¹.

Во исполнение директивы ЦК РКП(б) Туркбюро своим решением от 4 февраля 1922 г. выделило из своего состава две комиссии: по руководству хозяйственным строительством республик Средней Азии под председательством К. Атабаева и по руководству культурным строительством во главе с Н. Тюракуловым².

ЦК РКП(б) и Туркбюро в своих решениях исходили из общности социально-экономической жизни народов Средней Азии, руководствовались желанием быстрее ликвидировать хозяйственную разруху и восстановить разрушенное сельское хозяйство, промышленность, развить торговлю между советскими республиками Бухарой, Хорезмом и Туркестаном и упрочить связи последних с Советской Россией.

Организационное оформление Среднеазиатского экономического объединения предполагалось осуществить путем созыва 10 мая 1922 г. в Ташкенте конференции из представителей Туркестана, Бухары и Хорезма. На конференции планировалось заслушать доклады о задачах экономического объединения Среднеазиатских республик, о финансовых мероприятиях и организации Среднеазиатского банка, улучшении ирригации и поднятии сельского хозяйства, налаживании транспорта и развитии внутренней торговли.

Все эти меры встретили противодействие отдельных руководящих работников. Особенно враждебно были

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 14, л. 10.

² Там же, ф. 61, оп. 1, д. 128, л. 19.

настроены националистические круги из правительства БНСР; они требовали рассматривать Бухару как отдельную хозяйственную единицу, ничего общего не имеющую с социалистическим Туркестаном¹.

Средазбюро ЦК РКП на заседании 19 мая 1922 г. решило приступить к безотлагательному претворению в жизнь указаний ЦК РКП(б) по данному вопросу. К 15 сентября 1922 г. был приурочен созыв Среднеазиатской экономической конференции для выработки и утверждения положения о правах и задачах Среднеазиатского Совета.

Средазбюро ЦК РКП(б) признало необходимым специально созвать сессию Центральных Исполнительных Комитетов Советов Туркестанской, Бухарской и Хорезмской Советских республик для обсуждения вопроса о Среднеазиатском экономическом объединении и принятии соответствующих решений. Было указано также на целесообразность созыва совещания экономических комиссариатов и торгово-промышленных учреждений для широкого обсуждения проблем хозяйственного строительства республик Средней Азии.

Центральным Комитетам Компартии Туркестана, Бухары и Хорезма было предложено развить как печатную, так и устную агитацию среди широких масс трудящихся, разъясняя им целесообразность и преимущества объединения хозяйственно-финансовой и торгово-промышленной деятельности ТАССР, БНСР и ХНСР в интересах ускорения процесса восстановления народного хозяйства общими силами, опираясь на помощь РСФСР².

Основа экономической политики Коммунистической партии в республиках Средней Азии была определена директивой Средазбюро ЦК РКП(б) от 19 июля 1922 г. Согласно директиве партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные органы Туркестана, Бухары и Хорезма должны были привлечь все силы и средства для восстановления сельского хозяйства, ирригации и скотоводства, приспособив промышленность к производству предметов широкого потребления.

«С точки зрения трех этих основных задач,— указывалось в директиве,— необходимо пересмотреть все хо-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 67а, л. 7.

² ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 7, л. 1.

зяйственные вопросы и выработать хозяйственный план, в котором все остальные хозяйственные задачи были бы подчинены этим трем основным задачам»¹.

III съезд Бухарской Коммунистической партии, проходивший в ноябре 1922 г., уделил большое внимание вопросам восстановления народного хозяйства республики. В резолюции съезда «О новой экономической политике» подчеркивалась правильность и своевременность перехода к нэпу и в условиях Бухарской Народной Советской Республики. Будучи тесно связанной с соседними советскими республиками, БКП, естественно, должна «равняться по экономическому курсу, принятому к этому моменту в указанных республиках»².

Бухара, своеобразно пережив период политики «военного коммунизма», встала на путь новой экономической политики. В ее основу была положена земельная реформа. Съезд поручил ЦК БКП создать комиссию по проведению земельной реформы, которая должна, отобрав присвоенные баями земли, принять меры к тому, чтобы земли перешли в руки непосредственных производителей — беднейших дехкан, обеспечить их льготным государственным кредитом в первую очередь³.

Для непосредственного руководства восстановлением народного хозяйства республики 11 декабря 1922 г. был создан Совет Труда и Оборона БНСР под председательством Ф. Ходжаева. При СТО БНСР были организованы отделы общей экономики (плановый), налоговых реформ, финансов и кредита, народного здравоохранения, внутренних ресурсов и строительных работ, возглавляемые ведущими республиканскими работниками и специалистами М. Аминовым, А. Акчуриным, проф. Тимофеевым, доктором Исаевым, писателем Фитратом и Ходжи Сафа Джурабаевым. Постановления и распоряжения СТО, издаваемые по финансово-хозяйственным вопросам, имели силу закона на всей территории БНСР⁴.

Для концентрации усилий экономических назиратов по восстановлению народного хозяйства республики

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 9, д. 1, л. 5.

² «Известия БухЦИКа», № 126, 9 декабря 1922 г.

³ Там же.

⁴ Бюллетень СТО БНСР, № 1, 16 апреля 1923, Ст. Бухара, стр. 1—III.

съезд признал необходимым объединение Назиратов торговли и промышленности, земледелия и финансов в Высший Совет Народного хозяйства (БСНХ) — высший распорядительный и исполнительный орган государства по регулированию хозяйственно-финансовой жизни республики¹.

5 января 1923 г. секретариат ЦК РКП(б) заслушал отчет Средазбюро по выполнению директив партии по экономическому объединению республик Средней Азии. ЦК указал Средазбюро на недопустимость проявленной им медлительности в деле претворения в жизнь указаний Центрального Комитета и Советского правительства об экономическом объединении Туркестана, Бухары и Хорезма и осуществления тесной связи между компартиями Среднеазиатских республик².

Пленум Средазбюро ЦК РКП(б), созданный 29 января 1923 г., обсудил вопрос о причинах, мешающих проведению в жизнь директивы ЦК РКП(б). Пленум осудил антипартийную линию, проводившуюся отдельными руководителями в республиках Средней Азии и мешавшую экономическому объединению. Были намечены конкретные меры по скорейшему созыву экономической конференции Туркестана, Бухары и Хорезма с целью организационного оформления Среднеазиатского экономического объединения.

12 февраля ЦК БКП и Центральный Совет профсоюзов БНСР созвали многотысячный митинг в Старой Бухаре. Участники митинга единогласно одобрили мероприятия партии и правительства по экономическому объединению республик Средней Азии.

1-я экономическая конференция Туркестана, Бухары и Хорезма провозгласила 15 мая 1923 г. создание Среднеазиатского экономического объединения. В своем историческом решении конференция указала, что Туркестан, Бухара и Хорезм отныне объединяют и согласуют экономическую политику и хозяйственные планы и действуют совместно для достижения общей цели — восстановления и развития разрушенного гражданской войной народного хозяйства и подготовки основ для социалистического

преобразования экономики народных советских республик. Руководящим органом экономического объединения должна явиться периодически созываемая конференция полномочных представителей, избираемых правительствами Туркестанской, Бухарской и Хорезмской Советских республик. Были установлены представительства: по 3 постоянных члена от Туркестанской АССР (Паскуцкий, Ходжанов и Исламов), БНСР (Ф. Ходжаев, А. Мухетдинов и К. Атабаев), ХНСР (Адинаев, Якубов, Абдусаламов) и 2 представителя от СССР (Межлаук и Буров). В состав Средазэконо входили с правом решающего голоса уполномоченные Наркоматов СССР по Средней Азии (внешней торговли, путей сообщения, связи, финансов, ЦСУ, а также управляющие Средазконторы Госбанка СССР и начальники Управления водного хозяйства, при рассмотрении вопросов, затрагивающих интересы названных ведомств)¹.

Значение Среднеазиатского Экономического Совета, как руководящего хозяйственного органа, определялось тем, что он был призван осуществлять общее руководство и направлять экономическую политику всех трех среднеазиатских республик по единому плану, ставя перед собой задачу проведения реформы в земельно-водных отношениях, финансово-налоговой и кредитной системе, в области урегулирования частной торговли и принятия мер для укрепления и развития вновь зарождающихся элементов социалистического хозяйства в городе и деревне.

В связи с образованием Среднеазиатского объединения постановлением Совета Народных Назиров от 30 мая 1923 г. был реорганизован СТО БНСР в Бухарское экономическое совещание. В задачу его входило рассмотрение и проведение в жизнь единого хозяйственного и финансового плана республики, на основе согласования (координирования) с деятельностью экономических назиратов, работающих в области хозяйственного строительства².

¹ ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 313, л. 188.

² Архив II сектора общего отдела ЦК КПСС, д. 401, оп. 1, л. 2.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 107, л. 76.

² ЦГА УзССР, ф. 49, оп. 1, д. 1, л. 21—24.

Население Бухары в 1918 г. определялось в 2 783 тыс. человек, из которых 2 463 тыс., или 88% составляли сельское, по преимуществу крестьянское население.

К 1922 г. население БНСР уменьшилось по сравнению с 1918 г. на 26,1% (сельское на 25,8%, а городское — на 28,2%). Характерно, что при уменьшении количества оседлого населения, кочевое — увеличилось с 67,5 тыс. до 118,2 тыс. человек, то есть на 75%¹. С 1923 г. в связи с началом ликвидации басмачества и началом экономического возрождения наблюдается увеличение числа жителей, которые возвращались из горных районов в родные города и деревни. Общая численность населения республики в 1923 г. достигла 2006 тыс. человек, из которых 91% составляли сельское население, занимающееся земледелием (85,1%) и скотоводством (5,9%)².

Из приведенных данных видно, что Бухарская Народная Советская Республика представляла собой страну преимущественно мелкобуржуазную, с резко выраженным преобладанием крестьянского населения.

В административно-территориальном отношении БНСР подразделялась на 4 группы районов, составлявших округа:

1) Зеравшанский, куда входили бывшие тумены: Бухара, Зиатдин, Каракуль, Кермине, Нурата, Хатырчи. Округ был объединен в 3 вилаета: Бухарский, Кермининский и Нуратинский с 2202 населенными пунктами (кишлаками, аулами, поселками и т. д.).

2) Восточно-Бухарский, куда входили 11 бывших бекств: Дарваз, Каратегин, Бальджуан, Байсун, Гиссар, Денау, Кабадиан, Куляб, Курган-Тюбе, Сары-Джуй и Ширабад; они входили в состав следующих семи вилаетов: Куляб, Гарм, Байсун, Сары-Ассия, Душанбе, Курган-Тюбе и Ширабад, объединяя 3646 населенных пунктов.

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, пап. 331, т. 1, д. 55088, л. 10. Записка Ю. И. Пославского «Сельское хозяйство Бухары в настоящее время», составленная 6 июня 1923 г., см. также «Народное хозяйство Средней Азии», № 3, 1924, стр. 58.

² Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. Издание БЭС, Ст. Бухара, 1923, стр. 54.

3) Аму-Дарьинский, сюда относились бывшие бекства: Бурдалык, Кабаклык, Келеф, Керки, Устык и Чарджоу, после революции они вошли в состав двух вилаетов: Керкинский и Чарджоуский с 608 населенными пунктами.

4) Кашкадарьинский, куда входили земли б. Каршинского, Гузарского, Шахрисабзского, Китабского и Яккабагского бекств, являвшихся одной из плодородных долин Средней Бухары.

Земельный вопрос в Бухаре был наиболее сложным. Руководство земельной реформой было возложено на Назират земледелия, который в соответствии с декретом «О земле» разработал в 1921 г. «Положение о порядке распределения конфискованных земель», установившее трудовую норму землепользования в размере 5 танапов для семьи из двух человек, 10 танапов, если в семье 5 человек и 15 танапов для семей, имеющих 10 и более иждивенцев¹.

IV съезд Советов утвердил в октябре 1923 г. земельный Кодекс БНСР, запрещающий в дальнейшем покупку земель дехканами, имеющими наделы свыше 30 танапов (7,5 десятины) при сохранении права частной собственности на землю, с вытекающими отсюда последствиями.

В БНСР радикальная земельная реформа не была осуществлена. «Проводить эту меру,— читаем мы в отчете ЦК БКП IV съезду партии,— сейчас в условиях Бухары политически невыгодно. Фиксируя новым законом существующие формы землепользования и, накладывая запрет на дальнейшее расширение хозяйственной мощи отдельных крупных землевладельцев, мы тем самым уже сделали большой шаг вперед, на чем временно должны задержаться. Для земельной реформы в Бухаре почва еще не созрела, а всякая поспешность может повредить нам. Центр нашей работы на будущее время должен быть устремлен в сторону землеустроительных работ, развития агрономической и семенной помощи малоимущественному дехканству и в сторону мелиоративных работ, что постепенно выполняется уже сейчас»².

Земельный Кодекс декларировал так: «Все земли в БНСР, в чьем бы пользовании они ни состояли,

¹ ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 315, л. 11.

² Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 9.

составляют собственность рабоче-дехканского государства» (ст. 1).

Земельный Кодекс БНСР закрепил традиционный порядок землепользования в кишлаке, установленный по обычаю (таомил), как общинный (с уравнительными переделями между дворами), так и участковый (с неизменным размером права двора на земли в виде чересполосных, отрубных и хуторских участков) там, где пожелают жители села и совместное (товарищество) пользование землей членами общества, составляющими артель или товарищество по общественной обработке (ст. 9).

Кодекс определил демократический порядок пользования землей: право владения землей всем гражданам республики без различия пола, вероисповедания, национальности и имущественного положения, с условием обработки ее личным трудом (ст. 17), или силами своей семьи, не исключая также возможность применять наемный труд (мардикерство), сдачу в аренду (иджора), на определенных условиях, или обрабатывать на началах издолящины (ст. 30). Закрепив земли за теми, в чьем пользовании они находились, Кодекс разрешил земледельцам передавать свое право на пользование поливным участком (ст. 24) другим лицам, с таким расчетом, чтобы в одних руках не сосредоточивалось более 30 танапов поливной земли (ст. 25).

Из 22 млн. десятин земли, составлявших общую площадь БНСР, лишь 2250 тыс. десятин были пригодны для обработки (из них 57,5% поливные и 42,5% богарные). На 425 тыс. хозяйств в республике, в среднем на каждое приходилось 4,8 танапа (1,2 десятины) земли¹. Около 75% посевных земель было занято зерновыми, под хлопок отводилось 7,5%, под технические культуры (лен) — 4%, люцерну — 6%, бахчевые, фрукты, сады и виноградники — 7% посевных площадей, хотя наиболее рентабельными, в интересах производителей, считались посевы хлопка и технических культур. Если пшеница с одной десятины земли давала доход в 18,4 рубля, рис — 43,4, люцерна — 80,5, то от хлопчатника крестьяне получали по 131 рублю.

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, п. 331, т. 3, д. 55090, л. 11, См. «Народное хозяйство Средней Азии», № 2—3, 1924, стр. 57.

Сельское хозяйство Бухары в результате гражданской войны находилось в катастрофическом положении. По данным СТО БНСР уровень производства сельского хозяйства с 1918 по 1921 г. упал в среднем на 40% в земледелии, на 53% в скотоводстве, на 50% в кустарной промышленности и на 75% в торговом обороте¹. Посевные площади сократились почти вдвое.

Вакуфы. Искключительное положение в Бухаре занимали вакуфные земли, принадлежавшие мечетям, мактабам, медресе, религиозным и культурно-просветительным учреждениям.

По официальным данным на 1 августа 1921 г. в городе Бухаре было зарегистрировано 200 вакуфных учреждений, принадлежащих 208 мечетям и 215 медресе. Большинство вакуфов, как было сказано выше, состояли из земельных участков (мульк), размеры которых доходили до 2—3 тыс. танапов (500—700 десятин), лавок, садов, караван-сараев, бань, мельниц и т. д.²

По данным СТО БНСР вакуфные управления владели 25% всей земли и 70% строений базаров в Старой Бухаре, что приносило ежегодно до одного миллиона рублей золотом³.

По данным Госплана в Бухаре насчитывалось 278,5 тысячи десятин вакуфных земель, доходы с которых составляли 267,8 тысячи рублей, а также 57 сараев, 1414 лавок, 23 базарных места, 10 бань, 18 мельниц, 133 дома, приносящих 118,2 тыс. рублей ежегодного дохода⁴.

Вакуфные земли находились в пользовании дехкан, с которых вместо 10% налога управляющие взимали 40% урожая, что лежало тяжелым бременем на плечах непосредственных производителей. За счет доходов от вакуфных земель содержалось около 4 тыс. служащих религиозного культа, в основной своей массе сосредоточенных в мечетях и медресе Старой Бухары⁵.

Вакуфный вопрос в Бухаре, ввиду его сложности, так как он был связан с религиозной жизнью народа, обсуждался на совещании, созванном ЦК БКП 12 августа

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, п. 331, т. 3, д. 55090, л. 11.

² Там же, ф. 152/с, оп. 3, п. 5, д. 31, л. 22.

³ Там же, ф. 4/с, оп. 1, п. 331, т. II, д. 55089, л. 231.

⁴ Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. Ст. Бухара, 1923, стр. 116.

⁵ «Бухоро Ахбори», № 212, 1923 г.

1923 г. с участием членов ЦК БКП, БухЦИКа, Совета Назиров, а также представителей профсоюза¹. В октябре 1923 г. IV съезд Советов республики принял специальное решение по вакуфному вопросу. Съезд констатировал, что «для улучшения тяжелого положения дехкан, работающих на вакуфных землях, до сих пор ничего не сделано», а ренту-налог, взимаемый с вакуфных земель в размере 40% урожая, курултай признал «чрезмерно высоким и разорительным»².

Согласно решению IV съезда Советов БНСР для дехкан, обрабатывавших вакуфные земли, был установлен, наравне с землей, государственный налог в размере 1/10 доли урожая.

Курултай осудил практиковавшуюся в течение четырех лет систему сдачи вакуфных земель в аренду мутавали, а через них — субарендаторам, отчего развивалась спекуляция землями вакуфа. Обогащались посредники и скупщики. Съезд Советов твердо заявил, что «подобная кабальная система, способствовавшая безудержной эксплуатации дехкан», отменяется раз и навсегда и впредь не допускается. Доходы с вакуфных земель должны были строго расходоваться лишь только на содержание новометодных школ, медресе, библиотек, читален, курсов муаллимов (учителей), на содержание работников Назирата просвещения³.

Ирригация в Бухаре играла решающую роль в возрождении сельского хозяйства, в особенности хлопководства. Однако этот вопрос большой государственной важности еще не находился в центре внимания советских и хозяйственных органов. Вся тяжесть ирригационного строительства (включая сюда и очистку арыков (каналов), лежала на обязанности трудового народа.

Натуральная повинность населения Бухары по ирригации определялась в 2 767 500 рабочих дней, оцениваемых в 2 637 400 рублей золотом. Затраты по натуроповинности населения в 1921 г. составляли 3 млн., в 1922 г. — 2 800 тыс. рублей, тогда как на ирригационное строительство государством было израсходовано в 1921 г.

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, п. 331, д. 55090, т. 3, л. 135—144.

² Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 5, л. 8.

³ Там же.

лишь только 64 тыс. рублей. В 1922 г. расходы государства на ирригационные работы снизились до 33 тыс. рублей, но вместе с натуроповинностью населения составляли 2 833 тыс. рублей. Доля участия государства в ирригационном хозяйстве была ничтожна — в 1922 г. — 1,1%¹.

Водная система в Бухаре поддерживалась в удовлетворительном состоянии, главным образом системой хашара. Только в одном Чарджоуском вилаете в водоочистительных работах приняло участие 2500 человек в порядке выполнения общественного долга (хашара). С 1923 г. был введен водный налог на очистку каналов и арыков и за пользование оросительной сетью, одна танга (10 коп.) с танапа земли. В 1924 г. на водное хозяйство БНСР было выделено 365 тыс. рублей, что составляло 8% бюджета республики².

Расходы на ирригационные работы по всей Средней Азии составляли в 1924 г. около 30 млн. рублей. Из этой суммы на долю БНСР приходилось около 5 млн. рублей, что давало возможность развернуть работы по ирригационному строительству.

Животноводство считалось одной из главных отраслей народного хозяйства; 35% экспорта БНСР составляли каракульские шкурки и шерсть.

Кочевое и полукочевое население в Бухаре, численностью до полмиллиона человек, было расселено главным образом в Восточной Бухаре, в верховьях Аму-Дарьи и в степях Нураты.

Численность скота в 1914 г. по всей Бухаре исчислялась в 6 077 200 голов, из них 194,3 тыс. лошадей, 51,3 тыс. верблюдов, 442,1 тыс. крупного рогатого скота, 153,1 тыс. ишаков, 4480 тыс. овец, 758,4 тыс. коз. Наибольшее количество скота находилось в верховьях Аму-Дарьи где насчитывалось 2054,4 тыс., в Кашка-Дарье — 1767,3 тыс. и Зеравшане — 1349,9 тыс. голов.

В годы борьбы с басмачеством животноводство понесло большие потери. В 1922 г. количество скота по всей республике сократилось до 2276,2 тыс. голов, что составляло 37,4% довоенного уровня³.

¹ Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг., издание БЭС, Ст. Бухара, 1923, стр. 69—70.

² АВП, ф. 4/с, оп. 1, п. 331, д. 55090, т. 3, л. 6.

³ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, п. 331, т. 1, д. 55088, л. 19—21.

Чувствовался острый недостаток рабочего скота. По всей республике имелось около 220 тыс. рабочих волов. Это количество давало 51,4 единицы на 100 хозяйств, или 10,9 единицы на 100 танапов (25 десятин) земли¹.

В 1923 г. по всей республике насчитывалось 2570 тыс. голов крупного рогатого и мелкого скота, что составляло около половины количества скота, которым располагала Бухара в дореволюционное время. Особенно резко уменьшилось количество лошадей (на 62% от довоенного уровня), поголовье каракулевых овец сократилось на 71%². Здесь сказывалось и резкое сокращение внешнего торгового оборота.

Для восстановления каракулеводства правительством республики было организовано «II-е Товарищество по экспорту» с основным капиталом в 2 млн. рублей золотом. Кроме того, Госторгом было отпущено дополнительно товарного кредита на сумму 400 тыс. рублей. Все это имело положительное значение в восстановлении каракулеводства в БНСР³.

В интересах поднятия животноводства ЦК БКП 30 марта 1924 г. признал необходимым освободить владельцев скота от всех видов налогов и сборов. Одновременно был отменен внутренний сбор с каракулевых шкур, сохранились лишь вывозные пошлины. Часть кредита, отпущенного для сельского хозяйства, было решено выделить на восстановление животноводства.

ЦК БКП, придавая важное значение восстановлению сельского хозяйства, в том числе и животноводства, указал на тесную его связь с развитием торговли. Правительству республики было предложено принять меры наряду с увеличением товарооборота через государственную торговлю, сохранив преимущество за оптовой, расширять мелкорозничную торговлю, использовать разъездных купцов (чорбозоров) для скупки экспортного сельскохозяйственного сырья, а также доставки до потребителя изделий фабрично-заводской промышленности, в особенности в районы, отдаленные от железнодорожного пути (Восточную Бухару), предоставлять частному ка-

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 51, оп. 1, д. 95, л. 300—310.

² «Известия ТуркЦИКа», 8 августа 1922 г.; см. также журнал «Народное хозяйство Средней Азии», № 3, 1924, стр. 57.

³ «Туркестанская правда», 11 марта 1924 г.

питалу денежные и товарные кредиты за счет фонда государственной торговли.

Вместе с тем ЦК БКП указал, что легализация частной торговли не снижает, а напротив повышает ответственность партии за улучшение государственной и кооперативной торговли, призванной постепенно вытеснить частный торговый капитал из товарооборота. «Эта замена — указывалось в резолюции IV съезда БКП — не должна быть, однако, принудительной и не должна влиять отрицательно на развитие сбыта сельхозпродуктов, экспортного сырья и продукции фабрично-заводской промышленности»¹.

«Союз дехкан», организованный в декабре в 1921 г., имел своей задачей организацию сельской бедноты и коренное улучшение положения безземельных и малоземельных крестьян путем привлечения их к осуществлению аграрных преобразований.

«Союз дехкан» в 1921 г. объединял 9 тысяч членов и имел местные организации в Каракуле, Гиждуване, Вабкенте и других туманах Бухарского вилайета. Руководившие центральным советом «Союза дехан», «левые» коммунисты — Шейх Хасан Алиев, Шахрамазан Хасанов, Асланходжа Умарходжаев, Файзулла Камилов и другие не сумели наладить связь с крестьянскими массами. 8 июня 1922 г. руководство «Союза» было обновлено. Им стали руководить Ташмухамед Саидбаев (председатель), Саид Аксакал, Хайдар-Амин, Очилди ходжа и Ширин-аксакал, представлявшие в основном интересы средних слоев крестьян².

В январе 1922 г. на Пленуме ЦК БКП было утверждено «Положение о «Союзе дехкан», оно было разослано в июне 1922 г. всем местным организациям. «Положение» признавало «Союз дехкан» общественной организацией беднейших крестьян и середняков. Он ставил своей целью объединение трудящихся крестьян во имя их политического просвещения для осознания своих классовых задач, создания смычки между городом и деревней, а также укрепления солидарности с городским рабочим классом и кустарями, с одной стороны, и деревенской

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 98, л. 28.

² «Бухоро Ахбори», № 128, 1922 г.

беднотой, с другой. В задачу «Союза дехкан» входило вовлечение трудящихся масс в советские государственные органы, а также в кооперацию; выдвижение своих представителей в Назираты земледелия, просвещения, продовольствия, здравоохранения, торговли и промышленности, а также и в местные Советы¹.

С 10 по 13 января 1923 г. в Бухаре проходил 1 съезд «Союза дехкан». Большое внимание съезд уделил земельно-водному вопросу, налоговой политике и кооперации. Рассмотрев вопрос «Текущее положение»², съезд принял резолюцию, в которой подчеркивалось, что басмачество явилось источником экономической разрухи и голода.

С 15 апреля 1923 г. в республике началась полоса беспартийных крестьянских конференций по вилаетам. 25 апреля стали созываться областные конференции «Союза дехкан».

«Союз дехкан» в своей деятельности руководствовался директивой ЦК РКП(б) от 14 октября 1921 г. ЦК партии признавал этот союз общественной организацией, которая служит средством вовлечения крестьян в советское и хозяйственное строительство, проявляя особое внимание и заботливость по отношению к середняку.

Государственная помощь крестьянам, пострадавшим от басмачей, и остальным бедняцким хозяйствам путем выдачи долгосрочных и безвозвратных ссуд сыграла важную роль в восстановлении сельского хозяйства республики.

Решающую роль в развитии хлопководства сыграло «Русско-Бухарское государственное хлопковое товарищество» (Госхлопок), учрежденное в феврале 1923 г.³ Госхлопок ставил перед собой задачу освободить бухарского хлопкороба от кабалы частных купцов, скупщиков, скупая хлопок у дехкан, без участия посредников и поставщиков, а также оказать агрономическую помощь крестьянам, снабжая их семенами высокоурожайных сортов и выделяя средства на ремонт ирригационных сооружений.

Благодаря денежной помощи, оказанной правительством Союза ССР, хлопководство в Бухаре заняло до-

¹ «Бухоро Ахбори», № 96, 25 июля 1922 г.

² Там же, № 126 и 131, 1923 г.

³ Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. Изд. БЭС, Ст. Бухара, 1923, стр. 164.

стойное место в экономической жизни республики. В 1923 г. общая площадь посевов под хлопчатником достигла 80 000 танапов, было собрано 1 600 000 пудов сырца и вместе с остатками прошлых лет, находящимися на заводах и в руках частных лиц, запасы хлопка составили 2 млн. 400 тысяч пудов¹.

СТО БНСР постановлением от 4 января 1923 г. передал в распоряжение Комиссии помощи дехканам для раздачи нуждающимся 140 тысяч пудов семян хлопка и 123 500 пудов зерновых культур. Кроме того, крестьянам были выделены земельные участки, рабочий скот, сельхозинвентарь и деньги для восстановления хозяйства, пострадавших от басмачей.

В 1924 г. количество сельхозкооперативов по всей республике достигло до 57 с охватом 7500 хозяйств. Через кооперацию дехканам было роздано в Западной и Средней Бухаре 100 тысяч пудов зерна, а в Восточной Бухаре — 50 тыс. пудов, хлопковых семян американского сорта 50 тыс. пудов. В дополнение к этому выдано 50 тыс. руб. деньгами в счет двухмиллионного долгосрочного кредита, выделенного Правительством БНСР в форме государственной помощи пострадавшим от басмаческих набегов.

Немаловажное значение в восстановлении сельского хозяйства республики имело правильное осуществление налоговой политики.

При эмирском режиме налоговое обложение на душу населения в среднем достигало 12 рублей. Всего в эмирате собиралось в виде налогов 30 млн. рублей золотом, из них только 14 млн. поступало в казну, а остальные составляли доход местных правителей и сборщиков податей.

После победы народной революции в Бухаре в течение двух лет земельный налог (херадж) с населения не собирался, были отменены и все другие виды податей. В 1922 г. доход государства от различных поступлений составил 1 млн. рублей, в то время как расходы на содержание армии, милиции и госаппарата доходили до 15 млн. рублей золотом. Учитывая тяжелое экономическое положение республики, II сессия ЦИК Советов БНСР

¹ Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. Изд. БЭС, ст. Бухара, 1923, стр. 168.

установила с 1 января 1922 г. взимание следующих видов налога в пользу государства.

1) Ушр — налог с земледельческого населения в размере $1/10$ доли урожая.

2) Закети-савоим — налог со скота в количестве одной с каждых сорока голов мелкого и крупного рогатого скота.

3) Промысловый налог — с купцов и кустарей в размере $1/40$ доли основного капитала.

4) Водный налог для поддержания ирригационной сети в размере одного танга (10 копеек) с каждого та-напа орошаемой земли.

5) Коммунальный (или городской) налог со строений, доходов бань, караван-сараев, транспортных средств и т. п. в размере $1/40$ доли стоимости имущества, ценности и капитала¹.

В 1923 г. в доход казны поступило поземельных налогов около 3 млн. рублей, что составляло 10% довоенного размера налогов, взимаемых с податного населения.

В октябре 1923 г. IV съезд Советов утвердил бюджет республики на 1924 г. в сумме 4660 тыс. рублей. Характерной особенностью бюджета явилось то, что он базировался на 70% за счет взимания налога «ушр» (с крестьян) и закети-савоим (со скотоводов), тогда как основная тяжесть его должна была лечь на торговцев и экспортные продукты. Бюджет не предусматривал классовый подход при обложении налогами. Не были освобождены от налогов сельские бедняки. Не была ликвидирована уравниловка в обложении промысловым налогом городского населения.

Следует также указать на высокий процент административных расходов, достигавших 42,7%, при затрате на нужды народного образования и здравоохранения лишь 21,2% бюджетных ассигнований. Громоздкость управленческого аппарата в центре и на местах, увеличение расходов по содержанию армии, милиции, карательных органов не давали возможности увеличить расходы на культурно-просветительные цели.

Как отмечалось в отчете ЦК БКП IV съезду партии, «большим злом в налоговой кампании являются неправильные раскладки и злоупотребления работников на-

¹ ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 165, л. 10—12.

логового аппарата. Местные органы власти в подходе к налогоплательщикам абсолютно не считаются с их классовой принадлежностью, измеряя бедняков и баев на один аршин. Наоборот, «бай», как наиболее изворотливый, всегда находит способы заплатить менее следуемой с него суммы, в то время как на бедняка налоговый пресс обрушивается со всей свойственной ему тяжестью. Так, бедняка больше других обманывают и обирают»¹.

Вот почему Средазбюро ЦК РКП(б), рассмотрев 12 декабря 1923 г. вопрос о налогах в БНСР, признало необходимым снизить налоги, взимаемые в первую очередь с крестьян и городской бедноты, в особенности в районах, разоренных басмачами, переложив эту сумму на купечество и байство².

Исходя из указания Средазбюро ЦК РКП(б), налог ушр был сокращен с 2860 тыс. до 1900 тыс. рублей, от уплаты налога были освобождены хозяйства, имеющие менее 40 голов мелкого и 8 голов крупного скота, а также кустари-единоличники и мелкие купцы-розничники. Вследствие этого сумма налога на одного человека сократилась с 3 руб. 50 коп. в 1923 г. до 1 руб. 50 коп. в 1924 г.³

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БНСР

К 1920 г. в результате ряда причин резко сократился торговый (экспортно-импортный) оборот между РСФСР и Бухарой — до 3 млн. рублей в 1920 г. вместо 75 млн. рублей в 1913 г.

Торговля хлопком сократилась с 2600 тыс. пудов в дореволюционные годы до 50 тыс. пудов в 1920 г., каракулем — с 1800 тыс. штук до 100 тыс., причем цены на эти товары на русском рынке резко упали. Так, например, хлопок, продаваемый по 11 руб. за пуд в довоенное время, оценивался в 1920 г. на Нижегородской ярмарке в 1 руб. 80 коп., цена на каракуль упала с 7 руб. до

¹ Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 24.

² ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 53, л. 43.

³ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 24, оп. 1, д. 134, л. 23.

1 руб. 20 коп. за штуку, шерсть — с 6 руб. до 2 руб. за пуд — и это, при невероятном росте цен на хлеб, мясо, масло и другие продукты питания.

К началу 1921 г. в БНСР скопилось залежавшегося товара: 600 тыс. каракулевых шкурок, 700 вагонов хлопка и много другого экспортного сырья. Из них было отпущено в распоряжение Наркомата внешней торговли РСФСР на началах товарооборота 40 тыс. каракулевых шкурок, 10 тыс. пудов шерсти и 10 вагонов солодкового корня. В счет полученного от Бухары сырья правительством РСФСР было отпущено Бухарской республике один миллион рублей золотом и значительное количество мануфактуры, сахара, чая и других товаров широкого потребления¹.

30 октября 1920 г. состоялось совещание представителей экономических органов БНСР и сотрудников отдела внешней торговли Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР с участием полпреда РСФСР в Бухаре В. В. Куйбышева. Было обсуждено предложение Правительства БНСР о продаже РСФСР требуемых товаров ширпотреба на основе товарообмена, в обмен на приобретаемые из Бухары каракуля — 50 тыс. штук, хлопка — 175 вагонов и шерсти — 25 тыс. пудов.

С января 1921 г. началась регулярная торговля между Советской Россией и БНСР. Из Бухары было вывезено 122 915 пудов хлопка, 1387 пудов шерсти, 47 432 штуки каракуля, а из России в Бухару прибыло миллион аршин мануфактуры, 10 тыс. пудов металла и металлических изделий, 47 829 пудов керосина и нефти, 8216 пудов каменного угля, 1200 пудов машинного масла, миллион коробок спичек².

А между тем, РСФСР сама в это время крайне нуждалась в товарах народного потребления. Тем не менее из чувства интернациональной дружбы Советская Россия оказывала БНСР как материальную, так и финансовую помощь с тем, чтобы она не оказалась закабаленной империалистическими государствами.

С июня 1921 г. начался товарообмен между БНСР и московской потребительской кооперацией. В течение двух летних месяцев со станции Карши и Кермине были

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, д. 55044, п. 328, л. 105—107.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 125.

отправлены в Москву 45 вагонов пшеницы, взамен получаемой из Москвы мануфактуры¹.

5 ноября 1922 г. на объединенном заседании ЦК БКП, Совета Народных Назиров и БухЦИКа с участием члена Средазбюро ЦК РКП(б) Любимова, уполномоченного ЦК РКП(б) А. Соколова и полпреда РСФСР в Бухаре Фонштейна были обсуждены вопросы экономических взаимоотношений между РСФСР и БНСР. Было достигнуто соглашение об отпуске Бухарским правительством из своих запасов 300 вагонов хлопка Туркхлопкому. Разрешена свободная продажа хлопка-сырца государственным торговым учреждениям ТАССР. Это явилось сильным ударом по мансуровской торгашевской группе, которая монопольно держала в своих руках бухарский хлопковый рынок. Туркхлопком закупил хлопок-сырец непосредственно у самих производителей на выгодных для них условиях на сумму 400 млрд. рублей (денежными знаками 1922 г.). На совещании было решено сосредоточить закупку хлопка в руках государства. Для этой цели было образовано «Русско-Бухарское хлопковое товарищество»².

Важным событием в экономической жизни БНСР явилось выделение 1 марта 1922 г. — в соответствии с решением СНК РСФСР — безвозмездной ссуды в сумме 50 млн. рублей для восстановления народного хозяйства, это дало возможность молодой республике укрепить свое финансово-хозяйственное положение³.

19 апреля 1922 г. в Москву прибыл Назир торговли и промышленности А. Мухетдинов. В его обязанность входила конкретизация экономического соглашения, заключенного между РСФСР и БНСР в 1921 г., урегулирование ряда вопросов хозяйственно-финансового характера⁴. Результатом переговоров явилось соглашение о продаже 40 тыс. штук каракуля на началах товарообмена⁵. Из РСФСР в 1922 г. поступило в Бухару 4 тыс. пудов керосина, 1870 пудов мануфактуры, 25 тыс. пар галош, 1 вагон сахара, 1500 пудов железа и железных изделий,

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 9/с, оп. 1, д. 69, л. 77.

² АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, п. 300, д. 55064, л. 71.

³ Там же, п. 331, д. 55075, л. 14.

⁴ «Известия БухЦИКа», № 44, 1922 г.

⁵ Там же, № 73, 1922 г.

180 вагонов строительных материалов, 2420 пудов писчей бумаги и канцелярских принадлежностей, в том числе 100 тыс. ученических тетрадей, 340 пудов веревки, 8 тыс. бочек цемента, 7 вагонов фанеры и других товаров первой необходимости¹.

В восстановлении хлопководства известную роль сыграли экономические мероприятия, осуществленные правительством БНСР. Крестьянин, засеявший свой участок хлопком, получал от местных органов Госхлопка бесплатно на каждый танап земли, кроме одного пуда семян 3 фунта керосина, 2 аршина мануфактуры и 5000 рублей (знаками 1922 г.) деньгами (в апреле и столько же в июне). Дехкане стали проявлять интерес к хлопководству.

Заметное оживление торговли между БНСР и РСФСР наступило в 1923 г. В это время Бухарским Госторгом было закуплено у населения 100 тыс. пудов хлопка, 150 тысяч пудов шерсти и 100 тыс. пудов пшеницы, отправлено на Нижегородскую ярмарку товаров на 2 млн. рублей золотом.

Торговые отношения РСФСР и БНСР постепенно начали входить в нормальную колею. Экспортно-импортные операции достигли в 1924 г. 50% довоенного уровня.

По данным СТО БНСР торговый оборот Бухары определялся в 1923 г. в 20 млн. рублей, из них 5 млн. рублей по линии внутренней и 15 млн. рублей — внешней торговли². В конце 1924 г. он достиг 28 млн. рублей. На долю хлопка и каракуля приходилось 93% экспорта БНСР³.

В 1924 г. был открыт Среднеазиатский коммунальный банк с капиталом в 7 млн. рублей. Банк выдал кредит торгующим организациям Бухары на сумму 4800 тыс. рублей.

В сезоне 1924 г. государственные, смешанные и частные торговые учреждения БНСР развернули заготовки сельскохозяйственного сырья и экспортировали: хлопка — 885 тыс. пудов, каракуля — 881 тыс. штук, шерсти — 143 тыс. пудов, кожсырья — 3445 тыс. штук, сухофруктов — 175 тыс. пудов на сумму 39,2 млн. рублей⁴.

¹ «Бухоро Ахбори», № 66 и 166, 1922 г.

² АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, п. 331, д. 55090, т. 3, л. 14.

³ Народное хозяйство Средней Азии, № 2—3, 1924, стр. 61.

⁴ Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг., изд. БЭС, Ст. Бухара, 1923, стр. 155.

В результате осуществленных экономических мероприятий наметились первые успехи в восстановлении сельского хозяйства республики. В 1924 г. посевная площадь в БНСР достигла довоенного уровня — 5486 тыс. тананов (1371 тыс. десятин). Вывоз хлопкового волокна из Бухары в Россию в 1924 г. возрос в два раза по сравнению с 1923 г., достигнув 885 тыс. пудов. В 10 раз по сравнению с 1921 г. возрос также вывоз каракуля.

Промышленность. До революции в Бухаре имелось 34 хлопкоочистительных завода, способных переработать 2565 тыс. пудов хлопка-сырца в сезон. 19 заводов принадлежали русским капиталистам, 4 местным баям, в том числе один хлопкозавод принадлежал члену правительства Мансурову. На заводах работало около тысячи рабочих. В 1916 г. в Бухаре было 5 маслобойных заводов, производительность в 400 тыс. пудов масла, 3 кишечных заведения, 3 винокуренных завода, 2 мукомольные мельницы, 10 кирпичных заводов, 2 папиросные мастерские и одна типография.

Эта ничтожная по мощности и количеству промышленности Бухары, как и другие отрасли народного хозяйства, понесла серьезный урон в годы гражданской войны. На 1 июня 1921 г. в БНСР действовало 4 маслобойных, 9 кирпичных, 5 кожевенных, 3 кишечных, гончарный, солодкового корня заводов, 4 мукомольные мельницы, 2 бумажные фабрики, механическая мастерская, электростанция и известковое производство, объединяющие около 5 тыс. рабочих¹.

В 1923 г. на учет государства было взято 32 предприятия, из них 25 хлопкоочистительных и маслобойных, кожевенный, кирпичный, винодельческий и по переработке солодкового корня — заводы, электростанция, механическая мастерская и кишечное заведение². Из этого количества предприятий действовали 20 и бездействовали 12 (хлопкоочистительные заводы в Кагане, Чарджоу, Зиатдине и Зирабулаке).

Решениями Политбюро ЦК РКП(б) от 1 февраля и 13 июля 1922 г. ВСНХ РСФСР был обязан передать БНСР оборудование для одной текстильной, одной

¹ Архив Коминтерна, ф. 122, оп. 4, д. 20, л. 1.

² Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг., изд. БЭС. Ст. Бухара, 1923, стр. 120.

кожевенной, одной бумажной и одной мыловаренной фабрики. В 1923 г. в распоряжение БНСР перешла Зарайская ткацко-прядельная фабрика (Рязанская губерния), она была переименована в «Бухарское государственно-промышленное объединение прядельно-ткацкой мануфактуры «Красный Восток». В распоряжение БНСР перешли также красильно-отделочная фабрика из Филей (под Москвой) и Венюковская ткацкая и ситце-набивная фабрики (Московской губернии), на них обучались ткацкому делу 66 бухарских девушек и юношей¹.

Транспорт и связь в Бухаре, так же как и промышленность, были разрушены. Железнодорожная линия имела всего лишь на протяжении 533 верст. Водный путь по Аму-Дарье, на расстоянии 900 верст, считался основным средством связи между Западной и Восточной Бухарой, а также Бухарой и Хивой. В Амударьинской флотилии имелось до 400 каюков, общей грузоподъемностью до 600 тыс. пудов, но в 1924 г. работали лишь 40 маленьких каюков, грузоподъемностью до 30 тыс. пудов. Караванный путь, связывающий внутренние районы республики, определялся в 90 тыс. верст, из которых до 2 тыс. верст были приспособлены к колесному движению, а остальные 88 тыс. верст исключительно для вьючного транспорта².

К концу 1923 г. связь в БНСР обеспечивалась одной радиостанцией, телеграфным отделением в Старой Бухаре и 6 конно-почтовыми станциями в различных городах и вилаетах республики. В начале 1924 г. все эти отдельные виды связи были объединены в одно Управление почтово-телеграфной связи, обслуживаемой РСФСР, Бухарское правительство выделило 100 тыс. рублей для ремонта и проведения новых телеграфных линий³.

Профсоюзы в Бухаре, в отличие от России, объединяли не промышленных рабочих, а кустарей, количество их в 1920 г. достигло 25 тысяч.

В 1921 г. в Бухаре были впервые организованы профсоюзы, объединяющие 48 различных отраслей кустарно-ремесленного производства и работников, обслуживаю-

¹ А. Зарипов, Развитие социалистической промышленности в Бухарской области в 1920—1941 гг. Ученые записки Бухарского Государственного педагогического института, вып. 14, Бухара, 1965, стр. 5.

² ЦГА УзССР, ф. 49, оп. 1, д. 2, л. 496.

³ АВП СССР, ф. 162/с, оп. 1, д. 2, л. 383—388.

щих бытовые нужды населения, среди них союз ткачей считался наиболее крупной организацией¹. К концу года профсоюзы Бухары объединяли около 35 тыс. рабочих, кустарей, ремесленников, мелких лавочников, служащих и других². Профсоюзы имели отделения в Чарджоу, Термезе, Керки, Карши, Шахрисабзе, Гиссаре и других городах республики. Руководил профсоюзами Центральный Совет (БСПС), состоявший в своем большинстве из «левых» коммунистов.

«Ввиду малой грамотности левых,... их работа в союзах дает скорее отрицательные, чем положительные результаты»³, — писал полпред РСФСР в Бухаре К. К. Юренев 16 ноября 1921 г.

В докладной записке уполномоченного ЦК РКП(б) А. Иоффе выдвигалась задача организации и воспитания пролетарских и полупролетарских масс, ремесленников и кустарей с перенесением центра тяжести работы в профсоюзы и «Союз дехкан». А. Иоффе писал: «Я видел в Бухаре пролетариев и ремесленников и говорил с ними, это самое отрадное из того, что я вообще видел в Бухаре. Это не только материал для организации, но это элементы будущего пролетарского настоящего рабоче-крестьянского правительства. Правда, пока еще очень сырые элементы. Но мы слишком увлечены задачами государственного строительства в Бухаре, к сожалению, совершенно забываем великую задачу политического воспитания масс и партийного строительства. Решив, что Бухара переживает буржуазную революцию и иных элементов, кроме буржуазных, для строительства власти нет еще, мы приучили себя как-то с иронической улыбкой относиться к пролетарским и полупролетарским массам, к этой темной, живущей в ужасной нищете и темноте, невежестве массе, которая все же понимает революцию по-своему и служит ей. Уверяю Вас, что иронической улыбки она не заслуживает, но вполне достойна такого же низкого поклона, как и наши пролетарии... Мы как-то не можем усвоить еще, что между захватом власти и политическим воспитанием масс, вовлечением их в дело нового государственного строительства,

¹ «Известия ТуркЦИКа», № 73, 5 апреля 1921 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 71а, л. 106—113.

³ «Известия ТуркЦИКа», № 283, 15 декабря 1921 г.

организацией их и внимательным отношением к их духовным и материальным запросам — дистанция огромного размера, и мы забываем также, что без углубления революции нет советских республик. Это задача, по-моему, еще не начата ни в Бухаре, ни в Хорезме и я думаю, что серьезные усилия и Коминтерна, и наших полпредов должны быть направлены именно к этой цели, к выполнению задачи углубления революции, воспитания и организации бедноты».

А. Иоффе правдиво отображал бухарскую действительность, настойчиво выдвигая перед партией задачу постепенного привлечения к государственному управлению полупролетарских масс города и деревенской бедноты.

ЦК БКП, обсудив 22 апреля 1922 г. вопрос о перестройке работы профсоюзов, укрепил их руководство ответственными партийными работниками. В тот же день, в связи с назначением нового руководства профсоюзов состоялось заседание президиума Всебухарского Центрального Совета профсоюзов. Председателем Центрального Совета был избран Х. Алиев, заместителем — Г. Абдурахманов, секретарем — А. Умарходжаев, членами Совета С. Мухамади, Р. Мухамади, Рубинштейн, М. Мирмухсинов¹.

8 октября 1922 г. состоялся 1 съезд профсоюзов БНСР. В его работе участвовало 190 делегатов. Съезд принял текст приветственной телеграммы на имя ВЦСПС.

«Всебухарский съезд профессиональных союзов, — гласила телеграмма, — приветствует в Вашем лице профессионально-объединенный пролетариат Российской республики, ведущей в течение 5 лет неустанную борьбу как с отечественной, так и западно-европейской буржуазией за освобождение трудящихся от гнета капитализма. Всебухарский съезд от имени Бухарского пролетариата шлет искреннее пожелание в успехе начатой борьбы за освобождение трудящихся и заявляет, что профсоюзы Бухары, объединившие весь пролетарский элемент Бухарской республики, стойко защищавший в течение двух лет отвоеванные у буржуазии позиции, зорко следят за

¹ «Бухоро Ахбори», 1 мая 1922 г.

развивающейся борьбой Российского пролетариата и всегда готовы встать плечом к плечу с Российским пролетариатом для успешного завершения начатой работы. Единый пролетарский фронт Российского и Бухарского пролетариата ярче всех фактов говорит за то, что недалек тот час, когда пролетариат Востока и Запада объединится в свои трудовые ряды — мощным натиском низвергнет буржуазный мир и построит жизнь на основах социализма»¹.

В 1921—1922 гг. в состав профсоюзов входили главным образом кустари-одиночки, составляющие 60% от общего количества членов профсоюзов; 30% членов союза были кустарями-хозяевами, эксплуатировавшими наемный труд (от 3 до 5 человек) и 10% членов союза, имевшие собственные кустарные производства (с числом наемных рабочих до 20 человек)².

К 1 августа 1923 г. профсоюзы в Бухаре насчитывали 18 312 человек. Они были объединены в союзы арбакешей (891 чел.), пищевиков (1055 чел.), текстильщиков (250 чел.), строительных рабочих (833 чел.), чернорабочих (680 чел.), медработников (450 чел.), работников культуры и просвещения (400 чел.) и других.

До середины 1923 г. бухарские профсоюзы находились под сильным влиянием предпринимателей (хозяев). Устав профсоюзов допускал прием в профсоюзы кустарей, имеющих до 15 наемных рабочих. Пленум ЦК БКП, состоявшийся в августе 1923 г., осудил такое положение в профсоюзах. Был принят новый Устав, согласно которому членами союза могли быть только наемные рабочие и кустари-одиночки. Была проведена чистка профсоюзов, в результате которой из союза были исключены 6000 человек. Были очищены от чуждых элементов и эксплуататорских классов ЦК профсоюзов и Центральный Совет профсоюзов Бухары³.

Профсоюзы, очищая свои ряды от чуждых элементов, стали играть заметную роль в общественно-политической жизни республики.

Наряду с профсоюзными организациями, значительную роль стал играть Союз молодежи Бухары (БКСМ).

¹ «Известия БухЦИКа», 12 октября 1922 г.

² АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, п. 330, д. 55064, л. 36—44.

³ Партархив ИККИ при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 2.

Он был создан 12 мая 1921 г. на 1 съезде. В союзе молодежи насчитывалось в 1921 г. 980 членов¹.

13 мая 1922 г. состоялся II съезд БКСМ. Он обсудил доклад об участии комсомола в борьбе с басмачеством. Съезд принял программу БКСМ. Перед комсомолом была поставлена боевая задача — содействовать советским и партийным органам в организации культурно-просветительных мероприятий, в особенности в деревне, организовать политическое просвещение молодежи, воспитание их в духе преданности делу революции.

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БНСР

Развитие культурного строительства было тесно связано с ликвидацией басмаческого движения и переходом БНСР к восстановлению всех отраслей народного хозяйства. Объявление и проведение в жизнь амнистии насильственно вовлеченным в басмачество дехканам, посылка ЦК БКП двух комиссий в Восточную и одной — в Западную Бухару для укрепления советских органов в вилаятах, освобожденных от бандитских шаек, осуществление ряда экономических мероприятий, выдача кредитов для восстановления крестьянского хозяйства, снабжения дехкан семенами для посева, осуществление политических реформ, направленных на возвращение вакуфов и легализацию казийских судов, все это дало весьма положительные результаты.

Общее оживление экономической жизни способствовало тому, что в 1923 г. правительством республики было израсходовано 970 тыс. рублей золотом на ирригационно-мелиоративные работы, борьбу с эпидемией малярии, приобретение медикаментов, школьных принадлежностей. Все это свидетельствовало о наметившихся благоприятных перспективах развития медицинского обслуживания трудящихся. К октябрю 1923 г. по всей республике уже действовали 5 народных больниц, рассчитанных на 240 коек, в городах Бухаре, Карши, Кермине, Кагане и Чарджоу, 2 амбулатории с родильными отделениями на 5 коек, 6 врачебных пунктов, функционирующих в Керки, Термезе, Душанбе, Каратаге, Шахрисабзе, Чарджоу; 8 фельдшерских пунктов, обслуживающих население в Байсунском, Шахрисабзском, Китабском,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 257, д. 266.

Гузарском, Нуратинском, Гиждуванском, Вабкентском, Каракульском вилайетах; лаборатория и центральная станция по борьбе с малярией в г. Бухаре, а с 1 января 1924 г. — начал свою деятельность тропический институт¹.

Были достигнуты известные успехи и в развитии народного образования. Число школ с 52 в 1922 г. возросло до 70 к концу 1923 г.

11 августа 1923 г. ЦК БКП организовал дискуссию о народном просвещении в Бухаре с широким участием руководящих работников Совета Народных Назиров, Бухарского Центрального Совета профсоюзов, прогрессивных представителей местной интеллигенции. В докладе Назира просвещения особо подчеркивалось, что население в силу крайней отсталости и сильного влияния фанатического мусульманского духовенства препятствует поступлению детей в советские и новометодные школы. Они все еще прибегают к помощи старых, религиозных школ, которые не дают детям основ светских знаний. Учитывая это обстоятельство, Назират просвещения обратил внимание всех местных органов власти, в особенности ревкомов вилайетов, туменов и кентов, сельских аксакалов на то, чтобы неустанно разъяснять трудовому народу значение просвещения для культурного и экономического развития республики и повсеместно принять меры к поступлению детей в новометодные школы для того, чтобы вырвать подрастающее поколение из-под влияния мулл.

Одной из причин отставания народного образования от запросов времени явилась крайняя малочисленность учительских кадров из местных национальностей. Вследствие этого из 120 школ, открытых в Бухаре после революции, продолжали функционировать лишь 68. Для подготовки педагогических кадров были созданы в 1922 г. учительские институты в Бухаре и Чарджоу.

На развитие народного образования, начиная с 1923 г., отпускалось 25% бюджетных ассигнований, вместо 8% в 1922 г., было направлено на учебу в Москву 300 узбеков и таджиков, открыт широкий доступ национальным меньшинствам в учительские институты в Бухаре и Чарджоу².

¹ АВП СССР, ф. 152/с, оп. 5, п. 30, д. 77, л. 365.

² Там же, ф. 4/с, оп. 1, д. 331, д. 55090, т. 3, л. 88—84.

К началу 1923 г. в 69 школах и курсах Назирата просвещения обучались 3563 учащихся, из них школьников — 3157, курсантов — 226, студентов — 120¹. В республике действовало 19 культпросветучреждений — 17 библиотек и читален, музей, две драматические труппы, театр и 4 кинотеатра. 2 января 1924 г. в Старой Бухаре был открыт клуб.

Для подготовки учительских кадров из местных национальностей количество студентов на педагогических курсах было доведено до 400 человек, дополнительно также курсы были открыты в Старой Бухаре и Душанбе.

В Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока в 1923 г. обучалось 30 бухарских коммунистов, в Ташкенте в Среднеазиатском Коммунистическом университете и на рабочем факультете САГУ 110 человек (80 в Коммунистическом университете и 30 в САГУ), в Московском Доме просвещения проходили учебу — 220 юношей.

1 мая 1923 г. в Старой Бухаре была открыта первая Советско-партийная школа, которую окончили 40 человек. В мае 1924 г. состоялся второй выпуск курсантов. Школу окончили 75 человек².

Была образована Чрезвычайная комиссия по борьбе с неграмотностью. В 1924 г. было открыто 45 курсов по ликвидации неграмотности. В них учились 4 тысячи взрослых членов профсоюзов «Союза Кошчи» и БКП.

В 1924 г. партийные и советские органы республики усилили внимание вопросам культурного строительства. Назирату просвещения, кроме 865 тыс. рублей, выделенных по бюджету, было отпущено сверхсметных ассигнований 600 тыс. рублей и 200 тыс. рублей для ликвидации неграмотности. К 1 сентября 1924 г. в БНСР действовала следующая сеть народного образования и культурно-просветительных учреждений: общеобразовательных школ — 69, 2 учительских института, педагогические курсы, 3 музыкальных и 3 ремесленных школ, 13 интернатов, 13 библиотек, музей и драмтеатр³.

¹ Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. Изд. БЭС, Ст. Бухара, 1923, стр. 221.

² Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14 оп. 1, д. 134, л. 2—46.

³ Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. Ст. Бухара, 1923, стр. 228.

В общеобразовательных школах Назирата просвещения обучалось 5604 детей, 3,1% от общего количества детей школьного возраста, тогда как в старометодных мактабах занимались 12 тыс. детей, то есть 6,6% всех детей школьного возраста¹.

Вот почему в отчете ЦК БКП IV съезду партии в качестве одной из очередных задач в области культурного строительства выдвигалось: «Борьба со старометодной школой, пользующейся в Бухаре, куда большим авторитетом и популярностью, в сравнении с советской, новометодной школой, где учитель должен взять на себя всю тяжесть борьбы с реакционными муллами»².

Приведенные данные свидетельствуют о заметном оживлении в 1923—1924 гг. экономического и культурного строительства. Республика находилась на пути к восстановлению народного хозяйства.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ БНСР В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

Экономика БНСР была переходной и соответствовала демократическому этапу развития революции. Наряду с сильными пережитками феодально-патриархального хозяйства, в республике постепенно развивался социалистический сектор хозяйства при наличии частнокапиталистического и мелкотоварного производства. Экономическая жизнь БНСР характеризовалась наличием: 1) государственного сектора (социалистическое хозяйство); 2) смешанного торгово-промышленного сектора (госкапитализм); 3) частнокапиталистического сектора; 4) кооперации и 5) мелкотоварного производства (индивидуальные хозяйства дехкан).

Государственный сектор в БНСР был представлен Госторгом, Госхлопком и государственно-промышленным объединением прядильно-ткацкой фабрики «Красный Восток». Наиболее крупным сектором социалистического типа считался Госторг с основным капиталом 6,8 млн. рублей золотом, состоящим из национализированных у эмира и крупных капиталистов товаров и ценностей, а

¹ Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. Ст. Бухара, 1923, стр. 225.

² Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 31.

также имущества и ценностей, перешедших по договору с РСФСР 1921 г. Согласно договору в распоряжение БНСР перешли русские города: Новая Бухара, Чарджоу, Керки и Термез со всеми заводами и фабриками, банками, торговыми, почтово-телеграфными учреждениями, с имуществом концессионных обществ и т. п.

Основной капитал Госторга БНСР постепенно сокращался вследствие того, что он использовался на оборонные мероприятия, покрытие дефицита госбюджета, расходующего главным образом на содержание громоздкого административно-управленческого аппарата. Из этого же фонда выделялись средства на восстановление сельского хозяйства, промышленности и транспорта, а также на нужды культурно-просветительных учреждений. В 1923 г. основной капитал Госторга сократился до 4 млн. 924 тысяч рублей, из которых 1190 тысяч рублей было переведено в счет семи смешанных торгово-промышленных обществ в порядке паевого вноса (Госхлопок, Русско-Бухарское акционерное общество и другие).

Другой крупной государственной организацией, действующей в пределах БНСР, считался Госхлопок, с основным капиталом в 1 млн. рублей, состоящим из наличных фондов, внесенных пайщиками — Главхлопком СССР и Назиратом торговли и промышленности БНСР в равных долях. Госхлопок сосредоточивал в своих руках всю закупку хлопка в Бухаре и в сезон 1923 г. заготовил 800 тыс. пудов хлопка-сырца, что составляло 60% всего хлопка, произведенного в 1923 г. в республике.

Наряду с Госхлопком, на территории Бухары проводил заготовительные операции и Туркестанский хлопковый комитет (Туркхлопок). В сезон 1923 г. он закупил около 30% хлопка-сырца, что составляло 250 тыс. пудов. Остальные 10% хлопка — у непосредственных производителей закупали смешанные торгово-промышленные товарищества и частные купцы-скупщики.

Капитал смешанных торгово-промышленных товариществ (комбинатов) состоял из акций (паев) бухарского правительства, представляемого Госторгом БНСР, являвшегося самым крупным пайщиком всех комбинатов, организованных в пределах республики. Смешанные торгово-промышленные общества, хотя и располагали

лучшим аппаратом и у них были налажены связи с производителями посредством агентов комиссионеров, тем не менее в сезон 1923 г. они не принимали участия в заготовке хлопка, т. к. последний закупался в Москве и других городах РСФСР государственными предприятиями по твердой цене. А потому свой капитал акционерные общества направляли больше всего на закупку шерсти, каракуля, сухофруктов.

В 1923 г. в БНСР действовали 4 смешанных акционерных общества (комбинатов). Их капитал составлял 770 тыс. рублей. Если определить общую сумму бухарского экспорта в 1924 г. в 10 млн. рублей, то на долю акционерных обществ приходилось $\frac{1}{10}$ всего вывозимого сырья.

В официальных хозяйственных органах БНСР, обслуживавших торговые учреждения кредитами (не говоря уже о деловых кругах), комбинаты рассматривались как одна из форм государственного предприятия, а доля участия купцов оценивалась «как вкладная операция частных лиц по отношению к государственному капиталу»¹. Такое утверждение исходило из того, что путем создания смешанных акционерных обществ государство имело возможность вовлечь частный капитал в торговый оборот. Действительно, при организации комбинатов преследовалась именно эта цель. Но практика показала обратное: государственный капитал использовался частными лицами — акционерами в целях наживы и спекуляции.

Сошлемся на факты. В «Первое бухарское товарищество» (учреждено торговцем Мухетдином Мансуровым и его сыном Назиром торговли и промышленности Абдулкадиром Мухетдиновым) государство внесло паевой взнос, равный 40% от основного капитала. Но несмотря на это, делами Товарищества управляли исключительно купцы, которые присвоили себе 75% прибыли, полученной от торговых операций и не отчислили в фонд государства обусловленных 10% от дохода.

Учредителями общества «Хайрият» являлись: дядя заместителя председателя Совета Народных Назиров Атаходжаева, отец Назира финансов Саттарходжаева и

¹ ЦГА УзССР, ф. 49, оп. 1, д. 9, л. 28—42.

другие. Учредители внесли 36 тысяч рублей, а Бухгосторг — 120 тыс. рублей, между тем, Бухгосторг не принимал никакого участия в управлении делами Общества «Хайрият» и не получал никаких прибылей.

В общество «Бухкомиссионер», учрежденное группой М. Аминова (председатель СТО БНСР), Госторг внес 920 тыс. рублей, почти 100% акционерного капитала, а между тем в правлении общества не было ни одного представителя Госторга и последний не получал следующей ему доли прибылей¹.

Экономическая политика правительства наглядно видна в кредитовании торгово-промышленных учреждений БНСР. В соответствии с постановлением СТО БНСР от 14 декабря 1922 г. 40% кредита выделялось государственным учреждениям, по 15% — комбинированным торговым предприятиям и крупным купцам и 30% — мелким и средним торговцам, включая сюда и крестьян². Бухарский Государственный банк был открыт в сентябре 1922 г. с капиталом в 5 млн. рублей золотом (3 млн. рублей от Назирата финансов и 2 млн. рублей от Бухгосторга). Банком в 1923 г. было выдано кредитов госпредприятиям только на сумму 17 тыс. 257 рублей, что составляло 7% от общей суммы банковского кредита, кооперации — на сумму 5573 рубля, то есть 2% от общей суммы кредита, тогда как частным лицам и товариществам был выдан кредит в сумме 123 050 рублей, то есть 91% всего государственного кредита.

Поэтому в объяснительной записке к отчету Бухарского Госбанка за 1923 г., составленной Ревизионной комиссией, справедливо отмечается, что «...та структура Банка, которая была в наличии к 1 апреля т. г., не может быть проводником Советской власти и ее кредитной политики»³.

Бухарский Государственный Банк не имел правления, управлялся одним лицом — А. Гальпериным, что дало основание комиссии утверждать: «существовал не Государственный банк, а самодовлеющая банкирская контора, которая невольно плыла по течению рыночной

жизни, совершенно не пытавшаяся влиять на окружающую, торгово-промышленную обстановку»¹.

После замены старого состава Совета Народных Нази́ров и СТО БНСР, летом 1923 г., произошло изменение и в кредитной политике. Банком выдано было кредитов по состоянию на 1 июня 1923 г.: государственным учреждениям — 51,3%, кооперации — 4,44%, комбинатам 21% и частным лицам — 23—26%².

В дореволюционное время в Бухаре было около 500 базаров, которые обслуживались 12-тысячной армией купцов, владевших капиталом в 20 млн. рублей золотом. «Если население не может и не привыкло обходиться без рынков, то Бухарскому государству еще рано говорить, что эта группа лавочников, кустарей, чайханщиков, ашханщиков «нетерпимы». Государство должно признать, что эта группа необходима до тех пор, пока кооперация шаг за шагом не отвоюет бесспорную позицию у этих предпринимателей и не заменит их вполне, государство должно признать необходимость этой группы и не создать особого жестокого для нее режима, пока еще кооперации долженствующей прийти ей на смену, в сущности еще нет»³. Так писал П. А. Мирошников, директор Госбанка БНСР в докладной записке (ноябрь 1923 г.) «О торгово-промышленных группах на бухарском рынке и участии кредита в Бухаре».

Дехкане — непосредственные производители хлопка, скотоводы (чарвадары) — производители каракуля, шерсти, кожи и т. п. играли весьма важную роль в экономической жизни республики. После реализации урожая дехкане располагали до 15 млн. рублей денег, на которые они могли приобрести товары заводской и кустарной промышленности.

Дехкан в Бухаре обслуживали кредитами Госбанк БНСР, наряду с ним и Среднеазиатский Сельхозбанк. Кишлачное население с большой охотой записывалось в члены сельскохозяйственного кредитного товарищества, которое обеспечивало его средствами, необходимыми для налаживания хозяйства.

¹ ЦГА УзССР, ф. 50, оп. 1, д. 23, л. 14—18, см. Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг., изд. БухЭКОСО, Ст. Бухара, 1923, стр. 174.

² Там же, стр. 3—8.

³ ЦГА УзССР, ф. 49, оп. 1, д. 9, л. 55.

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, п. 331, д. 55090, т. 3, л. 24.

² Бюллетень, № 1, СТО БНСР, 16 апреля 1923, Ст. Бухара, стр. 4—5.

³ ЦГА УзССР, ф. 49, оп. 1, д. 9, л. 43—54.

Что касается кооперирования дехкан в потребительские общества, то они не имели такого успеха, как кредитные; население рассматривало свое вступление в потребительские общества с внесением паевых взносов, как своеобразную форму взимания государством особого рода налогов. В конечном счете Бухарская потребительская кооперация не завоевала симпатий у населения, и дехканы были связаны крепкими узами с частными торговцами и скупщиками сырья. Последние развивали свои операции в кишлаках в целях личной наживы, однако обойтись без них тогда не представлялось возможным из-за крайней слабости как государственной, так и кооперативной торговли.

Кооперация БНСР возникла в 1921 г. в связи с переходом к нэпу. При Назирате финансов республики была организована «Центральная комиссия помощи кооперации», под председательством коммуниста Ходжи Сафо Джурабаева, при участии профессора Ю. Пославского — крупного экономиста, знатока бухарской жизни. Комиссией был разработан Устав потребительского общества (кооперации), утвержденный Советом Народных Назиров 2 сентября 1921 г. В распоряжение Комиссии было выделено 500 млн. рублей денежными знаками 1921 г. и товарного кредита на сумму 1,5 млрд. рублей. По состоянию на 1 ноября 1921 г. в потребкооперации были объединены 18 065 членов, в том числе в Н. Бухаре — 3750 человек. Рабочих вступило в кооперацию 500 человек, работников транспорта — 500, железнодорожников г. Чарджоу — 7355 и из числа европейских жителей городов — 400 и т. д.

Кооперация получила некоторое развитие в русских городах, почти отсутствовала в вилаетах, туменах и кентах Бухары. Бухарский Центросоюз располагал капиталом в сумме около 30 тыс. рублей. СТО БНСР трижды принимал постановление о выделении Бухцентросоюзу 50 тыс. рублей, однако Государственный банк открыл ссуду лишь на 30 тыс. рублей, но фактически выдал только 5 тыс. рублей, тогда как для обслуживания всех нужд сельского хозяйства и полного вытеснения частного купца-ростовщика и скупщика, кооперация должна была располагать средствами в 50 млн. рублей. Учитывая это обстоятельство, правительство БНСР приняло ряд практических мер по улучшению положения кооперации.

В январе 1924 г. был открыт Бухарскому Центросоюзу долгосрочный денежный и товарный кредит на сумму 200 тыс. рублей золотом¹.

IV съезд Советов БНСР, оценивая деятельность Бухарского Центросоюза и кооперативных организаций за послереволюционный период, характеризовал ее как «мелкоторгашескую». Съезд указал, что извлечение прибылей не является целью кооперативов, поэтому отдельные кооперативы и кооперация в целом должны направлять свою деятельность исключительно в сторону снабжения дехкан, рабочих и кустарей предметами первой необходимости, орудиями сельскохозяйственного производства, то есть в сторону поднятия дехканского хозяйства, чарвадарства (скотоводства) и кустарного промысла².

Важной вехой в укреплении Советской власти в Бухаре явился IV съезд Советов, наметивший путь перехода БНСР от демократического этапа — к социалистическому. Съезд обратил большое внимание на оздоровление государственного аппарата и привлечение лучших представителей народа к управлению делами республики. В этом отношении характерным является решение съезда, направленное на борьбу против взяточничества и расхищения государственной собственности (казнокрадства). Бывший эмирский чиновник Нуруддин Ходжа Агалик — председатель Каршинского исполкома, «злоупотребляя своим положением, присвоил себе 900 млрд. рублей (знаками 1922 г.) от продажи внутреннего государственного займа, 14 400 кг кишмиша, полученного от базарных сборов, 10 680 метров мануфактуры и 13 мешков (около 1040 кг) сахару, 2000 голов конфискованных баранов, овчин и кишок на сумму 100 000 рублей золотом, предназначенных для экспорта. Кроме того, доходы 15 вакуфных участков, из 28 имеющихся в Каршинском вилаете (т. е. больше двух третей, а именно 1553 батмана из 2011 батманов зерна), поступили в «личную казну» predisполкома.

Другой пример. Зам. председателя СТО БНСР Фитрат (известный в свое время писатель, один из руководи-

¹ «Туркестанская правда», 31 января 1924 г.

² Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 5, л. 4.

телей младобухарского движения в Бухаре) расхитил 15 триллионов рублей, выделенных на строительство Каганской дороги, а также 2 млн. рублей от поступления налогов с вакуфных земель, предназначенных для поддержания культурно-просветительных учреждений БНСР. Возмутительным был и тот факт, что председатель СТО БНСР М. Аминов за национализированные в первые дни революции 200 тыс. пудов хлопка, принадлежащие бухарским купцам, уплатил около одного миллиона рублей, а секретарь ЦК БКП Якуб-Заде просил у правительства оказать ему денежную помощь в сумме 3 тыс. руб. золотом для уплаты «калыма» (выкупа за невесту). Правительство выделило Якуб-Заде 1000 рублей бухарскими знаками в порядке «помощи», которые он заменил в Государственном банке на советские денежные знаки, не соблюдая курса денег, приобрел каракуль, организовал его продажу по спекулятивной цене в Москве и, таким образом, получил желаемую сумму в 3 тыс. руб. золотом; «народные» назиры Саттарходжаев, Мухетдинов, М. Аминов в целях обогащения участвовали пайщиками в торговых акционерных обществах и т. д.¹

По инициативе купца Мансурова при попустительстве председателя СТО БНСР М. Аминова ЦИК Советов Бухары 4 марта 1923 г. вынес постановление в подтверждение изданных Советом Народных Назиров БНСР распоряжений об уплате 943 тыс. рублей бухарским купцам за счет национализированных товаров, в то время как первый заместитель Совета Народных Назиров Атаходжаев в течение двух лет категорически препятствовал передаче Госхлопку РСФСР закупленных в Бухаре в 1920 г. 132 тыс. тонн хлопка-сырца.

3 июня 1923 г. в Бухару приехал Главком С. С. Каменев в сопровождении председателя Реввоенсовета Туркфронта Корка и члена Средазбюро ЦК РКП(б) Михайлова и других. 5 июня в Старой Бухаре состоялось объединенное заседание Совета Народных Назиров и БухЦИКа, на котором С. С. Каменев, обрисовав военнополитическое положение в Восточной Бухаре, выдвинул перед правительством БНСР вопрос об организации государственного транспорта от Термеза до Душанбе и

¹АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, пап. 331, д. 55090, т. 3, л. 33.

ассигновании для этой цели 500 тыс. рублей золотом, что привело бы к полному освобождению населения от гужевой повинности — «улав».

Предложение С. С. Каменева вызвало отчаянное сопротивление националистической части правительства. И только после долгих споров было решено выделить лишь 300 тыс. руб. золотом, тогда как правительство БНСР безоговорочно приняло решение об уплате около 100 тыс. рублей золотом за национализированные в период революции у бухарских купцов 500 тыс. пудов хлопка и 215 тыс. штук каракульских шкур.

Полпред СССР в Бухаре Фонштейн был совершенно прав, когда утверждал: «Бухарское правительство с ясностью доказало нам ежедневно на новом примере, что оно является правительством только небольшого круга крупных купцов, расположением которых только дорожит, ради поддержки которых Бухарское правительство не останавливается перед растратой своего золотого фонда. Никогда еще Бухарское правительство так резко не проводило граней между своим групповым интересом и интересами широкого крестьянства, как сегодня — своим отказом поддержать военное командование в его стремлении облегчить положение населения от падающего на него бремени войны»¹.

Скрытые враги Советской власти, сумевшие пробраться в центральные органы БНСР, использовали в интересах обогащения купечества кредиты, отпущенные государством для поднятия разоренного крестьянского хозяйства. Государственный Банк БНСР, руководимый крупными купцами, фактически был превращен в «фирму Мансуровых». Банк за время своего существования выдал купцам 7 млн. рублей золотом, то есть 75% всех кредитов, предоставленных на финансирование народного хозяйства и лишь 220 тыс. рублей, т. е. всего 2% всех банковских кредитов — крестьянам.

Все эти обстоятельства настоятельно требовали решительной очистки бухарского правительства от классово-чуждых элементов, коренной его демократизации, путем привлечения не только представителей трудового народа, но и лояльных к советской власти прогрессивных

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. I, пап. 331, т. II, д. 55089, л. 97.

элементов национальной буржуазии и интеллигенции, по признаку честности и деловитости.

Политбюро ЦК РКП(б), ознакомившись с положением дел в БНСР, в своем решении «По Бухарскому вопросу» от 12 июня 1923 г. признало необходимым осуществление советизации и дальнейшей демократизации бухарского правительства. 23 июня 1923 г. был созван Пленум ЦК БКП с участием секретаря ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутака. Широкому обсуждению подверглось постановление Политбюро ЦК РКП(б) о дальнейшей демократизации и советизации органов государственной власти БНСР. В речи, произнесенной на Пленуме ЦК БКП, Я. Э. Рудзук заявил: «Центральный комитет нашей партии считает необходимым, чтобы состав правительства в наших национальных республиках, более соответствовал интересам большинства населения, чтобы в правительство вошли главным образом, представители дехкан и рабочих»¹.

Участники Пленума подвергли критике деятельность Совета Народных Назиров и отдельных представителей власти, указали на несоответствие их действий интересам народных масс. Были разоблачены буржуазные националисты, пробравшиеся в руководящие органы республики.

Совещание актива бухарских коммунистов единогласно одобрило решение об отстранении от должности назиров, уличенных в злоупотреблениях властью и хищении государственной собственности (Атаходжаева, Фитрата, Саиджанова, Саттарходжаева, М. Аминова и др.) и принятии действенных мер по привлечению к органам власти как в центре, так и на местах представителей трудового народа.

В районах Западной Бухары побывала комиссия ЦК БКП. Были проведены массовые митинги во всех крупных кишлаках, а также в Гиждуване, Вабкенте, Кермине. Основным вопросом была — чистка государственного аппарата от чуждых элементов.

Заменены были председатели исполкомов в Ст. Бухаре, Чарджоу, Кермине, Ширабаде, Карши, Шахрисабзе, Керки, Байсуне, Нурате и Гузаре. «Перемены в общест-

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 17, л. 3.

венности в Бухаре несомненно налицо,— писал полпред РСФСР в Бухаре Фонштейн 25 июля 1923 г.,— мы замечаем первые проявления активности со стороны трудящейся части населения Бухары. Центральный Комитет партии получает сейчас многочисленные резолюции с мест, содержащие одобрение новому курсу политики, удовлетворение по поводу изгнания из состава Бухарского правительства преступных элементов и выражение готовности участвовать как в чистке госаппарата на местах от прихлебателей старого Бухарского правительства, так и в организации новой власти,—смысл которой на местах всеми ясно понят—как задача упрочения, освежения представителями от этих масс»¹

Для укрепления партийного и советского аппарата БНСР Средазбюро ЦК РКП(б) направило в Бухару виднейших деятелей. В числе их был Абдулла Рахимбаев (таджик) для использования его на партийной работе в качестве секретаря ЦК БКП, Кайгусиз Атабаев (туркмен), который постановлением БухЦИКА от 24 июня 1923 г. «Об изменении состава правительства БНСР» был назначен первым заместителем председателя Совета Народных Назиров республики. На руководящую работу были выдвинуты также и местные работники такие как Шарифходжа, занявший пост Назира иностранных дел, Жура Карвон Абдуллаев, назначенный Назиром Госконтроля, Уста Нур Саид Мурадов, ставший Назиром финансов, Мулла Чули Наврузов, занявший должность Назира земледелия и другие, которые достойно представляли в правительстве Центральный Совет профсоюзов и Союз дехкан, выдвинувших их на руководящую работу².

Было решено созвать IV Всебухарский курултай народных депутатов, чтобы обсудить на нем вопрос о деятельности Совета Народных Назиров и наметить дальнейшее направление его политики в полном соответствии с духом и задачами Народной Советской Республики.

Центральный Комитет Бухарской Коммунистической партии непосредственно руководил предвыборной кампанией по созыву IV съезда Советов. Пленум ЦК БКП принял 30 июля 1923 г. решение о созыве чрезвычайной

¹ АВП СССР, ф. 4/с, оп. 1, пап. 331, т. II, д. 55089, л. 211.

² ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 58, л. 1.

сессии БухЦИКа для внесения в текст Конституции БНСР изменений, предусматривавших расширение избирательных прав рабочих, батраков, членов союза «Кошчи», крестьян-бедняков и лишение избирательных прав лиц, относящихся к эксплуататорским классам.

14 августа 1923 г. была созвана Чрезвычайная Сессия БухЦИКа, которая приняла постановление об изменении текста Конституции БНСР, принятой II съездом Советов в сентябре 1921 г.¹

Это позволило Бухарской Коммунистической партии поднять активность трудящихся в период кампаний по выборам делегатов на областные съезды Советов. ЦК БКП направил 17 июля 1923 г. циркулярное письмо всем местным органам партии, призывая использовать предвыборную кампанию «в целях очистки исполкомов (вилаетских, туменских, кентских и кишлачных) от всяких негодных элементов: воров, взяточников, развратников, бывших эмирских чиновников, крупных купцов и прочив элементов, примазавшихся к власти из корыстных целей, привлекая к органам власти трудящиеся массы»². На областных (вилаетских) съездах большинство мест принадлежало делегатам рабочих и крестьян. Так, например, на съезде Советов Каршинского вилаета из 47 делегатов рабочих и крестьян был 31 делегат, Кермининского вилаета из 104 делегатов — 81, Бухарского — из 180—166 рабочих и крестьян и т. д.

Перед созывом IV Всебухарского съезда Советов были проведены в освобожденной от басмаческих банд Восточной Бухаре 40 туменских (уездных), 5 вилаетских (областных) и 7 национальных курултаев, в которых приняли участие до 16 тысяч представителей трудящихся.

В Западной Бухаре были организованы 6 вилаетских, 20 туменских и один национальный — туркменский курултай, с охватом более 5 тысяч крестьян.

Так как IV съезду Советов предшествовала большая организаторская работа в массах, Всебухарский курултай в основном был представлен делегатами от рабочих и крестьян. Из 339 делегатов было 237 дехкан, 26 рабочих и 17 кустарей. Это был, по существу, первый съезд Советов, на котором представительство трудового народа —

¹ «Бухоро Ахбори», № 191, 1923 г.

² Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 16, л. 8.

крестьян, кустарей, рабочих составило громадное большинство. Впервые на съезде Советов участвовали три женщины-узбечки.

На IV Всебухарском курултае были представлены также и все национальности, населяющие Бухарскую Народную Республику. В числе делегатов съезда было 237 узбеков, 81 таджик, 19 киргизов и 22 туркмена.

IV съезд Советов (11—17 октября 1923 г.) осудил неправильную линию, проводившуюся старым составом Совета Народных Назиров. «В деятельности правительства прежнего состава,— читаем мы в решении съезда,— имело место уклонение в сторону преимущественного кредитования частной торговли в ущерб кооперации и государственной торговли. Считая такое явление ненормальным, IV курултай предлагает правительству впредь стремиться к сосредоточению всей торговли в руках государства и кооперации, оказывая последним широкую помощь и преимущества перед частным капиталом»¹.

Для оздоровления аппарата государственного управления и очистки его от чуждых элементов IV съезд Советов внес изменение в Конституцию республики. Все бывшие эмиратские чиновники, крупные торговцы, ростовщики были лишены активного и пассивного избирательного права. Вместе с тем съезд расширил избирательные права городских рабочих и беднейших слоев крестьянства, предоставив последним право избирать своих представителей в высший орган власти страны,—Всебухарский съезд Советов народных депутатов — отдельно от других слоев населения по норме один депутат на 500 человек избирателей. Это был крупный шаг, предпринятый для дальнейшей демократизации и советизации органов власти БНСР и привлечения лучших представителей трудящихся масс к непосредственному управлению государством. Это обстоятельство, наряду с общим укреплением хозяйственного положения республики, способствовало укреплению процесса социалистического преобразования Бухарской Народной Советской Республики.

В состав верховного органа власти — Центрального Исполнительного Комитета БНСР — оказались избранными 32 дехканина, 12 рабочих и 8 кустарей, что было в

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 382, л. 33.

тех условиях крупным успехом Советской власти в Бухаре.

Одновременно с укреплением советского государственного аппарата велась борьба за очищение рядов Бухарской Коммунистической партии, пробравшихся в партию эксплуататорских классов и их прислужников — буржуазных националистов.

Укрепление Бухарской Коммунистической партии стояло в центре внимания Средазбюро ЦК РКП(б). 13 января 1923 г. Средазбюро, обсудив вопрос «О состоянии партии в Бухаре», признало необходимым поднять авторитет БКП перед государственными органами, усиливая руководящую и направляющую роль партии в деятельности Советов и других общественных организаций. Для достижения намеченной цели Средазбюро признало необходимым «стремиться к изменению состава Центрального Комитета БКП в сторону привлечения на партийную работу всех видных коммунистов из трудового населения»¹. Принимались меры к укреплению аппарата ЦК БКП и советских органов как в центре, так и на местах более стойкими и выдержанными коммунистами, направляемыми из центральных городов Туркестана.

Средазбюро вело систематическую работу, препятствовало всякому укреплению той или иной группировки в руководящих органах БКП и правительстве, вовлекая в местные Советы, главным образом, дехкан, рабочих и кустарей.

1 февраля 1923 г. в соответствии с решением Средазбюро ЦК РКП(б) в Бухару была направлена группа работников: секретарь Самаркандского Обкома КПТ А. Мавлянбеков — для использования на руководящей партийной работе, Ширинский из Туркпромсоюза — для ответственной кооперативной работы, зам. Наркома труда ТАССР Касымов на ответственную хозяйственную работу, начальник Сырдарьинской областной милиции Дадаходжаев — в качестве заместителя госохраны БНСР, ответственный сотрудник ЦК РКП ТАССР Непрокин — в качестве зам. назира Госконтроля БНСР, заместитель областного продовольственного комиссара Сырдарьин-

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 521, л. 3.

ской области Мусаханов — для налаживания продовольственного дела, Еременко — из аппарата ЦСНХ ТАССР — для налаживания работы в области статистики и учета, Бурнашев (из Ферганы) — для использования на ответственной работе в периодической печати и другие.

Средазбюро ЦК РКП(б) в решении от 1 февраля 1923 г. обязало ЦК комсомола Туркестана выделить ответственных работников для налаживания культурно-просветительной работы среди населения Бухары.

В отчете ЦК БКП IV съезду партии дан подробный анализ состояния Бухарской Коммунистической партии¹. «Только после III съезда партия могла приступить к широкой организационной работе в различных отраслях партийной жизни. До III съезда этой возможности у партии не было. Бухкомпартия раздиралась борьбой внутрипартийных группировок, не была спаяна единством партийного мнения и, конечно, в такой обстановке не могла вестись сколько-нибудь плодотворная работа».

ЦК уделял большое внимание оздоровлению социального состава партии. Чистка партии, проведенная во второй половине 1923 г., перепись членов БКП дали следующие результаты: из 1560 членов и 154 кандидатов партии перепись прошли 1505 членов и 154 кандидата. Было исключено из рядов БКП во время чистки 202 члена, или 13,4%, и 13 кандидатов, или 8,4%. Из партии были исключены торговцы (83 чел.), крупные землевладельцы, эксплуатирующие чужой труд (47), взяточники (89), представители духовенства (25) и бывшие эмирские чиновники (21).

Социальный состав партии характеризовался следующими данными: дехкане составляли 35% членов БКП, за ним следовали служащие и интеллигенция (33%), рабочие (13%), кустари и ремесленники (8%).

Из 800 рабочих, занятых на хлопковых заводах Бухары, членов партии было только 10. Из 410 железнодорожных рабочих местного населения было 4 коммуниста.

Из приведенных данных раскрывается социальная природа Бухарской Коммунистической партии, состоявшей по преимуществу из крестьян и интеллигенции.

¹ «Озод Бухоро», 31 января, 2 февраля, 9 февраля, 21 февраля 1924 г.

Вхождение БКП в состав Российской Коммунистической партии и непосредственное руководство Средазбюро ЦК РКП(б) обеспечивали пролетарское влияние партии и проведение твердой коммунистической линии, с учетом особенностей развития БНСР как республики народно-демократического типа.

БКП состояла из 7 вилаетских, 22 туменских и 59 городских первичных партийных ячеек. В кишлаках партийные ячейки отсутствовали. К 1 января 1924 г. количество партийных ячеек возросло до 123 и наряду с 55 городскими, 13 красноармейскими возникли 14 кишлачных, 8 транспортных, 3 фабрично-заводских партийных ячеек. Особое внимание уделялось организации партийных групп в Восточной Бухаре, куда в порядке мобилизации были откомандированы 23 коммуниста, прибывших из Туркестана.

Наиболее передовой считалась Чарджоуская организация, где отсутствовали склоки, групповая борьба, раздиравшая в прошлом почти все организации БКП. Чарджоуская организация с сильной пролетарской прослойкой железнодорожников расширила свое влияние среди беспартийных и успешно руководила деятельностью советских и хозяйственных органов вилаета. Оживилась также работа и в Бухарской областной парт-организации. Здесь насчитывалось на 1 января 1924 г. 43 ячейки.

Наиболее засоренной парторганизацией в составе БКП считалась Каршинская. Это видно даже из того, что в январе 1924 г. коммунисты Каршинского вилаета приняли решение: «просить центр отремонтировать мечети, дабы привлечь в ряды БКП больше молящихся». ЦК БКП были приняты меры по укреплению руководства Каршинского вилкома партии. Такое же положение наблюдалось и в Шахрисабзской партийной организации.

В октябре 1923 г. при ЦК БКП был организован женотдел, развернувший работу в Старой Бухаре на базе женского клуба, куда были вовлечены 30 узбечек. При клубе были созданы кружки по швейному мастерству, вышивке, музыкальной, действовала библиотека и читальный зал с красным уголком. В Ст. Бухаре проведена была в 1924 г. I беспартийная конференция женщин, в которой приняло участие около 300 женщин.

К своему IV съезду Бухарская Коммунистическая партия значительно укрепилась в организационном и идейно-политическом отношении. Она располагала к этому времени 152 организациями: 87 городских, 37 сельских, 13 красноармейских, 9 транспортных и 6 заводских. В рядах Бухарской Коммунистической партии после января 1924 г. насчитывалось 1248 членов и 165 кандидатов. Партия была в значительной степени очищена от буржуазных националистов, торговцев и духовенства, ее социальный состав определялся следующими цифрами: 447 дехкан, 178 рабочих, 108 кустарей, 63 служащих и 129 прочих¹, что свидетельствовало о значительном росте пролетарского влияния в партии. БКП по своему социальному составу представляла собой в 1924 г. партию рабочего класса, кустарей и трудового крестьянства, составляющего свыше 60% от общего числа коммунистов.

IV съезд Бухарской Коммунистической партии проходил с 15 по 20 января 1924 г. Он наметил реальные меры по восстановлению народного хозяйства, уделил большое внимание укреплению рядов партии и усилению ее руководящей и направляющей роли в деятельности советских и хозяйственных органов республики.

IV курултай Бухарской Коммунистической партии одобрил генеральную линию РКП(б) и решительно осудил попытки отдельных коммунистов создать группировки и фракции внутри партии. Для дальнейшего укрепления БКП съезд поручил вновь избранному Центральному Комитету внимательно следить за социальным составом партии, постоянно очищая ее от чуждых элементов, все больше привлекая в партию рабочих и батраков.

Съезд особо подчеркнул необходимость решительной борьбы с излишествами в госаппарате и в личной жизни ответственных работников, борьбы с должностными преступлениями (бюрократизмом, взяточничеством и т. д.) и расхищением государственной и кооперативной собственности.

Много внимания уделил IV съезд БКП вопросам укрепления местных партийных организаций и повышению

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 98, п. 55.

их руководящей роли в Советах. Из отчета Бухарского обкома БКП на IV съезде партии видно, что в 1923 г. в составе руководящих работников местных Советов не было ни одного члена партии, в 1924 г. из 24 представителей туменских (уездных) Советов 18 были членами Коммунистической партии.

Некоторые местные советские органы оказались сильно засоренными классово-чуждыми элементами, они не только не организовывали борьбу народных масс против басмачества, а напротив, своими действиями попустительствовали контрреволюции. Все члены Вабкентского и Гиждуванского вилайетских исполкомов были преданы суду революционного трибунала.

Многие местные Советы не руководили налоговой кампанией, в результате туменские и кентские исполкомы Советов были частично или полностью подменены бывшими амлакдарами, аминаками, аксакалами, которым принадлежало не только право сбора налога, но и фактическая власть на местах. Это приводило к принижению роли народной власти в глазах крестьянского населения.

Вопрос о борьбе со злоупотреблениями в советском аппарате стал предметом специального обсуждения IV курултая БКП. Были разработаны практические меры по искоренению беззаконий и злоупотреблений в органах государственной власти. В резолюции съезда по этому вопросу было сказано: «государственный аппарат Бухарской республики складывался в особо неблагоприятной обстановке и впитал в себя много общественного «мусора», преследующего личные корыстные цели; наша творческая хозяйственная работа стоит перед серьезной угрозой срыва вследствие крупных материальных утечек и массовой бесхозяйственности, которые начинают приобретать характер настоящей экономической контрреволюции; успехи нашей политической работы и борьба с басмачеством очень часто аннулируются беззакониями, творимыми представителями власти на местах: партия и Советская власть должны объявить беспощадную борьбу этому виду контрреволюции. Мы должны основательно встряхнуть советский аппарат и вышвырнуть из него все преступные элементы»¹.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 93, л. 32.

IV съезд БКП предложил провести следующие мероприятия по устранению указанных серьезных недостатков:

а) начать широкую кампанию как устную, так и печатную через газеты и журналы с целью вовлечь в дело борьбы с различными злоупотреблениями, совершаемыми должностными лицами и представителями власти, самих трудящихся;

б) организовать над преступниками открытые судебные процессы с широкой общественной оглаской с тем, чтобы убедить трудящихся в том, что Советская власть не попускает жуликам, казнокрадам и взяточникам;

в) укомплектовать карательные органы (суд, прокуратуру, ГПУ и Госконтроль) выдержанными партийными работниками;

г) провести повсеместную чистку хозяйственных и советских органов, обращая при этом особое внимание на классовую принадлежность служащих торговых, финансовых, кредитных и строительных организаций.

Съезд выразил твердую уверенность в том, что «партия будет карать не только непосредственных виновников разложения государственного аппарата, но и всех тех, кто своим бездействием и пассивностью попустительствует этому злу. Рабочие и дехканские массы должны иметь в своих соответствующих учреждениях дельных и честных людей и железной рукой партии добиться осуществления этой боевой задачи»¹.

20 января 1924 г. IV съезд БКП закончил свою работу и по общему мнению его делегатов, «съезд прошел с редкой деловитостью и дружным подъемом, свидетельствующими о значительном укреплении Бухарской Коммунистической партии»².

16 апреля 1924 г. Средазбюро ЦК РКП(б) заслушало отчет ЦК Бухарской Коммунистической партии о результатах перестройки работы с 1 октября 1923 г. по 15 апреля 1924 г.

Средазбюро ЦК РКП(б) одобрило деятельность ЦК Бухарской Коммунистической партии и в своем решении указало, что «...вовлечение широких кругов населения

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 93, л. 32.

² «Туркестанская правда», 31 января 1924 г.

в борьбу с басмачеством, усиленная политработа в этом направлении и всемерная хозяйственная помощь разоренному населению за последний период (особенно с января 1924 г.) дали значительные результаты»¹.

Средазбюро отметило заметное улучшение деятельности советского аппарата, благодаря проведенной чистке его от ненадежных и классово чуждых элементов, а также одобрило проведенную ЦК БКП работу по вовлечению представителей трудового народа в местные органы Советской власти.

Средазбюро ЦК РКП(б) обратило также внимание Бухарской Коммунистической партии на крайнюю необходимость развертывания массовой агитационной работы среди всех национальностей, населяющих республику, воспитания трудящихся этих национальностей в духе пролетарского интернационализма.

Для повышения классового самосознания трудящихся крестьян, Средазбюро рекомендовало Бухарской Коммунистической партии приступить к организации союза «Кошчи», по типу союзов, действующих в Туркестанской АССР.

1 сентября 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад ответственного инструктора ЦК РКП(б) «Об обследовании Бухарской парторганизации» и приняло специальное решение «О работе Бухарской Компартии»². В нем были отмечены несомненные успехи в работе ЦК БКП, связанные с улучшением социального состава партии и организационного оформления партийных ячеек, развитии хозяйственного строительства, выразившиеся в усилении экспорта сырья и усилении роли кооперации и госторговли в товарообороте, а также ликвидации основных сил басмачества как в Западной, так и в Восточной Бухаре.

Всебухарский съезд Советов (18—20 сентября 1924 г.) подвел итоги четырех лет народной Советской власти. В торжественной обстановке он принял 19 сентября 1924 г. историческое решение о провозглашении БНСР социалистической республикой.

«Рост Бухары за четырехлетний период революции,— сказано в резолюции съезда,— широкое участие трудово-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 98, лл. 131—142.

² Там же, д. 12, лл. 15—16.

го народа в управлении страной, развитие государственного и кооперативного капитала, установление справедливых налогов, укрепление народного просвещения и народной Красной Армии, рост рабочих союзов — глубоко и прочнее закрепляет власть трудящихся, как революционную диктатуру. В народном хозяйстве закладываются социалистические начала, трудовой народ приступает к социалистическому строительству»¹.

Провозглашение БНСР социалистической республикой явилось результатом объективного внутреннего развития Бухары в сторону социализма — укрепление народной Советской власти и развитие политической активности трудящихся масс. Повседневное руководство ЦК РКП(б) и бескорыстная помощь Советского правительства, оказанная Бухаре в разгроме басмаческой националистической контрреволюции и укреплении экономики страны, явились решающим фактором преобразования Бухарской Народной Советской Республики. По времени это совпало с проведением национально-государственного размежевания республик Средней Азии.

Национально-государственное размежевание представляло собой величайший акт исторической важности, результат плодотворной деятельности Коммунистической партии в осуществлении ленинской национальной политики на Востоке. Значение национально-государственного размежевания республик Средней Азии заключалось в мирном решении сложной национальной проблемы на основе принципов дружбы и братства советских народов, приведшей к созданию суверенных национальных советских республик — Узбекистана и Туркмении.

Как известно, необходимость осуществления национально-государственного размежевания республик Средней Азии с образованием на ее территории суверенных советских республик Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана предвидел В. И. Ленин в 1920 г.² Однако проведение национального размежевания

¹ На историческом рубеже (Сборник о национально-государственном размежевании Средней Азии), издание Средазбюро ЦК РКП(б), Ташкент, 1924, стр. 157, а также «Озод Бухоро», 24 сентября 1924 г.

² Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 326.

оказалось возможным лишь в 1924 г., когда созрели необходимые для этого объективные условия. К этому времени было ликвидировано басмачество. Народные советские республики — Бухара, Хорезм, в результате укрепления Советской власти, перешли на путь социалистического развития. Партийные и советские органы республик Средней Азии выдвинули в 1924 г. вопрос о территориальном размежевании Туркестана, Бухары и Хорезма, признавая возможным практическое решение этого сложного вопроса. Национально-государственное размежевание призвано было служить средством приобщения трудящихся Туркестана, Бухары и Хорезма к социалистическому строительству.

Вопрос о национально-государственном размежевании в масштабе всей Средней Азии впервые был выдвинут на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 31 января 1924 г. Я. Э. Рудзутаку было поручено во время его поездки в Ташкент созвать совещание ответственных работников Бухары, Хорезма и Туркестана с тем, чтобы подвергнуть предварительной разработке вопрос о возможности и целесообразности государственного размежевания республик Средней Азии по национальному признаку.

25 февраля 1924 г. состоялся расширенный Пленум ЦК БКП, на котором были приняты «Основные положения по вопросу создания Узбекской ССР». Пленум ЦК БКП признал своевременным проведение размежевания республик Средней Азии по национальному признаку, нашел целесообразным создать Узбекскую ССР на базе БНСР, путем присоединения к ней основной части территории ХНСР, за исключением Ташаузской облсти, населенной туркменами, а также территории Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областей ТАССР, где проживали узбеки. На Пленуме ЦК БКП было решено, что УзССР непосредственно входит в состав СССР. Учредительный съезд вновь организуемой республики предлагалось созвать в историческом городе Бухаре. Предполагалось образовать в составе Узбекской ССР автономную область таджиков, проживающих в Восточной Бухаре. Пленум ЦК БКП высказывался также за выделение туркмен, населяющих Чарджоускую область, вместе с туркменами, проживающими в Ташаузской области ХССР, и Закаспийскую область ТАССР в незави-

симию республику — Туркменскую ССР, которая должна была сама определить свое отношение к РСФСР и СССР¹.

10 марта 1924 г. вопрос о национально-государственном размежевании был предметом специального разбора расширенного пленума ЦК КПТ с участием членов Средазбюро ЦК РКП(б). В середине марта 1924 г. член Средазбюро ЦК РКП(б) А. Рахимбаев выступил с докладом о национально-государственном размежевании Средней Азии на общегородском партийном активе города Хивы.

5 апреля 1924 г. А. Рахимбаев доложил на заседании Политбюро ЦК РКП(б) выдвинутый компартиями Бухары и Туркестана вопрос о национально-государственном размежевании Средней Азии. Политбюро ЦК РКП(б), в принципе одобряя идею национального размежевания и образования национальных советских республик, предложило председателю Средазбюро ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутаку изучить материалы, представленные делегациями компартий Туркестана, Бухары и Хорезма, приезжающих в Москву для участия в работе XIII съезда партии, и разослать всем членам Политбюро свое заключение по данному вопросу с приложением географической и этнографической карты Средней Азии.

В связи с одобрением ЦК РКП(б) идеи национально-государственного размежевания, ЦК БКП в своем решении от 10 апреля 1924 г. организовал Комиссию по подготовке и проведению национального размежевания. В состав Комиссии вошли: Ф. Ходжаев, К. Атабаев, К. Пулатов, А. Мухетдинов и Навризбаев.

13 апреля 1924 г. Средазбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад Комиссии ЦК БКП о национально-государственном размежевании республик Средней Азии. В решении Средазбюро было сказано: «постановка вопроса ЦК БКП о национальном размежевании республик Средней Азии заслуживает всяческого одобрения». Средазбюро рекомендовало ЦК БКП всесторонне осветить в печати и устной пропаганде среди широких слоев населения идею создания национальной советской государственности народов Средней Азии².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 151, лл. 1—3.

² Партархив Института истории партии при ЦК КП Уз, ф. 14, оп. 1, д. 716, л. 194.

28 апреля 1924 г. было принято постановление Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б), признающего размежевание по национально-территориальному признаку в масштабе среднеазиатских республик своевременным и целесообразным. Была организована Центральная комиссия с участием представителей трех республик для предварительной разработки вопросов, связанных с национально-государственным размежеванием республик Средней Азии. В комиссию вошли А. Рахимбаев, К. Атабаев, Ф. Ходжаев, Адынаев, Т. Рыскулов, Абдурахманов, К. Пулатов и другие¹.

В результате работы комиссии Средазбюро ЦК РКП(б) был разработан проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О национально-государственном размежевании республик Средней Азии», обсужденный и одобренный на заседании Средазбюро 11 мая и 2 июня 1924 г.

4 июня 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) одобрило представленные Средазбюро докладную записку и проект «О национально-государственном размежевании республик Средней Азии»². 12 июля 1924 г. было принято историческое постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О национальном размежевании среднеазиатских республик (Туркестана, Бухары и Хорезма)».

Политбюро ЦК РКП(б) приняло предложение ЦК КПТ ЦК БКП о проведении национально-государственного размежевания республик Средней Азии и образовании Туркменской и Узбекской Советских Социалистических Республик с вхождением последних в состав СССР. Туркменская ССР образовалась в результате выделения туркменских земель из состава ТАССР, БНСР и ХССР.

Ввиду временного сохранения существования ХССР, рассмотрение вопроса о формах и сроках выделения туркмен из состава Хорезмской ССР было поручено комиссии ЦК РКП(б) в составе Я. Э. Рудзутака, Г. В. Чичерина и Адынаева.

Узбекская Советская Социалистическая Республика образовывалась на базе воссоединения разрозненных частей узбекских земель Туркестана и Бухары.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 98, л. 205.

² Там же.

Часть территории Туркестана, населенная казахами, передавалась Казахской АССР. Во вновь образуемые автономные области входили: Кара-Киргизия — в состав РСФСР, а Таджикистан — в состав Узбекской ССР.

Постановление Политбюро предусматривало реорганизацию КПТ и БКП соответственно принципам национального размежевания. Был предreshен вопрос образования Компартии Узбекистана, Компартии Туркменистана и Каракиргизской и Таджикской областных партийных организаций.

Средазбюро ЦК РКП(б) как среднеазиатское партийное объединение, охватывающее компартии Узбекистана, Туркменистана и областные партобъединения Таджикской и Каракиргизской автономных областей и ХКП, решено было сохранить.

Признавалось необходимым создание среднеазиатского экономического объединения для согласования хозяйственных вопросов, касающихся Узбекской, Туркменской и Хорезмской республик.

Проведение национально-государственного размежевания было намечено на октябрь, до этого нужно было созвать съезды Советов БНСР и ХНСР и сессию ЦИК Советов ТАССР для законодательного оформления акта создания Узбекской ССР и Туркменской ССР.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 15 октября 1924 г., распространив размежевание и на ХНСР, признало также образование Каракалпакской Автономной области в составе Киргизской (Казахской) АССР. В нее вошли Ходжейлинский, Кунградский районы ХССР и Чимкентский уезд Амударьинской области ТАССР. Ташаузская область ХССР была отнесена к Туркменской ССР, а Ургенчская область ХССР, населенная узбеками, и Шурханский уезд Амударьинской области были присоединены к Узбекской ССР.

Комиссия ЦК РКП(б) во главе с В. В. Куйбышевым внесла предложение об образовании вместо Таджикской Автономной области Таджикской АССР, в составе Узбекской ССР, что было одобрено Политбюро ЦК РКП(б) 11 октября 1924 г.

Национально-государственное размежевание Туркестана, Бухары и Хорезма и создание Узбекской и Туркменской Советских Социалистических Республик имело величайшее значение в развитии национальной советской

социалистической государственности народов Средней Азии. II сессия Центрального Исполнительного Комитета Бухарской Советской Социалистической Республики, в осуществление постановления V Всебухарского курултая Советов, выразившего волю трудящихся узбеков, туркмен и таджиков Бухары о создании совместно с узбеками и туркменами Туркестана и Хорезма Узбекской и Туркменской Советских Социалистических Республик, а также Таджикской Автономной Республики в составе Узбекистана, приняла 18 ноября 1924 г. решение о создании для проведения в жизнь этих решений Революционного Комитета Узбекской ССР.

II сессия БухЦИКа, констатируя факт организации Революционного комитета Туркменской ССР, с согласия туркменов, проживающих в Бухарской ССР, Хорезмской ССР и Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республике, выразила свое согласие на отделение из состава Бухарской ССР территории Чарджоуского и Керкинского вилаетов и Келифского тумена, населенных в большинстве туркменами и включения их территории в состав Туркменской Советской Социалистической Республики.

II сессия БухЦИКа с чувством радости и братской солидарности отметила создание Таджикской Автономной Республики в составе Узбекской ССР из таджиков, проживающих в Восточно-Бухарской области БНСР, также путем передачи части территории Туркестанской АССР с большинством таджикского населения.

II сессия БухЦИКа провозгласила, что вся территория Бухарской ССР, за исключением части ее, отходящей к Туркменской ССР, полностью включается в состав Узбекской ССР, и власть революционного Комитета Узбекской ССР со всей полнотой распространяется на всю территорию Бухарской ССР, входящей в состав Узбекской ССР.

Наконец, II сессия БухЦИКа объявила о передаче всей полноты власти БухЦИКа вновь организованному Революционному Комитету Узбекской ССР¹.

Аналогичные решения были приняты на Чрезвычайной сессии ЦИК Туркестанской АССР 15 сентября 1924 г.,

¹ ЦГАОР УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 8, л. 192.

одобренные II сессией ВЦИК 14 октября 1924 г.¹ и V съездом Советов Хорезмской ССР 30 октября 1924 г.².

26 октября 1924 г. II сессия ЦИК СССР подтвердила свободное волеизъявление трудящихся масс Средней Азии, являющееся в условиях советского строя высшим законом, и санкционировала практическое осуществление территориального государственного размежевания Туркестана, Бухары и Хорезма по национальному признаку³.

С организацией Революционного Комитета Узбекской ССР Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Назиров Бухарской ССР и высшие органы государственной власти ТАСС и ХССР с 18 ноября 1924 г. прекратили свое существование, передав вверенную им власть вновь образованным ревкомам. Революционный Комитет УзССР, приступая к исполнению возложенной на него историей миссии — подготовки организационного оформления Узбекской Советской Социалистической Республики и созыва Учредительного съезда выступил с обращением к узбекскому населению бывших республик Туркестана, Бухары и Хорезма о создании свободной и суверенной Узбекской Советской Социалистической Республики, объявив 5 декабря 1924 г. днем образования Узбекской ССР.

13 февраля 1925 г. в г. Бухаре начал свою работу учредительный Всеузбекский съезд Советов с участием председателя ЦИКа СССР М. И. Калинина.

Открывая исторический съезд Советов, Файзулла Ходжаев говорил: «Трудящиеся Узбекистана счастливы, что они имеют свою независимую Социалистическую республику, которая как равноправный член в числе других, входит в великий Союз Советских Социалистических Республик...»⁴.

¹ Народное хозяйство Средней Азии, № 4, 1924, стр. 195.

² «Туркестанская правда», 2 ноября 1924 г., № 245.

³ Народное хозяйство Средней Азии, № 4, 1924 г., стр. 208.

⁴ Первый Всеузбекский съезд Советов, стенографический отчет, февраль 1925 г. Издание ЦИК УзССР, Узбекское государственное издательство, Ташкент, стр. 4.

Заключение

Бухарская Народная Советская Республика существовала сравнительно недолго (1920—1924 гг.). Однако и за четыре года был осуществлен ряд революционно-демократических преобразований, которые подготовили условия для перехода страны от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. То обстоятельство, что Бухара пошла не по пути капитализма, а выбрала для себя путь революционного низвержения феодализма, а на последующем этапе — ликвидацию капитализма, определила судьбу страны, навеки связав ее с великой социалистической Россией.

Определяющую роль в исторических судьбах трудового народа Бухары—узбеков, таджиков, туркмен и других сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция, указавшая путь к освобождению от социального и национального гнета.

Освободительные идеи Великого Октября докатились и в далекие восточные окраины бывшей царской империи, какой являлось Бухарское ханство. Выдающуюся роль в этом, наряду с местными коммунистами, такими как Файзулла Ходжаев, Кары Юлдаш Пулатов, К. Атабаев, А. Мавлянбеков, М. Каримов, Н. Хусаинов, А. Акчурин и другие сыграли русские коммунисты, такие как Г. Поляторский, Войткевич, в особенности посланцы В. И. Ленина — В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, Я. Э. Рудзутак и другие, вложившие много труда в дело освобождения трудящихся масс Бухары.

Немыслимо представить суверенную, демократическую Народную Советскую Бухару без постоянной и бескорыстной помощи социалистической России, протянувшей руку помощи в тяжелые для народов Бухары периоды.

Чтобы правильно понять своеобразие бухарской революции и оценить ее международное значение для угнетенных народов Востока, необходимо иметь в виду следующее:

1) Бухарское ханство накануне народной революции 1920 г. все еще оставалось отсталой аграрной страной, с господством докапиталистических форм хозяйства, преимущественно в его восточных областях, с постепенным проникновением капиталистических отношений в западных районах страны.

2) Социальный строй Бухарского ханства характеризовался почти полным отсутствием промышленного пролетариата. Громадное большинство населения — крестьяне — составляли основную производящую силу страны и они подвергались безжалостной эксплуатации деспотического государства во главе с эмиром и его беками, светских и духовных феодалов, а также купцов и ростовщиков.

3) Под влиянием первой, в особенности второй буржуазно-демократической революции в России в Бухарском ханстве зародилось демократическое движение, первоначально связанное с пропагандой европейского метода обучения и объединившее вокруг школы прогрессивные элементы национальной буржуазии и местной интеллигенции, получивших впоследствии название «младобухарцев». Из наиболее оппозиционных эмирскому строю левых «младобухарцев» Файзулле Ходжаеву удалось организовать партию революционных демократов, твердо стоявших на позиции создания Народной Республики в Бухаре.

4) Под воздействием освободительных идей Великого Октября и успехов Советской власти в Туркестане развернулось национально-освободительное движение в Бухарском ханстве, руководство которым взяла на себя созданная в Ташкенте в 1918 г. Бухарская Коммунистическая партия.

Под руководством и при повседневной помощи Турккомиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР,

Бухарская Коммунистическая партия выросла в боевой авангард трудящихся масс и возглавила народную революцию, приведшую к низвержению деспотического режима эмирата в сентябре 1920 г.

5) Сентябрьская революция 1920 г. в Бухаре была осуществлена при непосредственном участии трудящихся масс, рабочих, крестьян, ремесленников, а также прогрессивных представителей национальной буржуазии и местной интеллигенции, под руководством Коммунистической партии.

Революция 1920 г. в Бухаре носила антифеодальный, народно-демократический характер, результатом ее явилось нанесение сокрушительного удара по мировому империализму и превращению Бухары из очага контрреволюции в союзное с социалистической Россией свободное суверенное государство.

6) Революция 1920 г. в Бухаре в своем развитии прошла два этапа: демократический (1920—1923 гг.) и социалистический (октябрь 1923 — сентябрь 1924 г.).

Демократический этап революции характеризуется ликвидацией деспотического режима и созданием подлинно народных органов государственной власти (крестьянских Советов), а также осуществлением аграрных и налоговых преобразований, уничтоживших крупное феодальное землевладение и крепостнические формы эксплуатации трудового народа.

7) Благодаря победе народной революции 1920 г. впервые в мировой истории государственная власть в Бухаре, так же как и в Хорезме, перешла в руки трудового крестьянства, создавалось государство трудящихся крестьян, возникновение и упрочение которого стало возможным благодаря существованию и повседневной военно-политической и экономической помощи РСФСР.

Крестьянская Советская республика, каковой была Бухарская народная республика, с первого дня своего существования установила тесный военно-политический союз с социалистической Россией, против мирового империализма, тем самым революционизировав народы Востока, поднимая их на борьбу за свое национальное и социальное освобождение от ига колониализма.

8) Социалистический этап развития революции в БНСР был подготовлен внутренним развитием страны, в ожесточенной классовой борьбе как против контррево-

люционных сил, поддержанных иностранными империалистами и их агентурой (Энвер-паша, Салим-паша, Ибрагим-бек и др.), так и на основе широкого вовлечения трудящихся масс в органы государственной власти, путем оказания разносторонней помощи со стороны РСФСР по восстановлению разрушенного басмачеством крестьянского хозяйства, благодаря укреплению государственного сектора в промышленности, организации широкой сети сельхозкооперации и создания первых очагов социалистической культуры как в городе, так и в деревне.

9) Переход к социалистическому этапу развития в Бухаре был осуществлен в октябре 1923 г. с принятием новой Конституции республики и завершен в сентябре 1924 г. провозглашением БНСР социалистической республикой — государством рабочих и крестьян. Социалистический этап развития революции был кратковременным и он по времени совпал с национально-государственным размежеванием республик Средней Азии. Осуществление социалистических преобразований в Бухаре происходило в рамках вновь созданных республик, основная часть территории которой, за исключением Чарджоуской области, вошла в состав Узбекской ССР.

* * *

За годы Советской власти произошли громадные изменения в жизни узбекского народа. Опираясь на повседневную и бескорыстную помощь великого русского народа, Узбекская Советская Социалистическая Республика прошла величественный путь развития — от средневековой отсталости к социализму, минуя капитализм.

Опыт строительства социализма в Узбекистане развеял в прах расистские теории, вековую ложь империалистов-колонизаторов о «застойном» характере экономики и культуры и причинах «вечной» отсталости народов Востока, неопровержимо доказав, что самостоятельное историческое творчество отнюдь не является прерогативой «избранных» и цивилизованных наций Запада, а доступна всем народам, независимо от расовой или национальной принадлежности. Блестящим примером этому может служить Узбекская Советская Социалистическая Республика — маяк социализма на Востоке.

За истекшие 50 лет Узбекистан стал совершенно неузнаваемым. В республике имеются свыше тысячи крупных предприятий, представляющих более 100 отраслей современной промышленности, продукция которых возросла в 78 раз по сравнению с 1924 г.¹

Узбекистан производит электроэнергии в 8 раз больше, чем Турция, в 16 раз по сравнению с Ираном и в 42 раза больше, чем Пакистан.

На полях колхозов и совхозов республики работают многие десятки тысяч тракторов, 15 тысяч хлопкоуборочных машин, 3 тысячи зерноуборочных машин и 30 тысяч грузовых автомашин.

За годы Советской власти сооружены 900 оросительных систем, приведшие к увеличению посевных площадей в республике на один миллион гектаров, или в 1,5 раза по отношению с дореволюционным временем.

Узбекистан — страна высокой культуры, где на каждые 10 тысяч человек приходится 1700 учащихся, чего не достигли такие высокоразвитые страны, как Англия, Франция, Италия, ФРГ и другие. Количество учащихся на 10 тысяч населения в Узбекистане в 4 раза больше, чем в Пакистане и Иране, в 2 раза, чем в Индии и в 18 раз, чем в Афганистане. На каждые 10 тысяч населения в Узбекистане приходится 129 человек с высшим образованием. Это означает, что в республике готовится специалистов в три раза больше, чем в Англии, Франции, ФРГ и Италии.

Наймиты империализма, фальсификаторы истории, вопреки исторической правде всячески изощряются, чтобы очернить, оклеветать социалистический строй, предать забвению замечательные достижения народов Средней Азии и Узбекистана в экономической, политической и культурной жизни. Однако лживая пропаганда наемных писак империализма и колониализма не в состоянии опорочить советский строй, ослабить притягательную силу примера среднеазиатских республик, являющихся маяком социализма на Востоке.

Разоблачая гнусную ложь, распространяемую идеологами империализма, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов с трибуны XXIII съезда КПСС говорил:

¹ «Совет Узбекистони», 7 ноября 1966 г.

«За годы Советской власти в каждой республике произошли невиданные по своим масштабам и значимости социально-экономические, общественно-политические и культурные преобразования. И это признают все, кто здраво мыслит, кто объективно оценивает нашу жизнь. Общественный деятель Индии Сэт Тандон, посетивший Узбекскую ССР, свои впечатления выразил так: «Титаническая работа, проделанная на узбекской земле за годы Советской власти, вряд ли может быть сравнима с чем либо подобным, ибо такого прогресса трудно достичь даже при помощи «волшебной лампы» Аладдина. Это под силу только социальному строю, носящему чудесное имя — социализм».

В самом деле, разве не замечательно, что Узбекистан, **который** не так давно поднялся из феодально-патриархального уклада жизни, ныне экспортирует свою промышленность и сельскохозяйственную продукцию в 71 страну мира!

А разве может не вызвать законной гордости за нашу Родину тот факт, что Узбекистан, население которого в недалеком прошлом было почти поголовно неграмотным, оказывает сейчас научно-техническую помощь молодым развивающимся государствам Азии, Африки и Латинской Америки, обучает в своих вузах молодежь из этих стран и поддерживает культурные связи с 91 страной мира!..

Отрадными переменами в жизни своей народы Средней Азии обязаны партии Ленина, великому русскому и другим братским народам. Это она, ленинская партия, с помощью пролетариата России высвободила наш народ из-под векового гнета и вывела его на широкую дорогу свободного исторического творчества. Партия помогла узбекскому народу, как и всем народам страны, слиться в едином многонациональном социалистическом государстве и в дружной братской семье встать на путь бурного расцвета, подняться к вершинам человеческого прогресса»¹.

Грандиозные успехи Узбекской ССР являются подтверждением того, что советский строй поднял к новой жизни, привел к расцвету все ранее угнетенные и бесправные народы, стоявшие на разных ступенях

¹ «Правда», 31 марта 1966 г.

исторического развития, от патриархально-родового строя до капиталистического. Отсталые ранее народы при помощи более развитых и, прежде всего русского народа, миновали капиталистический путь, поднялись до уровня передовых. Как справедливо подчеркивается в тезисах ЦК КПСС к 50 летию Великой Октябрьской социалистической революции: «Социализм обеспечивает всем народам СССР фактическое равенство в политическом, экономическом, культурном отношении»¹.

Благодаря Великому Октябрю и победе социализма в нашей стране узбекский народ, как и другие народы Советского Союза, навеки освободившийся от социального и национального гнета, неуклонно развивает свою экономику и культуру, опираясь на бескорыстную помощь русского и других народов нашей Родины, смелыми шагами идет по пути строительства коммунизма — светлого будущего человечества.

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС. Политиздат, М., 1967.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Произведения В. И. Ленина и руководящая литература

- В. И. Ленин* — Пробуждение Азии, ПСС, т. 23.
- В. И. Ленин* — Доклад о партийной программе на VIII съезде РКП(б), ПСС, т. 38.
- В. И. Ленин* — Доклад на II Всероссийском съезде Коммунистических организаций народов Востока, ПСС, т. 39.
- В. И. Ленин* — Первоначальный набросок тезисов «По национальному и колониальному вопросам», ПСС, т. 41.
- В. И. Ленин* — Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров на VIII Всероссийском съезде Советов, ПСС, т. 42.
- В. И. Ленин* — Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении Дагестана, Горской республики, ПСС, т. 43.
- В. И. Ленин* — О национальном и национально-колониальном вопросе, М., Госполитиздат, 1956.
- В. И. Ленин* — О Средней Азии и Казахстане. Т., Госиздат, УзССР, 1960.

II. Источники

- Резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, издание VII, Госполитиздат, М., 1953.
- Резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу», КПСС в резолюциях и решениях конференций, съездов и пленумов ЦК, ч. 1, изд. VII, Госполитиздат, М., 1953.
- Резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. VII, Госполитиздат, М., 1953.
- Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924), Т., Узгиз, 1958.
- Программа КПСС, издание «Правда», М. 1961.

Программные материалы борьбы за мир, демократию и социализм, М. Госполитиздат, 1964.

Пятьдесят лет Великой Октябрьской социалистической революции, Тезисы ЦК КПСС, Политиздат, М., 1967.

Материалы XXIII съезда КПСС, Политиздат, М., 1966.

Бухара (сборник статей и воспоминаний), М., Красная Пресня, 1924.

Бюллетень Совета труда Бухарской Народной Советской Республики, № 2, 1923.

Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг., Старая Бухара, 1923.

Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921), М., 1921.

Годовой отчет за 1923—НКВД II съезду Советов СССР (Международная политика в 1923 г.), М., 1924.

Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет Народного Комиссариата по иностранным делам, издание НКВД, М., 1923.

Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане (воспоминания участников), Узгиз, Ташкент, 1957.

На историческом рубеже (Сборник о национально-государственном размежевании Средней Азии), изд. Средазбюро ЦК РКП, Ташкент, 1924.

Письма трудящихся Туркестана В. И. Ленину, Изд. «Узбекистан», Ташкент, 1964.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами, вып. II, М., 1921.

Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революции (Воспоминания участников Бухарской и Хорезмской революции), Узгиз, Ташкент, 1930.

Съезды Советов в документах, т. II, М., Госполитиздат, 1960.

Союзный договор между РСФСР и Бухарской Народной Советской Республикой (официальный текст), издание НКВД, М., 1921.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны (сборник документов), М., 1941.

III. Архивы

Центральный государственный архив (ЦГА) УзССР

ф. 3— Российское императорское политическое агентство в Бухаре.

ф. 17— ЦИК Туркестанской АССР.

ф. 25— СНК Туркестанской АССР.

ф. 46 — Революционный Комитет Бухарской Народной Советской Республики.

ф. 47 — ЦИК БНСР.

ф. 48 — Совет Народных Назиров БНСР.

ф. 49 — Экономсовет БНСР.

ф. 50 — Госплан БНСР.

ф. 64 — Назират Юстиции БНСР.

Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГА СССР).

ф. 130 — СНК РСФСР.

ф. 1318 — Наркомнац.

Центральный государственный архив Красной Армии СССР (ЦГА КА).

ф. 4 — Штаб Туркфронта.

ф. 268 — Бухарская группа войск.

Архив внешней политики СССР (АВП СССР).

ф. 4/с — Г. В. Чичерина.

ф. 152/с — Среднеазиатский стол (полномочное представительство РСФСР при правительстве БНСР).

Архив Коминтерна

12/с — Совет интернациональной пропаганды на Востоке.

Партархив Института истории Компартии при ЦК КП Узбекистана

ф. 14 — ЦК Бухарской Коммунистической партии (1920—1924 гг.).

ф. 275 — ЦК младобухарцев-коммунистов (1918—1919 гг.).

ф. 722 — Центральное Туркестанское бюро младобухарцев-революционеров.

ф. 60 — ЦК Компартии Туркестана.

Центральный партархив института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС

ф. 17 — ЦК РКП(б).

ф. 61 — Туркбюро ЦК РКП(б).

ф. 62 — Средазбюро ЦК РКП(б).

ф. 79 — В. В. Куйбышева

ф. 122 — Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР.

Архив II сектора общего отдела ЦК КПСС (Архив Оргбюро ЦК РКП).

IV. Периодическая печать

Газеты: «Наша газета».

«Советский Туркестан».

«Известия ТуркЦИКа».

«Кутулиш» (Освобождение).

«Бухоро Ахбори».

«Известия БухЦИКа».

«Озод Бухоро».

«Туркестанская правда».

Журналы: Бухарская жизнь.

Вестник НКВД.

Военная мысль.

Война и революция.

Военный работник Туркестана.

Жизнь национальностей.

Исторический архив.

Красный архив.

Красная Армия.

Красная Казарма.

Красная конница.

Красная нива.

Коммунист.

Коммунистический Интернационал.

Народное хозяйство Средней Азии.

Туркменоведение.

V. Литература

Айни С. — Материалы к истории Бухарской революции (на узбекском языке), Центральное издательство народов СССР, М., 1926.

Айни С. Асарлар (собрание сочинений), т. I. Т., 1963, т. II, III, Ташкент, 1964.

Акчури А. К. — Воспоминания о двадцатом годе в Хиве и Бухаре (Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революций), Узгиз, Ташкент, 1930.

Алиев А. — Великий Октябрь и революционизирование народов Бухары. Госиздат УзССР, Ташкент, 1958.

Андреев К. — Быт в Бухаре и жизнь в ней. В кн. Бухара, Москва, Красная Пресня, 1924.

Афанасьев А. К. — К вопросу об образовании Бухарской Коммунистической партии. Труды Ташкентского института инженеров

ирригации и механизации сельского хозяйства, вып. XXI, Ташкент, 1962.

Бабаходжаев А. Х. — Провал английской политики в Средней Азии и на среднем Востоке. Издательство Восточной литературы. М., 1962.

Березин Н. — Басмачество в Бухаре, «Военный работник Туркестана», № 7, 1922.

Борисов А. — Бухарская Красная Армия, «Бухарская жизнь», М., 1924, № 1—2.

Брагинский И. С. — О природе Среднеазиатского джадидизма в свете литературной деятельности джадидов, История СССР, № 6, 1965.

Вахабов М. — Формирование узбекской социалистической нации. Госиздат УзССР, Ташкент, 1961.

Вахабов М. — О социальной природе Среднеазиатского джадидизма и его эволюции в период Великой Октябрьской революции, История СССР, № 2, 1963.

Гайсинский И. — Экономическое строительство в Бухаре. Народное хозяйство Средней Азии, № 1, 1924.

Галкин А. — Краткий очерк Бухарского ханства. Военный сборник, № 11, 1890.

Гафуров Б. — Прохоров Н. Н. — Падение Бухарского эмирата, К 20-летию Советской власти в Бухаре (1920—1940 гг.). Таджикгосиздат, 1947.

Гафуров Б. Г. — История таджикского народа. Госполитиздат, М., 1955.

Гинсбург С. — Как Бухара стала республикой, «Красная Казарма», № 4, (8), 1924, изд. ПУР, Туркфронта, Ташкент, 1924.

Гинсбург С. — От деспотии к республике (История революционного движения в Хорезме), Красная Казарма, № 13 (17), 1924, изд. ПУР, Туркфронта, 1924.

Гинсбург С. — Борьба с басмачеством (Бухара). Красная Казарма, № 3, 1923, Издание ПУР, Туркфронта.

Гинсбург С. — Кто такие Ибрагим-бек и мулла Абдулкахар. Красная Казарма, № 5 (9), 1923, изд. ПУР, Туркфронта.

Гинсбург С. — На басмаческих фронтах Восточной Бухары, Красная Казарма, № 4, (8), 1923, изд. ПУР, Туркфронта.

Гордиенко А. А. — Создание народного Советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре. Издательство САГУ, Ташкент, 1959.

Гловацкий О. — Революция побеждает (Экономические и политические предпосылки Бухарской революции 1920 г.), Узгиз, Ташкент, 1930.

Губаревич А., Родобильский — Экономический очерк Бухары и Туниса (Опыт сравнительного исследования двух систем протектората), СПб, 1915.

Дарвиш — Бухарская Советская народная республика. Жизнь национальностей, № 1, 1923.

Дониш Ахмад — Путешествие из Бухары в Петербург, Таджикгосиздат, 1960.

Иркаев М. — История гражданской войны в Таджикистане, Душанбе, 1963.

Искандеров Б. И. — Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. I, Академия наук Тадж. ССР, Душанбе, 1962.

Искандеров Б. И. — Бухара в 1918—1920 гг. (Ликвидация Бухарского эмирата — очага английских интервентов и Российской контрреволюции в Средней Азии). Труды АН Тадж. ССР, выпуск 19, 1954.

Ишанов А. — Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Бухарском ханстве. Известия АН УзССР, № 6, 1951.

Ишанов А. И. — Создание Бухарской Народной Советской Республики. Издательство АН УзССР, Т. 1955. (Рецензия, см. «Вопросы истории», № 4, 1957).

Ишанов А. И. — Победа народной Советской революции в Бухаре, Издательство АН УзССР, Ташкент, 1957.

Ишанов А. И. — 40 лет Бухарской Народной Советской республики, Коммунист Узбекистана, № 10, 1960.

Ишанов А. — Народная Советская Республика — Государственная форма при переходе к социализму. Общественные науки в Узбекистане, № 2, 1965.

Ишанов А. — Борьба за власть Советов в Бухаре. Общественные науки в Узбекистане, № 2, 1966.

Иноятов Х. Ш., Чугуев Д. А. — Победа народной революции и образование народных советских республик в Хорезме и Бухаре. История СССР, 2, 1966.

Какурин Н. — Боевые операции в Бухаре. (1922). Гражданская война, том III, М., 1924.

Какурин Н. — Страницы из жизни Красной Армии в Бухаре. Красная Армия, № 18—19, М., 1922.

Кадыров А. — Сельское хозяйство в Бухарской республике. Народное хозяйство Средней Азии, № 2—3, 1924.

Кизен И. — Торговый аппарат Бухарской республики, Народное хозяйство Средней Азии, № 2—3, 1924.

Кисляков Н. А. — Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX и начале XX в. Изд-во АН СССР, М., 1962.

Колесов Ф. И. — Восстание в Бухаре в 1918 г. Революции в Средней Азии, Сборник № 3, ОГИЗ, М., — Т., 1932.

Колычевский И. — Бухара, «Военная мысль», кн. 1, 1920, изд. реввоенсовета Туркфронта.

Костенко Л. — Город Бухара в 1870 г. Военный сборник № 12, 1870.

Крестовский В. В. — В гостях у эмира Бухарского, собр. соч., том VII, СПб, 1915.

Логофет Д. И. — Бухарское ханство под русским протекторатом, тт. I, II, СПб, 1911.

Логофет Д. И. — Страна бесправия, СПб, 1909.

Машицкий А. — Материалы по истории Бухарской революции, Вестник НКВД, № 4—5, М., 1922.

Материалы к истории таджикского народа в Советский период (Сборник статей) под редакцией Б. Г. Гафурова, Таджикгосиздат, 1957.

Меженина Е. — Агитпоезд Красный Восток, Узгиз, Ташкент, 1962.

Мелькумов Я. А. — Туркестанцы (Военные мемуары). Воениздат, М. О. СССР, М., 1960.

Мирзаев К. М. — Амлаковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Издательство АН УзССР, Ташкент, 1954.

Мирзаев К. М. — Вакуфное землевладение в Бухарском ханстве. Труды Ташкентского сельскохозяйственного института, вып. XIV кафедры общественных наук, Ташкент, 1961.

Мирзаев К. М. — Танхо как разновидность феодального землевладения в бухарском ханстве. Труды института экономики АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1952.

Муминов И. — Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане. Госиздат УзССР, Ташкент, 1957.

Мухсинова К. З. — Новое о восстании Восе (1888). Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1963, № 10.

Мухсинова К. З. — Из истории выступлений бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в. Проблема Востоковедения, № 6, 1959.

Мухсинова К. З. — Документы о крестьянских движениях в бухарском ханстве в 80-е годы XIX в. (Сборник статей из истории Средней Азии), издательство «Наука» УзССР, Ташкент, 1965.

Мухетдинов А. — По восточной Бухаре. Народное хозяйство Средней Азии, № 2—3, 1924.

Очерки революционного движения в Средней Азии (Сборник статей Файзуллы Ходжаева, Е. Федорова, Т. Рыскулова, С. Гинсбурга). Издание научной ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР, М., 1926).

Очерки истории Коммунистической партии Туркестана под редакцией академика АН УзССР И. К. Дронова, Узгиз, Ташкент, 1958.

Пославский И. Т. — Город Бухара, Т., 1891.

Пославский Ю., Черданцев Н. — Среднеазиатский экономический район, Ташкент, 1922.

Пяковский А. В. — Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане, Госиздат УзССР, Ташкент, 1957.

Раджабов З. — Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад-Дониш, Сталинабад, 1961.

Раджабов З. — Садретдин Айни — историк таджикского народа (Краткий исторический очерк), Таджикгосиздат, 1951.

Раджабов З. — Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и начале XX в. Таджикгосиздат, 1957.

Раджабов С. А. — Таджикская ССР — суверенное социалистическое государство, Таджикгосиздат, 1957.

Ремез И. А. — Внешняя торговля Бухары до первой мировой войны. Ташкент, 1922.

Рябинский А. М. — Царская Россия и Бухара в эпоху империализма. Историк-марксист, № 4, 1941.

Рябинский А. М. — История колониального порабощения бухарского ханства царской России. Труды военно-политической академии, сб. IV, М., 1940.

Самойлович А. — Первое тайное общество младобухарцев. «Восток», кн. 1, Петербург, 1921, Госиздат «Всемирная литература».

Семенов А. А. — К прошлому Бухары. Приложение к воспоминаниям С. Айни. Издательство АН СССР, М.—Л., 1960.

Семенов А. А. — Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, изд-во АН Тадж. ССР, 1954.

Семенов А. А. — Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. бухарского ханства. Издательство САГУ, Ташкент, 1929.

Соловейчик Л. — Революционная Бухара, «Новый Восток», кн. II, М., 1922.

Сольц И. — Авантюра Энвера. Новый мир, № 3, 1922.

Сольц И. — Англо-энверская авантюра и освобождение народов Востока, Коммунист, № 3—4, 1922.

Сухарева О. А. — Позднефеодальный город Бухара. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1962.

Сухарева О. А. — Бухара XIX, начала XX в. (Позднефеодальный город и его население). Издательство «Наука», М., 1966.

Трифонов И.— О ликвидации контрреволюционной авантюры Энвера-паши в Бухаре и Туркестане в 1921—1922 гг. Военно-исторический журнал, М., 1963, № 6.

Туркестанский Г.— Кто такие были джадиды? Издание Средаз-комуниверситета, Ташкент, 1926.

Турсунов Х.— Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Госиздат УзССР, Ташкент, 1962.

Тухтаметов Т. Г.— Русско-бухарские отношения в конце XIX, начале XX вв. Издательство «Фан» УзССР, 1966.

Ханыков Н.— Описание бухарского ханства, СПб, 1843.

Чехович О. Д.— Размер хераджа в Бухаре в XIX в. Общественные науки в Узбекистане, № 3, 1961.

Умняков И. И.— К истории новометодной школы. Отд. оттиск из «Бюллетеня Средазгосун-та, № 16, 1927.

Уразаев Ш. З.— Роль РСФСР и СССР в создании Советской государственности в Узбекистане. Издательство «Узбекистан», Ташкент, 1965.

Файзулла Ходжаев — К истории революции в Бухаре (на узбекском языке). Узбекское государственное издательство, Самарканд—Ташкент, 1926.

Файзулла Ходжаев — О младобухарцах. Историк-марксист, т. 1, М., 1926.

Файзулла Ходжаев — Джадиды. В книге: Очерки революционного движения в Средней Азии. Издание научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР, М., 1926.

Файзулла Ходжаев — Исторический юбилей (Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революций) Узгиз, Ташкент, 1930.

Файзулла Ходжаев, — К истории революции в Бухаре и национально-государственного размежевания Средней Азии (на русск. и узб. яз.), УзГИЗ, Ташкент, 1932.

Федоров Е.— Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии, Госиздат УзССР, Ташкент, 1925.

Филиппов С.— Из истории борьбы за освобождение бухарского народа, Военный работник Туркестана, № 7, 1922.

Филиппов С.— У стен эмирской Бухары. Туркменоведение, № 10, 1930.

Хамраев А. А.— К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в. Труды САГУ, новая серия, вып. IX, гуманитарные науки, кн. II, Ташкент, 1948.

Шарапов Ю. П.— Бухарская операция советских войск в 1920 г. (Из истории ликвидации бухарского эмирата), ученые записки МГУ, вып. 167, М., 1951.

Шарапов Я. Ш. — Революция 1920 г. и ее характер. Ученые записки Таджикского государственного университета, Т., XIII, серия гуманитарных наук. 1967.

Шаниязов К. — Об основных видах земельной собственности и размерах хераджа в бухарском ханстве в конце XIX и начале XX вв. (по этнографическим данным). «Общественные науки в Узбекистане». № 3, 1962.

Шек Л. К. — Победа Народной Советской революции в Бухаре. Госиздат УзССР, Ташкент, 1956.

Юсуп-заде А. — Задачи и перспективы экономического строительства БНСР. Народное хозяйство Средней Азии, № 1, 1924.

Юсуп-заде А. — Бухара. В кн. Бухара, Москва — Красная Пресня. 1924. (Сборник статей и воспоминаний).

Юдовский В. — Бухарская революция и ее задачи. В кн. Три года Советской власти (Сборник к 3 годовщине Октябрьской революции в Туркестане), Ташкент, 1920, Издательство политуправления Туркфронта.

Юлдашев М. Ю. — К истории крестьян Хивы XIX в. Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 1966.

Юргин Н. — Душанбе. Красная новь, кн. IV, 1932.

Якубов — Бухарская операция «Война и революция», Государственное военное издательство, М., 1931, кн. VIII.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ БУХАРА	17
Бухарское ханство — вассальное государство на феодальной основе	19
Аппарат управления	50
Проникновение капиталистических отношений в Бухарское ханство в начале XX в.	77
Возникновение демократического движения	88
Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. России и ее влияние на развитие демократического движения в Бухарском ханстве	100
ГЛАВА II. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БУХАРА	117
Влияние Великого Октября на развитие революционного движения в Бухарском эмирате	119
Организация Бухарской Коммунистической партии	134
Свержение эмирата и победа Народной Советской революции в Бухаре	159
ГЛАВА III. СОВЕТСКАЯ БУХАРА	195
Создание Бухарской Народной Советской Республики	197
О революционно-демократическом характере Государственной власти БНСР	224
ГЛАВА IV. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В БУХАРЕ	267
Возникновение басмачества и организация «Чрезвычайной Диктаторской Комиссии по делам Восточной Бухары»	270
Авантюра Энвера-паши и разгром основных сил басмачества в Бухаре	287
Ликвидация басмаческого движения в Бухаре	300
ГЛАВА V. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ БУХАРА	315
Переход Бухарской Народной Советской Республики к восстановлению народного хозяйства	7
Сельское хозяйство БНСР	
Торговля и промышленность БНСР	3 44
Культурное строительство в БНСР	7
Преобразование БНСР в социалистическую республику	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	374
БИБЛИОГРАФИЯ	381

Атабай Ишанович Ишанов

БУХАРСКАЯ НАРОДНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Редактор Н. Гиммельфарб
Художник Ю. Кученков
Худ. редактор М. Гумаров
Техн. редактор Т. Аббасов
Корректор Л. Федотова.

Сдано в набор 24/V-1968. Подписано к печати 31/X
1968. Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 12,25. Усл. печ.
л. 20,58. Уч. изд. л. 21,41. Тираж 5000. Р 00235.
Издательство «Узбекистан». Ташкент, Навои, 30.
Договор № 324—67. Отпечатано на бумаге № 1.

Типография № 3 Госкомитета Совета Министров
Уз ССР по печати, Ташкент, Навои, 30. Зак. 353.
Цена 1 р. 56 к.